

В. Л. Янин

Денежно-весовые системы
домонгольской Руси
и очерки истории
денежной системы
средневекового Новгорода



В. Л. Янин

Денежно-весовые системы
домонгольской Руси
и очерки истории
денежной системы
средневекового Новгорода

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
Москва 2009

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Янин В. Л.

Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. — М.: Языки славянских культур, 2009. — 416 с. + 2 табл. (Вклейка после с. 272.)

ISBN 978-5-9551-0172-9

Книга посвящена исследованию денежного обращения Древней Руси в средневековую эпоху. Первую часть издания составляет монография «Денежно-весовые системы русского средневековья», опубликованная в 1956 г. и давно ставшая библиографической редкостью. Во второй части собраны статьи, отражающие историю и процессы формирования и развития денежной системы Новгорода в X–XIV вв., а также организацию новгородского монетного чекана в XV–XVII вв.

Книга предназначена для нумизматов, историков, археологов и всех интересующихся нумизматикой.

ББК 63.3

В оформлении переплета использован клад монет новгородской чеканки первой половины XV в., найденный в Новгороде весной 2008 г. (фото С. В. Трояновского)

ISBN 978-5-9551-0172-9

© Янин В. Л., 2009

© Языки славянских культур, 2009

*Памяти моего учителя в нумизматике –
Ивана Георгиевича Спасского*

От автора

Нумизматикой я был увлечен с детства. Собирал монеты разных стран и времен. Сочувствуя моему увлечению, мама приобрела для меня у престарелого собирателя коллекцию древнегреческих и римских монет. Еще до войны я был связан с Историческим музеем, занимаясь в школьном кружке, а сразу после войны стал постоянным посетителем отдела нумизматики, передав в него свою коллекцию. Я был очень доволен тем, что некоторые экземпляры в ней оказались лучшей сохранности, чем экземпляры отдела. Первым моим руководителем стал заведующий отделом Исторического музея Александр Александрович Сиверс, человек со сложной судьбой, которому я обязан многими жизненными уроками. В 1946 г. я поступил на Исторический факультет Московского университета, на собеседовании с тогдашним деканом Михаилом Николаевичем Тихомировым отвечая на вопрос: «почему я интересуюсь нумизматикой», сказал: «меня интересуют монеты, как источник знания о прошлом».

Выбор темы сначала курсовых, потом дипломной работы привел меня в Эрмитаж, где во время продолжительных командировок настоящим моим научным руководителем стал Иван Георгиевич Спасский. Ему я обязан очень многим, в частности – редактированием моей первой монографии «Денежно-весовые системы русского средневековья», рукопись которой была защищена в 1954 г. в качестве кандидатской диссертации.

Между тем, уже в 1947 г., после окончания первого курса, я и мои ближайшие друзья, увлеченные лекциями Артемия Владимировича Арциховского, отправились в Новгород на возглавляемые

им раскопки, участие в которых я считаю своим вторым днем рождения, поскольку они определили мой дальнейший жизненный путь, связав навсегда мою судьбу со средневековым Новгородом.

Вот уже шестьдесят лет, как я не расстаюсь с историей этого великого города, изучая его институты власти, размышляя о хитросплетениях боярской борьбы и взаимоотношениях Новгорода с приглашаемыми в него князьями. Тема нумизматики постепенно отошла на задний план, а сюжеты нумизматических исследований также замкнулись на материале Новгорода, достаточно сложном и дискуссионном. Новгород с начала своего существования был тесно связан путями международной торговли с востоком и западом, откуда на его территорию поступали материалы монетного обращения. Поначалу в нем бытовали восточные дирхемы, затем их сменили западноевропейские денарии. На протяжении безмонетного периода XII–XIV вв. роль разменной монеты выполняли шиферные пряслица, а крупных единиц — слитки серебра. В XV в. началась чеканка собственной монеты.

Настоящее издание состоит из двух частей. Первую часть составляет монография «Денежно-весовые системы русского средневековья», опубликованная в 1956 г. Она давно уже стала библиографической редкостью, тем более, что ее 10-тысячный тираж, как не нашедший должного спроса, был почти полностью уничтожен издательством. На первых порах эта книга вызвала различные, порой критические оценки. Однако в недавнее время она была оценена «как классика историографии предмета»¹.

Вторая часть состоит из цикла очерков, отражающих историю денежного обращения X–XIV вв. и монетного чекана XV–XVII вв. в Новгороде. Эти очерки в свое время публиковались в разных журналах и сборниках и мало доступны современному читателю. Возможно, что собранные вместе, они помогут ему ориентироваться в достаточно сложном процессе истории средневекового денежного обращения Великого Новгорода.

Новгород, июль 2007 г.

¹ Кистевев С. Н. Русское денежное обращение в трудах В. Л. Янина. М.: Изд-во «Древлехранище», 2004. С. 6.

Денежно-весовые системы домонгольской Руси

Предисловие

Вопросы, связанные с историей древнерусских денежных систем, составляют существенную часть проблематики денежного обращения русского средневековья. Степень развития денежно-весовых систем отражает состояние денежного обращения вообще и, в первую очередь, состояние внутреннего денежного обращения. Существовала ли в домонгольское время на всей территории древней Руси единая денежно-весовая система или было несколько локальных систем, были ли эти системы заимствованы извне или они образовались в результате самостоятельного метрологического творчества восточных славян, наконец, сложились ли эти системы сразу или развивались постепенно — такие вопросы, возникающие перед исследователем денежно-весовой метрологии домонгольской Руси, в своем решении проливают свет на основные проблемы истории русской средневековой экономики.

Проблематика древнерусского денежного обращения является по существу проблематикой древнерусского товарного обращения, ибо история денежного обращения может существовать только как история товарно-денежного обращения. Поставленные выше вопросы могут быть сформулированы и иначе: преобладала ли в домонгольской Руси система общерусских экономических связей в сфере товарно-денежного обращения, или эти связи были локально замкнутыми; в какой степени внутреннее экономическое развитие Древней Руси определялось внешнеторговым фактором; насколько интенсивным было развитие внутрирусской торговли?

В нашей исторической литературе до сих пор не существует полного единства мнений по этим и многим другим, затронутым в

настоящем исследовании вопросам. Случайность и неполнота письменных источников, а для VIII–X вв. фактическое их отсутствие чрезвычайно затрудняют изучение экономики Древней Руси. Археологические памятники, изучение которых широко развернулось в последние годы, в значительной степени восполняют недостаток письменных источников, но и их пока недостаточно. Различная сохранность археологических материалов, относящихся к разным районам или к разным периодам, несоизмеримость масштабов археологических работ в разных пунктах, сильнейшее отставание в изучении деревни — все эти обстоятельства дают в руки исследователя русской средневековой экономики весьма неравноценный материал.

Однако дискуссионность многих проблем древнерусской экономики определяется не только неполнотой материалов указанного выше рода. Существенным недостатком в подходе к изучению товарного обращения Древней Руси является забвение или в лучшем случае очень поверхностное использование того богатейшего материала, который по праву должен занимать основное место, многочисленных остатков самого товарного обращения, т. е. монет и слитков, обслуживавших торговлю Древней Руси.

Значение нумизматических материалов для решения важнейших проблем истории древнерусского народного хозяйства определяется не только тем, что те или иные монеты непосредственно участвовали в товарно-денежном обращении. Монеты и клады монет особенно ценны тем, что могут наиболее правильно отразить особенности этого обращения в разные периоды и в разных районах.

Монетные клады никогда не были и не могут быть предметом специальных научных поисков. Случайно обнаруживаемые, они, тем не менее, дают основу для случайных выводов только тогда, когда рассматривается единичный клад или единичная находка. Но сравнительное изучение ряда кладов дает основу уже для методически правильных выводов, а изучение широкой совокупности кладов позволяет восстановить картину древней экономики. При массовости находок сама случайность их обнаружения превращается в достоинство. Имея в руках сотни монетных находок из одного района и единицы из другого, или множество кладов одного периода и только единичные клады другого периода, исследователь может судить о территориальных или хронологических закономерностях обращения монеты. Случайность находок в таких

случаях является отражением действительных закономерностей обращения, а их материал дает наиболее объективную картину товарно-денежного обращения древности.

Нумизматический материал чрезвычайно красноречив. Сложность монеты как объекта исследования кажется сложностью клубка, в котором переплетаются нити самых разнообразных исторических элементов. Историки и искусствоведы, метрологи и историки техники, экономисты и палеографы уже не один десяток лет успешно распутывают этот клубок, привлекая нумизматику для освещения многих темных уголков нашей исторической науки. Однако только синтез разнородных специальных достижений в работе над монетой может способствовать окончательному решению специальных вопросов в отдельности, а решение каждой даже малой проблемы при изучении монеты вызывает к жизни ряд других проблем, порою уводящих исследователя в сторону от его основной задачи, но в конечном счете способствующих правильному ее решению.

Такие отступления оказались неизбежными и в настоящей работе, тем более что дискуссионности основных проблем истории древнерусской экономики до сих пор соответствует и дискуссионность основных проблем русской нумизматики. Многоплановость настоящего исследования ни в коей мере не свидетельствует о претензиях автора на некое всеобъемлющее освещение истории русского денежного обращения домонгольского времени. Целью работы остается исследование возникновения русских денежно-весовых единиц, реконструкция денежных систем и изучение их эволюции, на основании которых строятся и исторические выводы работы.

Один из первоначальных вариантов предлагаемой читателю работы, подготовленной на материалах главным образом Государственного Исторического музея (Москва) и Государственного Эрмитажа (Ленинград), был защищен автором в качестве кандидатской диссертации на историческом факультете МГУ¹. Частичные результаты ее были опубликованы в печати².

¹ Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1954.

² Янин В. Л. Нумизматика и проблемы товарно-денежного обращения в Древней Руси // Вопросы истории. № 8. 1955. С. 135–142.

Считаю своим приятным долгом выразить искреннюю благодарность за помощь в работе А. В. Арциховскому, А. А. Быкову, И. Г. Спасскому, Л. В. Черепнину, С. А. Яниной. Автор многим обязан также А. А. Сиверсу, скончавшемуся 24 сентября 1954 г.

Глава I

ИСТОРИЯ ВОПРОСА, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Как ни справедливы жалобы наших нумизматов на чрезвычайное... безмолвие наших первых металлических монет., тем не менее однако ж должно допустить, что только по ним можно сколько-нибудь безошибочно судить о их тогдашнем значении.

М. П. Заблоцкий, 1854 г.

В любой денежно-весовой системе различают два обязательных элемента: ее скелет — систему денежного счета — и величину денежно-весовых единиц. Соотношение последних между собой и их отношение к основной единице по системе денежного счета и есть то, что кратко называют денежно-весовой системой.

Одной из самых характерных особенностей денежных единиц на ранних ступенях их развития является совпадение их с принятыми в практике обмена весовыми единицами. Это совпадение, неоднократно привлекавшее внимание К. Маркса, до наших дней проявляется в совпадении денежной и весовой терминологии многих стран. Английский фунт, немецкая марка, русский гривенник и старый французский ливр — все эти пережиточные названия напоминают о былом единстве весовых и денежных единиц.

Это единство возникло сразу же с изобретением металлических денег. К. Маркс писал: «...количества золота, как таковые, измеряются по весу. Масштаб имеется, стало быть, уже в готовом виде в общих мерах веса металлов; поэтому эти меры веса при всяком металлическом обращении первоначально служат также масштабом

цен»¹. Сделавшись единственным критерием оценки обращающегося в качестве денег металла, меры веса с этого момента приобрели и наиболее широкое распространение. До изобретения металлических денег они могли употребляться только спорадически: трудно представить себе необходимость точного взвешивания металлов, ставших товаром, но еще не превратившихся в деньги, если при обмене им противостояли такие товаро-деньги, как скот или шкуры, бусы или раковины каури.

Однако и с распространением взвешивания после появления металлических денег сфера его применения остается все же весьма ограниченной: взвешиваются в основном сами металлические деньги. Знакомство с терминологией русских письменных памятников даже сравнительно позднего времени (XIV–XV вв.) показывает, что мелкие весовые единицы в Древней Руси употреблялись исключительно для взвешивания ценных металлов и лишь в редких случаях — особо дорогих товаров («гривенка перцю», «гривенка зелья»). При оценке других предметов потребления, измеряемых теперь весовым масштабом, пользовались иными приемами, продавая и покупая мясо полтями, лопатками, сено — возами, зерно — осминками, четвертями, калями, хлеб и птицу — штуками и т. д.² Крупное взвешивание в известной мере применялось особенно в хлебной торговле. На его существование указывают, в частности, находки безменов и больших гирь и упоминания крупных единиц взвешивания в источниках; однако и здесь мера сыпучих тел употреблялась гораздо чаще и была привычнее. Мелкими же весами пользовались только для взвешивания ценностей. Лекари и знахари, прибегавшие к ним, в расчет, конечно, не могут быть приняты.

Причина распространения взвешивания и появления денежно-весовых единиц одна и та же — потребность товарного обращения в правильной организации обмена. К вопросу о времени возникновения и распространения весовых единиц и следует подходить с точки зрения истории этого обмена.

В 1949 г. в Ученом совете экономического факультета ЛГУ П. Г. Заостровцевым была защищена кандидатская диссертация,

¹ Маркс К. К критике политической экономии. М.: Госполитиздат, 1949. С. 60.

² Ср.: Неклюдов В. М. О русских денежных слитках // Тр. Отд. нумизматики Гос. Эрмитажа. Т. I. Л., 1945. С. 127.

в которой особенно четко сформулирована концепция обязательной независимости происхождения весовых единиц. Автор диссертации признает чрезвычайно вредными всякие попытки искать происхождение русских весовых единиц за пределами восточнославянских земель³. Общий уровень развития восточного славянства, по его мнению, был достаточно высоким для создания оригинальных весовых единиц задолго до того момента, когда славянство пришло в тесное торговое взаимодействие со своими далекими и близкими соседями. Не отмечая, какие именно единицы он имеет в виду, П. Г. Заостровцев пытается указать путь, по которому должно идти исследование русской весовой метрологии. Но сам по себе высокий уровень развития того или иного общества не может служить основой для возникновения весовых мер; поэтому к концепции П. Г. Заостровцева следует отнестись с осторожностью.

К. Маркс в своем анализе истории возникновения обмена отмечал: «В действительности процесс обмена товаров возникает первоначально не в недрах первобытных общин, но там, где они кончаются, на их границах, в тех немногих пунктах, где они соприкасаются с другими общинами... Поэтому особенные потребительные стоимости, которые в меновой торговле между различными общинами становятся товарами, например рабы, скот, металлы, чаще всего образуют первые деньги внутри самой общины»⁴. Приведенное положение Маркса в равной степени относится и к способам измерения тех товаров, которые в результате первоначального участия во внешней торговле продолжают свое обращение и во внутреннем обмене того или иного общества. Это тем очевиднее, когда ввозимый товар становится и средством внутреннего денежного обращения.

Поскольку речь идет о мерах веса, решить вопрос о времени их возникновения у восточных славян и о характере их происхождения возможно только на фоне истории торговли металлами в Восточной Европе.

Обширные области древнего расселения восточных славян были полностью лишены большинства основных видов ископаемого

³ *Заостровцев П. Г.* Из истории денег и денежного обращения в России до XV в.: Автореф. дис. канд. экон. наук. Л., 1949 (ЛГУ).

⁴ *Маркс К.* К критике политической экономии. С. 38.

металлического сырья. Добычей и обработкой местного сырья удовлетворялась лишь потребность восточных славян в железе. Последнее в виде болотных руд распространено на территории Восточной Европы почти повсеместно⁵. Русским кузнецам для получения железа не нужно было совершать путешествия за пределы своей округи. Местными рудами удовлетворялись полностью потребности русской экономики вплоть до позднего времени, а простота кричного процесса не требовала узкой специализации металлургов. Все эти обстоятельства привели к тому, что обмен железом не практиковался в Древней Руси до тех пор, пока городское металлообрабатывающее ремесло не отделилось от железоделательного, а деревня как центр последнего не связалась узами широкого товарного обмена с городом⁶. Потребности во взвешивании собственного металла, следовательно, не могло существовать в Древней Руси до этого времени, да и впоследствии она не возникла в сколько-нибудь заметной степени в силу дешевизны железа, измерявшегося при помощи штучного счета — крицами, прутьями и сугребами.

Все остальные металлы, употреблявшиеся в средневековой Руси, появились в Восточной Европе в результате ввоза из-за славянских рубежей. Этим обстоятельством принципиально решается вопрос о характере происхождения русских весовых мер. Поскольку металлы ввозились, они должны были оцениваться уже на рубежах славянского мира, в тех пунктах, где встречались контрагенты международной торговли. Только те единицы, которые применялись в этих пунктах, могли стать и внутренними славянскими единицами измерения ввезенных металлов. До того как металл был ввезен, потребность в весовой единице еще не могла возникнуть; после того как он был ввезен, необходимости в изобретении собственной единицы, отличной от той, которая употреблялась при внешнем обмене, уже не было.

Впервые восточное славянство сталкивается с массовым ввозом металла в первых веках нашей эры, в эпоху тесного взаимодействия с римским миром. Основным ввозимым металлом во II и III вв. было серебро в виде римской монеты, распространившей-

Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 38.

⁶ *Колчин Б. А. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. // Мат-лы и исслед. по археол. СССР. № 12. М.; Л., 1949. С. 192.*

ся на значительные территории Поднестровья и Поднепровья. Она отложились в этих районах в сотнях больших и малых кладов и в громадном количестве отдельных монетных находок. В течение четырех веков поглощался ремеслом и накоплением этот гигантский ввоз, который осуществлялся фактически только два столетия.

Прекращение ввоза римского серебра в III в. н. э. надолго лишило Восточную Европу возможности восполнять запас этого металла. Только спустя пять столетий, в конце VIII в., открылся новый источник его поступления, и действие его не прекращалось до самого начала XI в. Этим источником была восточная торговля славян, в которой в качестве основного ввозимого продукта снова фигурирует серебро и снова в виде монеты – куфического дирхема, а в конце VIII – начале IX в. также и в виде драхм сасанидского типа. После того как иссяк и этот источник, массовый ввоз серебра осуществляется уже через северо-западные рубежи русских земель; в течение всего XI в. на Русь поступает западноевропейский денарий.

Только названные три источника поступления серебра являются основными за все время существования восточного славянства вплоть до XIV в. В литературе принято среди основных поставщиков серебра на Русь называть также Византию и Чехию. О роли византийского серебра в прошлом писалось немало, однако это не подтверждается вещественными источниками. Византийский миллиарисий сравнительно очень слабо участвовал в русском обращении: вкладах X–XI вв. на одну византийскую монету приходится многие тысячи куфических и западноевропейских монет.

Что касается Чехии, то об ее роли принято судить только по известным словам Святослава, сказанным перед Дунайским походом: «Не любо ми есть в Киеве быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середѣ земли моеѣ, яко ту вся благая сходятся: от Грек злато, паволоки, вина и оwoщеве разноличныя, из Чех же, из Угорь сребро и комони, из Руси же скоро и воск, мед и челядь»⁷. Однако ввоз серебра из Чехии археологически не прослеживается совершенно, да и приведенные слова свидетельствуют скорее

⁷ ПСРЛ. Т. I. Вып. I. Л., 1926. С. 67, под 6477 г. См.: Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 143; Романов Б. А. Деньги и денежное обращение // История культуры древней Руси. Т. I. М.; Л., 1948. С. 392.

не о существовании такого ввоза, а как раз об его отсутствии. Святославу именно потому «не любо в Киеве быти», что там «вся благая» не сходятся. Чехия и Венгрия могли быть источником серебра для дунайской Болгарии, но не для Киевской Руси.

Однако само упоминание серебра в списке тех товаров, ввоз которых Святославу кажется наиболее желательным, достаточно показательно. Серебро в Восточной Европе было более важной статьёй импорта, нежели любой другой металл. Постоянный спрос на его поддерживался как нуждами денежного обращения, так и потребностями ремесленного производства. Заинтересованность восточных славян в серебре для времени восточной торговли хорошо отражена современниками. «У них нет денег. (Чеканенной монеты своей нет у них)... — писал в первой половине X в. Ибн-Русте. — И право же, белые, круглые диргемы привозятся из областей ислама и они их покупают (приходят к ним... путем мены за их товары)»⁸. «И вот я желаю, — обращается к идолу русс, по словам Ибн-Фадлана, — чтобы ты пожаловал мне купца с многочисленными динарами и дирхемами и чтобы (он) купил у меня, как я пожелаю, и не прекословил бы мне в том, что я скажу»⁹. Еще определенное сообщение ал-Гардизи: «Они (купцы. — В. Я.) те дирхемы отдают руссам и славянам, так как те люди не продают товара иначе, как за чеканенные дирхемы»¹⁰.

Трудно сказать, какое место в древнерусском импорте занимало серебро; оно выгодно отличается от других товаров своей сохранимостью, чего нельзя сказать о таких предметах ввоза, как ткани и краски, фрукты, пряности, вина и благовония. Однако можно с полной уверенностью утверждать, что приток серебра в Русь был поистине гигантским. Перемещение масс серебра с Востока и Запада в IX—XI вв. на территорию Руси имело следствием, в част-

⁸ Ковалевский А. П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. Чебоксары, 1954. С. 46. Несколько отличается перевод Д. А. Хвольсона в его книге «Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста и т. д.». СПб., 1869. С. 24—25 (позже чтение имени автора этих известий было уточнено как Ибн-Рус-те. — В. Я.). Отличия перевода Хвольсона отмечены в скобках.

⁹ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.; Л., 1939. С. 79—80.

¹⁰ Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью в 1893—1894 гг. // Зап. имп. АН. VIII сер. По ист.-фил. отд. Т. I. № 4. СПб., 1897. С. 121.

ности, то, что куфическая нумизматика, так же как и нумизматика Англии и Германии XI в., гораздо полнее представлена в музеях СССР, чем на родине этих монет¹¹.

К настоящему времени на территории Восточной Европы зафиксировано свыше 400 кладов и отдельных находок куфических монет¹² и около 150 кладов и отдельных находок западноевропейских денариев¹³, не говоря уже о более ранних кладах римских монет¹⁴. Сумма этих находок во много раз превосходит количество находок изделий из любого другого металла, ввозившегося в Древнюю Русь. Однако приведенные цифры в самой незначительной степени могут характеризовать размеры действительного ввоза серебра в Восточную Европу. Регистрация находок монетных кладов началась поздно и никогда не велась с исчерпывающей систематичностью. Известные находки составляют ничтожную часть кладов, остающихся в земле, и находок не учтенных. Значительная доля монет была уничтожена еще в древности. Участвуя в сфере денежного обращения и в сфере ремесленного производства, серебро постоянно проделывало своеобразный кругооборот из одной сферы в другую. Хорошей иллюстрацией этому служит Полоцкий клад 1910 г., состоявший из монет целых и в обломках, обрезков денежных слитков вместе с целыми и массы выделанных из них заготовок серебряных браслетов (клад по монетам датируется серединой XI в.)¹⁵. Иной иллюстрацией может служить сообщение Ипатьевской летописи под 1288 г. о том, как князь Владимир Василькович Волинский «блюда великаа сребрянаа и кубькы

Bauer N. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11. und 12. Jahrhunderts. Zeitschrift für Numismatik (Berlin). Bd. 39 (1929) u. 40 (1930). Автореферат. Проблемы истории докапиталистических обществ. 1933. № 9–10. С. 235.

¹² См. основные сводки находок куфических монет: *Марков А. К.* Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910; *Фасмер Р. Р.* Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики и т. д. // Сообщ. ГАИМК. Т. I. Л., 1926; *Он же.* Список монетных находок (II) // Там же. Т. II. Л., 1929.

¹³ *Bauer N.* Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11. und 12. Jahrhunderts.

¹⁴ *Кропоткин В. В.* Клады римских монет в Восточной Европе // ВДИ. № 4. 1951; *Он же.* Топография римских и ранне-византийских монет на территории СССР // ВДИ. № 3. 1954.

¹⁵ *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954. С. 97. № 48.

золотые и серебряные сам перед своим очима поби и полья в гривны»¹⁶.

Основным сырьем для литья денежных слитков XI–XV вв. были те же восточные и западные монеты VIII–XI вв., а сами слитки в значительной степени послужили материалом не только для русской серебряной чеканки XIV и XV вв., но и для чеканки восточноевропейских городов Золотой Орды, куда они в громадном количестве попадали в качестве «ордынского выхода». Позднее русские монеты XIV–XV вв. в результате реформы Елены Глинской 1533 г. были перечеканены в монеты Грозного. И нет сомнения в том, что какая-то часть серебра, ввезенного в Восточную Европу еще в IX–XI вв., содержится и в современной утвари и украшениях.

Все сказанное выше до известной степени характеризует действительные размеры обращения серебра в домонгольской Руси. Сказка Масуди о том, что «русские владеют большим количеством серебряных рудников, которые можно сравнить с рудниками в горах Лахеджира в Хоросане»¹⁷, наполняется благодаря этому реальным содержанием, приобретая иносказательный смысл.

Ввоз серебра в Восточную Европу осуществлялся почти исключительно в виде серебряной монеты. Разумеется, какое-то количество серебра приходило и в виде утвари. В связи с этим уместно напомнить свидетельство известного Смоленского договора 1229 г. с Немецким берегом, составленного уже в те времена, когда всякий ввоз серебряной монеты на Русь прекратился полностью: «Или который Немчиць купить съсуд серебряный, дати ему от гривны куна весцю. Или продать, не дати ему ни векше»¹⁸. Однако импорт серебра в каких-либо иных формах, нежели монетная, был очень слабым.

Археологи знают, что временем расцвета массового производства серебряных украшений на Руси были X и XI вв. В это время серебряные украшения постоянно входят в убор даже простых горожанок и крестьянок. Как будет показано ниже, именно начало X в. является временем, когда имел место наиболее усиленный

¹⁶ Летопись по Ипатьевскому (Ипатскому) списку. СПб., 1871. С. 601.

¹⁷ История Татари в документах и материалах. М., 1937. С. 19.

¹⁸ Русско-Ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. Т. I. СПб., 1868. С. 435, 437. № 26, Е.

ввоз в Восточную Европу серебряной монеты. В XII в. изготовление серебряных украшений вырождается в производство дешевых биллоновых поделок, а ювелирная обработка серебра, достигающая в это время виртуозности, ограничивается лишь изготовлением дорогих предметов боярского убора. Этот заметный рубеж в развитии ремесла является рубежом и во ввозе серебряных монет, который полностью прекращается к концу XI в.

Итак, серебро для древней Руси основной ввозимый металл и основной взвешиваемый металл, а монета — основная форма ввозимого серебра. Есть достаточно оснований предполагать, что нормы измерения ввозимого металла были в то же время нормами измерения ввозимой монеты. Поэтому исследование происхождения и развития древнерусских весовых мер не может не начинаться с исследования весовых особенностей притекавших на Русь и бытовавших в ней в громадных количествах иноземных монет.

Обращение в Восточной Европе значительных масс серебра не вызывало сомнений с момента открытия первых русских денежных слитков. Тогда же началось и их метрологическое исследование, породившее целый ряд различных концепций. Большинству исследований «русского веса», созданных в прошлом веке, свойственно одно и то же представление, что формы серебряного обращения Древней Руси исчерпывались обращением слитков и в меньшей степени монет собственной чеканки. Русские денежные системы! — само это понятие, казалось, должно охватывать явления исключительно русского происхождения. Бытование иноземных монет на территории Восточной Европы рядом исследователей XIX в. рассматривалось как свидетельство тех или иных торговых связей Древней Руси, и сами иноземные монеты представлялись чисто международными деньгами, которым во внутреннем русском обращении противостояли деньги иного характера — так называемые «куны».

Система кун, засвидетельствованная Русской Правдой, летописями и рядом актов, просуществовала в Древней Руси вплоть до введения в XIV—XV вв. монетной чеканки в Низовских землях, Новгороде и Пскове, а в виде пережитка сохранялась и в более позднее время. Письменные памятники хорошо знают ее на всем протяжении XII—XIV вв., т. е. в тот период, когда монетного обращения на территории Восточной Европы уже заведомо не существовало. Следовательно, по крайней мере в течение двух с полови-

ной веков термин «куны» применялся не к монетам, а к каким-то иным видам денег. Этого было достаточно для того, чтобы утверждать, что и в предшествующее время, когда на Руси в большом количестве бытовали сначала дирхем, а затем денарий, термин «куны» не имел ничего общего с монетой, а сама монета, таким образом, не играла особой роли во внутреннем обращении восточных славян.

Откроем ли мы сочинения Н. М. Карамзина¹⁹ или И. П. Бекетова²⁰, С. И. Шодуара²¹ или Н. И. Ланге²², обращавшихся к русским денежным системам, — всем им присущ в одинаковой степени взгляд, четко изложенный В. Н. Лешковым: «Золото и серебро во время Правды, конечно, еще не имели формы монет, или собственно денег, и служили мерою цены, по одному своему количеству, весу. От того являются эти деньги только в форме и под названием *гривен*, или *полуфунтов*; от того служат они только *мерою цены*, с полною внутреннею, соответствующей названию, ценностью, а не одним *знаком цены*, или простым *орудием мены и торго*. *Собственно деньги ходячие* времен Правды состояли в так называемых *кунах, ногатах, мордках* и т. д., которые были знаками цены, а именно известного количества золота и серебра, удобным средством передачи и передвижения ценностей, вообще орудием мены и торго»²³.

Монеты, таким образом, заменялись «кунами». Материальная природа такой куны объяснялась с большой легкостью этимологическим путем. Куна, куница — название пушного зверька; еще одна единица кунной системы — веверица, или векша, называется именем другого пушного зверька — белки. Установив на этих примерах

¹⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. С. 256, сл. (1 изд.).

²⁰ Бекетов И. П. Краткое обозрение древних ходячих монет, под названием кун, бывших в употреблении в России // Труды и летописи ОИДР. Ч. VI. М., 1833.

²¹ Шодуар С. И. Обозрение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древних времен. Ч. I. СПб., 1837.

²² Ланге Н. И. Исследование об уголовном праве Русской Правды. Без выходных данных (1861 г.). Печаталось частями, с самостоятельной пагинацией, в виде приложений к кн. 1, 3, 5 и 6 «Архива исторических и практических сведений, относящихся до России, 1859 г., издаваемого Н. Калачевым», СПб., 1859—1861.

²³ Лешков В. Н. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века. М., 1858. С. 175.

связь денег с меховыми ценностями, уже очень легко посчитать резану разрезанным мехом, ногату — мехом, сохранившим лапки, а гривну — оплечьем из меха горностаев или белок²⁴ и признать возможность одновременного обращения разного рода лоскутов меха, вплоть до «ушек».

Существование в Древней Руси всеобщей системы меховых денег было для многих историков и даже нумизматов прошлого века непреложным фактом, тем более что подтверждением ему явились сообщения иностранцев, писавших о России и видевших меховые деньги собственными глазами.

Непосредственным развитием «меховой» теории русских денег явилась уже в конце XVIII в. теория кожаных ассигнаций. Если «меховая» теория основывалась на этимологических особенностях русской денежной терминологии и на показаниях современников обращения мехов, то «кожаная» теория имела и более «достоверные» доказательства: обращение кожаных жеребьев было запрещено указом Петра I, их видел своими глазами Н. М. Карамзин. То, что в указе Петра идет речь не о древнерусских явлениях, а о событиях конца XVII в. и что сохранившиеся «кожаные деньги» не имели на себе никаких достоверных следов древности, — не смущало. Теория русских кожаных ассигнаций, поборником которой был и цитированный В. Н. Лешков, быстро вышла на страницы русской и западноевропейской историко-экономической литературы.

В XIX в. в нумизматический оборот были введены кожаные подделки таких «ассигнаций», вводившие в заблуждение русскую историческую науку на протяжении более ста лет. Тогда же существование системы «кожаных денег» было «подтверждено» ссылками на сообщение Ахмеда Тусского об обращении у русских в XII в. «шкур без волос». Недавно И. Г. Спасскому удалось серьезно поколебать доверие к большинству дошедших до нас кожаных жеребьев, указав на изготовление их известным фальсификатором XIX в. Сулакадзевым²⁵, и уточнить чтение места об обращении шкур у Ахмеда Тусского.

²⁴ См.: Усов С. А. Заметка о древних русских деньгах по Русской Правде // Древности. Т. IX. Вып. II, III. М., 1883. С. 96, 99–100.

²⁵ Спасский И. Г. Очерки по истории русской нумизматики // Нумизмат. сб. Вып. I. М., 1955. С. 101–108.

В этом сообщении в действительности не говорится о «шкурах без волос», а трактуется вопрос о подделывании мехов²⁶.

Если обращение кожаных денег не подтверждается ранними источниками, то обращение мехов зафиксировано весьма основательно. К X в. относится приведенное выше (стр. 18) свидетельство Ибн-Русте; в XII в. об обращении меховых денег писали Низами²⁷ и Ахмед Тусский²⁸, а в 1253 г. о том же сообщил Рубруквис²⁹. В 1412–1414 гг. о меховых деньгах новгородцев писал Жильбер де Ланноа, уже как о частях шкурок³⁰, а в XVI в. о том же как о явлении, имевшем некогда место в Древней Руси, — Герберштейн³¹. Подтверждения свидетельствам о меховых деньгах содержатся и в некоторых русских художественных памятниках. Известна икона XV или XVI в. с изображением новгородского архиепископа Иоанна-Илии, передающая сюжет второй половины XII в. и изображающая ногаты в виде звериных шкурок³². Неоднократно в литературе анализировались также изображения знаменитых летописных миниатюр XVI в. к тексту о денежных реформах XV в. в Новгороде и Пскове, на которых обмен кун на артуги изображается в виде обмена шкурок на монету³³.

Существование мехового обращения и видимая связь его с кунной системой постоянно заставляли сторонников всеобщих русских меховых денег различать в древнерусском денежном обращении два круга денежных единиц: серебряные единицы (слитки, «гривны серебра») и меховые единицы (последние, как уже отме-

²⁶ Спасский И. Г. Из истории древнерусского товароведения // Кратк. сообщ. ИИМК АН СССР. Вып. 62. М., 1956.

²⁷ См.: Неклюдов В. М. Указ. соч. С. 124.

²⁸ Спасский И. Г. Из истории древнерусского товароведения.

²⁹ Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Пер. А. И. Малеина. СПб., 1910. С. 135.

³⁰ Марков А. К. Русская нумизматика. Конспект лекций. СПб., 1905. С. 12.

³¹ Там же (сообщение Герберштейна повторяет Гваньини).

³² Гусев П. Л. Икона св. Иоанна (Илии) Архиепископа в деяниях и чудесах // Вести, археол. и ист., изд. СПб. археол. ин-том. Вып. XV. СПб., 1903. С. 39, сл., 74, 75, рис. 23; Трутовский В. К. Новые первоисточники для истории ценностей допетровской России — художественные // Ин-т археол. и искусствозн. РАН ИОН. Тр. отд. археол. I. М., 1926.

³³ Трутовский В. К. Русские меховые ценности и техника чеканки монет на миниатюрах XVI века // Нумизмат. сб. Т. I. М., 1911; Аруциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 98, сл.

чено, зачастую произвольно заменялись кожаными). Вполне понятно, что и метрологическим источником для решения проблемы происхождения и развития русских весовых единиц при таком освещении вопроса могли служить только денежные единицы первого круга — слитки. Меха́вые единицы могли иметь только теоретический «вес» — как отношение к цене имеющих вес слитков, что нисколько не способствует расширению круга метрологических источников.

Между тем из года в год нумизматика собирала громадный материал, свидетельствовавший о том, что в Древней Руси в значительных количествах имелась серебряная иноземная монета. Пока этот материал был не обобщен, пока знания о хронологии бытования на Руси иноземной монеты не были приведены в систему, сами факты частых находок кладов с восточными и западными монетами делали свое дело.

Параллельно с развитием теории всеобщих меховых денег значительным кругом исследователей разрабатывалась теория всеобщих же металлических денег Древней Руси. В трудах Г. Успенского³⁴, М. Т. Каченовского³⁵, И. Д. Беляева³⁶, П. С. Казанского³⁷, М. П. Погодина³⁸ и других авторов вопрос о характере денежного обращения Древней Руси решается с такой же прямолинейностью, с какой он решался в исследованиях ортодоксальных последователей меховой теории. Как те, так и другие не ставили вопроса о хронологии металлического или мехового обращения, а решали проблему в целом. Если для «меховистов» не существовало металлических денег вообще (кроме, конечно, слитков), то для сторонников металлической теории точно так же вообще не существовало меховых денег. При этом «металлисты» стремились сомкнуть обраще-

³⁴ Успенский Г. Опыт повествования о древностях русских. Ч. I. Харьков, 1818. С. 664, сл.

³⁵ Каченовский М. Т. Два рассуждения о кожаных деньгах и о Русской Правде. М., 1849.

³⁶ Беляев И. Д. Очерк истории древней монетной системы на Руси // Чтения в Имп. о-ве Ист. и Древн. Российских. № 3. М., 1846; Он же. Били ли на Руси монету до XIV столетия? // Зап. имп. АО. Т. V. СПб., 1853.

³⁷ Казанский П. С. Исследования о древней русской монетной системе в XI, XII и XIII веке // Зап. имп. АО. Т. III. СПб., 1851.

³⁸ Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о Русской истории. Т. VII. М., 1856. С. 322—364.

ние монет раннего времени с собственными удельными русскими монетами, заполняя хронологический пробел между ними ссылками на «несохранившиеся» материалы и выдуманной или поддельной монетой Ивана Калиты, Даниила Александровича и других князей, которые в действительности еще не чеканили монету.

Стремление отыскать материал для заполнения всех хронологических лакун монетного обращения остро проявилось и в спорах о датировке древнейших монет Владимира и Святополка, не утративших свою остроту и в наше время.

Отмеченная тенденция, существовавшая в нумизматических исследованиях прошлого века, вполне понятна и закономерна. Однако вряд ли ее можно назвать полезной. Она постоянно приводила к сильнейшему произволу в датировках нумизматических памятников, действительно обращавшихся на Руси, к преувеличению малозначительных фактов и к преуменьшению роли значительных групп памятников. Проявилась она и в первом большом исследовании монетного веса Древней Руси, принадлежащем перу Д. И. Прозоровского³⁹. Д. И. Прозоровский был последовательным сторонником теории металлических денег. Он хорошо сознавал, что иноземная монета, оказавшаяся на территории Древней Руси, начинала здесь жить своей второй жизнью и что поэтому и изучение денежно-весовых систем русской древности лежит на пути исследования весовых особенностей таких иноземных монет. Однако в освещении закономерностей древнего монетного обращения он оказался нумизматически беспомощным, совершенно не понял значения восточной монеты в русском денежном обращении и, следуя Ф. И. Кругу, наивно веровал в существование сильнейшего воздействия на русскую систему византийского солида. Д. И. Прозоровский ни словом не обмолвился о трудах Х. Д. Френа и П. С. Савельева, открывших целый мир «мухаммеданской нумизматики в отношении к русской истории». Громадный материал восточных дирхемов и западноевропейских денариев остался вне его исследования.

Крупнейшей заслугой историков прошлого века в деле разработки проблем русской денежной метрологии было окончательное выяснение системы древнерусского денежного счета. Трудami

³⁹ *Прозоровский Д. И.* Монета и вес в России до конца XVIII столетия. СПб., 1865.

многих исследователей, среди которых в первую очередь должны быть названы П. С. Казанский⁴⁰ и П. Н. Мрочек-Дроздовский⁴¹, кунны, ногаты, резаны были приведены в закономерное отношение к гривне и между собой. Строение скелета денежных систем было выяснено. Оставалось нарастить на этот скелет тело фактического материала, приведя данные веса различных монетных групп в соотношение с системой денежного счета. Если Прозоровский еще не мог правильно определить эти группы, то к концу XIX в. вопрос о хронологии монетного обращения Древней Руси стал значительно яснее.

А. В. Орешников окончательно обосновал общую дату возобновления монетной чеканки в XIV в. и доказал, что ранее времени Дмитрия Донского великие и удельные князья монету не чеканили⁴². И. И. Толстым монеты Владимира и Святополка были привязаны к рубежу X—XI вв.⁴³ Благодаря исследованиям В. Г. Тизенгаузен утвердился вывод о прекращении ввоза арабских монет на Русь в начале XI в.⁴⁴ Новые материалы не опровергали обоснованное Б. Кене еще в 1850 г. утверждение о том, что западноевропейские денарии позднее XII в. на территорию Восточной Европы не приходили. Монетный материал русского обращения постепенно приводился в хронологическую систему; преобладающие в том или ином периоде монеты становились на свои места. Рос нумизматический материал, но вместе с тем все яснее становился обширный безмонетный период, существование которого долго не постигалось сторонниками всеобщего металлического обращения.

В 1901 г. было опубликовано большое метрологическое исследование А. И. Черепнина⁴⁵. В нем было вполне четко сформулирова-

⁴⁰ Казанский П. С. Исследования о древней русской монетной системе // Зап. имп. АО. Т. III. СПб., 1853.

⁴¹ Мрочек-Дроздовский П. Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Русской Правды. М., 1882.

⁴² Орешников А. В. Русские монеты до 1547 г. // Российский исторический музей. Описание памятников. Вып. I. М., 1896.

⁴³ Толстой И. И. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. СПб., 1882; Он же. Древнейшие русские монеты X—XI вв. // Зап. РАО. Т. VI (нов. сер.). СПб., 1893.

⁴⁴ Тизенгаузен В. Г. О саманидских монетах // Зап. имп. АО. Т. VI. СПб., 1853; Он же. Монеты Восточного Халифата. СПб., 1873.

⁴⁵ Черепнин А. И. О гривенной денежной системе по древнимкладам // Тр. МНО. Т. II. М., 1901.

но мнение о первостепенной важности восточных монет VIII–XI вв. для развития русского денежного обращения. Эту мысль А. И. Черепнин развивал и пропагандировал в ряде статей⁴⁶. Особое внимание он обратил на встречаемые в кладах обломки монет, в которых он хотел видеть разные номиналы системы, находящиеся во взаимной метрологической связи и соответствующие $1/3$, $1/4$, $1/8$, $1/12$, $1/24$ и даже $1/40$ дирхема⁴⁷. Однако выводы из его скрупулезно точных взвешиваний обломков не внушают доверия. Располагая весьма немногочисленным материалом для взвешивания, А. И. Черепнин не сумел, да и не мог привести результаты своего исследования в связь с системой денежного счета. Куны, ногаты, резаны и веверицы остались такими же загадочными величинами, как и прежде.

А. И. Черепнин прекрасно сознавал сам незавершенность своей работы и общие выводы, сделанные на ее основе, превратил в очень обоснованную программу метрологического исследования древнерусских денежно-весовых систем. Насколько верно он представлял себе последовательность дальнейшей работы, видно из содержания первых двух пунктов его программы: «1) Составить подробную топографию денежных кладов и единичных монет, открытых в Европейской России, с точным описанием состава их; 2) Выяснить насколько окажется возможным, какого вида монеты преобладают в кладах той или другой местности в известный период времени»⁴⁸.

Большой заслугой А. И. Черепнина было также то, что он по существу первый из русских нумизматов привлек к исследованию древние весовые гирьки, в которых совершенно справедливо видел орудия для взвешивания ценностей и в первую очередь монет⁴⁹.

Если исследования А. И. Черепнина характеризуют его как чрезвычайно добросовестного исследователя, в методе работы которого нашли отражение принципы научного историзма, то эта

⁴⁶ Черепнин А. И. Значение кладов с куфическими монетами, найденных в Тульской и Рязанской губерниях. Рязань, 1892 (Прил. к Тр. Рязан. Уч. архивн. комисс. за 1891 г.); *Он же*. Коростовский клад. Рязань, 1892 (Прил. к Тр. Рязан. Уч. архивн. комиссии за 1892 г.).

⁴⁷ Черепнин А. И. Коростовский клад. С. 5.

⁴⁸ Черепнин А. И. О гривенной денежной системе... С. 215.

Черепнин А. И. Древние рязанские гирьки // Тр. Рязанской Уч. архивн. комисс. Т. VII. Рязань, 1892. № 6. С. 106–110 и № 7–8. С. 126–134.

характеристика вряд ли применима к труду И. И. Кауфмана, опубликованному через шесть лет после работы А. И. Черепнина⁵⁰.

Состояние материала за прошедшие шесть лет не улучшилось. А. К. Марков еще работал над своей топографией восточных монет, а к приведению в порядок топографических сведений по другим обращавшимся в свое время на Руси монетам еще никто не приступал. Сводка кладов денариев, составленная за полвека до того Кене, уже была безнадежно устаревшей. Однако И. И. Кауфман считал возможным приступить к общему исследованию происхождения русского веса. Для этого ему потребовалось немного: сам факт бытования на Руси дирхема, почерпнутые из литературы сведения о весе нескольких десятков омейядских и аббасидских монет да результаты исследования Кэйпо о халифской монетной стопе. Приняв данные Кэйпо, Совера и Декурдеманша о том, что в основе чеканки Халифата лежал *ратль* весом около 409 г и что из него чеканилось 144 дирхема, И. И. Кауфман обратил внимание на то, что и русский фунт близок 409 г. Сопоставив это совпадение с фактом бытования дирхема в Восточной Европе, И. И. Кауфман сделал свой основной вывод о том, что фунт был заимствован в VIII в. восточными славянами у арабов вместе с дирхемом.

Казалось бы, этот вывод следовало проверить и подтвердить на вещественном материале, который в то время составлял большие коллекции. Отождествив иракский ратль и древнерусскую гривну, Кауфман должен был бы обсудить, чем же были куны, ногаты и резаны, входившие в систему гривны, и чем был сам дирхем по отношению к этим основным, реально существовавшим единицам. Однако И. И. Кауфман даже не поставил вопрос о соотношении гривны-ратля с гривной кун, которая, между тем, была более древней, нежели гривна серебра. Таким образом, он попросту перенес на русскую почву арабскую денежно-весовую систему, не касаясь происхождения оригинальной системы русского счета, которая практически постоянно употреблялась при денежных расчетах восточных славян.

⁵⁰ Кауфман И. И. Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историей русских денежных систем с древнейшего времени // Зап. Нумизмат. отд. РАО. Т. I. Вып. I. СПб., 1906. Существует и отдельное издание того же года с иной пагинацией и измененным заглавием («...с древнейших времен»).

Высказывая мнение о заимствовании иракского ратля вместе с дирхемом, И. И. Кауфман не привел ни одного факта, который свидетельствовал бы о том, что домонгольская Русь знала фунт и что на Руси фунт когда-либо подразделялся на 144 фракции. Он и не мог привести таких фактов, т. к. их нет. Правда, для подтверждения своей теории И. И. Кауфман возвестил о существовании в домонгольской Руси фунтовых денежных слитков; без ссылок на конкретный вещевой материал он писал: «До нас дошли, хотя и в весьма небольшом количестве ...слитки в 96 золотников»⁵¹. Это «небольшое количество» в настоящее время состоит всего-навсего из одного экземпляра (вес 415,365 г), найденного в составе небольшого клада в Елабуге б. Вятской губ., да и то только в 1911 г., т. е. пятью годами позже опубликования И. И. Кауфманом его работы, причем и этот слиток принадлежит к числу совершенно не характерных для Древней Руси круглых слитков-лепешек, распространенных в IX–XIII вв. в Заволжье и не отличающихся закономерным постоянством веса⁵².

Не будучи нумизматом, И. И. Кауфман в высшей степени произвольно обошелся с рядом известных к его времени нумизматических фактов. Вопреки хронологическим показаниям кладов так называемых шестиугольных слитков, отличающихся своеобразным весом и зафиксированных неоднократно вместе с сопровождающим материалом XII века, он объявил эти слитки джучидскими. Это понадобилось И. И. Кауфману, чтобы доказать всеобщее употребление иракского ратля в домонгольской Руси, которая, по мнению Кауфмана, и знала только одну денежно-весовую систему — систему ратля.

Несостоятельность теории И. И. Кауфмана очевидна не только в том, что ее положения не подтверждаются фактическим материалом денежного обращения. Поскольку провозглашенная им система не приведена в соотношение с кунной системой, она противостоит системе Русской Правды. Выходит, что, заимствовав дирхем и восточный вес, Древняя Русь продолжала в своем внутреннем обращении пользоваться загадочными кунами, ногатами, резанами и веверицами. Таким образом, заимствованный вес нашел

⁵¹ Кауфман И. И. Указ. соч. С. 179–180.

Bauer N. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters // Numismatische Zeitschrift. № 62. Wien, 1929. S. 94. № 30.

отражение в весовых нормах слитков, но не коснулся мелких единиц кунной системы. Настаивая на своем предположении о заимствовании ратля вместе с дирхемом, И. И. Кауфман тем самым признал важность восточных монет в русском обращении, но единицы кунной системы так и оставались неисследованными, и вопрос об их характере ничуть не прояснился. Роль иноземной монеты как средства внутреннего денежного обращения Древней Руси в получившем широкое признание труде И. И. Кауфмана значительно стушевывалась.

В работе В. К. Трутовского⁵³, который был первым оппонентом И. И. Кауфмана, несмотря на это, содержится по существу развитие взглядов самого Кауфмана. В. К. Трутовский не отрицает возможности заимствования веса с Востока, но выражает убеждение, что это заимствование было не непосредственным, а произошло в результате обычая отливать русские денежные слитки из определенного числа восточных монет⁵⁴. Таким числом для обычных полуфунтовых слитков остаются те же 72 дирхема — т. е. количество, никак не отраженное в русских денежных и весовых системах. В. К. Трутовский, так же как и И. И. Кауфман, только гораздо более открыто противопоставляет монеты «кунам», которые считает меховыми ценностями: по его словам, арабские, византийские, английские и немецкие монеты «в продолжение целых трех столетий заменяли на Руси недостающие ей металлические денежные знаки и ходили наравне с кунными ценностями»⁵⁵, а «переход к металлической валюте (имеется в виду переход к употреблению слитков в XI в. — В. Я.) вызывал, конечно, необходимость в согласовании прежней системы — меховой с новой — металлической»⁵⁶.

Обе рассмотренные работы, несмотря на те или иные расхождения авторов, подводят читателя к представлению о двойственном характере древнерусского обращения. Наряду с ходячей серебряной монетой Древняя Русь, согласно этому представлению, пользовалась меховой валютой, которая была для Руси исконной и система которой отличалась от системы металлических денег.

⁵³ Трутовский В. К. Русские меховые ценности и техника чеканки монет на миниатюрах XVI века.

⁵⁴ Трутовский В. К. Указ. соч. С. 435.

⁵⁵ Там же. С. 412.

⁵⁶ Там же. С. 430.

Меховые деньги были распространены в большей степени, и за ними оставалась роль внутренних денег по преимуществу.

Как же представляли себе И. И. Кауфман и В. К. Трутовский метрологическую сторону обращения дирхемов? О весовой природе дирхема они судили по теоретической норме только одного из его многочисленных видов, пользуясь для всего периода бытования восточной монеты на Руси данными, полученными только на материале VIII и IX вв., да и то случайном, и вовсе не обращаясь к изучению веса монет русских кладов. Весовая величина дирхема была признана ими постоянной для всего длительного периода его ввоза в Восточную Европу. И. И. Кауфман упомянул о коллекции гирек, собранных Британским музеем в Египте, но совершенно не привлек достаточно обильные к его времени находки древнерусских весовых гирек. А. Л. Монгайт правильно отметил, что весовые нормы русских гирек не имеют ничего общего с той нормой дирхема, которая И. И. Кауфманом предложена в качестве исходной для «русского веса»⁵⁷.

Поверхностный характер исследования И. И. Кауфмана наложил отпечаток противоречивости и на его принципиальные выводы. В самом деле, попав на русскую почву, дирхем начинает, по Кауфману, жить более чем странной жизнью. Он получил широкое распространение, разнося по всей территории Восточной Европы систему арабского ратля; он лег в основу всеобщей русской весовой системы; он, наконец, положил основу системе денежных слитков или так называемой гривенной системе. В то же время он, по-видимому, не оказал никакого влияния на систему кун, т. е. на систему мелких единиц, преимущественное употребление которых в сфере денежного обращения тем более очевидно, что наименование одной из единиц этой системы даже стало собирательным обозначением денег вообще.

Общеизвестно, что гривна была высшей единицей кунной системы. Это обстоятельство и побуждает не противопоставлять друг другу систему кун и систему слитков, а пытаться искать в них общие элементы. Их общность может быть генетической, но может оказаться и структурной. Но в любом случае перед нами должен встать вопрос о происхождении и времени возникновения кун и

Монгайт А. Л. Рязанские гирьки // Краткие сообщения ИИМК АН СССР. Вып. XIV. М.; Л., 1947.

кунной системы, а вместе с тем делается все более необходимым установить, чем же была в действительности сама куна. Если за этим названием скрывается иноземная монета, то представление о роли ввозившегося на Русь серебра должно в корне измениться. Иными глазами придется смотреть и на характер внутреннего русского денежного обращения.

Употребление товаро-денег и металлических денег — это различные ступени развития денежного обращения. Отражая общее состояние развития народного хозяйства, различные этапы денежного обращения свидетельствуют и о различных этапах развития экономики. Можно допускать длительное переживание различных видов товаро-денег в обращении развитого общества в том случае, когда оно лишено сырьевой металлической базы. Однако вряд ли можно говорить о существенном развитии общественной экономики, если обращение использует чуть ли не в основном товаро-деньги, имея при этом все условия для замены их металлической монетой. Последнее замечание является вполне логичным выводом из построений И. И. Кауфмана и В. К. Трутовского.

Уже в советское время к проблеме происхождения русских весовых норм обратился один из видных русских нумизматов Н. П. Бауер⁵⁸. Ему принадлежит первая попытка обосновать взаимосвязь иноземных монет, обращавшихся на Руси, с весовыми нормами денежных слитков. Критикуя И. И. Кауфмана за то, что тот «вовсе не интересовался существованием другой гривны, гривны Русской Правды, бывшей в обиходе задолго до появления серебряных слитков»⁵⁹, Н. П. Бауер писал, что «пришедшие ранее других монет на русскую равнину арабские дирхемы и положили начало кунной системы»⁶⁰, а «раз дирхем был древнейшей куной, то встречающиеся в наших кладах части следует признать единицами кунной системы»⁶¹. Этот вывод он противопоставил, однако, не всему существу построений Кауфмана, а только его «арабской» теории. Приведя целый ряд фактов, свидетельствующих о резко

⁵⁸ Бауер Н. П. Денежный счет Русской Правды // Вспомогат. исторические дисциплины. М.; Л., 1937.

⁵⁹ Там же. С. 226.

⁶⁰ Там же. С. 219.

⁶¹ Там же. С. 220.

различном качестве разных видов дирхема, употреблявшихся на Востоке, Н. П. Бауер отказался от изучения веса дирхемов русских кладов, тем более что способ чеканки этих монет (ал-марко), как ему казалось, не давал возможности для достаточно точных выводов. Пестрота веса и качества дирхемов «вообще» привела его и к выводу о том, что прием кун-дирхемов осуществлялся на глаз.

Н. П. Бауером была создана собственная концепция происхождения русских весовых единиц: «...так ли уж обязательно признавать арабов за учителей древнего населения Восточной Европы в отношении веса, как это делал Кауфман? — писал Н. П. Бауер, ...на мой взгляд гораздо естественнее признать норманнов носителями этих навыков: они прошли всю Восточную Европу вдоль и поперек, их же, вероятно, и разумеет Ибн-Фадлан, говоря о руссах, что они массажи накопляли дирхемы и, набрав 10 000 штук, одаривали жен своих цепями. Норманны доставляли эти же дирхемы в огромных количествах к себе на родину, а также морем в Польшу и к другим западным славянам»⁶².

В подтверждение этой концепции Н. П. Бауером была обоснована метрологическая связь как древнерусских слитков, так и кунной системы со скандинавскими весовыми единицами. Образующие обширную группу слитки весом около 200 г были признаны им точно соответствующими скандинавской марке в 197 г, гривна кун (49,25 г) — двум скандинавским эрам, а резана в 0,98 г близко совпала с обычным весом западного денария, распространенного в Восточной Европе в XI в.

Теория западного происхождения русской гривны развивалась Н. П. Бауером в полном соответствии с представлениями об исключительной роли варяго-норманнов в истории русского общества. Выходцы из Скандинавии только и осуществляли торговые сношения Руси с Востоком. Слившись с верхушкой славянского общества, они составили основную группу населения, дававшую движение денежному обращению. Последнее было единым на всей обширной территории славянской Восточной Европы, скандинавского севера и на землях западных славян. Впрочем, у восточных славян иноземная монета употреблялась главным образом как средство накопления. Все эти идеи развивались Н. П. Бауером во многих работах, печатавшихся в СССР и за границей.

⁶² Бауер Н. П. Указ. соч. С. 226.

Откровенный норманизм Н. П. Бауера не нашел сочувствия у советских историков. Однако он не получил и достаточно энергичного отпора на страницах нашей исторической литературы. Противовесом ему до сих пор остается все та же неудовлетворительная концепция И. И. Кауфмана, подорванная в значительной степени самим Н. П. Бауером. Более того, уже в послевоенное время норманизм Н. П. Бауера нашел себе прибежище на страницах «Истории культуры древней Руси»⁶³. Те же идеи легко обнаружить в освещении денежного хозяйства Древней Руси на страницах капитального труда П. И. Лященко «История народного хозяйства СССР»⁶⁴.

Предложив свое решение вопроса, Н. П. Бауер не разрешил большого круга проблем, остающихся открытыми до настоящего времени. Признавая скандинавское происхождение гривны, он не сомневался в оригинальном происхождении системы русского денежного счета. Получалось, что русская гривна образовалась на основе платежного употребления восточного дирхема, но по системе русского счета. В то же время она оказывалась заимствованной с Запада. Это противоречие заставило Н. П. Бауера говорить о *счетной* гривне Русской Правды и *весовом* характере сменившей ее гривны серебра. Для того чтобы свести концы с концами, Н. П. Бауер предположил, что дирхем содержал 2,46 г *чистого* серебра, что соответствует весу ногаты в системе рассчитанных им единиц. Очень неубедительное само по себе обращение к понятию чистого серебра для того времени, когда определение чистоты металла могло быть лишь крайне приблизительным, не было подтверждено химическими анализами монет. Тем не менее в статье Б. А. Романова оно нашло полное применение и даже переведено из предположительной формы в категорическую. Положения Н. П. Бауера о месте дирхема в русской системе сводятся к следующему. Первоначально на территории Древней Руси бытовал под названием куны выравненный в весовом и качественном отношении дирхем с лигатурным весом 2,86 г и содержанием чистого серебра в 2,46 г. Впоследствии, когда качество металла ухудшилось, старые дирхемы стали называться ногатами, и 20 таких дир-

⁶³ Романов Б. А. Деньги и денежное обращение.

⁶⁴ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. I. Госполитиздат. 1947.

хемов приравнялись к 25 новым худшим дирхемам, содержащим 1,97 г серебра, за которыми осталось название «куна». Количество практически содержавшегося металла в счетной гривне Н. П. Бауера составляло 57,20 г. В отличие от дирхема, приходящий ему на смену денарий отличается исключительной чистотой серебра. Поэтому к нему мог быть впервые применен весовой критерий, причем, несмотря на приход денария с Запада, его вес удивительно точно совпадает со старыми нормами содержания чистого серебра в дирхеме.

Сложные построения Н. П. Бауера настолько расходятся с мнением ранее им же высказанным о слабости русского денежного обращения, что доверие к его выводам не возросло бы даже и в том случае, если бы свои теоретические выкладки он подкрепил массовым анализом веса и качества монет. Однако монеты им не были привлечены, и поэтому тем более нет никаких оснований присоединяться к его достаточно путаной концепции.

Интересующей нас проблеме посвятил небольшую статью А. Л. Монгайт, работа которого содержит критику построений И. И. Кауфмана. Однако А. Л. Монгайт не касается всей проблемы в целом, он допускает заимствование весовой нормы с арабского Востока и подвергает сомнению лишь конкретный вывод И. И. Кауфмана о том, что заимствованной величиной был именно иракский ратль в 96 золотников.

Анализируя вес русских гирек, А. Л. Монгайт пришел к выводу, что в основе его лежит так называемый легальный дирхем весом в 3,97 г, а сами гирьки «не являются частью какого-либо определенного ансыря, или, во всяком случае, не дают возможности установить его величину»⁶⁵. На основании сравнительного материала А. Л. Монгайт показал, что 96-золотниковый фунт мог проникнуть в Русь и с Запада позднее проникновения арабского дирхема. Однако и мнение А. Л. Монгайта вряд ли можно признать достаточно обоснованным. Утверждая, что рассмотренные им гирьки употреблялись для взвешивания монет, он не обратился к монетному весу и не доказал бытование в Восточной Европе реального дирхема весом в 3,97 г.

Краткий обзор литературы предмета показывает, что вопрос о происхождении русских весовых норм и денежно-весовых систем

⁶⁵ Монгайт А. Л. Рязанские гирьки. С. 69.

далеко еще не решен. Какую роль в русском обращении играла иноземная монета? К какому времени относится начало формирования русских денежно-весовых систем? Каково происхождение русской гривны? Что, наконец, мы должны понимать под кунами, ногатами, резанами? Коль скоро все эти вопросы не получили решения, вряд ли можно сколько-нибудь уверенно судить о состоянии и степени развития древнерусского денежного обращения.

Исследователь древнерусских денежно-весовых систем, таким образом, имеет дело со всей совокупностью спорных вопросов, которые встали перед исторической наукой еще в прошлом веке. Однако стремительное развитие науки в наши дни позволяет подойти к решению этих вопросов достаточно широко. Исторические и археологические работы последних лет позволили советским историкам воссоздать картину блестящего хозяйственного и культурного расцвета домонгольской Руси. К высокому развитию городского ремесла и товарного обращения Древней Руси вряд ли применимы те мерки, в которые втискивались представления о русском денежном обращении в трудах Д. И. Прозоровского, И. И. Кауфмана, В. К. Трутовского и Н. П. Бауера. Вполне анахронической представляется и общая тенденция относить начало формирования денежно-весовой системы Древней Руси только к X—XI вв.

Основой настоящего исследования является изучение массового монетного материала. Именно игнорирование самой монеты было постоянной причиной того, что любой вывод, предлагавшийся исследователями русских денежно-весовых систем, оставался дискуссионным. В течение длительного времени накопление нумизматических материалов шло мимо исследования русских денежно-весовых систем. Это было характерно до такой степени, что даже построения работавшего в Отделе нумизматики Эрмитажа Н. П. Бауера в части куфических монет не опирались на богатейшее собрание дирхемов этого музея.

Наименее трудоемким способом изучения массового нумизматического материала русского денежного обращения было бы метрологическое исследование монетных кладов; такое изучение было бы и наиболее правильным. Однако в современных условиях оно является совершенно невыполнимым. Несмотря на продолжительность топографической регистрации русских монетных кладов, начатой еще Х. Д. Френем в первой половине прошлого

века, клады либо вовсе не сохранялись, либо шли на пополнение собраний. Не производилось и взвешивание монет. Поэтому исходный материал для исследования состоит в настоящее время из сравнительно небольшого количества целых кладов, поступивших в музеи уже в советское время, и из громадных количеств обезличенных монет в коллекциях, которые составлялись в основном за счет тех же русских монетных кладов. Примесь монет, поступивших в музейные собрания из других источников, совершенно незначительна и практически растворяется среди монет, происходящих из русских находок.

Вынужденная необходимость обращаться главным образом к коллекциям монет, а не ккладам, к совокупности монет, в которой клады смешаны и растворены друг в друге, не позволяет в настоящее время исследовать частные особенности денежного обращения отдельных небольших областей Древней Руси. Основной нашей задачей поэтому является исследование тех закономерностей, которые были присущи для обращения всей Восточной Европы в целом или обращения ее достаточно обширных областей.

В предлагаемой работе учтены весовые данные более 30 000 монет таких коллекций. Вполне понятно, что для работы над беспаспортными материалами необходимо было преодолеть их обезличенность. С этой целью было предпринято параллельное хронологическое исследование монет русского денежного обращения, для чего были привлечены сведения о составе многочисленных кладов, описанных в литературе и в каталогах музеев. Только после того как на основе изученных кладов удалось установить, какие именно виды монет характерны для разных периодов обращения, и выяснить, как происходит смена одних групп другими, стало возможным привлечь и беспаспортный материал для метрологического исследования, разделив его на хронологические группы.

Деление материала на хронологические группы направлено против антиисторического приема притаскивания отдельных фактов для объяснения таких явлений, которые имели длительный характер или значительно отстояли во времени от этих фактов. С таким приемом во многих названных выше работах приходится иметь дело постоянно. В особенности это относится к ходячим представлениям о норме дирхема. Для И. И. Кауфмана, например, нормы, полученные на материале одних только омейяд-

ских монет, были несомненными нормами любого дирхема, тогда как Н. П. Бауер придавал исключительное значение именно весовой пестроте дирхема уже в IX в. Правильное представление об эволюции веса монет может дать только хронологическое изучение большого их количества.

Поскольку к весовым нормам монетных групп в дальнейшем нам придется обращаться постоянно, следует остановиться на очень распространенном в нумизматике и метрологии методе «среднего веса». Этот метод, сыгравший большую роль в развитии монетной метрологии, вполне применим в определенных случаях к средневековым монетам, чеканившимся по способу «ал-марко». Теоретическая весовая норма отдельной монеты при этом способе чеканки совпадает с нормой среднего веса всей партии монет одного выпуска. Она вообще может быть открыта только при помощи подсчета среднего веса массы однородных монет. Однако исчисление средних цифр теряет весь свой смысл, будучи применено к таким монетам, которые сохраняют постоянство типа на протяжении длительного времени, обращаясь вне выпускавшего их государства. Это целиком и полностью относится к дирхему. Консервативное постоянство типа монет, которые в силу чеканки по способу «ал-марко» отличаются известной весовой пестротой, по существу и вызывается исключительно нормами внутреннего обращения того общества, государственные власти которого чеканят монету. Если во внутреннем обращении, например государства Бувейхидов, дирхемы, чеканенные одной парой штемпелей, но имевшие значительные весовые различия, могли восприниматься как равноценные монеты, то на международном рынке они вообще переставали быть дирхемами. В права вступали их объективные показатели. Только эти объективные показатели веса монеты и качества ее металла определяли место иноземной монеты и во внутреннем обращении усвоившего ее общества.

Когда внешне одинаковые, но различающиеся по весу иноземные монеты вступают в столкновение с местными нормами денежного обращения, они в нем могут выполнять роль уже нескольких разных «номиналов». Как увидим далее, в определенный период вес дирхема мог колебаться от 2,5 до 6 г. В этих пределах умещаются русские денежно-весовые нормы и куны, и ногаты, и двух кун. Поэтому вполне закономерна попытка выделить во внешне однообразном монетном материале различные группы «номиналов» и

выяснить, в чем заключалось своеобразие этих групп. Ясно, что оно не будет уловлено, если мы будем исчислять среднюю норму по всей массе материала, который в данном случае представляет смесь разновесных монет.

К исследованию монетной метрологии полностью применима та характеристика, которую дал средним цифрам В. И. Ленин. Он называл их «общими и огульными» и указывал, что они «имеют совершенно фиктивное значение»⁶⁶. Действительно, если ходячие монеты, несмотря на внешнее сходство, могли представлять в русском обращении единицы с разными местными наименованиями, т. е. разные номиналы, то цифры, характеризующие их средний вес, окажутся безликими и «имеющими совершенно фиктивное значение». Они ничем не помогут исследователю закономерностей того обращения, которое пользовалось иноземной монетой.

В настоящей работе методика исследования весовой метрологии массового монетного материала иная. После взвешивания однородных монет экземпляры с одинаковым весом объединяются в группы и подсчитываются. Эти группы окажутся однородными уже и в весовом отношении. Если внешне одинаковые монеты в процессе древнего обращения проходили известную сортировку по нормам местного обращения и включают в свой состав различные местные «номиналы», то последние найдут соответствие и в наших механически выделенных весовых группах.

Для удобства фиксирования статистических данных в работе применяются графические таблицы-диаграммы. Схема диаграмм при этом следующая: по горизонтали располагается весовая шкала (с точностью до 0,1 г для монет и до 1,0 г для слитков), по вертикали — количественная шкала. Кривая, построенная при соответствующем размещении материала, демонстрирует метрологическое его единство или существование в нем каких-либо разнородных групп, закономерность или случайность тех или иных отклонений от обычных весовых норм, позволяет выделить группы монет с наиболее часто повторяющимся весом и т. д.

При этом способе исследования не представляет практических затруднений потертость некоторых монет, которая всегда влияет на исчисление среднего веса. При исчислении последнего исследователь имеет дело только с одним показателем, к которому дела-

⁶⁶ Ленин В. И. Соч. Т. 3. С. 120.

ется та или иная надбавка на потертость монет. Понятно, что такая надбавка может быть в значительной степени произвольной. При графическом исследовании массы монет норма денежного веса характеризуется двумя показателями, между которыми заключена вся группа метрологически однородных монет. Значительная часть их отличается хорошей сохранностью, что в применении к интересующему нас времени было подмечено еще П. Г. Любомировым⁶⁷. Поэтому теоретическая норма монетного веса при всех условиях бывает заключена в пределах той же амплитуды фактического колебания веса массы метрологически однородных монет.

При изучении веса слитков применена та же методика, но здесь приходится учесть некоторые дополнительные соображения. Главной особенностью веса древнерусских денежных слитков является то, что в большинстве своем они оказываются несколько легче своих теоретических норм. Эту особенность Г. Б. Федоров объяснял постепенным падением веса слитков в силу известных экономических законов. «За два столетия своего существования, — пишет Г. Б. Федоров, — серебряная гривна упала в весе с 48 золотников (204,756 г) до 45,5 золотников (195 г), т. е. более чем на 9 грамм, или на 4,6 %, что является обычным процентом падения для монетных единиц средневековой монетной системы»⁶⁸. Однако наблюдения над весом слитков XII, XIII и XIV столетий показывают, что относительная пестрота веса свойственна русскому денежному слитку на всем протяжении его существования. Более того, массовое взвешивание, результаты которого рассматриваются ниже, убеждает, что никакого движения весовых норм слитков не существовало вплоть до начала русской монетной чеканки во второй половине XIV в. Не обоснованы соображения Г. Б. Федорова и теоретически: падение величины денежных единиц на Западе, с которым знаком каждый историк и экономист, было обусловлено наличием в обращении мелкой металлической чеканенной монеты. Отклонение денежных единиц от весовых, о котором говорит Г. Б. Федоров, Маркс объяснял стиранием и фальсификацией

Любомиров П. Г. Торговые связи древней Руси с Востоком в VIII–XI вв. // Уч. зап. Гос. Саратов. ун-та. Т. I. Вып. 3. Саратов, 1923. С. 10.

⁶⁸ *Федоров Г. Б.* Деньги Московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия I // Мат-лы и исслед. по археол. СССР. № 12. М.; Л., 1949. С. 148.

именно монеты, падение веса которой влечет за собой падение и основных единиц денежных систем. На Руси безмонетного периода эти условия отсутствовали.

Постоянное отклонение фактического веса слитков от их теоретической нормы вызывалось причинами технологического порядка. В русском обращении слиток — явление более позднее, нежели иноземная монета. Он возник как реальная форма древней денежной единицы, первоначально имевшей счетный характер. При литье слитки могли дозироваться в основном только определенным количеством серебра, которое обращалось в виде мелких денежных единиц. Иными словами, денежный слиток должен быть эквивалентен существовавшему до плавки определенному количеству весового серебра. Поскольку превращаемое в слиток количество серебра шло через тигель литейщика, серебро слитка, оставаясь эквивалентным взятому первоначально количеству, теряло известную часть своего веса, благодаря неизбежному угару при плавке. Величина же угара в каждом случае определяется качеством исходного материала, но плавка без угара невозможна.

Если весовая норма однородной группы монет заключена в пределах колебания веса основной массы этих монет, то норма слитка всегда находится за пределами этого колебания. Надбавку в весе следует делать даже к наиболее тяжелым слиткам, разумеется, считаясь при этом и с весьма низким «классом точности» древних весов.

С этой точки зрения неприемлемой представляется методика Н. П. Бауера и Б. А. Романова, в основе метрологических концепций которых лежит исчисление среднего веса слитков.

Хронологический анализ и массовое взвешивание монет и слитков дают возможность установить те весовые нормы денежного обращения, которые были закономерными для различных этапов развития русских денежно-весовых систем. Правильность исчисления этих норм может быть подтверждена тем, что в своей совокупности они рисуют картину исторически закономерного развития. Сама логика развития русских денежно-весовых систем, таким образом, служит важным подтверждающим аргументом.

Однако какой бы стройной ни казалась реконструируемая нами система внутреннего развития денежно-весовых единиц, она будет оставаться спорной до тех пор, пока не будет подтверждена и другими современными материалами нунумизматического харак-

тера. К числу последних относятся, в первую очередь, привлекаемые нами весовые гири, которые обслуживали рассматриваемое монетное обращение. Широкий круг нунумизматических источников составляют памятники письменности, содержащие различные сведения о денежном обращении и денежных системах. Роль документов не исчерпывается проверкой выводов, полученных при исследовании вещественного материала. Именно они знакомят нас с терминологией денежного хозяйства и с устройством систем денежного счета. Памятники письма дают в руки исследователя необходимые инструменты, с которыми он приступает к изучению вещественных источников.

С анализа письменных сведений мы и начинаем исследование нашей темы.

ДЕНЕЖНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ И ДЕНЕЖНЫЙ СЧЕТ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

Денежное обращение и денежные системы Древней Руси уже в самых ранних русских памятниках письменности предстают перед исследователем как явления сложившиеся и имеющие значительную давность.

Говоря о деньгах и денежных единицах, начальная русская летопись и древнейший русский юридический памятник — Русская Правда имеют дело не только с терминами живыми, сохраняющими свое значение и в последующие века русской истории, но отчасти и с терминами явно пережиточными. Последнее касается, в первую очередь, собирательного термина «скот», равнозначного современному «деньги». В этом смысле слово «скот» четыре раза встречается в первой части краткой редакции Русской Правды¹, один раз в летописи², один раз в Мирном договоре Новгорода с Готским берегом (1189—1199 гг.)³ и несколько раз в памятниках переводной литературы⁴.

Пережиточность термина «скот» подтверждается как крайней редкостью употребления его в источниках, предпочитавших пользоваться термином «куны», так и неоднократными заменами его последним в позднейших редакциях древних текстов. Такими же

Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С. 78—79, ст. 14, 15, 17.

² ПСРЛ. Т. I. С. 143, под 6526 г.

³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 56, грамота № 28.

⁴ *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов. Приложения // Чтения общ. люб. ист. и древн. Росс. 1894. Кн. II. С. 66; *Дурново Н.* Мат-лы и исслед. по старинной литературе. К истории повести об Акире. М., 1915. С. 108.

пережиточными являются и производные от «скот» понятия «скотница» (казна), «скотолубие» (сребролюбие)⁵.

Этимология термина «скот» допускает заманчивую возможность видеть в нем указание на очень отдаленный период употребления восточными славянами скота в качестве товаро-денег. Однако вряд ли можно настаивать на таком предположении. Существование в древнейшей Восточной Европе условий, при которых скот мог выполнять роль средства обращения, никем не доказано. Кроме того, во всех отмеченных случаях термин «скот», хотя применяется и к деньгам, но, по-видимому, не имеет ограничительно-го значения. В контекстах он может быть переведен более точно как «имущество», «достояние», «казна». Точно такие же понятия (в том числе и понятие «деньги») в древнескандинавском языке выражает термин *skattr*, в англосаксонском — *skeatt*, в древнесаксонском — *skat*, в древнем верхненемецком — *seaz*⁶. В современном немецком языке им соответствует слово *Schatz*, производное от того же корня. Нужно полагать, что все эти термины восходят к древнему индоевропейскому термину, который был собирательным для обозначения разных видов имущества и богатства, а в позднейшем русском языке сохранился лишь в ограничительном применении к одному из главнейших видов имущества и богатства — домашнему скоту. Процесс ограничения этого термина мы, по-видимому, и наблюдаем в упомянутых текстах.

Однако и те единицы денежно-весовой системы, которые не были пережиточными в XI—XIII вв. — в первую очередь, куна и гривна, не являются понятиями, только что сформировавшимися. Их терминология, а следовательно, и начало употребления значительно древнее самих письменных памятников Киевской Руси.

Термин «гривна», служивший для обозначения высшей единицы денежно-весовой системы, известен не только в языках восточных славян. Им пользовались для обозначения и денежной, и весовой единицы западные и южные славяне. Он одинаково хорошо известен полякам, чехам, литовцам⁷. Значительным распространением пользуется и термин «куна», который бытовал не только в

Бауер Н. П. Денежный счет Русской Правды. С. 188.

⁶ Там же. С. 191.

Шодуар С. Обзорение русских денег и т. д. Ч. I. СПб., 1837. С. 21; Аристов Н. Промышленность древней Руси. СПб., 1866. С. 237; Кауфман И. И.

Восточной Европе, но и на Балканах, в частности у хорват⁸. По-хорватски «куна» также имеет значение «куница». Интересно отметить, что в средневековой Хорватии воспоминание об этом термине проявляется в изображении на монетах куницы, ставшей геральдической эмблемой, а в период Второй мировой войны термин «куна» был возрожден националистическим правительством Хорватии для обозначения выпущенных им кредиток.

Общность основных древних денежных терминов у разных славянских народов не является результатом общения этих народов в летописные времена, когда процессы развития феодализма вели к экономическому и политическому дроблению, а развитие местных производительных сил замыкало товарные связи производителей в пределах сравнительно небольших областей. В условиях раннего феодализма преобладающую роль в товарном обращении первоначально имеют внешние торговые связи, значение которых ослабевает с развитием внутренних производительных сил. Это затухание значения внешней торговли для славянских народов в связи с их собственным экономическим развитием, как будет показано ниже, всецело проявляется ко времени возникновения первых славянских письменных памятников.

Денежные системы не складываются раз и навсегда. Сформировавшись в основных чертах, они претерпевают дальнейшее развитие; большая или меньшая ясность вопроса о денежных единицах летописного периода еще не позволяет решить проблему происхождения и первоначальной структуры русских денежно-весовых систем, а отсутствие взаимопроверяемых данных долетописного времени не дает возможности начать изучение их истории непосредственно со времени их возникновения. Однако, опираясь на данные денежных систем XI–XIII вв., являющихся уже результатом известного развития, мы можем судить об основных тенденциях этого развития и о наличии в поздних системах несомненно древних элементов.

Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX в. СПб., 1910. С. 16; *Святловский В. В.* Прimitивно-торговое государство как форма быта // Зап. Ист.-филол. ф-та СПб. ун-та. Ч. CXVIII. СПб., 1914. С. 94; *Гусаков А. Д.* О некоторых явлениях в денежном обращении древней Руси // Изв. АН СССР. Отд. экон. и права. № 3. М., 1946. С. 235.

⁸ *Ciro Truhelka.* Slavonski banovci. Sarajevo, 1897. S. 45 и сл.

Древнейшие русские письменные памятники знают пять элементов денежной системы: *гривну*, *куну*, *ногату*, *резану*, *веверицу*. Последняя часто фигурирует в источниках под наименованием *векша*. Специфический характер основного нашего источника для изучения древнерусского денежного счета — Русской Правды — позволяет выяснить взаимоотношение этих единиц, не прибегая к синтезу разнородных свидетельств, что, конечно, не только облегчает расчеты, но и делает их наиболее достоверными.

Важнейшими элементами денежной системы Древней Руси времен Русской Правды были гривна и куна. Первая является высшей единицей системы, все остальные единицы были ее фракциями. Куна, являясь одной из мелких единиц системы, дала наименование и собирательному понятию «куны» — деньги. Аналогии из истории других денежно-весовых систем показывают, что подобные собирательные названия могут соответствовать либо основному материалу денежного обращения (ср. франц. *argent*, русск. «серебро»), либо одной из единиц системы, наиболее употребительной в практике денежного обращения (русск. «деньги», укр. «гроши»), либо, наконец, отражать понятие «монета» (англ. *money*). Ниже мы постараемся показать, что собирательное наименование «куны» усвоило не только русское название наиболее распространенной денежной единицы, но и термин, служивший для обозначения монеты вообще. Остальные названия фракций гривны употребляются реже, что особенно наглядно демонстрирует летопись, имевшая дело главным образом с куной и гривной. Соотношение единиц в гривенной системе после работ П. С. Казанского⁹ и П. Н. Мрочек-Дроздовского¹⁰ может считаться выясненным окончательно. В основу расчета обоими исследователями были положены две статьи Краткой Правды: статья о возмещении за скотину¹¹ и так называемый Покон (Поклон) вирный¹².

Первая статья содержит расценки, выраженные в разных единицах, но сохраняющие последовательность от более крупных сумм к

⁹ Казанский П. С. Исследования о древней русской монетной системе // Зап. АО. Т. III. СПб., 1851. См. также: Т. VI. СПб., 1855 (ч. 2).

¹⁰ Мрочек-Дроздовский П. Н. Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Русской Правды.

¹¹ Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. С. 82, ст. 25, 26.

¹² Там же. Ст. 42.

более мелким: за коня — 2 гривны, за кобылу — 60 резан, за вола — гривна, за корову — 40 резан, за третьяка — 15 кун, за лоньщину — 1/2 гривны, за теля — 5 резан, за яря и барана — ногата. Иными словами:

2 гривны больше 60 резан; 60 резан больше гривны; гривна больше 40 резан; 40 резан больше 15 кун; 15 кун больше 1/2 гривны; 1/2 гривны больше 5 резан; 5 резан больше ногаты. Отсюда следует, что резан в гривне больше, чем 40, но меньше 60, а кун больше 15, но меньше 30; в гривне больше 8 ногат. Допустив — до дальнейшей проверки, что в гривне содержалось круглое число фракций, мы получаем, что гривна = 50 резанам = 20 или 25 кунам = 10 или 15 или 20 ногатам.

«Покон вирный» позволяет установить, что в куне содержалось 2 резаны. В этой статье регламентируется размер сбора виры и норма довольствия вирника: «А се покон вирный: вирнику взяти 7 ведор солоду на неделю, тѣже овен любо полоть, или две ногате, *а в среду резану*, вѣже сыры, *в пятницу тако же*, а хлеба по кольку могутъ ясти, и пшена; а кур по двое на день; коне 4 поставити и суги им на рот, кольку могутъ зобати; а вирнику 60 гривен и 10 резан и 12 веверици; а переде гривна; или ся пригоди в говение рыбами, *то взяти за рыбы 7 резан; тѣ всех кун 15 кун на неделю*, а борошна кольку могутъ изъясти; до недели же виру сберуть вирници; то ти урок Ярославль»¹³.

Исчисление общей суммы денежного довольствия в недели поста дает здесь возможность выяснить соотношение резаны и куны, т. к. сумма выражена в кунах, а слагаемые — в резанах. При оплате работы вирника учтены, по-видимому, шесть дней; седьмой день — воскресенье — является нерабочим. Из шести дней отличны среда и пятница, в которые пост усиливается. В среды и пятницы мясоедов «Покон» назначает вирнику плату в одну резану. Та же плата сохраняется и в постные недели, т. к. в «Поконе» каких-либо отличий не оговорено. В остальные четыре дня постной недели устанавливается рыбный корм, или по 7 резан в день. В течение недели работа должна быть окончена; воскресенье, по-видимому, назначается для переездов. В сумме недельная плата выражается в 30 резанах ($7 \times 4 + (1 \times 2)$), которые в самом памятнике обозначены как 15 кун. Отсюда: куна = двум резанам, а гривна = 25 кунам = 50 резанам.

¹³ Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. С. 82.

Правильность выясненного соотношения резаны и гривны подтверждают некоторые дополнительные статьи Русской Правды, содержащиеся в ее Карамзинском списке. Они же позволяют установить соотношение гривны и ногаты. Эти статьи содержат исчисление возможного приплода от овец, коз, свиней, кобыл, пчел и т. д. за 10—12 лет и выражают его стоимость в денежных суммах¹⁴.

В статье о приплоде от овец стоимость 360 446 рун определяется в 7 208 гривен 46 резан, а стоимость каждого руна — в 1 резану. Таким образом, 7 208 гривен = 360 400 резанам (360 446 — 46). Простым делением легко установить, что гривна содержит 50 резан.

Стоимость 90 112 овец и 90 111 баранов в той же статье определяется в 45 055 гривен 40 резан, в то время как стоимость овцы равна 6 ногатам, а стоимость барана — 10 резанам. Таким образом, все 90 111 баранов стоят 901 110 резан, или 18 022 гривны 10 резан, а 90 112 овец — 27 033 гривны 30 резан (45 055 гр. 40 рез. — 18 022 гр. 10 рез.). В то же время овцы стоят 540 672 ногаты (90 112 × 6), что дает уравнение:

$$27\,033,6 \text{ гривны} = 540\,672 \text{ ногатам};$$

$$1 \text{ гривна} = 540\,672 : 27\,033,6 = 20 \text{ ногатам}.$$

Тот же результат дает расчет стоимости коз в следующей статье «О козах», где повторяются такие же цифры. Не отличаются в этом отношении и дальнейшие статьи, но в одних случаях они полностью подтверждают полученные равенства, в других им свойственна та или иная легко объяснимая путаница. Подробный разбор этих статей Карамзинского списка издан неоднократно. Здесь следует обратить внимание лишь на полное отсутствие в них куны среди упоминаемых денежных единиц; расчет ведется в основном на резану.

Таким образом, расчет соотношений денежных единиц в Краткой редакции Русской Правды позволяет реконструировать систему денежного счета XI в. в следующем окончательном виде:

$$\text{гривна} = 20 \text{ ногатам} = 25 \text{ кунам} = 50 \text{ резанам}.$$

Отношение к гривне самой малой ее фракции — веверицы, или векши — по письменным источникам не устанавливается.

¹⁴ Там же. С. 121, 122.

Отношение куны к гривне в Пространной редакции Русской Правды, составленной на рубеже XII и XIII вв., оказывается иным. Сравнение параллельных статей этого памятника и Краткой Правды показывает, что в нем полностью отсутствует резана, место которой везде занимает куна, тогда как оценки, выраженные в гривне и в ногате, остаются одинаковыми в обеих редакциях:

Пространная Правда

7. Покон вирнии... а в середу куна, же сыр, а в пятницу тако же.

37. Аже крадеть кто скот в хлеве или клеть, то же будеть один, то платити ему 3 гривны и 30 кун; будеть ли их много, всем по 3 гривны и по 30 кун платити.

38. Аже крадеть скот на поли, или овце, или козы, ли свиньи, 60 кун; будеть ли их много, то всем по 60 кун.

41. Аже за кобылу 60 кун, а за вол гривна, а за корову 40 кун, а за третьяка 30 кун, за лоньщину пол гривны, за теля 5 кун, а за свинью 5 кун, а за порося ногата, за овцю 5 кун, за боран ногата, а за жеребець, аже не вседано на нь, гривна кун...

73. Аже лодью украдеть, то 60 кун продаже.

77. А за гусь 30 кун, а за лебедь 30 кун, а за жеравль 30 кун¹⁵.

Краткая Правда

42. ...а в среду резану вѣже сыры, в пятницу тако же.

29. А иже крадеть любо конь, любо волы, или клеть, да еще будеть един крал, то гривну и тридесят резан платити ему, или их будет 18, то по три гривне и по 30 резан платити мужеви.

40. Аже украдутъ овцу или козу, или свинью, а их будеть 10 одну овцу украле, да положить по 60 резан продажи.

26. За кобылу 60 резан, а за вол гривну, а за корову 40 резан, а третьяк 15 кун, а за лоньщину пол гривне, а за теля 5 резан, за яря ногата, за боран ногата.

34. А оже лодью украдеть, то за лодью платити 30 резан, а продажи 60 резан.

36. А в утке, и в гусе, и в же-раве, и в лебеди 30 резан; а продажи 60 резан.

Как видно из приведенных статей, куна уменьшается вдвое, замещая резану. В одном случае пересчитана сумма в 15 кун (цена третьяка), выраженная теперь в 30 кун. Однако это не означает, что резана вообще устраняется из денежной терминологии. Отсутствующая в Русской Правде, она постоянно встречается нам на страницах летописи и других письменных документов. Мы найдем

¹⁵ Нумерация статей Пространной и Краткой Правды — по изданию: *Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды.*

ее в «Слове о Полку Игореве», созданном в 1187 г.¹⁶, в духовной Климента второй половины XIII в.¹⁷, в Мирном договоре тверского великого князя Михаила Александровича 1375 г.¹⁸ Однако неизвестно ни одного текста XII–XIV вв., в котором резана упоминалась бы рядом с куной. Счет на куны, более распространенный в это время, нежели счет на резаны, сосуществует рядом с последним, в рамках одной и той же системы на одних и тех же территориях. Отмеченный выше факт замещения резаны куной и свидетельствует о том, что в XII–XIV вв. имело место не сосуществование двух разных денежных единиц, а сосуществование двух терминов, применявшихся к одной и той же единице. Куна и резана сливаются и служат для обозначения той денежной единицы, которая прежде называлась резаной.

Кроме куны, другие единицы не испытывают каких-либо изменений, так же как и сама гривна. Об этом свидетельствует полное совпадение ставок штрафа в параллельных статьях Краткой и Пространной Правды.

Последнее тем более замечательно, что письменные памятники уже с 1137 г. фиксируют появление новой гривны или «гривны новых кун». *Новая гривна* впервые упоминается в уставной грамоте Святослава Ольговича новгородскому Софийскому собору (1137 г.): «Того для уставил есть святой Софьи, ать емлет пискуп за десятину от вир и продаж 100 гривен новых кун»¹⁹. Новые куны противопоставляются старым на всем протяжении XII в. Это противопоставление известно даже документам самого конца XII в.: «а оже мужа свяжють без вины, то 12 гривн за сором старых кун»²⁰, «оже пошибаеть мужеску жену любо дчерь, то князю 40 гривн ветхими кунами...»²¹.

Появление гривны новых кун в актах не ранее 30-х гг. XII в. косвенно указывает, что именно нужно понимать под гривной старых или ветхих кун. Это могла быть только гривна Краткой Правды, безраздельно господствовавшая во всех памятниках XI в. Как мы

¹⁶ Слово о Полку Игореве. Л., 1953. С. 48.

¹⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 163. № 105.

¹⁸ СГГ и Д. I. № 28 (датирована 1368 г.).

¹⁹ Самоквасов Д. Я. Памятники древнего русского права. М., 1908. С. 163.

²⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 55. № 28. Договорная грамота Новгорода с Готским берегом (1189–1199 гг.).

²¹ Там же.

только что видели, и гривна Пространной Правды, составленной спустя долгое время после появления в документах новой гривны, по стоимости не отличается от старой.

Характер различия старой и новой гривен определяется спецификой денежной терминологии русских международных договоров XII–XIII вв., в первую очередь, Мирного договора Новгорода с немецкими послами, составленного в 1189–1199 гг.²² Этот договор, относящийся к тому времени, когда гривна новых кун насчитывала уже не менее 50–60 лет существования, тем не менее выражает штрафы в гривнах старых или ветхих кун. Поскольку стоимость гривны не менялась, предпочтение старых кун новым свидетельствует о том, что новые куны почему-либо не были пригодны для удовлетворения потребностей международного обмена. Совершенно естественно напрашивается вывод о соответствии термина «новые куны» каким-то специфическим формам денег, имеющим внутренний характер.

Действительно, если вернуться к тому моменту, когда источники впервые фиксируют появление «новых кун», т. е. к 30-м гг. XII в., то легко можно сопоставить возникновение «новых кун» с исчезновением из русского обращения серебряных монет, до этого бытовавших на территории Восточной Европы непрерывно на протяжении трех с половиной веков. Обобщивший сведения о русских кладах западноевропейских денариев Н. П. Бауер датирует самый поздний русский монетный клад домонгольского времени 1120 годом (клад из деревни Спанко б. Петергофского уезда, найденный в 1913 г.)²³. Сопоставление «ветхих» кун с серебряной монетой, с серебром вообще, объясняет причину предпочтения таких кун «новым» кунам, которые уже не могли быть серебряными. «Новые куны», таким образом, можно объяснять как термин для обозначения товаро-денег.

Расчет на серебро предусматривается всеми международными договорными грамотами XIII в. «Марка кун» в них упоминается один раз²⁴, один раз упоминается и гривна кун (1229 г.) в одном из списков договора смоленского князя Мстислава Давидовича с немцами, но и в этом случае разъяснено, что под кунами следует

²² Там же.

²³ Бауер Н. П. Денежный счет Русской Правды. С. 217.

²⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 59 сл.

понимать куны серебряные: «Оже бьють волного человека, платити за голову 10 гривен серебра, а за гривну серебра по 4 гривны кунами или пенязи»²⁵. Серебро и в безмонетный период остается основным платежным средством при расчетах с «немцами» и единственной основой денежных расчетов. Обращение к «ветхим кунам» в новгородском договоре 1189–1199 гг. стоит, таким образом, в одном ряду с оговорками других международных актов, свидетельствующих о предпочтении серебра.

Утверждая, что в конце первой трети XII в. происходит важный перелом в русском денежном обращении — смена серебряной монеты товаро-деньгами, мы можем опереться на ряд свидетельств иноземцев и на художественные памятники, подтверждающие существование в это время товаро-денег. Так называемый безмонетный период русского денежного обращения окончательно устанавливается в 20–30-х гг. XII в. Об обращении меховых денег Низами и Ахмед Тусский писали в XII в., сообщение Рубруквиса относится к XIII в., Жильбер де Ланноа наблюдал такие деньги в Новгороде в начале XV в.²⁶

Единственным свидетельством более раннего времени является сообщение Ибн-Русте, писавшего в 20-х гг. X в. о жителях волжского Булгара: «Главное их имущество — куницы. У них нет денег., дирхемы у них — куницы, причем одна куница обращается среди них (по цене) в два с половиной дирхема... белые круглые дирхемы привозятся из областей ислама и они их покупают»²⁷. Ибн-Русте сообщает не только об отсутствии у болгар собственной монеты, но и о том, что они пользовались монетой иноземной. Он не приводит каких-либо сравнений степени распространенности меховых денег и «белых круглых дирхемов, привозимых из стран ислама». Его сообщение ни в коей мере не может рассматриваться как свидетельство «всеобщности» меховых денег в монетный период и отсутствия в то время монетного обращения. Оно говорит лишь о том, что обращение товаро-денег, свойственное XII–XIV вв., существовало в какой-то степе-

²⁵ Русско-Ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. Т. I. ДЛ.

²⁶ Некоторые художественные памятники XV–XVI вв. являются уже ретроспективными и представляют лишь результат осмысления древней терминологии.

²⁷ Ковалевский А. П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. С. 46.

ни и в более раннее время наряду с обращением иноземной серебряной монеты.

До конца первой трети XII в. слово «куна» на Руси применяется к серебряной монете²⁸. Важно отметить и то, что, применяя этот термин в последующее время к товаро-деньгам, источники оговаривают разницу лишь в редких и очень специфических случаях. К числу последних относятся цитированные места междукняжеских договоров; к ним же можно отнести и любопытное противопоставление, содержащееся в Новгородской Синодальной летописи под 1209 г.: «...повелеша на новгородцих сребро имати, а по волости куры (куны. — В. Я.) брати»²⁹. Письменные источники внутреннего русского денежного обращения XII — первой половины XIII в. не знают различия между старой и новой гривнами кун по стоимости. Пространная Правда, синхронная мирному договору 1189—1199 гг., оперирует суммами, которые выражены в гривнах кун или в гривнах кунами, не оговаривая каких-либо отличий, отмеченных договорами. При этом ставки штрафов за одинаковые преступления детально совпадают со ставками в договорах, где счет ведется на *старые* гривны. Это и позволяет заключить, что гривна кун того времени имела две формы, выражающие одну и ту же стоимость в разном материале. Пересчет гривны кун на серебро давал старую метрологическую величину.

Изложенные наблюдения открывают возможность более простых расчетов величины гривны кун, имевшей, таким образом, одинаковый теоретический вес на всем протяжении XI, XII и первой половины XIII вв. Установлению величины этой гривны способствует то, что она в некоторых памятниках XII—XIII вв. поставлена в соотношение с еще одной денежной единицей — гривной серебра. Сообщение смоленского договора 1229 г. — «а за гривну серебра 4 гривны кунами» — выше уже цитировалось. То же соотношение (1 4) устанавливается сравнением статей одинакового содержания в Русской Правде и в Новгородском мирном договоре 1189—1199 гг.:

²⁸ Ср. также сообщение Повести временных лет под 6576 (1068) г.: «Двор жь князь разграбиша, бещисленное множество злата и сребра, кунами и белью». Повесть Временных Лет. Ч. I. М.; Л., 1950. С. 115.

²⁹ Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 51; ср.: Там же. С. 248.

1. Аже убить мужь мужа..., то положить за голову 80 гривен. Аще ли будеть... купецъ... то 40 гривен положит за нь³⁰.

А оже убьютъ Новгородца посла за морем или Немецкыи посол Новогороде, то за ту голову 20 гривен серебра. А оже убьютъ купчину Новгородца или Немчина купчину Новогороде, то за ту голову 10 гривен серебра³¹.

Решение вопроса о величине гривны кун и самой куны упирается, таким образом, в установление величины гривны серебра. Под последней, существование которой отмечено уже источниками XII в., можно понимать только серебряный слиток, единственную серебряную единицу русского денежного обращения, известную вкладах XII – первой половины XIV в.

На связь гривны серебра именно со слитком указывает целый ряд летописных свидетельств. В частности, в Ипатьевской летописи под 1288 г. сообщается, что волынский князь Владимир Василькович «блюда великаа сребрянаа и кубькы золотые и серебряные сам перед своима очима побил и полъ в гривны»³². Летопись применяет термин «гривна» к слитку³³. Решив сперва вопросы метрологии слитков-гривен, мы можем более уверенно перейти к исследованию метрологии монет-кун, хотя сами слитки составляют более позднюю, чем монеты, форму русского денежного обращения.

Как уже отмечалось выше, И. И. Кауфман определял вес гривны серебра в 96 золотников, подразумевая при этом никогда не существовавшие в действительности слитки серебра фунтового веса. Обращение к фактическому вещественному материалу русского денежного обращения XII–XIII вв. устанавливает, что Древняя Русь знала в этот период в основном только два рода денежных слитков: продолговатый слиток так называемого северного веса, по своей норме близкий полуфунту (такой же вес имеют так назы-

³⁰ Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. С. 87.

³¹ Там же. С. 130.

Летопись по Ипатьевскому (Ипатскому) списку под 6796 г. СПб., 1871. С. 601.

³³ Упоминание золота в приведенном контексте также может быть поставлено в непосредственную связь со слитками, так как письменные источники неоднократно называют «гривну золота», а по русскимкладам хорошо известен и золотой слиток. См.: Бауер Н. П. Денежный счет Русской Правды. С. 236 и сл.

ваемые «черниговские» слитки, а также часть шестиугольных слитков), и южный шестиугольный слиток весом около 160 г (такой же вес имеют некоторые продолговатые слитки)³⁴. Но приведенные свидетельства договоров могут относиться только к «северному» слитку; только к нему следует относить и сообщение Ипатьевской летописи: несмотря на то, что в ней идет речь о территории Волыни, прекрасно знакомой с шестиугольным слитком, время действия относится к тому моменту, когда южный слиток уже вышел из обращения и вся Русь пользовалась так называемыми слитками «северного веса».

Следовательно, установить величину гривны серебра мы можем, выяснив вес «северных» слитков. Уже указывалось, что Н. П. Бауер считал их весовую норму (за которую он принимал норму среднего веса) равной 197 г, а Г. Б. Федоров настаивал на падении весовой нормы слитка от 204,756 г в XII в. до 195 г в XIV в. Исчисляя норму среднего веса слитков разного времени, мы можем проверить оба эти предположения. Хронологическая классификация русских денежных слитков и сводка всех данных о весовых показателях были опубликованы Н. П. Бауером³⁵. Им приведены сведения о весе 118 экз. «северных» слитков XI — начала XIII в.³⁶, 203 экз. таких же слитков XIII в.³⁷ и 279 экз. гривенных слитков XIV в.³⁸ Расчет среднего веса дает следующую картину:

Дата слитков	Общее количество	Вес (г)	
		общий	средний
XI — нач. XIII в.	118	23389,19	198,21
XIII в.	203	40239,26	198,22
XIV в.	279	55058,52	197,30

Цифры наглядно показывают, что норма слитка остается неизменной на протяжении всего периода его существования. Разница

³⁴ Так называемые «литовские» слитки, приходившие на Русь из Прибалтики, для Руси должны рассматриваться лишь как форма серебра; весовые нормы их с русскими системами не связаны.

³⁵ *Bauer N. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters.*

³⁶ *Ibid.* S. 36—42; примеч. 1, s. 42.

³⁷ *Ibid.* S. 46—50; примеч. 2, s. 50.

³⁸ *Ibid.* S. 52—58; примеч. 1, s. 58

в весе слитков XIV в. и более ранних, составляющая менее 1 г, ничего не меняет. Эта норма не имеет ничего общего с той, которая была выведена Н. П. Бауером. Во всех случаях она превышает последнюю. Учитывая неизбежный угар серебра при литье слитков, мы можем их теоретическую норму связывать только с полуфунтом (204,756 г); любая другая величина не была бы метрологически обоснованной. Обращаясь к диаграммам указанных хронологических групп слитков (рис. 1–3), мы видим, что всюду наивысшим показателем закономерного веса являются 202–204 г. Более тяжелые отклонения единичны и не могут быть приняты в расчет.



Рис. 1. Весовая диаграмма слитков северного веса XI – начала XIII в. По 118 экз., опубликованным Н. П. Бауером в книге «Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters»

Установленное выше соответствие гривны серебра 4 гривнам кун дает возможность произвести расчет величины этих последних, а также расчет величины фракций гривны кун.

Гривна кун = *гривне серебра* : 4 = 204,756 г : 4 = 51,19 г.

Для времени Краткой Правды (XI в.) *гривна кун* (51,19 г) = 20 *ногатам* (по 2,56 г) 5 25 *кунам* (по 2,05 г) = 50 *резанам* (по 1,02 г).

Для времени Пространной Правды (XII–XIII вв.) *гривна кун* (51,19 г) = 20 *ногатам* (по 2,56 г) = 50 *кунам* или *резанам* (по 1,02 г).

Теоретическим нормам веса гривны и ее фракций, установленным по памятникам XI–XIII вв., в XI и начале XII в., по-видимому, должны были соответствовать реальные весовые нормы западно-



Рис. 2. Весовая диаграмма слитков северного веса XIII в. По 203 экз., опубликованным Н. П. Бауером в книге «Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters»

европейских серебряных монет, обращавшихся в то время на территории северной Руси. Ниже это предположение будет проверено и подтверждено.

Еще до обращения к изучению веса монет мы имеем все основания предупредить против априорного распространения весовых норм XI–XII вв., соответствующих периоду обращения западноевропейского денария, на русское денежное обращение более раннего времени. IX и X вв. денария еще не знают. Этот период является временем повсеместного распространения куфического дирхема, и переход от дирхема к денарию не мог происходить как простая смена в обращении безликих монетных масс, тем более, что он в значительной степени является отражением перестройки главнейших внешнеторговых связей Древней Руси. Последнее обстоятельство не могло не привести Древнюю Русь в более тесное соприкосновение с кругом весовых единиц Запада. Какими бы ни были нормы приема денария в этой торговле – счетными или весовыми, сопровождая монету, они могли вызывать те или иные изменения в структуре русской денежно-весовой системы.

Несоответствие теоретической величины гривны, выведенной выше для XI в., в применении к системе X в. обнаруживается с полной очевидностью, если обратиться к единственному письменному источнику X в., в какой-то степени дающему возможность гово-

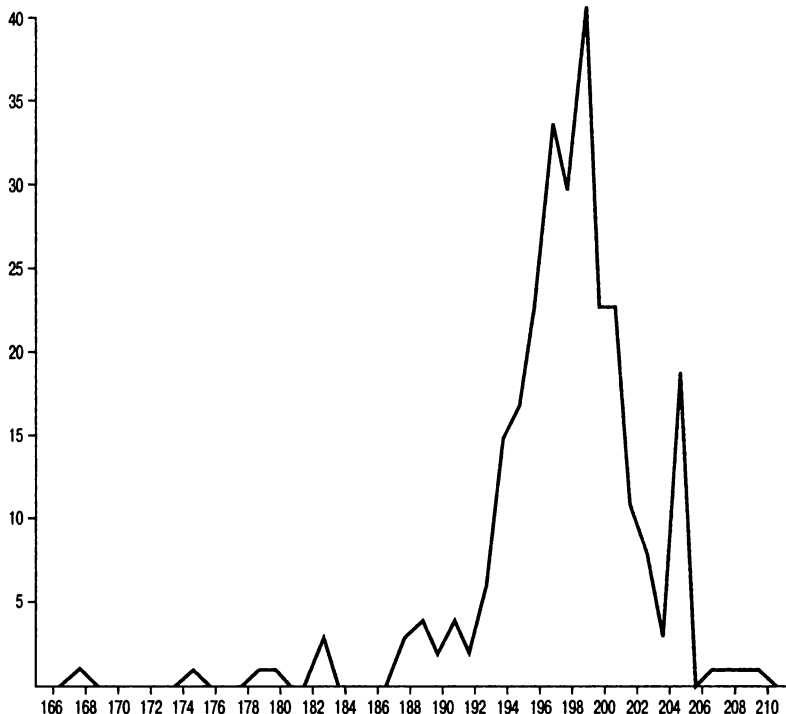


Рис. 3. Весовая диаграмма слитков северного веса XIV в. По 279 экз., опубликованным Н. П. Бауером в книге «Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters»

речь о денежно-весовой системе этого раннего времени, — договорам с греками.

В обоих договорах — 911 и 945 гг. — за нанесение удара «мечем, или ...кацем любо съсудом» полагался штраф в 5 литр серебра: «до того дела греха заплатить серебра литр 5, по закону Русскому»³⁹. «Закон Русский», под которым можно понимать только обычное русское право X в., был записан впервые в первой половине XI в. Уже в наиболее ранней его редакции «Древнейшей Правде», время возникновения которой М. Н. Тихомиров относит к 1036 г.⁴⁰,

³⁹ Договоры русских с греками и предшествовавшие заключению их походы русских на Византию. Ч. I. М., 1912. Табл. 5; Ч. II. С. 12.

⁴⁰ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941. С. 48–61.

имеется статья, довольно близко соответствующая месту, цитированному из договоров с греками: «Аще ли кто кого ударить бато-гом, или жердью, или пястью, или чашею, или рогом, или тылес-нею, то 12 гривен... Аще утнеть мечем, а не вънез его, любо руко-ять(ю), то 12 гривн за обиду»⁴¹.

Сопоставление штрафов в византийском и русском весовом выражении дает следующее равенство: 5 *литр* = 12 *гривнам*.

Если посчитать за гривну X в. теоретическую величину гривны, выведенную выше для XI в., то результат получится следующий:

$$\text{литра} = \frac{12 \text{ гривен}}{5} \cdot \frac{51,19 \text{ г} \times 12}{5} = 122,86 \text{ г.}$$

Полученная величина литры не находит никакого соответствия ни в письменных, ни в вещественных источниках и является совершенно фантастической.

Однако и подстановка в это уравнение величины хорошо известной по литературе византийской литры весом 327,456 г не давала реальных результатов. Попытки вычислить величину русской гривны X в. таким путем были предприняты в свое время П. С. Казанским⁴², П. Н. Мрочек-Дроздовским⁴³, В. О. Ключевским⁴⁴, а в советское время Н. П. Бауером⁴⁵. Подстановка в уравнение указанной величины литры определяет искомую норму гривны в 136,44 г. Расчет фракций полученной таким образом «гривны» — куны (1/25), ногаты (1/20), резаны (1/50) — давал соответственно величины: 5,45 г, 6,82 г, 2,48 г. Куны, ногаты и резаны получались настолько тяжеловесными и несоответствующими реальным весовым данным монет, встречающихся вкладах X в., что сама возможность полного сопоставления данных Договоров и Русской Правды была взята под сомнение.

Наиболее сжато скептический взгляд на возможность полного соответствия был сформулирован В. И. Сергеевичем: «По закону

⁴¹ Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. С. 76, ст. 3, 4.

⁴² Казанский П. С. Указ. соч. С. 114.

⁴³ Мрочек-Дроздовский П. Н. Указ. соч. С. 74.

⁴⁴ Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. I. Пг., 1918. С. 267.

⁴⁵ Бауер Н. П. Денежный счет Русской Правды. С. 211–212.

Русскому" относится не к определенному количеству литр, как это уже было замечено Эверсом, а к денежной плате вообще, так как по греческим законам оскорбление действием наказывалось иначе»⁴⁶. Не менее последователен и скептицизм И. И. Кауфмана. Последний в обоснование своего мнения о том, что «попытки привести домонгольскую гривну в связь с византийской литрой» совершенно не состоятельны и далеко не заслуживают «той чести, которая им оказывается в нашей исторической литературе»⁴⁷, обратил внимание на серьезные разночтения разбираемого места договоров в разных редакциях летописи. Сумма штрафа, показанная в договоре 945 г., не всегда выражается 5 литрами. В некоторых редакциях летописи вместо пяти стоит десять литр. И. И. Кауфман воспользовался этим разночтением только для того, чтобы взять под сомнение достоверность летописного свидетельства вообще⁴⁸. Пути и причины возникновения разночтений не были им исследованы.

Необходимости подобного исследования у И. И. Кауфмана и не могло возникнуть, т. к. его вывод был принципиально предreshен сочувственным цитированием работы В. И. Сергеевича. Между тем, предположение последнего о возможности неконкретного сопоставления статей закона кажется мало вероятным. В толковании В. И. Сергеевича, «закон Русский» устанавливает такие принципы, как кровная месть или денежный штраф. Конкретные же нормы ответственности за преступление являются для него якобы делом второстепенным. Такое толкование «закона Русского» как нормы, допускающей произвольное изменение ставок штрафа, или как права, допускающего абстрактное решение и безразличного к размеру штрафа, совершенно несовместимо с самими принципами раннефеодального права. Если это так, то дальнейшие поиски в решении нашего уравнения необходимы.

Разночтения, отмеченные И. И. Кауфманом, дают возможность направить эти поиски по другому руслу.

Тексты договоров 911 и 945 гг. приведены в девяти редакциях русской летописи: Лаврентьевской, Ипатьевской, Новгородской IV, Новгородской V, Софийской I, Воскресенской, Твер-

⁴⁶ *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. 4-е изд. СПб., 1910. С. 654.

⁴⁷ *Кауфман И. И.* Русский вес... С. 168—169.

⁴⁸ Там же.

ской, Львовской и Типографской. Чтение «10 литр» содержится в трех редакциях: Новгородской IV, Новгородской V и Софийской I (во всех списках последней, за исключением списка Царского), т. е. во всех новгородских редакциях «Повести временных лет» и только в них. Важной особенностью новгородского летописания является то, что оно использовало «Повесть временных лет» не во второй редакции (Сильверста), легшей в основу всех остальных русских летописей, а в третьей редакции (Мстислава), относящейся к 1118 г.⁴⁹

Следовательно, чтение «5 литр» является первоначальным, а разночтение появилось только в начале XII в. Но оно не может быть объяснено простой ошибкой переписчика — настолько различны написания цифр **Ѕ** (5) и **I** (10). Более вероятным кажется предположение о сознательной замене цифр редактором «Повести». Замена эта, однако, не могла не быть ошибочной, т. к. пропорция

$$\text{гривна} = \frac{327,456 \text{ з} \times 10}{12}$$

дает еще более невероятное решение, определяя вес русской гривны X в. в 272,88 з, а вес ее фракций — в 10,90 з (куна), 4,96 з (резана) и 13,64 з (ногата)!

Причина замены, таким образом, могла быть вызвана не действительным несоответствием первоначальных 5 литр 12 гривнам, а каким-то недоразумением в терминологии. Единственное объяснение этому недоразумению может заключаться в том, что домонгольская Русь наряду с византийской литрой знала другую, более привычную, ошибочный пересчет на которую и был сделан Мстиславом.

Если Мстислав принял первоначальные «5 литр» «Повести» за византийские, то удваивая их количество, он засвидетельствовал существование на Руси другой литры, которая была ровно вдвое меньше византийской. Но допустим, что ошибочность его поправки заключается в том, что первоначальный текст «Повести» имел

⁴⁹ Повесть временных лет. Ч. 2. М.; Л., 1950. Схема взаимоотношения основных летописных сводов, включивших в свой состав «Повесть временных лет» — табл. в конце книги.

в виду уже не византийские, а как раз малые литры, вдвое меньшие по весу.

Подстановка величины такой малой литры (163,728 г) в первоначальное уравнение

$$\text{гривна} = \frac{163,728 \text{ г} \times 5}{12}$$

дает величину гривны в 68,22 г, а величину ее фракций — куны, ногаты и резаны — соответственно в 2,73 г, 3,41 г и 1,36 г.

Существуют ли какие-либо основания, кроме приведенных выше, чтобы предполагать бытование в древней Руси домонгольского времени литры, равной $1/2$ византийской литры?

Слиток с таким весом был в значительной степени распространен в домонгольское время в южной Руси. Это известная шестиугольная «киевская гривна». Топографическое размещение кладов и отдельных находок этих слитков дает очень незначительную территорию: они сосредоточены на Киевщине и прилегающих к ней частях Волыни, Полтавщины, Черниговщины и Смоленщины (подробно см. рис. 48). Вопрос о происхождении веса этой гривны и об его теоретической норме в литературе чрезвычайно запутан. Для характеристики сущности разногласий в оценке природы этого слитка следует остановиться на двух работах последних лет, которые излагают основные точки зрения по этому вопросу.

Г. Б. Федоров, признавший шестиугольный слиток своего рода международной монетой, отмечает: «Правильным... является высказанное еще В. Н. Татищевым и разделяемое почти всеми последующими исследователями мнение, что киевская гривна в 36 зол. возникла под влиянием торговых сношений с Византией и для этих сношений; по своему весу она являлась половиной греческой литры в 72 зол.»⁵⁰.

Б. А. Романов придерживается иного взгляда: «Средний вес этих слитков, — пишет он, — 159 г (от 135 до 169 г). Форма их очень однообразная и потому чрезвычайно пригодная для обращения их в качестве денег; она несомненно автохтонна. Сказать это же об их весе никак нельзя. Обычно его выводят из половинной рим-

⁵⁰ Федоров Г. Б. Указ. соч. С. 145.

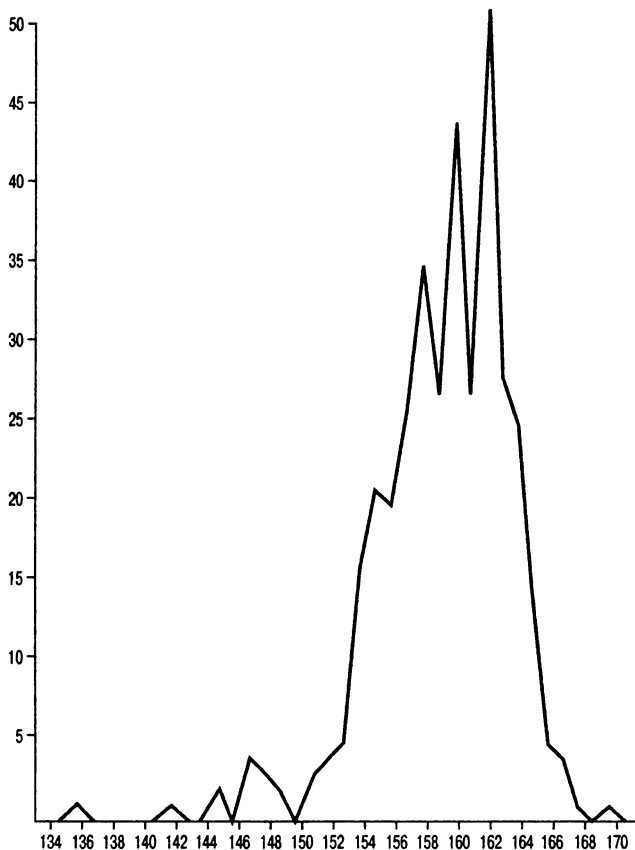


Рис. 4. Весовая диаграмма шестиугольных слитков. По 372 экз., опубликованным Н. П. Бауером в книге «Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters»

ской либры или византийской литры. В начале XX в. это мнение стало оспариваться, с чем следует согласиться, так как половинный вес либры нигде и никогда не встречался, да он к тому же и выше 159 г»⁵¹. Далее Б. А. Романов сближает полученный им средний вес шестиугольного слитка с некоторыми западноевропейскими весовыми единицами⁵².

⁵¹ Романов Б. А. Деньги и денежное обращение. С. 392.

⁵² Романов Б. А. Указ. соч. С. 392 и сл.

Попутно можно отметить также курьезное мнение И. И. Кауфмана, который считал шестиугольный слиток татарским и равным 36 золотникам (т. е. 153,36 г)⁵³.

Ни с одним из этих мнений, в том виде как они изложены в указанных работах, согласиться невозможно.

Прежде всего, шестиугольный слиток никогда не весил 36 золотников. Как это показано на весовой диаграмме (рис. 4), из 372 таких слитков, индивидуальный вес которых был выяснен Н. П. Бауером⁵⁴, только 16 слитков имеют точный вес 153–154 г. Из остальных лишь 25 весят меньше этой предполагаемой нормы, а 331 превосходит ее по весу. Выведенный Б. А. Романовым средний вес слитка (159 г) также фиктивен. Основная масса слитков имеет вес от 156 до 164 г, причем 156 экз. — почти половина всего материала — превосходят по своему весу выведенную Б. А. Романовым норму. Действительная норма таких слитков заключена в пределах 161–164 г (104 экз.), что точно совпадает с нормой 1/2 византийской литры (= 163,73 г).

Таким образом, мнение, приведенное Г. Б. Федоровым, правильное в части, касающейся соотношения шестиугольного слитка и византийской литры, но фактическое обоснование этого вывода ошибочно. Поскольку 1/2 византийской литры не была равна 36 золотникам, постольку и сама византийская литра не могла весить 72 золотника, как это утверждает, вслед за В. Н. Татищевым, Г. Б. Федоров. Это заблуждение основано на известном определении литры, данном в памятнике начала XVII в. — «Торговой Книге»: «В литре малых пол 2 гривенки, а золотников в литре 72 золотника, денгами весит 4 рубля с полтиною»⁵⁵. Приведенное положение не имеет отношения к византийской литре, бытовавшей во времена Киевской Руси. В византийской литре не содержалось 72 золотников — из нее чеканились 72 золотые монеты, которые в русских летописях назывались златницами, но величине русского весового золотника, определившегося к тому же как весовая единица позже времени обращения шестиугольного слитка, не равнялись⁵⁶. Вес их

⁵³ Кауфман И. И. Русский вес... С. 130.

⁵⁴ Bauer N. Die Silber- und Goldbarren... S. 25–32.

⁵⁵ Торговая Книга // Зап. отд. рус. и слав. археол. имп. Археол. об-ва. Т. I. СПб., 1851. Отд. 3. С. 114.

⁵⁶ Кауфман И. И. Русский вес... С. 163; Энциклопедия «Брокгауз—Ефрон», ст. «Литра».

был 4,548 г, т. е. почти на 0,3 г больше русского золотника. Хотя эти данные фигурируют в литературе уже около пятидесяти лет, отмеченное заблуждение разделяется, как указано, и современными исследователями.

В свете изложенного выше, связь шестиугольного слитка с половиной византийской литры представляется наиболее правильной. Выше были приведены соображения, согласно которым шестиугольный слиток терминологически связывается с понятием «литра». Только это название и применялось, по-видимому, к нему в домонгольской Руси, т. к. источники, относящиеся ко времени бытования на Руси и слитков «северного» веса, и шестиугольных слитков, не знают различных гривен. Термин «гривна серебра» мог поэтому применяться только к слиткам северного веса.

Нельзя не отметить, что связь киевского слитка с термином «литра» была известна еще С. И. Шодуару, на основании каких-то неизвестных нам письменных источников (ссылка отсутствует). «Киевская гривна, — пишет он, — получила свое начало от Греческой Литры и иногда означает сим названием, например, в старинных счетах (арифметиках)»⁵⁷.

Выяснив существование в домонгольской Руси XI—XIII вв. весовой гривны в 51,19 г и в более раннее время гривны весом в 68,22 г, мы отмечаем существование в XII—XIII вв., а может быть, и в несколько более ранний период слитка весом 163,73 г, который не связывается с обеими гривнами по системе русского денежного счета. Письменные источники чрезвычайно скупо отмечают существование этой третьей системы, однако нельзя и сказать, что они вообще молчат о ней. Источники называют литру, о связи которой с шестиугольным слитком уже говорилось. О местных различиях денежных систем свидетельствует также упоминание в Смоленском договоре 1229 г. «смоленской куны» и «смоленской ногаты»⁵⁸. Упоминания этих терминов не дают возможности сколько-нибудь подробно говорить о структуре системы южного слитка. Однако мы знаем его вес, и это в дальнейшем позволит отыскать уже в вещественном материале такие группы памятников, вес которых находится в рациональном отношении к весу киевского слитка.

⁵⁷ Шодуар С. И. Обзорение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древних времен. С. 96.

⁵⁸ Русско-Ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. С. 436.

Несколько слов необходимо сказать о покупательной способности фракций гривны, поскольку это необходимо для правильного представления о том, какую сферу товарно-денежного обращения эти фракции обслуживали.

Вопрос о ценах в домонгольской Руси является очень сложным. Упоминания цен в летописях и актах не редки; однако сама специфика упоминаний весьма затрудняет их исследование. Летопись обычно называет цены для характеристики голодных лет и дороговизны, поэтому ее свидетельства мало способствуют выяснению нормальных рыночных цен. Русская Правда, как правило, имеет дело не с ценами, а со штрафами, которые не могут быть привлечены для нашей цели. Наиболее важными оказываются свидетельства договоров или таких установлений, как «Покон вирный», где речь идет об оплате в нормальных условиях. «Покон вирный» оценивает сыр в резану, рыбу в 7 резан (количество не указано, но речь идет о дневном рационе для одного человека). Печеный хлеб в XIII в. ценился в две куны (= 2 резанам)⁵⁹. Эти примеры говорят об использовании мелких фракций гривны в сфере розничного мелкого обращения. Городской торг, так живо обрисованный рассказом Печерского Патерика, был основным местом приложения кун, ногат, резан и вевериц.

⁵⁹ Аристов Н. Промышленность древней Руси. СПб., 1866. С. 291. Кроме летописных свидетельств, цену хлеба в 2 куны устанавливает договор Новгорода с немцами 1269 г., согласно которому немцы обязаны были уплачивать лоцманам по 2 куны за печеный хлеб (Памятники истории Великого Новгорода / Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1909. С. 65, V).

Глава III

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ВОПРОСЫ МОНЕТНОГО ОБРАЩЕНИЯ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

Теоретические расчеты величины основных русских денежно-весовых единиц должны выдержать проверку на метрологии масового монетного материала, к обзору которого мы переходим.

Нам придется иметь дело с тремя основными группами иноземных монет, бытовавших на Руси в IX–XI вв. и использовавшихся восточными славянами в качестве средства местного денежного обращения. Наиболее многочисленную группу составляют куфические дирхемы — тонкие серебряные монеты диаметром около 20–25 мм, обе стороны которых покрыты арабскими надписями. Тип куфического дирхема сложился на Востоке в самом конце VII в. и на протяжении четырех веков оставался единственным типом мусульманской серебряной монеты. В центральной части обеих сторон дирхема помещены строчные легенды, содержащие благочестивые изречения и имена правителей, в обязательных круговых легендах этих монет — продолжения изречений и наиболее существенные для нас сведения о месте и годе чеканки монеты.

Малочисленную, но характерную для определенного периода группу монет составляют сасанидские драхмы, более толстые серебряные монеты, несущие на одной стороне изображение жертвенника и стоящих по его сторонам человеческих фигур, а на другой стороне — портрет сасанидского царя. На этих монетах также помещены имена правителей и даты чеканки, осуществлявшейся в V — начале VII в. (более ранние сасанидские монеты для наших кладов нехарактерны). К той же группе следует отнести и более поздние монеты испегбедов и арабских наместников Персии середины —

второй половины VIII в., использовавших в чеканке сасанидский тип. Эти монеты более тонкие, чем сасанидские. Размер сасанидских и испагбедских монет близок размеру куфического дирхема.

Наконец, третья и весьма многочисленную группу составляют западноевропейские денарии X—XI вв. — небольшие, менее 20 мм в диаметре тонкие серебряные монеты, несущие на себе изображения чеканивших их правителей, различных религиозных эмблем и надписи о месте чеканки. Последние иногда отсутствуют и заменяются именами герцогов или святых. Дат на денариях нет, и хронологическое их определение является более суммарным, нежели определение дат дирхемов.

Особую группу составляют также византийские милиарисии с греческими надписями и с изображением императора (часто с соправителем), а с VIII в. — с изображением «гогофского креста», но они в русских кладах чрезвычайно редки. Их малочисленность противоречит той роли в процессе формирования русского денежного обращения, какую византийскому милиарисию отводили некоторые авторы¹.

Прежде чем приступить к детальному изучению всех этих монет в русских кладах, нам следует обратиться к некоторым общим вопросам, имеющим не только методическое значение, но важным и для характеристики монетного обращения домонгольского времени в целом.

Обращаясь к монетному материалу, нам постоянно придется иметь дело с его хронологическим анализом. В связи с этим необходимо найти вполне определенную точку зрения в вопросе о принципах датирования монетных комплексов — кладов. Точно так же целесообразность метрологического анализа монетного материала станет для нас несомненной лишь после того, как будет твердо установлен сам характер приема иноземной монеты в русском денежном обращении.

¹ См.: *Тизенгаузен В.* Монеты Восточного Халифата. СПб., 1873; *Он же.* О саманидских монетах // Зап. Археол. общества. VI. СПб., 1855; *A. De Markoff.* Catalogue de monnaies arsacides, subarsacides, sassanides, dabweihides, ainsi que des pièces frappées par les ispehbeds du Tabaristan etc. SPb., 1889; *Dannenberg H.* Die deutschen Münzen der Sachischen und Fränkischen Kaiserzeit. Berlin, 1876—1888; *Keary.* A catalogue of English Coins in the British Museum. Anglo-saxon series. 1893; *Sabatier J.* Description generale des monnaies byzantines etc. V. I—II. Paris, 1862.

Принципы датирования монетных кладов

Хронологическое изучение состава монетных кладов является основой, на которой строится настоящее исследование. Эволюция денежно-весовых систем должна находить отражение в весовых нормах монет, сменявшихся в обращении. Но метрологическое изучение этих норм только в том случае будет правильным и плодотворным, если удастся выяснить, какие именно группы монет преобладали в обращении в то или иное время и как происходило выделение новых преобладающих монетных групп.

Располагая датами выпуска, обозначенными на самих монетах русских кладов, мы стоим перед задачей — в закономерности состава кладов найти новый смысл этих дат для наших целей, т. е. для достаточно обоснованного определения хронологии обращения тех или иных видов монет на Руси. Сравнительное изучение состава монетных кладов в его динамике, таким образом, преследует сразу две цели: оно дает основание для точной датировки кладов и выясняет эволюцию состава денежного обращения.

Классические труды Р. Р. Фасмера по периодизации обращения куфических монет в Восточной Европе² предопределяют методику исследования хронологических изменений в составе русских кладов, примененную в настоящей работе. Р. Р. Фасмер обосновал периодизацию русских кладов IX — начала XI вв. Он выяснил, что состав русских кладов изменялся закономерно, чтокладам одного и того же времени присущи общие закономерности их состава, и наоборот, разновременные кладывы резко отличаются в этом отношении. Установив, чтоклады IX в. по преимуществу слагаются из аббасидских монет, аклады X в. состоят в первую очередь из саманидских, Р. Р. Фасмер отметил, что их состав существенным образом изменялся и внутри этих крупных хронологических подразделений. Он выделил период преобладания в течение первой чет-

² *Фасмер Р. Р.* Клад куфических монет, найденный в Новгороде в 1920 г. // Изв. РАИМК. Т. IV. Л., 1925; *Он же.* Завалишинский клад куфических монет VIII—IX вв. // Изв. ГАИМК. Т. VII. Вып. 2. Л., 1931; *Он же.* Два клада куфических монет // Тр. Нумизмат. комисс. ГАИМК. Вып. VI. Л., 1927; *Он же.* Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе // Изв. АН СССР. Отд. общ. наук. 1933. № 6—7; *Он же.* Ein neuer Münzfund des elften Jahrhunderts in Estnischem Privatbesib. Sitzungsab. des Gelehrten Estnisch. Ges. 1934. Tartu, 1936. S. 155—223.

верти IX в. в кладах аббасидской монеты африканского чекана, тогда как в период с конца первой четверти IX в. до начала X в. безраздельно господствуют в обращении уже азиатские монеты Аббасидов. Затем наступает период обращения исключительно саманидских монет, продолжавшийся с начала X в. до 960-х гг., и наконец, последний период обращения дирхема (960—1014 гг.), который характеризуется внедрением в русское обращение заметного количества монет Бувейхидов и Зияридов при продолжающемся господстве дирхемов саманидского чекана.

Поскольку Р. Р. Фасмер основывал свое деление исключительно на внешних признаках, даже не ставя вопроса о том, как особенности состава кладов отражают развитие русской денежной системы в разные периоды, и не связывая непосредственно эволюцию состава денежного обращения, прослеживаемую по составу монетных кладов, с историей самого денежного обращения, его периодизация отличается известной условностью. Однако значение ее трудно переоценить. Создав ее, Р. Р. Фасмер установил то основное, без чего углубленное изучение денежного обращения Руси было бы невысказано.

Значение открытий Р. Р. Фасмера становится особенно наглядным, если обратиться к общим историческим работам и специальным нумизматическим трудам, касающимся не только проблемы датировки русских монетных кладов, но и более общих вопросов истории русского денежного обращения.

Вопрос о приемах и принципах датировки монетных кладов в литературе ставился неоднократно. Он, в частности, имеет решающее значение для датировки тех монет, которые не несут на себе дат. Поэтому споры о приемах датировки кладов достигли наибольшей остроты в дискуссии о не имеющих даты выпуска древнерусских сребрениках, которые в ряде случаев были обнаружены в кладах вместе с хорошо датируемыми куфическими и западноевропейскими монетами.

Издавший первый свод русских сребреников И. И. Толстой выдвинул следующие положения для определения даты клада: 1) хронологические границы находимых в кладе монет редко превышают период жизни человека, т. е. 40—50 лет; 2) в составе клада не бывает скачков, и наличие хронологических пробелов в составе того или иного клада указывает, что он не дошел до исследователя целиком; 3) время зарытия клада определяется его позднейшими

монетами; 4) в кладе преобладают над другими монеты позднейшие, которые к тому же принадлежат либо той стране, в которой клад был зарыт, либо ближайшей к ней³.

В лице Н. П. Чернева явился оппонент, выдвинувший на каждое положение И. И. Толстого свое контрположение: 1) «В огромном большинстве случаев клад представляет собой сбережения, сделанные человеком в течение всей его трудовой жизни. Сбережения... накапливались понемногу ...часто клад является продуктом деятельности не одного лица, а нескольких поколений, следовательно, его нельзя втискивать в узкие границы человеческой жизни»; 2) хронологические «скачки» в составе кладов «далеко не всегда являются признаком его расхищения... Легко может случиться, что пополнение клада происходит через долгие промежутки времени»; 3) «позднейшие монеты не всегда указывают на время заkopания клада... Монеты, составляющие клад, могли долгое время сохраняться вместе с прочим имуществом данного лица и быть зарытыми в землю лишь под влиянием чисто случайных обстоятельств»; 4) «Состав клада зависит от весьма различных обстоятельств и случайностей», а поэтому в нем необязательно должны преобладать поздние монеты или монеты, чеканенные близ места сокрытия клада⁴.

Характерно, что эта дискуссия велась по линии чисто логических, а подчас даже «психологических» рассуждений и не сопровождалась анализом фактического материала. Спорящие стороны не иллюстрировали своих положений конкретными примерами и явно злоупотребляли категорической формой. Поэтому гораздо больший интерес представляет продолжение дискуссии, возобновившейся уже в советское время, в 20-х и 30-х гг. Спор был возобновлен Н. П. Бауером, датировавшим клады по младшей монете, и возражавшим ему А. В. Орешниковым⁵. Последний отметил, что диапазон хронологического колебания монет в

³ Толстой И. И. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. СПб., 1882. С. 191, сл.

⁴ Чернев Н. Заметки о древнейших русских монетах // Вестн. археол. и ист. Вып. VII. СПб., 1888. С. 145 и сл. (отд. оттиск, с. 60 и сл.)

Бауер Н. П. Древнерусский чекан конца X и начала XI в. // Изв. ГАИМК. Т. V. Л., 1927; рец. А. В. Орешникова в *Seminarium Kondakovianum*. Т. II. Prague, 1929; Орешников А. В. Денежные знаки домонгольской Руси // Тр. Гос. ист. музея. Вып. 6. М., 1936. С. 31, сл.

составе кладов достигает в ряде случаев 211, 218, 298 и даже 368 лет, а русские монеты в кладах встречаются в неизмеримо меньшем количестве, нежели привозные. Указав, что завоз восточных монет на Русь прекратился в 1014 г., А. В. Орешников писал, что куфические монеты «могли быть зарыты 100 лет спустя» после их привоза⁶.

Резюмируя возражения, высказывавшиеся по адресу И. И. Толстого и Н. П. Бауера, можно сказать, что главное в них сводилось к тому, чтобы признать за обращающимися на Руси монетами возможность раз и навсегда оставаться в обращении. Г. Ф. Корзухина в своем капитальном исследовании о русских вещевых кладах обобщила это положение: «...монеты же при отсутствии собственного чекана, раз попав в пределы Руси, имели хождение здесь и несколько столетий спустя после их выпуска»⁷. В работе Г. Ф. Корзухиной это положение нашло заметное применение, поскольку она считает возможным к дате младшей монеты отдельных кладов прибавлять в виде хронологического корректива до сотни лет⁸. В общих положениях ее работы нашли отражение и необычайно широкий хронологический диапазон состава монетных кладов, и черневские «скачки» в их накоплении. Хронологический диапазон вещевых кладов (полтора-два столетия) даже противопоставляется диапазону монетных кладов, причем в качестве «характерного примера» приводится Гнездовский клад 1868 г.,⁹ в котором было 20 монет-подвесок (!), относящихся к VI, VIII и X–XI вв.

Разумеется, дошедшие до нас в виде кладов комплексы монет могли составляться в тех или иных случаях и в течение долгого времени, и за очень короткий срок, будучи выхваченными из «живого» обращения. Отсутствие такого деления в построениях Н. П. Чернева и А. В. Орешникова и переоценка фактора длительного накопления являются самым крупным недостатком. При массовом изучении русских кладов очень важно разобраться в том, какие из них действительно являются кладами длительного накопления, а какие сложились в самый короткий срок. Последние представляют наибольший интерес для исследователя, т. к. каждый из

⁶ Орешников А. В. Денежные знаки домонгольской Руси. С. 31.

Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. С. 15.

⁸ Корзухина Г. Ф. Указ. соч. Клады № 12, 13, 18, 36.

⁹ Там же. С. 15.

них является как бы моментальным фотографическим снимком с состава денежного обращения в тот или иной более или менее точно датируемый период.

А. К. Марков в своей топографической сводке восточных кладов¹⁰ обычно указывал даты самой ранней и самой поздней монет в кладе. На такие-то даты и опирался А. В. Орешников, когда возражал И. И. Толстому и Н. П. Бауеру. Тот же прием применен и Г. Ф. Корзухиной в описании монетной части смешанных кладов. Но при таком подходе, например, Переяславский клад с младшей монетой 1015 г. должен быть назван кладом чрезвычайно длительного накопления, т. к. в нем была обнаружена одна стертая римская монета первых веков н. э. То же можно сказать о Молодинском кладе 1010 г., включавшем в свой состав аршакидскую драхму I в. н. э., да и о всяком вообще кладе, будь он даже самого компактного состава по датам выпуска всей массы его монет, если в нем случайно замешалась хоть одна очень старая монета, что бывает так часто. Отдельные монеты очень ранней чеканки, как известно, задерживаются в обращении при любом характере последнего, но вполне очевидно, что не они определяют лицо монетного состава обращения и в данном случае лицо клада. Кладами длительного накопления следует считать лишь такие, весь состав которых принципиально отличается от состава синхронных им обычных кладов.

Расхождения в вопросе о принципах датировки кладов не имеют характера спора чисто источниковедческого, важного только для решения тех или иных хронологических проблем нумизматики и археологии. Важнее всего здесь то, что датировка кладов решает большие проблемы обращения иноземной монеты на территории Восточной Европы. Если эта монета служила, как утверждают, в основном целям накопления, будут совершенно неизбежны и вполне понятны и широкие границы хронологического состава кладов, и «скачки» в их составе, и все те явления, которые вносят известный произвол и условность в датировку кладов. Приняв положения Н. П. Чернева и А. В. Орешникова, мы должны прийти к выводу об относительной слабости денежного обращения древней Руси. Если же хронологический диапазон кладов узок, если да-

¹⁰ *Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических).*

та зарытия близко совпадает с датой младшей монеты клада, то состав монетного обращения, следовательно, постоянно обновляется, а это может свидетельствовать только о том, что монета была по преимуществу средством обращения.

Вполне понятно, что процесс обновления состава денежного обращения даже в условиях сравнительно развитого оборота не протекал прямолинейно. О сложности этого процесса на территории Восточной Европы, использовавшей ввозимую иноземную монету, нам придется говорить и дальше; как будет показано, эта сложность определялась не временными возвращениями к использованию монеты как средства накопления по преимуществу, а особенностями состава самих ввозимых монет. Но эти особенности не способны существенно изменить общей характеристики развития денежного хозяйства на Руси.

Работы Р. Р. Фасмера внесли ясность в те явления, в которых принято было видеть отсутствие системы. Сама возможность деления кладов по их составу на хронологические группы уже свидетельствует о движении состава русского денежного обращения, об его систематическом обновлении. Однако, создавая свою периодизацию, Р. Р. Фасмер оставлял в стороне вопрос о характере денежного обращения Древней Руси. Отчасти поэтому его замечательные, плодотворные идеи не вызвали, как можно было бы ожидать, продолжения и развития дискуссии в новом направлении. Авторитет в вопросе о датировании кладов такого выдающегося знатока нумизматики, каким был А. В. Орешников, остался почти непоколебленным.

Правильное представление о хронологии древнерусского монетного обращения может дать только полное изучение состава всех известных к настоящему времени русских монетных кладов домонгольского времени, детальное выяснение изменений в их составе и сравнение кладов, наиболее близких по дате их младших монет.

Результаты изучения хронологического состава русских кладов IX — начала XI в. видны на табл. I, к которой ниже придется постоянно обращаться при подробном разборе состава монетного обращения по периодам. В ней монеты большого числа кладов сгруппированы по десятилетиям их чеканки и указано процентное соотношение числа монет каждого десятилетия к общему количеству подпадающих точному определению монет всего клада. При

этом, естественно, в ряде случаев подсчет охватывает не все монеты клада; однако, как было отмечено еще П. Г. Любомировым, стертые дирхемы составляют в русских кладах крайне незначительную часть, которая не может сколько-нибудь заметно изменить общую характеристику клада¹¹. В большинстве случаев стертые монеты единичны¹². В таблице учтены далеко не все зарегистрированные к настоящему времени клады. В большинстве случаев они в литературе описывались настолько кратко, что подсчет монет в них по десятилетиям вовсе не представляется возможным. Такие поверхностные описания долго удовлетворяли нумизматов, а сами клады не сохранялись. Их монеты, как правило, вкладывались в систематические коллекции и обезличивались; восполнить литературные данные о многих кладах, зарегистрированных несколько десятилетий назад, невозможно даже при обращении к музейным коллекциям. В таблицу вошли лишь клады, описанные или сохраненные с полнотой, достаточной для подсчета монет по десятилетиям.

Следует учитывать, что клады, с которыми нам постоянно придется иметь дело, даже те, которые были описаны подробно, в некоторых отношениях очень трудно сравнивать между собой. Кладом мы называем любой комплекс монет, некогда зарытых в землю в целях сохранения или случайно попавших в нее. Кладом называют и несколько монет, и комплекс, состоящий из тысяч монет. Понятно, что большие клады полнее отражают состав денежного обращения, характерный для периода их зарытия, а малые

Любомиров П. Г. Торговые связи Древней Руси с Востоком в VIII—XI вв. С. 10.

¹² В исключительных случаях неопределимые и неучаствующие в подсчете монеты составляют значительный процент (Мишневский, Шумиловский клады). Однако обилие таких монет вызвано не плохой их сохранностью, а особенностями чеканки, которые сами по себе являются известным хронологическим показателем. В кладах второй половины IX в., в том числе и в упомянутых, заметную группу составляют так называемые «мертвые» монеты с едва проступающими на них надписями, отличающиеся, однако, очень небольшой потертостью (в Мишневском кладе их было 69 на 101, в Шумиловском — 82 на 1326). Отсутствие таких монет в кладах других периодов позволяет думать, что отмеченная небрежность чеканки свойственна второй половине IX в., а не усматривать в них наиболее старые экземпляры, которые должны были бы изменить наше представление об указанных кладах.

дают более суммарные сведения. Однако мы привыкли называть кладом и неполный комплекс монет, а иногда и очень малую часть клада, т. к. утрата той или иной части монет, как правило, расхищаемой находчиками, почти неизбежна.

Можно назвать немало случаев, когда части одного и того же клада, большие и малые, становились известны после более или менее длительного периода и в литературе фигурировали как самостоятельныеклады. Тем не менее даже и часть клада способна отражать состав денежного обращения, поскольку изъятие монет не может не носить случайный характер. Утрачиваются не обязательно монеты, изменяющие общую картину клада, а первые попавшиеся, и часть приобретает характер своего рода «пробы», взятой из целого. Поэтому, обращаясь, например, к такимкладам, как пудовые Великолукский или Струповский, из которых до исследователей дошли лишь десятки экземпляров монет, мы вправе относиться к этим остаткам больших кладов если не как к небольшим самостоятельнымкладам, то как к части, позволяющей составить общее и достаточно ясное представление о целом. Эту мысль хорошо выразил Н. П. Бауер: «Неумелые руки отберут случайно, а случай сохранит вероятнее всего основное процентное соотношение»¹³. Имея незначительные остатки больших кладов, мы, разумеется, можем и должны их рассматривать лишь на фоне тех кладов, которые дошли до нас в своей основной части.

Весьма сложен вопрос о том, что характерно и важно в составе клада и что случайно и второстепенно. Мы должны стремиться к тому, чтобы выяснить по составу кладов ту определяющую часть состава монетного обращения, которая оказывала непосредственное влияние на развитие денежных систем Руси, и отделить те монеты, которые для обращения тех или иных периодов являются нехарактерными и случайными. Опаснее всего было бы подойти к решению этого вопроса механически.

Примесь ранних монет в обращении того или иного периода может иметь очень различный характер, определяемый в основном по количеству таких ранних монет. Так, например, в начальном периоде обращения дирхема на Руси вместе с «молодой» монетой из обращения Востока приходит довольно много монеты сравнительно старой, которая в течение известного времени на-

¹³ Бауер Н. П. Древнерусский чекан... С. 316, примеч. 1.

равне с другими, «младшими» монетами более или менее активно воздействует на формирование русского обращения. Начало активной торговли с Русью немало способствовало очищению от ранних монет обращения самого Востока. Позже, когда приток масс все новой и новой монеты делает свое дело, насыщая и изменяя состав русского обращения, те же самые старые монеты «первого призыва», удерживающиеся в обращении во все меньшем числе, переходят в разряд случайной примеси, реликта. Сам состав кладов подсказывает нам, как следует смотреть на те или иные отсталые по дате монеты: когда они составляют более или менее компактную группу, или когда они во многих повторностях предстают перед нами как пережиток прошлого, случайная примесь, уже ни в какой мере не характерная для обращения времени сокрытия клада. Основная, определяющая группа монет клада в своей компактности однородных или различных монет выделяется после хронологического анализа достаточно четко и ясно.

Подходя к анализу русских кладов с целью выяснения обычного хронологического диапазона определяющей части их комплексов, мы можем говорить о том, что для кладов X в. ранняя граница этой части может быть датирована рубежом IX—X вв. Что касается кладов IX в., ранняя граница определяющей группы монет в них по составу кладов не выделяется так же четко, однако вполне понятно, что обращение восточных монет на Руси не могло начаться ранее их ввоза. Последний начинается, как будет показано далее, в конце VIII в., и это уже дает нам нужную датировку.

Формально обобщая материалы, изложенные в таблице, можно было бы утверждать, что теоретически

в течение	130	лет	мог	«накапливаться»	1 клад;
»	120	»	могло	»	4 клада;
»	110	»	»	»	6 кладов;
»	100	»	»	»	4 клада;
»	90	»	»	»	4 »
»	80	»	»	»	4 »
»	70	»	»	»	7 кладов;
»	60	»	»	»	9 »
»	50	»	»	»	7 »
»	40	»	»	»	5 »
»	30	»	»	»	5 »
»	20	»	мог	»	1 клад.

Хронологический диапазон определяющей части кладов, таким образом, не является постоянным. Он сам колеблется от 20 до 130 лет, причем больше половины подсчитанных кладов не подтверждает мнения И. И. Толстого об обычном хронологическом диапазоне клада, якобы равном среднему протяжению человеческой жизни. Н. П. Чернев такие клады, несомненно, посчитал бы за клады длительного накопления, «являющиеся продуктом деятельности не одного лица, а нескольких поколений». Но в действительности огромное, подавляющее большинство таких кладов не принадлежит к числу сокровищ длительного накопления. Все клады второй половины IX в., так же как и большинство кладов второй половины X в., отличаются сравнительно большим хронологическим диапазоном составляющих их монет. Нельзя же на основании этого делать вывод о том, что в первой половине IX в. и в первой половине X в. зарывались исключительно клады, составленные за короткий срок, а во второй половине IX в. и во второй половине X в. — почему-то только клады длительного накопления. Очевидно, что в указанные периоды составу денежного обращения была свойственна меньшая хронологическая компактность материала и существовали определенные причины, в силу которых в обращении удерживалось сравнительно много старой монеты. Вопрос о причинах этого явления будет специально рассмотрен ниже, здесь же важно отметить само наличие указанной особенности.

Здесь очень уместно возразить против злоупотребления термином «длительное накопление» в отношении кладов. Теоретически возможен, конечно, случай, когда клад окончательно сложился в результате последовательного пополнения омертвленного сокровища в течение продолжительного времени. В нем наслаиваются, а точнее — перемешиваются несколько «проб», одновременно взятых из обращения. Однако среди нашего материала можно назвать лишь один такой клад — Новгородский 953 г. Все остальные с 20-, 50- и даже 130-летним диапазоном к числу «скопидомских» сокровищ относить невозможно: их состав, повторяющийся в сериях близких по времени кладов, является составом самого денежного обращения тех эпох, в которые они были сокрыты.

Анализ данных нашей таблицы приводит к выводу об исключительной закономерности движения состава русского монетного обращения в IX — начале XI вв. Последовательность кладов, распо-

ложенных согласно дате их младшей монеты, полностью совпадает с последовательностью изменений в общем составе этих кладов, которая благодаря этому представляется чрезвычайно закономерной. Если вносить какие-либо коррективы к показаниям младших монет и датировать отдельные клады с той или иной значительной временной надбавкой, что допускали Н. П. Чернев и А. В. Орешников, вся стройность таблицы, вся ее логика будет опрокинута.

Вполне понятно, что небольшие коррективы в 5–10 лет картины не меняют, но поскольку внесение нами каких-либо поправок неизбежно имело бы характер механический, практически правильное всего (ввиду малой величины этих коррективов) условно датировать в работе все клады годом их младшей монеты. Такой подход ставит их в равные условия и является более удобным, нежели рискованные в каждом случае поправки.

Датируя клад годом чеканки его младшей монеты, не будем забывать, что между этим годом и временем зарытия клада всегда должен находиться известный промежуток, на который приходится хотя бы путь монеты от места ее изготовления к областям Восточной Европы. Хронологическая последовательность отдельных кладов, близких по датам младших монет, может быть в действительности несколько отличной от последовательности этих дат. Тем не менее корректив не может быть ни большим, ни слишком разным, на что указывает та закономерность, с которой клады, датированные по младшим монетам, расположились в таблице.

Если бы, допустим, из числа 44 подсчитанных монет Пейпусского клада с младшей монетой 863 г.¹⁴, относящегося к тому периоду, когда русскимкладам был присущ не только широкий хронологический диапазон, но и преобладание ранних монет над более поздними, случайно не сохранились три младшие монеты, этот клад пришлось бы датировать уже 824 г. Однако, обратившись к другимкладам 820-х гг. и внимательно сравнив их состав с составом Пейпусского клада, мы сразу же обнаружили бы случайное отсутствие в нем поздних монет. Вкладах 20-х гг. IX в. явно преобладают монеты 770–800 гг., тогда как в Пейпусскомкладе преобладают монеты 790–810 гг., что свойственно и другим подсчитаннымкладам 60-х гг. IX в.

¹⁴ *Марков А. К. Топография...* С. 18. № 99.

Исключительная закономерность смены состава монетного обращения, демонстрируемая таблицей, подтверждает правильность приемов Р. Р. Фасмера, придававшего при датировке кладов исключительное значение показаниям младшей монеты и не допускавшего произвольных коррективов. Приведенный выше пример показывает, что право на какие-либо значительные поправки к дате может дать только тщательное изучение состава кладов, который и является определяющим в окончательной датировке клада.

В подробностях состава монет, образующих клад, отражаются закономерности монетного обращения. Поэтому правильность датировки любого монетного клада может быть достигнута только в том случае, если клад будет изучен на фоне общих закономерностей этого обращения.

Тот же вывод подтверждается и изучением династического состава русских кладов (см. табл. II). Эта таблица составлена для другой цели: она играет вспомогательную роль при метрологическом изучении монет различных династий, позволяя выяснить, какое значение монеты тех или иных государств и государей имели в различные периоды русского денежного обращения. Династические группы монет в ней размещены по горизонтали в последовательности появления в кладах их первых монет. Исключение сделано для Византии, монеты которой в кладах появляются очень рано, но характерными становятся лишь во второй половине X в. Составленная по тому же принципу, что и таблица хронологического состава русских кладов, эта таблица дает точно такую же картину закономерных изменений в составе денежного обращения.

Таблица наглядно показывает полное преобладание аббасидских монет в кладах IX в. и саманидских — в кладах X в. Однако наибольший интерес для характеристики эволюции состава денежного обращения представляют наблюдения над монетами остальных династий, составляющими как бы свиту основной части монет. Клады, близкие друг другу по дате их младшей монеты, близки и по династическому составу. Некоторая примесь монет Испебедов, Идрисадов, губернаторов Тудги и испанских Омейядов характерна только для кладов первой трети IX в. Вполне закономерно происходит устранение из обращения монет Аглебидов и Зеидидов, Тахиридов, Саффаринов и Омейядов. Обращение очищается от целых категорий ранних монет, усваивая монеты новых ди-

настий. Для каждого узкого периода обращения складываются свои неповторимые сочетания монет различных династий.

Таблица хронологического состава русских кладов учитывает только материал обращения IX — начала XI в. Более поздние монеты — западноевропейские — не имеют обозначения даты чеканки и датируются более суммарно. Поэтому точный подсчет их по десятилетиям, как в кладах датированных куфических монет, невозможен. Однако клады западноевропейских денариев XI в. были хорошо изучены Н. П. Бауером, который установил существование в денежном обращении XI в. тех же принципов постоянного обновления состава монет, которые существовали в IX—X вв.¹⁵

В связи с особенностями денежного обращения XI в. следует сказать несколько слов о характере пережиточного бытования в это время куфической монеты. Выше цитировалось утверждение А. В. Орешникова о том, что куфические монеты могли быть зарыты в виде кладов «100 лет спустя» после того, как завоз их в Восточную Европу прекратился в 1014 г. Молодинский клад с младшей монетой 1010 г., Переяславский клад с младшей монетой 1015 г., Поречьский клад с младшей монетой 1020 г., по Орешникову, следует датировать даже XII в., поскольку оказавшиеся в названных кладах монеты Владимира он приписывал Мономаху. Такие предположения еще имели бы некоторую долю вероятности, если бы на смену куфическим монетам не пришли никакие другие монеты; но этого не случилось. После 1014 г. доживающие куфические монеты вступили во взаимодействие со вновь приливающими в русское обращение западными монетами, и именно последние дали основания для правильной датировки перечисленных кладов.

Куфические монеты в кладах XI в. это не просто доживающие монеты, завезенные еще в X в. И их династический состав имеет свои особенности. Как это видно из таблицы II, в кладах XI в. появляются монеты таких династий, которых еще не знали и не могли знать клады X в. — Симджуридов, Джуландидов, Илеков, Салларидов, Джаффарилов и др., т. е. монеты, занесенные в Восточную Европу последней слабой волной восточного серебра. Р. Р. Фасмер установил и дальнейшую судьбу куфических монет в кладах XI в. Они постепенно, но, в общем, очень быстро исчезают из обращения. Если к концу первой четверти XI в. они составляли 90—

¹⁵ См.: *Bauer N. Die russischen Funde abendländischer Münzen.*

50 % всех монет кладов смешанного состава, то уже к середине XI в. они полностью и повсеместно исчезли из обращения. Период переживания куфических монет в русском обращении после 1014 г. составляет не 100 лет, как думал А. В. Орешников, а всего-навсего лет 35¹⁶. Такой небольшой срок потребовался для полного устранения из обращения восточной монеты.

Таким образом, приемы датирования кладов, установленные применительно к материалу IX и X вв., действительны и для кладов XI в.

При рассмотрении подробностей состава русского монетного обращения в различные периоды, которому посвящен весь следующий раздел исследования, материал излагается согласно общей периодизации кладов куфических монет, предложенной Р. Р. Фасмером. Несмотря на отмеченную ее некоторую условность и даже благодаря этой условности, она является наиболее удобной для последовательного рассмотрения материала. То обстоятельство, что для большого числа зарегистрированных кладов мы располагаем только суммарным описанием, позволяет и датировать их лишь суммарно, в пределах тех периодов, которые были установлены Р. Р. Фасмером. Так, например, наличие в том или ином кладе зияридских или хамданидских монет дает полное основание относить его к последней трети X — началу XI в., но не обеспечивает более точной его датировки. Между тем для решения многих вопросов необходим по возможности полный учет топографических сведений в пределах достаточно обширных периодов. Наиболее правильная датировка значительной части кладов может быть поэтому предпринята только на основании схемы Р. Р. Фасмера, при условии ее некоторого уточнения.

Роль иноземной монеты в русском денежном обращении

Выяснение роли восточной и западной монеты в денежном обращении Восточной Европы имеет исключительно важное методическое значение. Установив преобладание в обращении того или иного периода определенных монетных групп, мы не сможем

¹⁶ См.: *Vasmer R. Ein neuer Münzfund des elften Jahrhunderts in Estnischem Privatbesitz.*

двинуться ни на шаг, не располагая данными о том, каков был сам характер приема иноземных монет на Руси. Если в обращении они принимались исключительно на вес, то метрологическая эволюция таких монет никак не может влиять на развитие той системы, которая использует иноземные монеты в качестве материала обращения. Любые перемены в весе монет в этом случае всегда нивелировались бы дроблением монеты, включением в обращение обломков, да и сами монеты, в таком случае, были бы не более как измельченным серебром. Основным источником нашего исследования должны были бы стать не монеты, а гири, посредством которых они взвешивались.

К. Маркс очень образно писал о характере денег в сфере внутреннего обращения, где монеты выступают облаченными в собственные национальные мундиры и говорящими на разных языках. Эти национальные мундиры монеты сбрасывают, переходя в сферу международного обмена, где не имеет никакого значения монетный штемпель, а стоимость монеты определяется исключительно ее весом и качеством металла¹⁷. Вступая в сферу международного обмена, монеты перестают быть монетами.

Демонетизация монеты может сохраняться и во внутреннем обращении тех государств, которые пользуются иноземной монетой. Однако в определенных условиях иноземная монета может обрести вновь все присущие ей особенности во внутреннем обращении того нового общества, которое ее использует. Она заговорит на другом языке, может, не переменяв «национальный мундир», получить иное местное название и в своей сущности остаться тем же самым, чем она была и у себя на родине.

Одним из наиболее распространенных представлений об особенностях монетного обращения в Древней Руси IX–XI вв. является мнение о том, что восточные и западные монеты принимались не по счету, а на вес¹⁸, или даже с оценкой «на глаз»¹⁹. Это представ-

¹⁷ *Маркс К.* К критике политической экономии. М.: Госполитиздат, 1953. С. 101.

¹⁸ См., например: *Савельев П. С.* Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. I. СПб., 1847. С. XXVIII и сл.; *Марков А. К.* Русская нумизматика. Конспект лекций. СПб., 1905. С. 7; *Кауфман И. И.* Русский вес... С. 178 и сл.; *Орешиников А. В.* Денежные знаки домонгольской Руси. С. 16; *Монгайт А. Л.* Указ. соч. С. 69.

¹⁹ *Бауер Н. П.* Денежный счет Русской Правды. С. 230.

ление основано на многочисленных фактах находок в монетных кладках домонгольской Руси обломков и обрезков монет, которые при этом имеют настолько разнообразный вес, что значение их как довесков к определенным количествам серебра кажется бесспорным. Если действительно восточная и западная монета принималась в Древней Руси только на вес, то все мелкие денежные единицы — куну, ногату, резану, веверицу — можно рассматривать только как чисто счетные деньги, как некоторые количества серебра, вес которых не совпадал с весом реально обращавшихся в Восточной Европе иноземных монет. В таком случае вряд ли может иметь смысл кропотливое массовое взвешивание дирхемов и денариев, поскольку их вес, сам по себе интересный для изучения монетного дела производивших эти монеты городов, не сможет сообщить никаких данных о денежно-весовых системах Древней Руси.

Сам по себе факт обнаружения обломков в кладках еще не может служить безусловным доказательством принятия монеты на вес. Известны многочисленные свидетельства арабских авторов о распространении обычая делить монеты для получения более мелких платежных единиц на территории почти всего мусульманского Востока в VIII—XI вв.

В середине X в. об этом обычае хорошо знал ал-Истахри (около 951 г.), сообщивший, что обломки дирхемов обращались наряду с целыми дирхемами в Самарканде²⁰. Ко второй половине X в. (985—986 гг.) относится сообщение ал-Мукаддаси: «Что касается их монет, то во всех провинциях, вплоть до Дамаска, дирхем не достигает полного веса. Он делится на половинки, называемые кират, на четвертушки, на осьмушки и на шестнадцатые части, называемые харнуба. Все принимаются поштучно»²¹. Последнее сообщение перекликается с изложенным Р. Р. Фасмером очень ранним свидетельством арабского законоведа Абу-Юсуфа (731—795 гг.) о том, что «жители Басры пользовались в своих торговых сделках разломанными на части (мукатт'а) дирхемами, как-то: половинками, кусочками весом в кират., в тассудж... и в хаббу»²². От 903 г. сохрани-

²⁰ См.: Савельев П. С. Мухаммеданская нумизматика... С. XXXI.

Bibliotheca geographorum arabicorum. T. III. Leida, 1877. Descriptio imperii moslemici auctore al-Mokkaddasi. P. 240.

²² Фасмер Р. Р. Об издании новой топографии... С. 482.

лось свидетельство Ибн-Факиха Хамадани, отметившего, что в Испании, в отличие от всего остального мусульманского мира, среди ходячих монет не встречается их дробных частей²³. Наконец, историк XI в. ал-Гардизи (около 1050–1052 гг.) касается непосредственно славян, сообщая, что камские булгары, торгуя с руссами и славянами, ломали дирхемы на части, имевшие самостоятельное значение²⁴.

Знакомство с арабскими источниками показывает, что обычай дробления монет на Востоке был распространен повсеместно и на протяжении значительного времени. Отсутствие серебряных монет, более мелких, нежели дирхем, и видимая нехватка медных приводили к подобному удовлетворению потребностей обращения при мелких сделках. Свидетельства о принятии обломков на счет, а не на вес настолько постоянны, что в случае отклонения от этого обычая авторы должны были бы специально оговаривать это обстоятельство, как это сделал Ибн-Факих относительно Испании. Однако таких оговорок нет.

Что касается западноевропейских обычаев приема монеты в X–XI вв., существует довольно распространенное мнение о том, что крест на англосаксонских пенни, делящий поле монеты на четыре части, помещался в целях именно более правильного дробления монеты²⁵. Сам обычай дробления монет в Англии доживает до сравнительно позднего времени. Этот пример уместен здесь потому, что английские пенни сыграли немаловажную роль в денежном обращении Восточной Европы в XI в.

Русские памятники денежного обращения показывают, что подобные приемы теоретически допустимы и на территории расселения восточных славян. Об этом свидетельствует существование в русской денежной терминологии такого названия, как «резана», этимологического подтверждающего возможность деления монеты на части для получения более мелкой единицы, или термин «веверица», относящийся к такой незначительной денежной единице, которой никак не могла соответство-

²³ Bibliotheca geographorum arabicorum. T. V. Leida, 1885. Compendium libri Kitâb al-boldan auctore Ibn al Fakih. P. 88.

²⁴ Бартольд В. Отчет о поездке в Среднюю Азию... С. 121.

Ср.: Михалевский Ф. И. Очерки истории денег и денежного обращения. Т. I. Госфиниздат. 1948. С. 198.

вать целая монета. Однако только этих свидетельств недостаточно.

Счетный характер приема иноземной монеты даже при наличии в кладах обломков был бы неопровержимо доказан, если бы сами обломки отличались постоянством веса, а их весовые нормы находились бы в рациональном отношении с весовыми нормами целых монет. Однако монетные обломки русских кладов никакого весового постоянства не обнаруживают. Возьмем ли мы комплекс монетных обломков из клада второй половины X в. или из клада начала IX в., они дадут все варианты веса при диапазоне весового колебания до нескольких граммов; нет какого-либо постоянства и в форме обломков. И все же и этих данных недостаточно, чтобы сделать окончательный вывод о весовом приеме иноземной монеты в Древней Руси, убийственный вывод, который сделал бы почти ненужной всю дальнейшую работу по изучению эволюции состава русских кладов.

Одним из наиболее простых и в то же время наиболее убедительных приемов, при помощи которого возможно решать данный вопрос, может послужить изучение устойчивости и постоянства самого явления дробления монеты в Восточной Европе. Если удастся установить существование каких-либо более или менее длительных периодов, вовсе не знавших обращения обломков, вопрос о счетной природе древнерусского обращения иноземной монеты был бы решен положительно хотя бы для этих периодов.

Обратимся к кладам, содержащим монетные обломки. Привлекая только достаточно хорошо датируемые клады, можно назвать следующие:

- 786 г. — Клад из 28 целых монет и 3 обломков, обнаруженный в Старой Ладге в 1892 г. (*Марков А. К.* Топография... С. 140. № 24).
- 788 г. — Известный по очень небольшой, но весьма характерной в смысле определенности части клад из более чем 800 целых и обломков монет, обнаруженный на Паристовском хуторе Батурянского р-на Черниговской обл. в 1895 г. (СГАИМК. II. С. 289—290. № 24).
- 808 г. — Клад из 5 серебряных слитков, 300 целых и обломков монет, обнаруженный в д. Княщино близ Старой Ладogi в 1875 г. и собиравшийся частями по 1895 г. (*Марков.* С. 32—33. № 179—181; С. 140. № 26).
- 808 г. — Известный только по четырем монетам клад целых и рубленых монет, обнаруженный в 1861 г. близ с. Баскач б. Каширского уезда Тульской губ. (*Корзухина Г. Ф.* Русские клады. № 7).

- 810 а — Клад из 12 целых монет и 41 обломка, обнаруженный в 1927 г. близ с. Завалишино Старо-Оскольского р-на Белгородской обл. (Фасмер Р. Р. Завалишинский клад // Известия ГАИМК. Т. VII. Вып. 2).
- 813 а — Клад из 2 серебряных браслетов, 140 целых монет и 8 обломков, обнаруженный в 1913 г. в с. Угодичи Ростовского р-на Ярославской обл. (Фасмер. Два клада куфических монет).
- 815 а — Клад из 1300 целых монет и нескольких сот обломков (половинок и четвертых частей), обнаруженный в 1822 г. в Могилевской губ. (Марков. С. 25. № 141).
- 817 а — Клад из 120 монет, «часть которых изрублена на половинки, четверти и еще более мелкие части», обнаруженный в 1874 г. близ с. Борки под Рязанью (Марков. С. 40. № 225).
- 825 а — Клад из 10 целых монет и 25 обломков, обнаруженный в 1833 г. близ г. Демянска Новгородской обл. (Марков. С. 28. № 154).
- 829 а — Клад из 5 серебряных слитков, 205 целых и 909 обломков монет, обнаруженный в 1879 г. близ г. Углича (Марков. С. 54–55. № 314).
- 820-е гг. — Клад из 7 целых монет и 51 обломка, обнаруженный в 1854 г. при раскопках Сарского городища (с. Деболы) в б. Ростовском уезде Ярославской губ. (Марков. С. 54. № 313; Эдинг Д. Сарское городище. Ростов Ярославский, 1928. С. 13).
- 831 а — Клад из 15 целых монет и некоторого количества обломков, в течение ряда лет (1889, 1890, 1908, 1924 гг.) выпавившийся на древнем городище в с. Загородье б. Вышневолоцкого уезда Тверской губ. (Марков. С. 47. № 267; С. 141. № 31; СГАИМК. I. С. 290. № 20).
- 847 а — Клад из 5 целых и 8 обломков монет, обнаруженный в 1938 г. при раскопках в Старой Ладогe (Пахомов Е. А. Монетные клады. Вып. IV. № 1302).
- 857 а — Клад из 139 целых монет и 168 обломков, обнаруженный в 1936 г. в совхозе Соболеве Дубровенского р-на Витебской обл. (Кузнецов К. В. Соболевский клад // Известия АН БССР. 1949. № 6. С. 155 и сл.).
- 869 а — Клад из 100 с лишним дирхемов, в числе которых были половинки и четверти монет, обнаруженный в 1874 г. в с. Борки близ Рязани (Марков. С. 41. № 225).
- 871 а — Клад из 1326 дирхемов, в числе которых было 118 древних обломков, обнаруженный в 1927 г. близ хутора Шумилово Демянского р-на Новгородской обл. (Новгородский музей, инв. № 4039).
- 873 а — Клад из 866 целых дирхемов и 141 обломка, обнаруженный в 1898 г. близ д. Хитровка б. Каширского уезда Тульской губ. (Марков. С. 141. № 33).

- 876 г. — Клад из 325 целых и 21 обломка монет, обнаруженный в 1936 г. в колхозе «Революция» (с. Бобыли) Тельченского р-на Орловской обл. (Пахомов. Монетные клады. Вып. IV. С. 94—95. № 1306).
- 878 г. — Клад из 170 целых монет и 102 обломков (по другим сведениям, из 258 монет), обнаруженный в 1855 г. близ с. Железницы б. Зарайского уезда Рязанской губ. (Корзухина. Русские клады. № 8).
- 906 г. — Клад из двух или трех тысяч целых и ломаных монет, обнаруженный в 1851 г. в Киеве (Корзухина. Русские клады. № 12).
- 909 г. — Клад из 2 шейных гривен и саманидских монет, в числе которых были половинки, обнаруженный в Верхотурье б. Пермской губ. в 1915 г. (СГАИМК. I. С. 289. № 14).
- 939 г. — Клад, из которого стали известными 50 целых монет и 40 половинок, обнаруженный в б. Ставропольском уезде Самарской губ. в 1856 г. (Марков. С. 41. № 227).
- 939 г. — Клад из 11.077 целых монет и 14 фунтов обломков, обнаруженный в 1868 г. в г. Муроме (Марков. С. 5—6. № 28).
- 944 г. — Клад из 135 целых и ломаных монет, обнаруженный в б. Дисненском уезде Виленской губ. в 1867 г. (Марков. С. 1—2. № 5).
- 946 г. — Клад, из которого стало известно и было определено только 8 монет; состоял из одного слитка серебра, более чем 100 целых дирхемов и множества их обломков и обнаружен в 1796 г. близ г. Гробина б. Курляндской губ. (Марков. С. 14—15. № 82).
- Не ранее 946 г. — Известный по одной получившей определение монете клад целых и разломанных пополам и на четыре части монет, обнаруженный около 1885 г. в г. Петрозаводске (Марков. С. 29. № 158).
- 947 г. — Клад из 200 целых и ломаных монет, обнаруженный в 1878 г. в б. Юрьевском уезде Лифляндской губ. (Марков. С. 17—18. № 98).
- 948 г. — Клад из 5 целых монет и 53 обломков, найденный в 1870 г. в д. Гнездово Смоленского р-на и обл. (Марков. С. 42. № 237; Корзухина. Русские клады. № 24).
- 952 г. — Клад, состоявший из серебряных браслетов, 51 целой и 53 ломаных монет, обнаруженный в 1896 г. в б. Гробинском уезде Курляндской губ. (Марков. С. 138. № 12).
- Не ранее 953 г. — Клад более чем из 300 дирхемов и их обломков, обнаруженный в 1874 г. в г. Ржеве. Известно определение только 2 монет (Марков. С. 46. № 264).
- 953 г. — Клад из 10 целых и 30 обломков дирхемов, обнаруженный в 1903 г. в Новгороде (Быков А. А. Клад серебряных куфических монет, найденный в Новгороде в 1903 г. // Изв. ГАИМК. Вып. IV. 1926).
- 955 г. — Клад из 150 целых дирхемов и множества их обломков, обнаруженный в окрестностях Вейссенштейна (Латвия) в начале XX в. (СГАИМК. I. С. 292. № 41).

- 955 а — Клад из 312 целых и 603 обломков дирхемов, найденный в 1913 г. в Фридрихсгофе близ Таллина (*Пахомов*. Монетные клады. Вып. II. № 627).
- 958 а — Клад из 40 целых и 33 ломаных монет, обнаруженный в 1835 г. близ Пскова (*Марков*. С. 36. № 205).
- 959 а — Клад из 10 целых и 5 ломаных монет, обнаруженный в 1871 г. близ Юрьева б. Лифляндской губ. (*Марков*. С. 19. № 103).
- 960 а — Клад из 154 целых и ломаных монет, обнаруженный в 1885 г. в д. Гнездово Смоленского р-на и обл. (*Марков*. С. 43. № 239).
- 961 а — Клад из 200 целых и ломаных монет, обнаруженный в 1849 г. близ д. Дубровинка Смоленского р-на и обл. (*Марков*. С. 42. № 235).
- 969 а — Клад из 60 целых и 10 ломаных дирхемов, обнаруженный в с. Болгарах б. Спасского уезда Казанской губ. в 1895 г. (*Марков*. С. 137. № 10).
- 969 а — Клад из почти 1000 дирхемов и их обломков, обнаруженный в Ковасте близ Везенберга (Раквере) в 1882 г. (*Марков*. С. 56. № 323).
- 972 а — Клад из 871 монеты, среди которых был 801 обломок, обнаруженный в 1953 г. при раскопках в Новгороде (*Янина С. А.* Неревский клад куфических монет X в. // МИА. 55. 1956).
- 972 а — Клад из 22 целых монет и 41 обломка, обнаруженный в 1924 г. в д. Новая Мельница Новгородского р-на и обл. (Новгородский музей, инв. № 245).
- 976 а — Клад из 25 целых монет и 32 обломков, обнаруженный в 1839 г. в с. Белый Омут б. Зарайского уезда Рязанской губ. (*Марков*. С. 39—40. № 220). Марковым клад датирован 976 или 986 гг. Последняя дата неприемлема, т. к. основывается на сомнительном чтении даты суварской монеты, а суварских монет 986 г. неизвестно (См.: *Фасмер Р. Р.* О монетах волжских болгар X века // Изв. О-ва Археологии, Истории и Этнографии. Т. XXXIII. Вып. I. Казань, 1926).
- 978 а — Клад серебряных вещей и монет (7 целых, 4 обломка), обнаруженный в 1883 г. в д. Рябиновской б. Глазовского уезда Вятской губ. (*Марков*. С. 6. № 33).
- 978 а — Клад из 333 целых монет и 68 обломков, обнаруженный в д. Ерилово Островского р-на Псковской обл. (Гос. Эрмитаж).
- 986 а — Клад из 66 целых монет и множества обломков, обнаруженный в 1896 г. в д. Красное б. Дисненского у. Виленской губ. (*Марков*. С. 136. № 1).
- 988 а — Клад серебряных предметов и монет, целых и ломаных (75 куфических и 55 денариев), обнаруженный в 1878 г. на восточном берегу озера Пейпус (*Марков*. С. 18. № 101).
- 990 а — Клад из 20 целых и 25 ломаных дирхемов, обнаруженный в 1890 г. в д. Мусорки б. Ставропольского у. Самарской губ. (*Марков*. С. 41. № 229).

- Конец X в.* — Клад из 96 целых монет, 56 обломков и 10 гирек, обнаруженный в 1934 г. близ д. Подборовка Старорусского района Новгородской обл. (Государственный Эрмитаж).
- Не ранее 939 г.* — Клад из более чем 200 дирхемов и их обломков, обнаруженный в 1840-х гг. на о-ве Эзеле (*Марков. С. 22. № 124*).
- Конец X в.* — Клад целых и ломаных бувейхидских дирхемов, обнаруженный в 1862 г. в с. Балымерах б. Спасского уезда Казанской губ. (*Марков. С. 10. № 53*).
- Ок. 1000 г.* — Клад из 399 целых и ломаных серебряных куфических, западноевропейских и византийских монет, обнаруженный в 1871 г. в д. Новый Двор б. Минского уезда и губ. (*Марков. С. 23–24. № 134*).
- Ок. 1000 г.* — Клад из 15 целых и 918 обломков куфических монет, обнаруженный в с. Коростово близ Рязани в 1891 г. (*Черепнин А. И. Коростовский клад. Рязань, 1892*).

Что касается кладов XI в., то обломки монет в них присутствуют постоянно, однако количество их сравнительно с числом целых монет незначительно, как это видно из всех приведенных Н. П. Бауером описаний²⁶.

Приведенная хронологическая таблица кладов с ломаными и разрезанными монетами позволяет заключить, что обращение обломков вовсе не характерно для всех периодов обращения иноземной монеты на Руси. Из 52 датированных кладов с обломками 12 относятся к 786–831 гг., только 2 — к 832–868 гг., 5 кладов — к очень короткому отрезку времени с 869 по 878 гг., 2 клада — к 879–938 гг. и 31 клад — ко времени с 939 г. до конца X в.

Появление в кладах обломков в определенные периоды и исчезновение их из обращения в другие периоды не носит случайного характера. Можно с полным основанием утверждать, что обломки закономерно распространялись в русском денежном обращении в конце VIII и в первой трети IX в., в 70-х гг. IX в. и с 939 г. до самого конца бытования дирхема в Восточной Европе. Однако они не имели непрерывного хождения на всем протяжении IX и X вв. Русское денежное обращение не знало их в 832–868 гг. и в 879–938 гг. Эти два периода исключительного обращения целой монеты составляют в общей сложности около сотни лет, т. е. приблизительно половину всего времени обращения в Восточной Европе куфи-

²⁶ *Bauer N. Die russischen Funde abendländischer Münzen.*

ческой монеты. Вопрос о счетном характере приема иноземной монеты в эти периоды можно считать решенным. А если это так, мы имеем все основания подходить к иноземной монете русского обращения как к русскому номиналу.

Глава IV

РУССКАЯ ДЕНЕЖНО-ВЕСОВАЯ СИСТЕМА IX И X ВЕКОВ

Начало проникновения дирхема в Восточную Европу

Вопрос о том, когда именно началось проникновение дирхема на территорию Восточной Европы, представляет большой интерес не только в связи с исследованием денежно-весовых систем Древней Руси. Установление этого важного хронологического рубежа в древнерусском денежном обращении открывает возможность уточнить время становления торговых связей Восточной Европы со странами Халифата, а эти связи играли большую роль в экономической истории Восточной Европы вплоть до самого конца X в.

Восточные монеты русских кладов, несущие на себе даты чеканки, в силу своей многочисленности являются первоклассным источником для изучения торговых связей славянства с Востоком. Однако длительная недооценка самостоятельного значения проблемы местного денежного обращения Восточной Европы давно привела к несколько одностороннему использованию показаний восточных монет. Куфические дирхемы рассматриваются в работах историков только как памятники сношений со странами Востока, а не как памятники внутреннего денежного обращения Восточной Европы. Отсюда произошло заметное стремление слишком уж непосредственно и конкретно опираться на даты наиболее ранних монет этих находок. Наличие в русских кладах известного количества монет Испегбедов, Омейядов и ранних Аббасидов, т. е. памятников VII и VIII вв.¹, постоянно приводило историков,

¹ Чеканка куфического дирхема начинается в 90-х гг. VII в. Самая ранняя куфическая монета из обнаруженных в русских кладах датируется 700 г.

привлекавших данные нумизматики, к упрощенному представлению о том, что завоз таких монет на Русь осуществлялся сразу же после их чеканки.

Немаловажную роль в формировании подобных представлений сыграло известное сообщение Макризи о том, что монета на Востоке перечеканивалась при смене государей и династий². Излишнее доверие к этому сообщению приводило к убеждению, что в правление каждого восточного монарха на территории его государства обращалась только монета с его именем: следовательно, такая монета и вывозиться за пределы страны могла только в правление этого монарха. Но, принимая это положение, легко прийти к утверждению об отсутствии терпимости и к любой иноземной монете на территории восточных государств, а отсюда и к вполне логическому выводу о том, что, скажем, монеты, чеканенные в африканских провинциях Халифата или в омейядской Испании, могли проникать в Древнюю Русь только путем непосредственного завоза, чего в действительности не было.

Как показывают наблюдения над составом русских кладов, арабы постоянно имели дело со значительной пестротой монетного состава обращения как в отношении мест чеканки, так и в отношении ее времени. Так, например, обращение всего IX в. — это обращение в первую очередь огромной массы монет, отчеканенных еще Харуном ар-Рашидом и Амином в самом начале IX в. Перечеканку монет последующими правителями вовсе не следует представлять себе в виде акта, сопровождавшегося обязательным изъятием всех монет предшественников или иноземных монет. Это был постепенный процесс изъятия монет, наиболее потертых, дефектных и почему-либо не соответствовавших нормам обращения.

Подобные факты и соображения мало принимались в расчет, и начало массового торгового обмена Восточной Европы со странами Востока часто датировалось VII в. или даже еще более ранним временем. Разбирая одно из сообщений IX в. о Руси, В. О. Ключевский подвел под эти представления следующее логическое обоснование, которое охотно цитируется исследователями древнерусской торговли: «Нужно было не одно поколение, чтобы с берегов

См.: *Савельев П. С.* Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. С. XXII.

² Ср.: *Любомиров П. Г.* Указ. соч. С. 10.

Днепра или Волхова проложить такие далекие и разносторонние торговые пути. Эта восточная торговля Руси оставила по себе выразительный след, который свидетельствует, что она завязалась по крайней мере за сто лет до Хордадбе»³ (т. е. по крайней мере в первой половине VIII в. — В. Я.).

П. Г. Любомиров, исследовавший торговые связи Руси с Востоком по нумизматическим данным, также не колебался в датировке начального этапа этих связей VIII веком, допуская проникновение восточной монеты на славянские территории и в VII в.⁴ В последние годы те же взгляды в связи с историей древнерусского денежного обращения развивал А. Д. Гусаков⁵.

Нет нужды цитировать многочисленные работы современных историков, где мнение о существовании развитых связей Восточной Европы со странами Халифата уже в VII и VIII вв. излагается с обязательными ссылками на исследование П. Г. Любомирова. Сочувственное изложение этого мнения встречается постоянно и иногда достигает большой красочности, примером чему может служить утверждение В. В. Мавродина о том, что «в VIII в. все среднее течение Днепра было усеяно кладами восточных монет»⁶.

Против такого чрезвычайно распространенного представления еще в 1933 г. выступил Р. Р. Фасмер, отметивший, что основной категорией датирующих находок являются клады, а не отдельно поднятые или случайно собранные монеты и что «кладов, зарытых в VIII в., до сих пор не найдено, а найдены только монеты VIII в. в кладах, зарытых в IX в.»⁷. Таково основанное на тщательном изучении источников мнение наиболее компетентного исследователя русско-арабской торговли. Однако оно высказано им в статье общего характера, без подробного разбора хронологии ранних русских кладов, а в другой специальной работе Р. Р. Фасмера, посвященной наиболее раннему периоду обращения дирхема в Восточной Европе⁸, сводка кладов была оставлена им без хронологического анализа.

³ Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919. С. 19–20.

⁴ Любомиров П. Г. Указ. соч. С. 13.

⁵ Гусаков А. Д. О некоторых явлениях в денежном обращении Древней Руси // Изв. АН СССР, отд. экон. и права. № 3. М., 1946. С. 245.

⁶ Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. Л., 1945. С. 135.

⁷ Фасмер Р. Р. Об издании новой топографии... С. 476.

⁸ Фасмер Р. Р. Завалишинский клад куфических монет VIII–IX вв.

Обращение к русским куфическим кладам наиболее ранней группы позволяет присоединиться к мнению Р. Р. Фасмера, при условии некоторого уточнения его даты.

Древнейший русский клад куфических монет относится по его составу не к началу IX в., как утверждал Р. Р. Фасмер, а к 80–90-м гг. VIII в. Это небольшой, но сохранившийся целиком (28 целых и 3 обломка монет) клад, найденный в Старой Ладогe в 1892 г.⁹ Монеты в нем составляют хронологически компактную группу, обнимая период чеканки в 38 лет (749–786 гг.).

Еще один клад, найденный на Паристовском хуторе Батурино-ского р-на Черниговской обл. (на р. Сейме) в 1895 г.¹⁰, можно лишь очень условно относить к концу VIII в. Он состоял из большого количества монет (около 800 целых и обломков), но из них сохранилось лишь 7 экземпляров. Сохранившаяся часть клада настолько мала, что дает возможность применить только приблизительную датировку концом VIII – первой четвертью IX в.¹¹

Для правильного представления о времени первоначального проникновения дирхема в Восточную Европу большую важность имеют клады куфических монет, обнаруженные в Западной Европе. Содержа в своем составе монеты, заведомо проделавшие путешествие через восточнославянские земли, они датируют и внутренние русские явления¹².

Древнейшим западноевропейским кладом куфических монет является крошечный клад серебряных изделий и дирхемов (7 целых и 1 обломок), найденный в Форе на Готланде¹³. Его младшая

⁹ Марков А. К. Топография кладов восточных монет. С. 140. № 24.

¹⁰ СГАИМК. П. С. 289–290. № 24.

¹¹ Сохранившиеся монеты клада: одна сасанидская или испегбедская, две омейядских – 720-х гг. и 740 г. (первая – африканская), пять – аббасидских – 754, 772, 779, 788 и 780–790-х гг. (из них 3 азиатского чекана, 1 – африканского и 1 – неустановленного города).

¹² В литературе существует мнение о том, что завоз куфических монет на некоторые западные земли, в частности в Финляндию, мог осуществляться и западным путем – из Испании (см.: Фасмер Р. Р. Об издании новой топографии... С. 480). Возможность такого проникновения восточных монет в Западную Европу, разумеется, не исключена, однако, судя по единству состава подавляющего большинства кладов Восточной и Западной Европы, проникновение каких-то монет с Запада могло быть только эпизодическим.

¹³ Марков А. К. Топография... С. 62. № 13.

монета относится к 783 г. Это, правда, единственный западноевропейский куфический клад VIII в. Во всяком случае, он увеличивает количество кладов восточных монет в Европе, зарытых не в IX в., а в последней четверти VIII в.

В качестве контрольного материала для проверки нашего вывода о более ранней датировке некоторых кладов можно привлечь и всю раннюю группу единичных монетных находок. Отдельно поднятые или обнаруженные в погребальных инвентарях монеты сами по себе, конечно, не дают достаточно надежного основания для датирования этапов денежного обращения. Многие из них, несомненно, не только попали в землю в сравнительно позднее время, но и сам приход их в Европу был явлением более позднего порядка, а часть происходит, по всей вероятности, из несохранившихся кладов. Однако их статистика в целом довольно интересна и показательна.

В Восточной Европе к настоящему времени зафиксировано 29 единичных находок куфических монет VIII в.¹⁴ В Западной Европе, по данным А. К. Маркова, таких достоверных находок — 13¹⁵. Из этих 42 находок — 5¹⁶ датируются суммарно; остальные дают следующую картину:

Годы чеканки монеты	Количество находок		
	в Восточной Европе	в Западной Европе	Всего
700—709	—	1	1
710—719	1	1	2
720—729	—	—	—

¹⁴ Марков А. К. Топография... С. 7. № 36; С. 7—8. № 38; С. 10. № 51; С. 13. № 69; С. 14. № 81; С. 16. № 92; С. 20. № 111; С. 29. № 162; С. 32. № 178; С. 35. № 199; С. 42. № 231; С. 42. № 233; С. 45. № 254; С. 52. № 302, 303, 304; С. 56. № 325 (в сообщении бесспорно объединены разные находки — VIII и X вв. Отметим также пропущенную А. К. Марковым опечатку в переводе дат с хиджры на н. э.); С. 136. № 5; С. 137. № 7, 9. СГАИМК. I. С. 290. № 27; С. 292. № 48; СГАИМК. II. С. 289. № 20; С. 290. № 27; Фасмер Р. Р. Заваалишинский клад. С. 18. № 54; С. 19. № 62, 63; С. 20. № 68. Древности. Т. 18, протокол 133.

¹⁵ Марков А. К. Топография... С. 89. № 1; С. 90. № 17; С. 94. № 71; С. 101. № 8, 12; С. 105. № 2; С. 109 (Голландия); С. 122. № 6; С. 124. № 21; С. 130. № 56; С. 131. № 68; С. 132. № 6; С. 133. № 13.

¹⁶ Там же. С. 29. № 162; С. 42. № 231, 233; С. 109. № 1; Фасмер Р. Р. Заваалишинский клад. С. 20. № 68.

Годы чеканки монеты	Количество находок		
	в Восточной Европе	в Западной Европе	всего
730–739	1	—	1
740–749	1	2	3
750–759	4	—	4
760–769	—	—	—
770–779	3	2	5
780–789	10	3	13
790–799	5	3	8

Приведенная таблица дает известные основания судить о той переломной дате, после которой отдельные находки восточных монет в Европе перестают носить случайный характер. Из 37 отдельных датированных находок таких монет — 25 относятся к последней четверти VIII в. Они начинают встречаться постоянно после 774 г. Хронологический диапазон остальных 12 находок достигает сотни лет, а распределение их по десятилетиям носит такой характер, что случайность их очевидна; это не случайность проникновения куфических монет в Европу уже в первой половине и в середине VIII в., а случайность попадания в землю ранних монет в более позднее время.

Более интересные и убедительные результаты дают наблюдения над таблицей хронологического состава русских кладов (см. табл. I). Наиболее ранней группой восточных монет, присутствие которой в кладах обнаруживает все признаки закономерности, являются монеты 40-х гг. VIII в. Они имеются в 13 из подсчитанных кладов, преимущественно 800–875 гг., в которых составляют от 0,67 до 6,40 %. Постоянство присутствия этих монет в ранних русских кладах по сравнению с более ранними монетами очевидно.

Предположение, что именно 40-е гг. VIII в. являются временем начала проникновения дирхема в Восточную Европу, невозможно. Судя по всем данным о составе монетных комплексов русских куфических кладов, минимальный хронологический диапазон состава денежного обращения на Востоке в изучаемую нами пору равен примерно 30–40 годам. Поэтому и приходится рассматривать монеты 40-х гг. в обращении Руси как в основном наиболее раннюю часть потока восточных монет, возникающего лишь в 70-х или 80-х гг. VIII в. Безоговорочное, непосредственное приложе-

ние даты этих монет к датировке начала куфического обращения на Руси — исходя все из того же диапазона наших кладов — невозможно ввиду отсутствия какой-либо закономерности в поступлении монет 10–40-х гг.

Движение восточного серебра не могло начаться и позднее указанной даты. Датировка начала проникновения дирхема в Европу даже 90-ми гг. VIII в. сделала бы случайным присутствие в наших кладах монет 40-х и 50-х гг., а датировка началом IX в. превратила бы в случайную примесь монеты 40–60-х гг. VIII в., которые, однако, в общей сложности составляют от 4,34 до 24,30 % от общего количества монет во всех русских кладах IX в.

Совокупность приведенных данных позволяет признать, что проникновение дирхема в Европу и само становление торговых связей Восточной Европы со странами Халифата начинается в 70–80-х гг. VIII в.

Существует еще одна категория восточных монет, которые приходили в Восточную Европу значительно раньше куфических: это сасанидские монеты V–VII вв. Сасанидские драхмы не составляют исключительной редкости в русских кладах первой четверти IX в. Поскольку на территории расселения славян более ранних кладов с этими монетами не существует вообще, есть все основания думать, что они влились в русское монетное обращение лишь вместе с куфической монетой, не ранее последней четверти VIII в. При этом весьма сомнительна возможность прихода их на Русь, а точнее — ухода их с Востока вместе с дирхемами. Допускать их участие в обращении до такого позднего времени на Востоке невозможно, особенно после реформы Абдул-Малика, очистившей монетное хозяйство от той пестроты, которая первоначально была свойственна составу монет, имевших хождение в мусульманских странах. Прямой завоз на русские земли сасанидских монет из Табаристана или Трансоксианы в конце VIII или в начале IX в. также кажется мало вероятным.

В своем подавляющем большинстве находки сасанидских монет концентрируются в пределах сравнительно небольшого ареала, включающего в свой состав территорию Прикамья, и именно в этой области, прославленной многочисленными находками сасанидской торевтики, обнаружен и ряд самых ранних монетных кладов Восточной Европы, относящихся еще к VI и VII вв. Клад вещей и монет, датированный VI в., обнаружен в б. Чердын-

ском уезде¹⁷; небольшой клад вещей и монет первой половины VII в. найден в имении С. Г. Строганова, где-то в пределах б. Пермской губ.¹⁸, другой клад того же времени происходит из д. Шестаково б. Красноуфимского уезда¹⁹. На той же территории найдено в различное время не менее десятка отдельных сасанидских монет²⁰.

По-видимому, именно эта область и была тем центром, из которого с вовлечением славян в восточную торговлю происходило распространение ранних сасанидских монет уже как примеси к куфическим. Бытование сасанидских монет в Прикамье до конца VIII в. имело узко местное значение и не оказывало никакого влияния на славянские области Восточной Европы. Прикамье и Западное Приуралье были первым уголком Восточной Европы, открытым восточной торговлей еще в VI в.; однако потребовалось еще два столетия, чтобы направление главного русла этой торговли изменилось, и восточные связи, перестав играть чисто местную роль, приобрели общеевропейское значение²¹.

Монетное обращение на территории Восточной Европы в конце VIII — первой трети IX в.

Клады куфических монет конца VIII — первой трети IX в. и находки отдельных монет этого времени на территории Восточной Европы многочисленны и зафиксированы в различных, далеко отстоящих один от другого пунктах (рис. 5). Всего к настоящему времени мы располагаем данными о 25 монетныхкладах рассматриваемого периода и более чем о 30 находках отдельных монет. Последняя цифра несколько условна, т. к. в числе отдельно поднятых монет могут оказаться и экземпляры, затерянные в более позднее время, но и одна только цифра кладов говорит сама за себя.

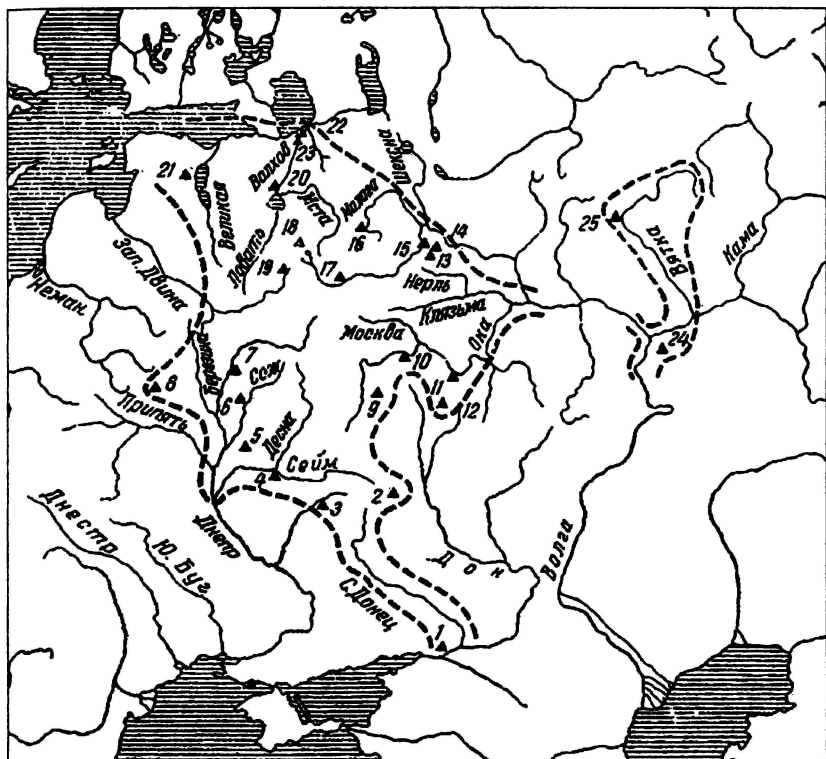
¹⁷ Марков А. К. Топография... С. 30. № 170.

¹⁸ Там же. С. 30. № 167.

¹⁹ Там же. С. 29. № 165.

²⁰ Марков А. К. Топография... С. 8. № 42; С. 29. № 163; С. 139. № 21, 22; СГАИМК. I. С. 289. № 13; С. 290. № 16; СГАИМК. II. С. 288. № 16.

²¹ Ср.: Фасмер Р. Р. Завалишинский клад. С. 12 и сл.



----- Распространение дирхема в начальный период (до 833 г.)

Рис. 5. 1 — Кривянская, 806 г.; 2 — Завалишино, 810 г.; 3 — Нижняя Сыроватка, 813 г.; 4 — Паристовский хутор; 5 — Ярьловичи, 821 г.; 6 — Литвиновичи, 824 г.; 7 — Могилев, 815 г.; 8 — Минская губ., 816 г.; 9 — Лапотково, 817 г.; 10 — Баскач; 11 — Борки, 817 г.; 12 — Скопинский у.; 13 — Сарское городище; 14 — Угодичи, 813 г.; 15 — Углич, 829 г.; 16 — Загородье, 831 г.; 17 — Семенов Городок; 18 — Демянск, 825 г.; 19 — Набатово; 20 — Вылеги; 21 — Тарту; 22 — Старая Ладога, 786 г.; 23 — Княжино, 808 г.; 24 — Элмед, 821 г.; 25 — Лелеки

Стремительность, с которой восточная монета с самого начала ее проникновения в Европу распространяется на восточнославянских территориях, не может не свидетельствовать о том, что экономика восточного славянства к этому моменту испытывала сильнейшую потребность в металлических знаках обращения. Эта по-

требность проявилась не в отдельных районах Восточной Европы, а на всей территории расселения восточных славян.

В литературе с очень давних пор бытует мнение о том, что обилие монетных находок в Восточной Европе само по себе не может служить доказательством внутренней потребности русской экономики в монете и вызвано тем, что через славянские земли Восточной Европы пролегали пути международной транзитной торговли, осуществлявшейся силами то ли скандинавов, то ли самих восточных купцов. Подобные взгляды энергично отстаивал Н. П. Бауер, который в 1937 г. писал: «Они (норманны. — *В. Я.*) прошли всю Восточную Европу вдоль и поперек, их же, вероятно, и разумеет Ибн-Фадлан, говоря о руссах, что они массаами накапливали дирхемы и, набрав 10 000 штук, одаривали жен своих цепями. Норманны доставляли эти же дирхемы в огромных количествах к себе на родину, а также морем в Польшу и к другим западным славянам»²².

Более осторожно, не называя норманнов, тезис о транзитном характере торговли как первопричине проникновения восточных монет на русские земли развивал Б. А. Романов. Объясняя происшедший в XI–XII вв. «отказ» Восточной Европы от употребления монеты, он писал, что «продолжительное бытование на территории Восточной Европы иноземных монет, бывшее результатом временного положения ее в международной торговле, не отражало внутренней потребности русской экономики в мелких металлических платежных знаках»²³.

Обобщение тех же взглядов содержится в труде П. И. Лященко «История народного хозяйства СССР». Согласно его построениям, «славянская эпоха, начиная с VIII в., продолжала торговое развитие страны главным образом (подчеркнуто мной. — *В. Я.*)... в виде транзитно-посреднической торговли между дальним Арабским Востоком, через ближайших соседей своих — хазар, и Византией, а также европейским северо-западом»²⁴. Правда, «уже с IX в. “русская” торговля начинает приобретать значение не только как транзитно-передаточная.., но и как самостоятельная торговля с Византией»²⁵. Но эта торговля «шла мимо первобытного натурального

²² Бауер Н. П. Денежный счет Русской Правды. С. 226.

²³ Романов Б. А. Указ. соч. С. 390.

²⁴ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. С. 96.

²⁵ Там же.

хозяйства массы населения», и только новое — византийское — направление торговли «вклинивалось в это хозяйство»²⁶. Ниже П. И. Лященко как будто «отдает должное» и роли восточной торговли, отметив, что «первобытное хозяйство (!) русских славян вовлекалось в торговлю между Западом и Востоком на северо-западе норманно-варягами, на юго-востоке хазарами»²⁷. В обобщениях П. И. Лященко, таким образом, фигурируют и «исконная транзитность» русской восточной торговли, и норманны вместе с хазарами как организаторы и исполнители торговых операций, и особая важность торговли с Византией.

Таким образом, ставшее достоянием науки множество русских кладов послужило фактической основой для весьма увлекательного учения о большой торговле Востока и Запада. При этом оказывается, что Русь была, скорее всего, помехой на пути этой торговли. Если Русь, почва которой изобилует находками куфических монет, в самом деле не принимала деятельного и непосредственного участия в торговле с Востоком, то какое же обилие куфических монет должно быть в таком случае на землях Запада!

Изучение топографии и монетной статистики начального этапа бытования дирхема в Европе помогает лучше всего разобраться в причинах ввоза восточной монеты на Русь и определить, что же вызвало прилив восточной монеты на славянские земли — внутренняя потребность русской экономики в серебряной монете или же потребность в ней населения северо-западной Европы? Вопрос о конкретных исполнителях торговых операций тесно связан с этим основным вопросом: если монета ввозилась в Русь в первую очередь в связи с ее собственными потребностями, то норманнам возле нее почти ничего не остается делать.

К настоящему времени 25 наиболее ранним восточноевропейскимкладам куфических монет конца VIII — первой трети IX в. и трем десяткам отдельных находок того же времени в Восточной Европе может быть противопоставлено в Западной Европе только 16 кладов и 13 отдельных находок. В Западной Европе, которая будто бы в основном поглощала восточную монету, в действительности оседало вдвое меньше монет, нежели на землях восточных

²⁶ Там же. С. 97.

²⁷ Там же. С. 98.

славян. Ниже подобные соотношения количества находок будут отмечены и для более позднего времени.

Что касается роли скандинавов на этом начальном этапе торговли, то из 16 кладов конца VIII – первой трети IX в. только три обнаружены на Готланде и один в Упланде, на территории материковой Швеции. Два ранних готландских клада (783 и 812 гг.)²⁸ очень малы. В одном из них содержалось 8, в другом 11 монет. Третий датируется 824 г.²⁹, а клад из Упланда – 825 г.³⁰ Остальные 12 западноевропейских кладов ничего общего со Скандинавией не имеют: пять из них найдены в Померании и датируются 802, 803, 816, 816 и 824 гг.³¹; три – в Восточной Пруссии и датируются 811, 814 и 818 гг.³²; три в Западной Пруссии – 808, 813 и 816 гг.³³; один клад 810 г. обнаружен в Мекленбурге³⁴.

Таким образом, основная и притом сравнительно более ранняя группа западноевропейских кладов восточных монет обнаружена не на скандинавских землях, а на землях балтийских славян. Миф об исконности организующего участия скандинавов в европейско-арабской торговле не находит никакого обоснования в источниках.

Характер движения восточной монеты через территорию Восточной Европы представляется следующим образом. Европейско-арабская торговля возникает в конце VIII в. как торговля Восточной Европы со странами Халифата. Обращение Восточной Европы в основном поглощает приходящую с Востока монету, но торговые связи восточных и западных славян, игравшие, судя по статистике кладов, меньшую роль в экономике восточнославянского общества, приводят к частичному отливу куфической монеты на земли балтийских славян. Эти связи осуществляются непосредственно между населением восточной Прибалтики и балтийскими славянами и являются по существу внутриславянскими связями, развивавшимися без заметного участия скандинавов. Только в самом конце первой четверти IX в. появляются скандинавские клады ку-

²⁸ *Марков А. К.* Топография... С. 62. № 13; С. 74. № 115.

²⁹ Там же. С. 78. № 142.

³⁰ Там же. С. 91. № 25.

³¹ Там же. С. 125–129. № 35, 36, 31, 39, 47.

³² Там же. С. 110–111. № 6, 4, 5.

³³ Там же. С. 111–115. № 11, 2, 17.

³⁴ Там же. С. 133. № 15.

фических монет, сколько-нибудь значительные в количественном отношении.

Обращение к археологическому материалу показывает, что единственным на территории Восточной Европы вещественным свидетельством балтийских связей в течение длительного времени являются находки янтаря и янтарных изделий, причем Русь имела и свой янтарь³⁵. Очень уж трудно поверить, что исключительное по своей мощности передвижение масс серебра из мусульманских стран на территорию Европы было вызвано лишь особой привязанностью восточнославянских женщин к янтарным украшениям Запада. Первопричиной восточной торговли была потребность населения Восточной Европы в серебряной монете и серебряном сырье и арабских купцов — в продуктах славянских промыслов. Частичный транзит серебра в Западную Европу является уже производным от этой основной причины.

Клады конца VIII — первой трети IX в., обнаруженные на территории Восточной Европы, неравноценны по своим данным. 17 из них³⁶ сохранились достаточно полно для того, чтобы можно было датировать их внутри рассматриваемого периода. Остальные восемь, сохранившиеся частично или представленные только от-

³⁵ Рыбаков Б. А. Ремесло. С. 161.

³⁶ *Старая Ладога*, 786 г. (Марков. *Топография...* С. 140. № 24); *Криваянская*, 806 г. (Там же. С. 137. № 8); *Княжино*, 808 г. (Там же. С. 32–33. № 179–181; СГАИМК. I. С. 291. № 38 — см.: Фасмер Р. Р. Завалишинский клад. С. 19; все княжинские находки, как и неучтенная Фасмером находка 1884 г. — Марков. С. 140. № 26, по-видимому, являются частями одного клада); *Завалишино*, 810 г. (Фасмер Р. Р. Завалишинский клад); *Нижняя Сыроватка*, 813 г. (Марков. С. 52. № 301); *Угодит*, 813 г. (Фасмер Р. Р. Два клада); *Мозилев*, 815 г. (Марков. С. 25. № 139, 141); *Минская губ.*, 816 г. (Там же. С. 24. № 136); *Лапотково*, 817 г. (Там же. С. 49. № 281); *Борки*, 817 г. (Там же. С. 40. № 225); *Ярыловичи*, 821 г. (Там же. С. 50–51. № 290); *Элмед*, 821 г. (СГАИМК. I. С. 289. № 12); *Литвиновичи*, 824 г. (клад, найденный в августе 1954 г. близ д. Литвиновичи Кормянского р-на Юмельской обл. БССР; всего из состава этого клада в ГИМ была прислана 41 монета, из них 40 аббасидских и 1 тахиридская; младшая — 824 г. — см. табл. I); *Демянск*, 825 г. (Марков. С. 28. № 154); *Углич*, 829 г. (Там же. С. 54–55. № 314; Фасмер. Новгородский клад ИРАИМК. IV); *Сарское городище*, 820-е гг. (Марков. С. 54. № 313. У Маркова клад неверно датирован 854 г., так как в его состав отнесена монета указанного года, найденная вне клада, — см.: Эдинг Д. Сарское городище. С. 13); *Загородье*, 831 г. (Марков. С. 47. № 267; С. 141. № 31; СГАИМК. I. С. 290. № 20).

дельными экземплярами монет³⁷, поддаются лишь суммарной датировке первой трети IX в. Учет таких кладов важен для выяснения ареала монетного обращения и для наблюдений над его изменениями в последующие периоды, однако они почти ничего не дают для изучения состава денежного обращения. В основных выводах можно опереться только на хорошо сохранившиеся клады. Сведения о династическом составе известны по 17кладам (табл. II), при этом в 11 случаях удалось произвести и подсчет процентного отношения монет различных династий. Подсчет монет по хронологии их чеканки удалось проделать в 10 случаях (табл. I).

Как показывает таблица династического состава кладов, клады рассматриваемого периода содержат в своем составе монеты 8 династических групп: аббасидские, омейядские, тахиридские, идрисидские, губернаторов Тудги, испанских Омейядов, испегбедские³⁸ и сасанидские. 6 групп объединяются общностью обычного «куфического» типа восточных монет, но сасанидские и испегбедские принадлежат к весьма отличному, так называемому «сасанидскому» типу.

Монеты сасанидского типа вкладах занимают значительное место. Они обнаружены в 11кладах из 17 и составляют в них до 10—20 % всего состава. В Княщинском кладе 808 г. их насчитывается 34,41 %, а в Могилевском кладе 815 г., содержащем около 2000 монет, они составляют даже подавляющее большинство. Однако последний случай является совершенно исключительным, хотя и подтверждающим наличие в обращении значительной массы монет сасанидского типа.

Обычно подавляющее большинство монет вкладах начального периода обращения дирхема составляют куфические монеты. Во всехкладах, исключая Княщинский и Могилевский, их было не

³⁷ *Паристовский хутор* (СГАИМК. II. С. 289—290. № 24); *Лелеки* (Марков. Топография... С. 6. № 32; СГАИМК. I. С. 290. № 17); *Вылеги* (Марков. С. 28. № 152); *Юрьев* (Там же. С. 20. № 113); *Семенов Городок* (Там же. С. 46. № 263, 265; но упомянутая в обоих сообщениях позже поступившая саманидская монета X в. не может принадлежать к этому кладу); *Набатово* (СГАИМК. II. С. 292. № 41); *Баскач* (*Корзужина*. Русские клады. № 7); *Скопинский у.* (*Черепнин*. Значение кладов с куфическими монетами. С. 5).

³⁸ Вместе с монетами испегбедов во всех случаях подсчитаны монеты халифских наместников Персии. Они имеют одинаковый с испегбедскими тип и в старых описаниях часто не выделялись.

менее 80 % всех монет. Старо-Ладожский клад из Минской губ., Элмедский, Литвиновичский и, по-видимому, Загородьевский клад состояли исключительно из куфических монет, причем подавляющее их большинство (в некоторых случаях 100 %) составляют дирхемы Аббасидов, а более скромное место занимают более ранние дирхемы Омейядов. Из монет остальных династий, входящих в клад в качестве незначительной примеси, более или менее постоянно присутствуют монеты Идрисидов и губернаторов Тудги.

Существенной и неповторимой особенностью состава куфической части кладов конца VIII — первой трети IX в. является преобладание монет африканской чеканки (значительная часть аббасидских монет и только что названные монеты Идрисидов и губернаторов Тудги). Эта особенность, отмеченная Р. Р. Фасмером как формальный признак кладов рассматриваемого периода, имела очень большое значение для формирования системы русского денежного счета.

Подсчет в кладах отношения числа африканских монет к сумме всех монет можно представить в виде таблички, в которой для сравнения показано такое же отношение числа монет второй по количеству (для рассматриваемого времени) территориальной группы куфических монет — дирхемов, чеканенных в Ираке:

В большинстве случаев процент африканских монет в кладах начального периода обращения дирхема значителен; в некоторых

Клады	Процент монет	
	африканских	иракских
Ст. Ладога, 786 г.	25,80	64,51
Кривянская, 806 г.	58,53	19,28
Княжино, 808 г.	21,96	18,28
Завалишино, 810 г.	38,46	21,16
Угодичи, 813 г.	49,59	23,62
Н. Сыроватка, 8 3г.	52,92	13,10
Могилев, 815 г.	большинство куфических монет — африканские	
Лапотково, 817 г.	19,35	?
Ярыловичи, 821 г.	50,53	20,35
Элмед, 821 г.	39,33	28,66
Литвиновичи, 824 г.	—	64,10
Углич, 829 г.	7,00	20,69

кладах они составляют большинство. Обращает на себя внимание резкое уменьшение количества таких монет уже в кладах середины 20-х гг. IX в.

Суммируя наблюдения над составом кладов по месту чеканки их монет, можно назвать следующие основные группы монет: 1) монеты африканской чеканки — количественно определяющая группа; 2) азиатские монеты Аббасидов; 3) омейядские монеты; 4) монеты Испегбедов; 5) монеты Сасанидов.

Рассмотрение хронологического состава кладов первой трети IX в. обнаруживает существенную особенность, присущую только им. Она состоит в том, что почти в каждом кладе встречается немного монет первых годов, или 10-х, или 20-х, или 30-х гг. VIII в. Хронология монетного состава этой «древнейшей» части кладов скачкообразна. Такой особенностью кладов более позднего времени не знают. Приведенное наблюдение дает возможность говорить о том, что сам состав монетного обращения стран Востока, откуда поступал весь поток смешанных в хронологическом отношении монет, был в VIII и начале IX в. более пестрым, нежели в последующее время. В денежном обращении, имевшем дело в основном с новой монетой, участвовало и большое количество более ранних монет, отсев которых был

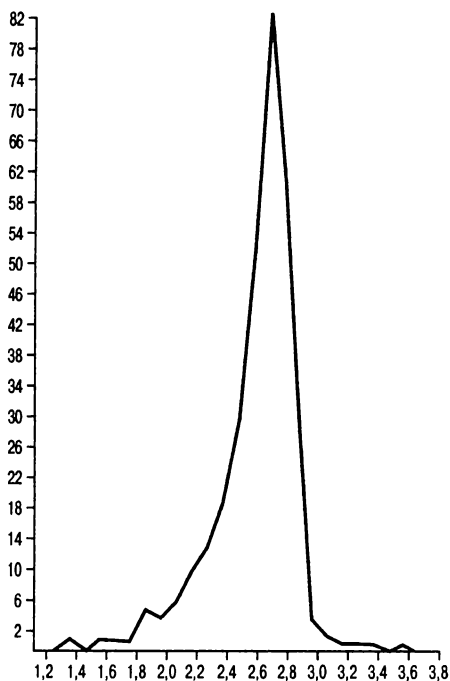


Рис. 6. Весовая диаграмма дирхемов африканской чеканки 759–826 гг. (Аббасиды, Идрисиды). По 325 экз. коллекций Эрмитажа и Харьковского музея; последние по книге Р. Шерцля «Описание медалей и монет, хранящихся в нумизматическом кабинете Харьковского университета», III, Восточные монеты. Харьков, 1912

сравнительно замедленным, что вполне объяснимо. До конца VIII в. восточная монета обращалась только в пределах восточных рынков. Установление связей с Восточной Европой привело к мощному отливу серебра на север, что резко активизировало процесс обновления и освобождения от старой монеты состава монетного обращения на родине дирхема.

Рассмотрим метрологические особенности названных выше пяти основных групп монет, представленных вкладах начального периода обращения дирхема в Восточной Европе.

1. Дирхемы африканской чеканки. Для изучения метрологических особенностей монет этой группы были привлечены весовые данные аббасидских (до конца первой четверти IX в.), идрисидских (790–826 гг.) монет, а также монет губернаторов Туджи того же времени из коллекций Эрмитажа и Харьковского музея³⁹. В общей сложности имеются данные о весе 325 монет. Из этого количества 225 монет показали вес 2,5–2,9 г, в том числе 144 монеты имеют вес 2,6–2,8 г; остальные 100 расширяют амплитуду колебания весовой нормы главным образом в сторону более легковесных монет (потертые, дефектные и обрезанные экземпляры) (рис. 6). Весовая норма монет африканской чеканки заключена между 2,7 и 2,8 г.

2. Аббасидские дирхемы азиатской чеканки. Метрология азиатского чекана Аббасидов кончая первой третью IX в. изучена по данным коллекции Эрмитажа. Весовая норма этих монет оказалась чрезвычайно выдержанной на всем протяжении второй половины VIII в. и первой трети IX в. Результаты взвешивания монет представлены на четырех диаграммах (по периодам чеканки): из 219 монет Саффаха и Мансура (750–775 гг.) вес 190 дирхемов ограничивается в пределах 2,7–3,0 г при норме 2,8–2,9 г (рис. 7);

из 183 монет Махди и Хади (775–787 гг.) вес 161 ограничен в пределах 2,6–3,0 г при норме 2,8–2,9 г (рис. 8);

³⁹ Здесь и в дальнейшем использованы разобранные эрмитажные коллекции, описания которых содержатся в инвентарных книгах Отдела нумизматики Гос. Эрмитажа. Мат-лы харьковской коллекции излагаются по книге Р. Шерцля «Описание медалей и монет, хранящихся в нумизматическом кабинете Харьковского университета», III, Восточные монеты. Харьков, 1912.

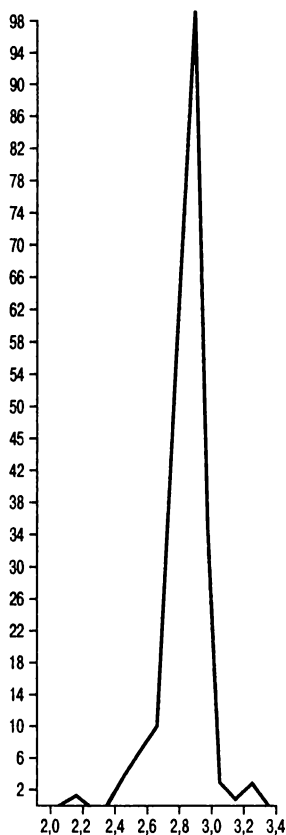


Рис. 7. Весовая диаграмма дирхемов азиатского чекана халифов Саффаха и Мансура (750—775 гг.). По 219 экз. коллекции Эрмитажа

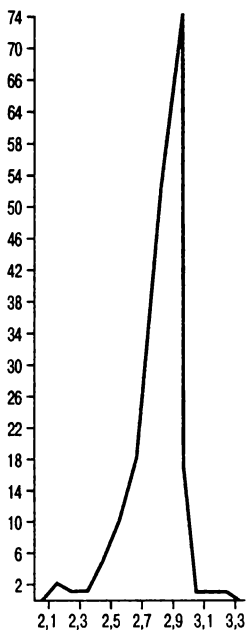


Рис. 8. Весовая диаграмма дирхемов азиатского чекана халифов Махди и Хади (775—787 гг.). По 183 экз. коллекции Эрмитажа

из 415 монет Харуна (787—809 гг.) вес от 2,7 до 3,0 г имеют 304 экземпляра при норме 2,8—2,9 г (рис. 9);

наконец, из 397 монет Амина и Мамуна (809—833 гг.) тот же вес имеют 304 экз. при той же норме 2,8—2,9 г (рис. 10).

Большинство остальных монет во всех четырех группах составляют потерянные и дефектные экземпляры.

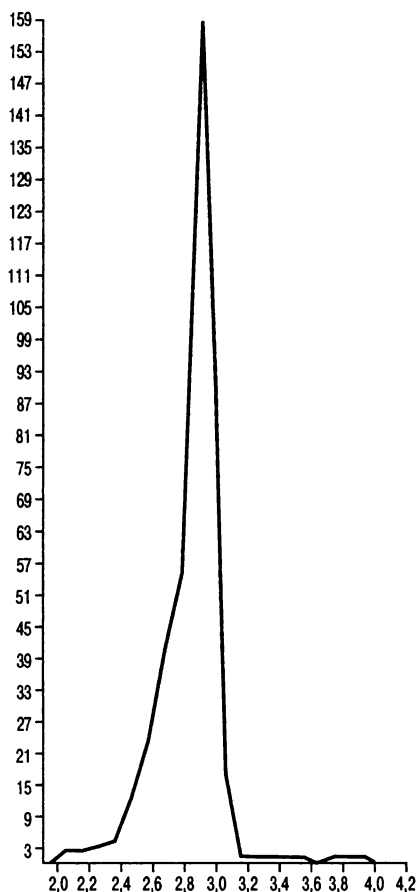


Рис. 9. Весовая диаграмма дирхемов азиатского чекана халифа Харуна (787–809 гг.). По 415 экз. коллекции Эрмитажа

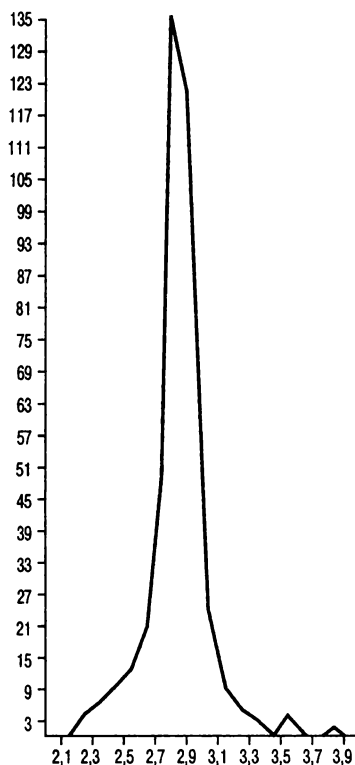


Рис. 10. Весовая диаграмма дирхемов халифов Амина и Мамуна (809–833 гг.). По 397 экз. коллекции Эрмитажа

Весовая норма всех аббасидских монет, чеканенных в рассматриваемое время в азиатских центрах Халифата, остается неизменной. Она заключена в пределах 2,8–2,9 г. Эта норма на 0,1 г превышает установленную выше норму африканских монет. Небольшое расхождение обеих выведенных норм достаточно наглядно показано на диаграмме весового состава Элмедского клада 821 г. (рис. 11).

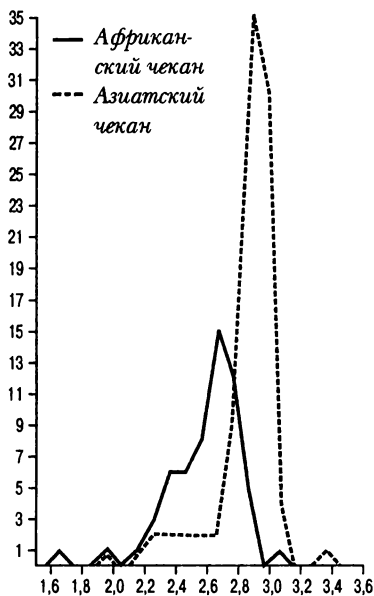


Рис. 11. Соотношение веса дирхемов африканской и азиатской чеканки в Элмедском кладе 821 г. (150 экз., Эрмитаж)

1,7–2,0 г. Весовая норма монет равна 1,9–2,0 г (рис. 13).

5. Сасанидские монеты. Для выяснения особенностей веса сасанидских монет использованы данные, опубликованные А. К. Марковым⁴⁰. Поскольку чаще всего среди сасанидских монет русских кладов встречаются драхмы Хосроя II (590–628 гг.), представилось наиболее рациональным ограничиться монетами этого царя. Всего А. К. Марковым опубликованы 67 неповрежденных драхм Хосроя II. Из этого количества 43 монеты имеют вес 3,8–4,2 г. Остальные в основном более легковесны. Весовая норма находится в пределах 4,0–4,2 г (рис. 14).

Необходимо оговориться, что под весовой нормой подразумевается не та теоретическая величина, которая лежала в основе че-

3. Омейядские дирхемы. Весовые особенности омейядского чекана, осуществлявшегося до 750 г. (прекращение династии), изучены по коллекции Эрмитажа, насчитывающей 387 экз. интересующих нас монет. Из этого количества вес 320 дирхемов колеблется между 2,5 и 3,0 г, а из числа последних 253 экз. имеют вес 2,6–2,9 г. Остальные монеты в основном более легковесны (потертые, дефектные). Обычная норма омейядских монет заключена в пределах 2,7–2,9 г (рис. 12).

4. Испегбедские монеты и монеты арабских наместников Табаристана. Весовые особенности этой группы монет, относящейся к середине и второй половине VIII в., изучены по 87 экз. Эрмитажа и Харьковской коллекции. Вес 55 монет из этого количества оказался заключенным в пределах

⁴⁰ А. de Markoff. Catalogue des monnaies arsacides, sassanides, subarsacides, dabweihides ets.

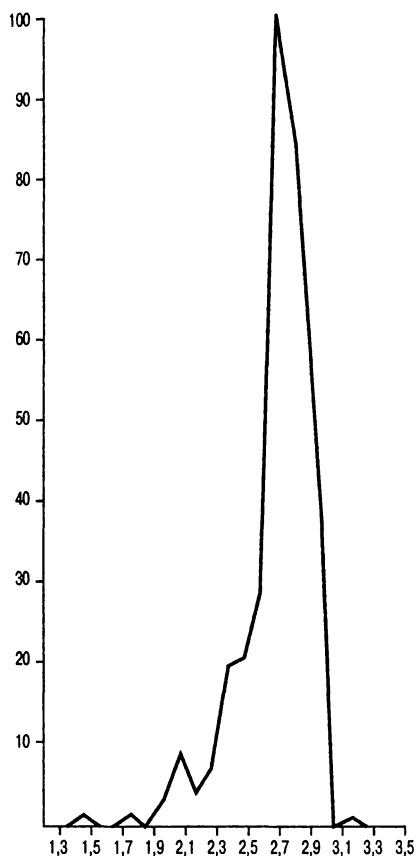


Рис. 12. Весовая диаграмма омейядских дирхемов. По 387 экз. коллекций Эрмитажа

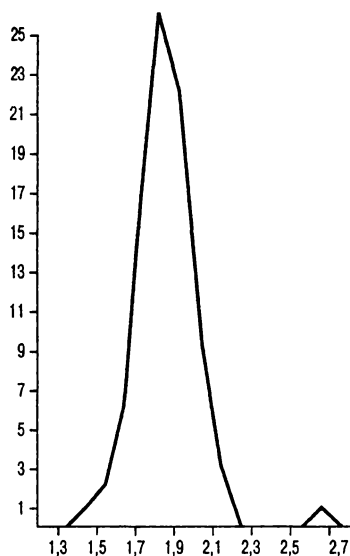


Рис. 13. Весовая диаграмма монет Испегбедов и халифских наместников Табаристана. По 87 экз. коллекций Эрмитажа и Харьковского музея; последние по книге Р. Шерцля «Описание медалей и монет» и т. д.

канки монеты. Для выводов о нормах русского монетного обращения имеет значение не теоретическая исходная норма иноземных монет, а та действительная величина, с которой практически имело дело население Восточной Европы, используя эти монеты в своем обращении. Эта величина в большинстве случаев окажется

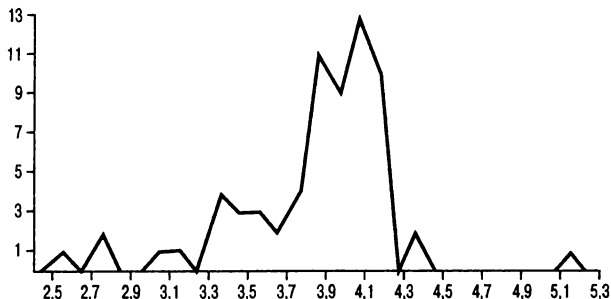


Рис. 14. Весовая диаграмма сасанидских монет Хосроя II. По 67 экз., A. De Markoff. Catalogue des monnaies arsacides, subarsacides, sassanides etc.

несколько ниже исходной теоретической нормы, что является естественным следствием средневекового способа чеканки ал-марко. Отсев более тяжелых монет с первого момента выхода монеты в обращение, не говоря уже о неизбежном понижении веса от стирания в обращении, снижал действительную норму. При переходе из сферы международного обращения в новую сферу внутреннего обращения иноземная монета приобретала и иную теоретическую норму, чуть меньшую. Такие нормы и служат предметом рассмотрения в настоящей работе.

Как показывает сравнение весовых норм пяти основных групп монет, обращавшихся в Восточной Европе в конце VIII — первой трети IX вв., русское монетное обращение имело дело по существу с тремя весовыми группами монет: 1) куфические монеты с наиболее часто встречающимся весом от 2,7 до 2,9 г; 2) табаристанские монеты сасанидского типа с обычным весом в 1,9–2,0 г; 3) сасанидские монеты с обычным весом в 4,0–4,2 г. Монеты внутри каждой из групп отличаются постоянством веса; в то же время не составляет труда отличить куфическую монету от монеты сасанидского типа по внешности, а собственно сасанидскую от табаристанской сасанидского типа — по разнице веса (2 и 4 г). Но весовые нормы всех трех монетных групп находятся между собой в настолько иррациональном отношении, что расчеты только целыми монетами были бы чрезвычайно затруднены.

Метрологическая пестрота восточной монеты в составе русского денежного обращения конца VIII и начала IX в. очень хорошо

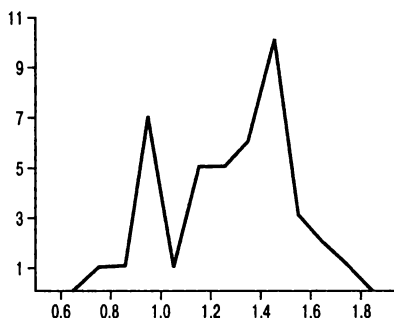


Рис. 15. Весовая диаграмма обломков в Завалишинском кладе 810 г. (42 экз.). Р. Р. Фасмер. Завалишинский клад куфических монет VIII–IX вв. // Изв. ГАИМК. Т. VII. Вып. 2.

объясняет отмеченное выше для этого же периода широкое распространение обломков монет. Изучение веса обломков показывает, что последние не изготовлялись по какой-либо заданной норме (см. диаграмму веса монетных обломков Завалишинского клада 810 г., рис. 15). В литературе такие обломки обычно называют «довесками» и рассматривают как неопровержимое свидетельство весового приема монеты в обращении. Однако для рассматриваемого времени, по-видимому, правильно предположение Н. П. Бауера о приеме монеты «на глаз». В славянских вещевых инвентарях не только рубежа VIII–IX вв., но даже и всего IX в. находки весов и гирь не отмечены ни разу.

Употребление в денежном обращении обломков, даже не являющихся «довесками» в полном смысле этого слова, может вызываться только стремлением подогнать хотя бы при помощи зрительной оценки целые монеты, не соответствующие по своим весовым данным определенным денежно-весовым нормам. Рассмотренный материал дает основание для исключительно интересных выводов об уже проявившихся тенденциях организации денежной системы и даже об уже свершившемся оформлении русской денежно-весовой системы в этот начальный период.

Мы не видим в кладах преобладания обломков. Напротив, известен ряд кладов начального периода с исключительно целыми монетами. Это уже дает основание полагать, что местной денежно-весовой нормой была весовая норма одной из трех выявленных выше монетных групп. И действительно, мы обнаруживаем, что нор-

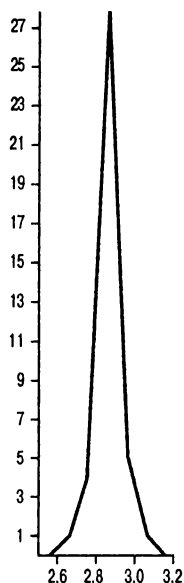


Рис. 16. Весовая диаграмма Литвиновичского клада 824 г. По 35 экз. ГИМ

ма дирхема (2,7–2,9 г) поразительно точно совпадает с той теоретической нормой русской куны (2,7 г), которая была установлена выше. При этом теоретическая норма куны наиболее соответствует именно норме дирхема африканской чеканки, преобладавшего в обращении конца VIII – первой трети IX в. (2,7–2,8 г). Выше было отмечено, что процент монет африканской чеканки в русских кладах резко сокращается и сходит на нет уже в середине 20-х гг. IX в. С этого времени основную группу обращающихся в Восточной Европе монет составляют аббасидские дирхемы азиатской чеканки на 0,1 г более тяжелые, нежели африканские монеты (см. весовой состав Литвиновичского клада 824 г., рис. 16). Если бы формирование русской денежно-весовой системы произошло уже после 20-х гг. IX в., то в ее основу должен был бы лечь азиатский дирхем,

и количество кун в гривне стало бы равным не 25, а 24. Структура системы получилась бы отличной от той, которую нам сохранила Русская Правда, и вся эволюция русских денежных систем должна была бы направиться по иному пути. Если этого не случилось, то только потому, что к моменту исчезновения из обращения африканского

дирхема денежно-весовая система уже сформировалась. Она выглядела еще очень несложно:

Монетное обращение на территории Восточной Европы с 833 г. до начала X в.

К 833–900 гг., которые в дальнейшем мы будем условно называть вторым периодом обращения дирхема, в Восточной Европе относятся 35 монетных кладов⁴¹ и около десятка отдельно поднятых или обнаруженных в погребениях монет.

⁴¹ Вятка, 835 г. (Марков. Топография... С. 7. № 35); Кохтель, 838 г.

Сравнительная статистика кладов первого и второго периодов показывает, что во втором периоде обращения дирхема количество находок в Европе, а следовательно, и темп поступления восточной монеты как будто не замедляется, но и не увеличивается. Если к концу VIII — первой трети IX в., т. е. к первому периоду протяжением около 50 лет, относится в общей сложности 41 клад, то второму периоду обращения дирхема, продолжавшемуся 66 лет, соответствует 51 восточно- и западноевропейский клад¹².

Мы могли бы ожидать, что и в размещении находок монетных кладов Европы не может произойти каких-либо существенных изменений, а насыщенность денежного обращения тех областей, которые с ним познакомились в первом периоде бытования дирхема

(СГАИМК. I. С. 292. № 42); *Девница*, 838 г. (Пахомов. Монетные клады. IV. № 1301); *Ягошурь*, 843 г. (Марков. С. 8. № 39); *Старая Ладога*, 847 г. (Пахомов. Монетные клады. IV. № 1302); *Ахремцы*, 852 г. (Марков. С. 3. № 12); *Соболеве*, 857 г. (Кузнецов. Соболевский клад); *Пейпус*, 862 г. (Марков. С. 18. № 99); *Панкина*, 863 г. (Там же. С. 28. № 155); *Растовец*, 864 г. (Там же. С. 49—50. № 286); *Новгород*, 864 г. (ИРАИМК. IV. Фасмер); *Потерпельцы*, 866 г. (Пахомов. Монетные клады. IV. № 1304); *Мишнево*, 869 г. (Марков. С. 12. № 66); *Херсонес*, 870 г. (Там же. С. 45. № 257); *Острогов*, 870 г. (Там же. С. 49. № 283); *Шумилово*, 871 г. (Новгородский музей, инв. № 4039); *Лифляндская губ.*, 872 г. (Марков. С. 20—21. № 117); *Хитровка*, 873 г. (Там же. С. 141. № 33); *с. Бобыли* Тельченского р-на Орловской обл., 876 г. (Пахомов. Монетные клады. IV. № 1306); *Погребное*, 876 г. (Марков. С. 16. № 90, младшая монета — Багдад, 262 г. х.); *Железницы*, 878 г. (Корзухина. Русские клады. № 8); *Кузнецков*, 870-е гг. (Пахомов. Монетные клады. II. № 611); *Полтава*, 883 г. (Марков. С. 140—141. № 29); *Ново-Лазаревка*, 893 г. (ИАК, приб. к № 5, 1903. С. 58—59); см. также *Гручино* (Марков. С. 50. № 287); *Москва* (Там же. С. 27. № 145); *Псковский у.* (Там же. С. 39. № 215); *Лучесы* (Там же. С. 2. № 8); *Гробин* (Там же. С. 15. № 85); *Протасова* (Там же. С. 49. № 284); *Витебская губ.* (Там же. С. 2—3. № 9); *Борки* (Там же. С. 40. № 224); *Борки* (Там же. С. 41. № 225); *Моисеево* (Там же. С. 15. № 88); *Вешенская* (Там же. С. 9. № 49).

¹² В Западной Европе зарегистрировано 16 кладов этого периода: Готланд, 833 г. (Марков. С. 69. № 81); Дания, 846 г. (Там же. С. 102—103. № 5); Дания, 846 г. (Там же. С. 103. № 8); Голштиния, 849 г. (*R. Skovman d. De danske Skattefund fra Vikingetinden og den ældste Middelalder indtil omkring 1150. Kobenhavn, 1942. P. 39. № с*); Готланд, 856 г. (Марков. С. 86. № 207); Швеция, 857 г. (Там же. С. 90. № 8); Померания, 863 г. (Там же. С. 124. № 23); Голштиния, 864 г. (Там же. С. 133. № 2); Швеция, 864 г. (Там же. С. 95. № 85); Готланд, 867 г. (Там же. С. 78—79. № 151); Померания, 868 г. (Там же. С. 127. № 41); Готланд, 871 г. (Там же. С. 84. № 197); Готланд, 883 г. (Там же. С. 80. № 163); Готланд, 890 г. (Там же. С. 83—84. № 196); Готланд, 893 г. (Там же. С. 62. № 15); Швеция (Там же. С. 94. № 68).

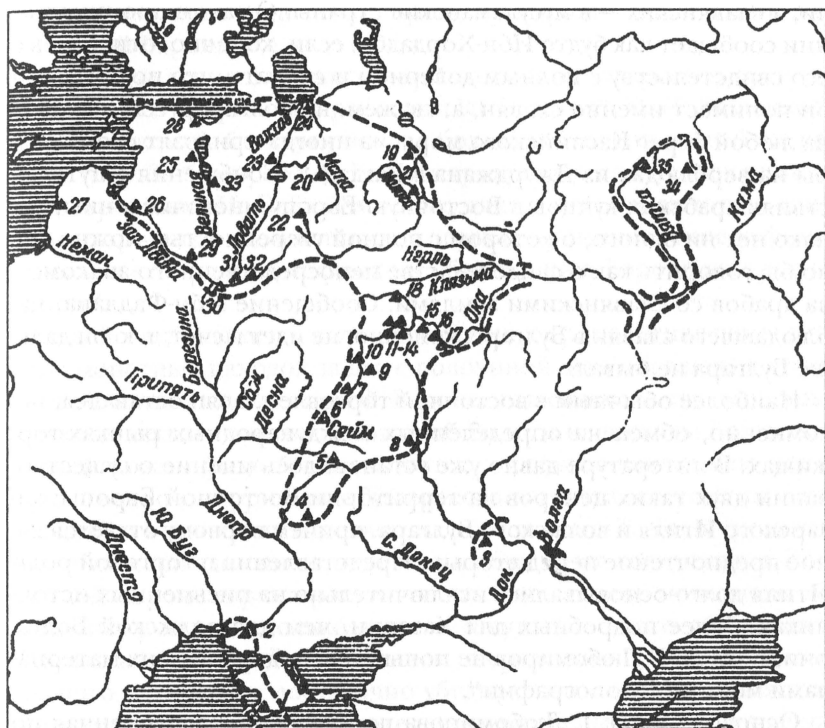
в Европе, останется неизменной. Однако в действительности мы наблюдаем серьезные перемены в распределении поступающей с Востока монеты по областям, причем меньше всего эти изменения касаются Западной Европы, так как транзит куфической монеты туда остается на прежнем уровне: известно только 16 западноевропейских кладов рассматриваемого времени. Ареал же монетного обращения в Восточной Европе значительно сокращается за счет выпадения из него области расселения радимичей и известной части кривичской области (Смоленщина, Брянщина, белорусское течение Днепра; рис. 17).

Таким образом, при примерно прежней интенсивности поступления серебра на Русь в рассматриваемое время увеличивается насыщенность монетой обращения тех русских областей, которые входят в сократившийся ареал распространения кладов второго периода.

Достаточно даже беглого взгляда на карту находок, чтобы убедиться в том, что большинство русских кладов второго периода обращения дирхема ничего общего с международным транзитом не имеет. Если любой пункт находки кладов конца VIII — первой трети IX в. занимает такое положение на речных путях, что его теоретически можно связывать с торговым движением, берущим начало за пределами восточнославянских земель и оканчивающимся также за их пределами, то теперь положение меняется. Судя по топографическому размещению кладов второго периода, единственной магистралью, по которой в это время могло осуществляться транзитное торговое движение, был Волжский путь, переходящий затем в русла рек Волхова, Великой и Западной Двины. Но больше половины кладов второго периода обнаружено на Оке и Десне, служивших исключительно внутренними путями русской торговли.

Изложенные факты дают возможность с уверенностью говорить об усилении потребности восточных славян в серебряной монете для обеспечения своего внутреннего товарного обращения. Потребность увеличивается настолько, что монеты, несмотря на то что темп ввоза серебра остается прежним, начинает не хватать для всей той обширной области, которая познакомилась с серебряным обращением в первой трети IX в.

Рассмотрение топографии кладов второго периода обращения дирхема и тесно связанный с ним вопрос о торговых путях Вос-



----- Распространение дирхема в 833-900 гг.

Рис. 17. 1 – Херсонес, 870 г.; 2 – Новая Лазаревка, 893 г.; 3 – Вешенская; 4 – Полтава, 883 г.; 5 – Погребное, 876 г.; 6 – Моисеево; 7 – Бобыли, 876 г.; 8 – Девица, 838 г.; 9 – Протасово; 10 – Мишнево, 869 г.; 11 – Острогов, 870 г.; 12 – Растовец, 864 г.; 13 – Гручино; 14 – Хитровка, 873 г.; 15 – Железницы, 878 г.; 16 – Борки; 17 – Борки; 18 – Москва; 19 – Панкино, 863 г.; 20 – Потерпелцы, 866 г.; 21 – Кузнецкое, 870 г.; 22 – Шумилово, 871 г.; 23 – Новгород, 864 г.; 24 – Старая Ладога, 847 г.; 25 – Пейпус, 862 г.; 26 – Лифляндская губ., 872 г.; 27 – Гробин; 28 – Кохтель, 838 г.; 29 – Ахремцы, 852 г.; 30 – Соболево, 857 г.; 31 – Витебская губ.; 32 – Лучесы; 33 – Псковский уезд; 34 – Ягошурь, 843 г.; 35 – Вятка, 835 г. (С. 102 – карта)

точной Европы вплотную подводят к очень важной проблеме международной торговли на Восточно-Европейской равнине.

Разумеется, не исключена полностью возможность эпизодического личного проникновения арабских купцов в славянские зем-

ли, а славянских — в мусульманские страны. О таком проникновении сообщает как будто Ибн-Хордадбе, если, конечно, отнести к его свидетельству с полным доверием и считать, что под руссами он понимает именно славян, а, скажем, не болгар: руссы выходят на любой берег Каспийского моря, «а иногда привозят свои товары на верблюдах из Джурджана в Багдад»⁴³. Сообщения о путешествиях арабских купцов в Восточную Европу многочисленны, однако нет ни одного, о котором с полной уверенностью можно было бы говорить как о свидетельстве непосредственного знакомства арабов со славянскими землями. Сообщение Ибн-Фадлана, наблюдавшего славян в Булгаре, конечно, не идет в счет, т. к. он дальше Булгара не бывал.

Наиболее обычным в восточной торговле славян оставался, несомненно, обмен на определенных международных рынках-торжищах. В литературе давно уже установилось мнение о существовании двух таких центров на территории Восточной Европы: хазарского Итиля и волжского Булгара, причем первому отдается явное предпочтение перед вторым. Представления о торговой роли Итиля долго основывались исключительно на письменных источниках, более подробных для Хазарии, чем для волжской Болгарии, пока П. Г. Любимиров не попытался подкрепить их материалами монетной топографии⁴⁴.

Основой для П. Г. Любимирова послужила нерасчлененная по периодам топография монетных кладов и отдельных находок. На смешанном материале топографии П. Г. Любимиров и рассматривал вопрос о торговых путях древности как о явлении настолько неизменном, что находки начала IX в. и начала XI в. были положены на одну карту, а выводы признаны имеющими одинаковую силу для явлений, разделенных двумя столетиями.

Главнейшим путем восточной торговли П. Г. Любимировым назван путь из Хазарии по Донцу в Киев, а отсюда на север по Днепру в Западную Европу. Именно таким путем оседали, по мнению П. Г. Любимирова, восточные монеты на всей территории южной Руси, у радимичей, древлян, дреговичей, на Смоленщине и в Псковщине. Булгару присваивалось значение рынка лишь для се-

⁴³ Цитирую по работе: Рыбаков Б. А. Торговля и торговые пути // История культуры древней Руси. Т. I. С. 337.

⁴⁴ Любимиров П. Г. Указ. соч.

верных областей Руси — Новгорода и вятичей — и, конечно, для Западной Европы.

Представления о значительной важности хазарского пути укреплялись в дальнейшем работами Ю. В. Готье⁴⁵, П. И. Лященко⁴⁶, А. Д. Русакова⁴⁷, базирующихся в большой степени на той же работе П. Г. Любомирова. Р. Р. Фасмер, критически относившийся к построениям П. Г. Любомирова, также отдал некоторую дань его авторитету в этом вопросе, допуская проникновение куфических монет в ранний период их обращения в Европе хазарским путем⁴⁸.

В действительности, если обратиться к хронологическому анализу монетных находок за два с половиной века обращения куфической монеты в Восточной Европе, выясняется, что весь комплекс монетных находок на нижней Волге и на нижнем Донце, который можно было бы связывать с торговым движением непосредственно с территории Хазарского каганата, состоит из двух кладов⁴⁹ и нескольких отдельно поднятых монет⁵⁰. Доли процента монетных находок по отношению к общему их количеству в Восточной Европе характеризуют не столько степень монетного обращения у хазар, сколько полное отсутствие этого обращения. Сношения Древней Руси с Итилем посредством предполагаемого южного пути также достаточно убедительно опровергаются этими материалами. Здесь сознательно приведены все монетные находки на территории Каганата вплоть до начала XI в., чтобы уже не возвращаться к этому вопросу. На протяжении всего периода восточной торговли с конца VIII в. до начала XI в. единственными воротами, через которые шла торговля Руси с Востоком, фактически был Булгар.

⁴⁵ Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М.; Л., 1930.

⁴⁶ Лященко П. И. Указ. соч. С. 98 и сл.

⁴⁷ Русаков А. Д. Указ. соч. С. 244.

⁴⁸ Фасмер Р. Р. Завалишинский клад. С. 13 и сл.; Он же. Об издании новой топографии. С. 476, 480 и сл.

⁴⁹ Кривянская, 806 г. (Марков. С. 137. № 8); Вешенская, 892 г. (Там же. С. 9. № 49). «Клад» с младшей монетой 955 г., найденный при раскопках Белой Вежи (Советская археология. XVI. С. 50), денежным кладом не является. Это кожаный пояс, украшенный нашитыми на него дирхемами.

⁵⁰ Марков. С. 9. № 48; С. 136–137. № 5–7, 9; Любомиров П. Г. Указ. соч. С. 18; СГАИМК. I. С. 289. № 1.

Наблюдения над топографией кладов второго периода обращения дирхема позволяют установить те пути, по которым восточная серебряная монета распространялась в пределах Восточной Европы. Некоторая часть монет с момента установления первых местных связей Восточной Европы с Востоком уходила в Прикамье. Двусторонняя связь Булгара с Прикамьем была выяснена выше, когда ставился вопрос о распространении в конце VIII в. сасанидских монет на землях восточных славян. Другая очень значительная часть восточной монеты уходила на юго-запад, по Окскому пути, который связывал Булгар с Киевом. О важности этого пути в системе торговых связей Древней Руси постоянно забывают, между тем его значение трудно переоценить. Из Киева монеты по Днепру на юг не распространялись. Полное отсутствие в русскихкладах IX в. византийских монет свидетельствует о том, что становление так называемого Пути из Варяг в Греки произошло не в IX в., как полагает П. И. Лященко, а несколько позже. В первом периоде обращения дирхема часть монет из Киева распространялась вверх по Днепру на территорию радимичей, но уже после 824 г. на протяжении всего IX в. на ней не зарегистрировано не только ни одного клада, но даже ни одной отдельной монеты.

Не менее обильный поток восточной монеты направлялся из Булгара через низовья Оки, по Клязьме и Нерли на верхнюю Волгу, далее, на территории кривичей и новгородских словен, уходя частично за пределы восточнославянских земель, в Западную Европу. В первом периоде обращения дирхема этот поток имел ответвление, уходящее на верхний Днепр и вниз по Днепру, где оно смыкалось со встречным движением из Киева.

Увеличение потребности в монете во втором периоде привело к большему оседанию ее на ближайших к Волге территориях. Дальних и конечных этапов своего прежнего движения поток серебра не достигал или достигал в сильнейшей степени ослабленным; верхнеднепровский путь разомкнулся. Движение масс монет, направлявшихся из Булгара в Киев, приобретает исключительно внутрирусский характер, а области, расположенные на среднем Днепре, надолго выпадают из сферы обращения дирхема и из системы косвенных международных связей. Последние играли немаловажную роль в развитии экономики восточных славян, активизируя их товарное обращение. Поэтому описанные выше явления для Смоленщины, Брянщины и восточной Белоруссии IX в. нель-

зя расценивать как прогрессивные. Выпадение этих областей из сферы монетного обращения неизбежно должно было вести к торможению их экономического развития.

Из 35 кладов второго периода, зафиксированных в Восточной Европе, сохранность 20 такова, что по ним можно судить о династическом составе русского монетного обращения в этот период, а в 8 кладах оказалось возможным произвести и хронологический анализ с разбивкой монет по десятилетиям.

Все клады этого времени, помимо установленного Р. Р. Фасмером исключительного преобладания в их составе аббасидских дирхемов азиатской чеканки, имеют еще и ту особенность, что самую определяющую их часть во всех случаях составляют монеты, чеканенные еще Харуном ар-Рашидом (787–809 гг.) и Мухаммедом ал-Амином (809–813 гг.). Возьмем ли мы клады 50-х, 60-х, 70-х или 80-х гг. IX в., эта особенность сохраняется неизменной. Как отмечено выше, во всех кладах IX в., кроме того, систематически встречаются ранние монеты начиная с 40-х гг. VIII в. Если проследить за хронологическим диапазоном состава кладов второго периода, то можно говорить о его постепенном увеличении. Состав старших монет остается более или менее неизменным, и из десятилетия в десятилетие происходит как бы приращение к составу уже обращающихся монет новых групп, недавно отчеканенных и ввезенных на Русь. Обновление состава монетного обращения выглядит односторонним, поскольку отсев более ранних монет как бы приостанавливается. Но было бы преждевременным делать вывод об использовании в этот период монеты в основном как объекта накопления.

Освобождение от ранней монеты и обновление состава монетного обращения в Восточной Европе VIII–X вв. осуществлялись по трем основным линиям. Во-первых, потертые, обломанные, а в громадном количестве и целые монеты хорошей сохранности постоянно уничтожались, служа сырьем для ювелирного производства. Во-вторых, постоянно происходил отлив части монеты на Запад. В-третьих, обновление монетного фонда русского обращения являлось отражением того же процесса на Востоке. Состав вновь ввозимых монет определял степень интенсивности отсева ранних монет уже на территории Восточной Европы. Если компенсирующий поток поступающей с Востока монеты состоял в основном из тех же ранних дирхемов, то как бы энергично ни погло-

щались монеты ювелирным производством или обращением северо-западных областей Европы, состав монетного обращения не мог существенно изменяться, так как невозможно допустить преднамеренную сортировку монет, учитывающую последовательность их дат.

Есть ли основания утверждать о преобладании ранней монеты на всем протяжении IX в. в обращении самого Востока? Для уяснения этого полезно обратиться к двум русскимкладам, относящимся уже к началу X в. Один из них, так называемый Безымянный клад Эрмитажа (время и место находки неизвестны) с младшей монетой 909 г., содержит 153 дирхема, из которых 119 (т. е. 77,78 %) отчеканены еще до 810 г. Но наибольший интерес в составе этого клада представляет поразительное количество некоторых монет — «погодков»: 54 монеты отчеканены в 189 г. х. (805 г.) в Багдаде, а 48 там же в 191 г. х. (807 г.). Подобное же явление отмечено Р. Р. Фасмером в неопубликованном Киевском кладе 1913 г. с младшей монетой 906 г. В нем содержалось 2930 монет⁵¹, из которых 462 принадлежали к багдадскому чекану последних лет правления Харуна ар-Рашида⁵².

Р. Р. Фасмер считал, что в правление Харуна монета была отчеканена в таком огромном количестве, что последующие халифы не успевали изымать ее из обращения и заменять новой; изъятие коснулось в основном только безобразных африканских монет⁵³. Приведенные случаи позволяют заключить, что на деле чекан Харуна ар-Рашида был даже еще более обильным, чем представлял себе Р. Р. Фасмер. Отмеченное выше поразительное обилие монет одного правителя даже в русских кладах начала X в. и наличие среди них больших групп монет, чеканенных в одном городе и с одной датой, говорят о том, что значительные массы монет Харуна не только не изымались последующими халифами, но, наоборот, систематически выпускались в обращение из государственных сокровищниц вплоть до начала X в., т. е. на протяжении почти целого столетия. Такой компактности больших групп монет Харуна, с какой мы сталкиваемся в кладах начала X в., не знают даже более

⁵¹ Корзухина Г. Ф. Русские клады. С. 83. № 13.

⁵² Фасмер Р. Р. Два клада куфических монет. С. 28.

⁵³ Фасмер Р. Р. Клад куфических монет, найденный в Новгороде в 1920 г. С. 269.

ранние клады середины и второй половины IX в., что свидетельствует о коренном обновлении состава русского обращения к концу второго периода за счет монет, отчеканенных за сто лет до выпуска их в обращение!

Очень заманчивой кажется возможность связывать причины такой обильной чеканки монет Харуном ар-Рашидом с тем обстоятельством, что именно ко времени его правления относится начало торговых связей арабов с обширным восточноевропейским рынком. Расширение сферы применения восточного дирхема неизбежно должно было привести и к увеличению потребности арабских купцов в монете. Чеканкой Харуна ар-Рашида она была удовлетворена с избытком.

Что касается монет африканской чеканки, то они в кладах второго периода отсутствуют почти полностью, составляя в самых редких случаях единичные исключения в чисто азиатском составе кладов. Это также является неоспоримым свидетельством обновления состава русского обращения во второй половине IX в., несмотря на то что хронологический диапазон кладов, с одной стороны, увеличивается, а с другой стороны, в них преобладают монеты, несущие такие же даты, как и монеты кладов первого периода. Р. Р. Фасмер правильно указал, что изъятие африканских монет из обращения осуществилось не в Восточной Европе, а на Востоке — после известного времени, в течение которого они могли попадать на Русь. Но причиной изъятия была не безобразность чекана, которая, действительно, бросается в глаза, а установленная выше сравнительная легковесность этих монет. В Восточной Европе, напротив, эта легковесность была достоинством, поскольку благодаря ей африканский дирхем точно соответствовал весовой норме русской куны; в основу этой нормы именно он и был положен. Ниже будут рассмотрены случаи, когда в более позднее время, при резко обнаружившейся тенденции восточного дирхема к утяжелению, происходит отбор монет по той же самой, древней «африканской» норме.

Династический состав русских кладов второго периода определяют три группы монет: 1) аббасидские монеты азиатской чеканки, об особенностях которых уже говорилось; 2) тахиридские монеты 821—867 гг. и 3) омейядские монеты (с конца VII в. до 750 г.). Последние две группы монет составляют в ряде случаев до 20 % всего состава кладов, но присутствуют не во всех кладах, хотя об-

наружены в большинстве их. Монеты других династий составляют в этих кладах крайнюю редкость. В частности, в самом начале периода в очень пережиточной форме еще отмечается слабое обращение монет сасанидских типов, отдельные экземпляры которых обнаружены в Девицком кладе 838 г. (2,17 %), в Ягошурском кладе 843 г. (0,38 %) и Соболевском кладе 857 г. (0,32 %). По сути дела, эти монеты полностью устраняются из русского обращения с началом второго периода. С этим как нельзя лучше связывается и серия кладов второй трети IX в., содержащих исключительно целые монеты, без обломков. Необходимость в употреблении последних отпала ввиду перехода к употреблению единообразного как в отношении типа, так и в отношении веса дирхема.

Поскольку во втором периоде в конце 860-х гг. снова происходит кратковременное возвращение к употреблению обломков, метрологические особенности периода удобнее рассмотреть по последовательным этапам.

Хронологический состав рассматриваемых кладов (см. табл. I) позволяет заметить в них возникновение своеобразных признаков, датируемое тем же 869 г., на который приходится появление в кладах обломков. Обильная чеканка монеты Харуном, о которой говорилось выше, на продолжительный срок сделала почти ненужной интенсивную чеканку его преемников. Аббасидские монеты 20-х и 30-х гг. IX в. поэтому представляют значительную редкость даже в кладах середины IX в. Сколько-нибудь заметной чеканка Аббасидов становится только в 40-х гг. IX в., а известной мощности достигает лишь в 60-х гг. (чекан Мустаина и Мутазза). В силу этого во всех кладах до конца 60-х гг. поздние монеты встречаются в ничтожном количестве. Так, в Ахремцевском кладе 853 г. монеты, относящиеся к последним 40 годам перед датой младшей монеты, составляют только 12,5 %, в Пейпусском кладе 863 г. монеты последних 50 лет составляют только 11,35 %. В Новгородском кладе 864 г. новейшие монеты занимают уже более заметное место (25,07 %), но исключительно за счет появившихся в нем монет 860-х гг. (7,89 % от общего количества монет).

Положение резко меняется именно в 869 г. Мишневский клад 869 г. содержит 28,13 % одних только монет 60-х гг., а в Шумиловском кладе 871 г. они составляют 20,53 %. В Погребновском кладе 876 г. монеты 60-х и 70-х гг. IX в. составляют 15,42 % и в кладе из с. Бобыли 876 г. — 20,22 %. Наконец, монеты 60–80-х гг. в Полтав-

ском кладе 882 г. составляют 23 %. Во всех трех последних случаях монеты 60-х гг. резко преобладают над более поздними, относящимися ко времени нового спада чеканки.

Очевидно, переход к употреблению обломков, датируемый 869 г., каким-то образом связан с весовыми особенностями аббасидских монет 60-х гг., распространившихся в русском обращении именно с этого момента.

В составе кладов 833–868 гг. определяющую роль играют старые дирхемы Харуна ар-Рашида и Мухаммеда ал-Амина, весовая норма которых рассмотрена в предыдущем разделе и найдена равной 2,8–2,9 г. Норма омейядских монет, присутствующих в кладах второго периода еще в заметном количестве, также выяснена выше, она равна 2,7–2,9 г. Для полноты картины следует привлечь аббасидские дирхемы 833–850 гг., хотя они не занимают сколько-нибудь заметного места в кладах этого этапа. Чекан этого периода изучен по коллекции Эрмитажа (169 дирхемов Мутасима, Васи́ка и Мутевакки́ля); он не вносит чего-нибудь нового в метрологию аббасидского дирхе́ма. Из 169 монет вес 152 экземпляров колеблется от 2,8 до 3,0 г (рис. 18). Тенденции к повышению или понижению нормы не наблюдается. Что касается тахиридских дирхемов, составляющих заметную примесь в кладах IX в., то их нормы являются теми же самыми нормами, которые присущи халифскому чекану этого времени.

Приведенные наблюдения показывают, что на протяжении 833–868 гг. русское монетное обращение имело дело с исключительно стабильной в метрологическом отношении монетой. В обращении безраздельно господствовал дирхем с весовой нормой 2,8–2,9 г, которая лишь в самой незначительной степени превос-

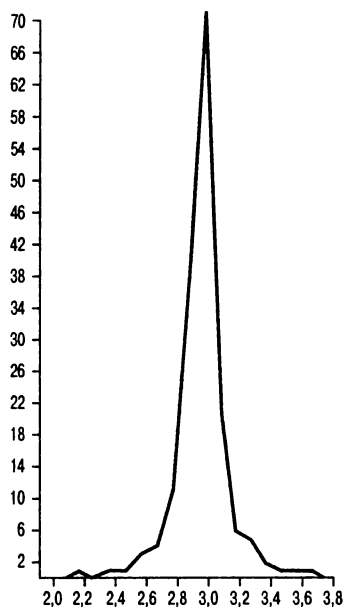


Рис. 18. Весовая диаграмма дирхемов халифов Мутасима, Васи́ка, Мутевакки́ля (833–861 гг.). По 169 экз. коллекции Эрмитажа

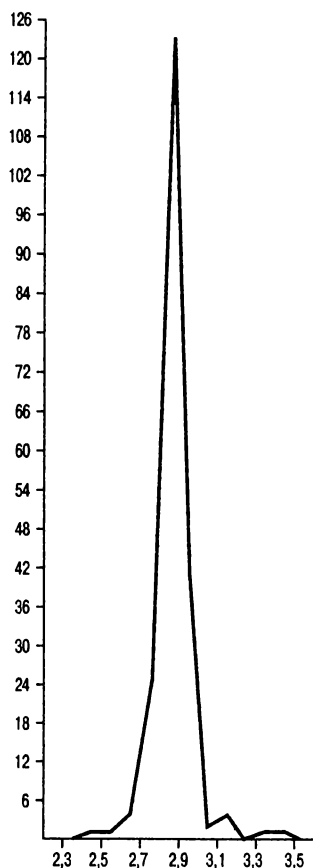


Рис. 19. Весовая диаграмма Новгородского клада 864 г. По 203 экз. Эрмитажа. Фасмер Р. Р. Клад куфических монет, найденный в Новгороде в 1920 г. // Известия РАИМК. Т. IV. Л., 1925

ходила теоретическую норму русской куны (2,73 г). Небольшое превышение веса реально обращавшихся монет над теоретической единицей системы не привело к появлению обломков; их употребление при таких отклонениях практически и немыслимо. С другой стороны, русская денежно-весовая система обошлась и без структурной ломки. Слабое превышение веса большей части обращавшихся монет, по видимому, полностью нивелировалось за счет легковесных монет. Средний вес обращавшихся монет оставался чрезвычайно близким к норме куны.

Убедительный пример представляет известный Ягошурский клад 843 г. Из состава этого огромного клада, включавшего до полутора тысяч монет, В. Г. Тизенгаузенom было взвешено 628 дирхемов Омейядов и Аббасидов, т. е. именно той части, которая является определяющей⁵⁴. Вес 487 экземпляров колеблется в пределах 2,7–3,0 г, причем преобладающей группой (378 экземпляров из 487) является группа монет весом 2,8–3,0 г. Наличие в обращении монет этой группы внешне свидетельствует как будто о незначительном, но все же заметном превышении нормой обращающихся монет нормы русской куны. Однако если мы обратимся к среднему весу всех монет, то отклонение сведется на нет: он ра-

⁵⁴ Тизенгаузен В. Г. Монеты Восточного Халифата. СПб., 1873. С. 310–316 (по 226 г. х.). У В. Г. Тизенгаузена и А. К. Маркова (Топография. С. 8. № 39) этот клад называется Глазовским. Ср.: Bauer N. Die Silber- und Goldbarren. № 3.

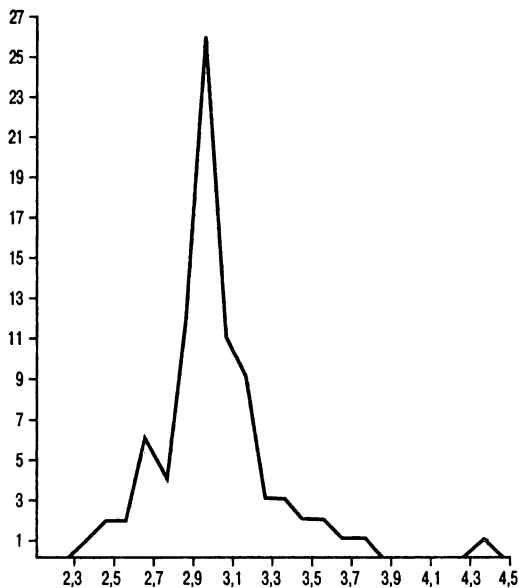


Рис. 20. Весовая диаграмма дирхемов халифов Мунтасира, Мустаина, Мутаazza, Мухтеди (861–870 гг.). По 86 экз. коллекции Эрмитажа

вен 2,8 г, т. е. лишь на 0,07 г отличается от теоретической нормы куны, что на гривну дает превышение в 1,5 г. О том, насколько невелико и практически неуловимо такое отклонение, может говорить то, что в пределах 1,5 г расходятся в весе отдельные экземпляры дирхемов, чеканенных в это время в один год и в одном городе, с массами монет выдержанного веса.

Единообразие состава монетного обращения хорошо прослеживается по весовой диаграмме Новгородского клада 864 г. В его состав входят 203 аббасидские, тахиридские и омейядские монеты, в числе которых 189 имеют вес 2,7–3,0 г, только 14 монет остаются вне этой нормы (рис. 19).

Мы подошли вплотную к периоду, когда в кладах снова появляются обломки. Монеты аббасидского чекана 60-х гг., усиление выпуска которых вносит своеобразие в хронологический состав этих кладов, изучены по 86 экземплярам собрания Эрмитажа (чекан Мунтасира, Мустаина, Мутаazza, Мухтеди). Результаты оказались весьма показательными. Только 41 экземпляр (т. е. менее по-

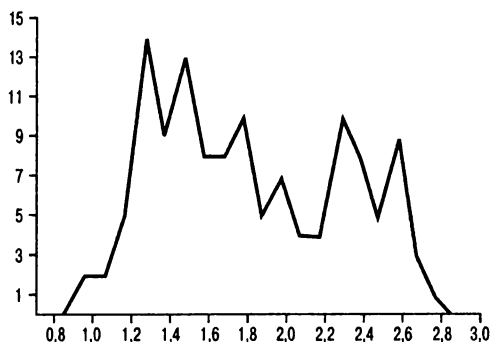


Рис. 21. Весовая диаграмма древних обломков Шумиловского клада 871 г. По 127 экз. Новгородского музея

ловины) имеет привычный для нас вес 2,7–3,0 г — вес аббасидских монет предшествующего времени; но вес 33 монет превышает 3,0 г. Кривая, отражающая весовой состав монет этого времени (рис. 20), теряет свою стройность в сравнении с кривыми предыдущих диаграмм и как бы оседает — чекан становится по весу более разбросанным. Изменения в чекане отразились на среднем весе монеты, который по 86 экземплярам составляет 3,0 г. Здесь имеется уже не слабое превышение теоретической нормы куны, как в случае с дирхемами Харуна, а превышение существенное, так как 25 дирхемов с этим средним весом равняются уже не 25, а приблизительно 28 кунам. Такое отклонение веса не могло не изменить характер приема монеты, и мы вновь отмечаем появление в русских кладах обломков. В соответствии с характером изменений, происшедших в весовых показателях монет, эти обломки теоретически должны служить такими же аморфными «довесками», какие были характерны для обращения начального периода. И в самом деле, если обратиться, например, к весовой диаграмме обломков Шумиловского клада 871 г., то среди них можно отметить все варианты перехода от 2,8 до 0,9 г (рис. 21). Какие-либо группы обломков, компактных в весовом отношении, не выделяются и здесь; иными словами, русское обращение продолжает иметь дело все с тем же единственным реальным элементом системы — куной.

Однако наибольший интерес представляет не это вторичное появление в русском обращении обломков, а быстрое их исчезновение из обращения. Можно было бы предположить, что после

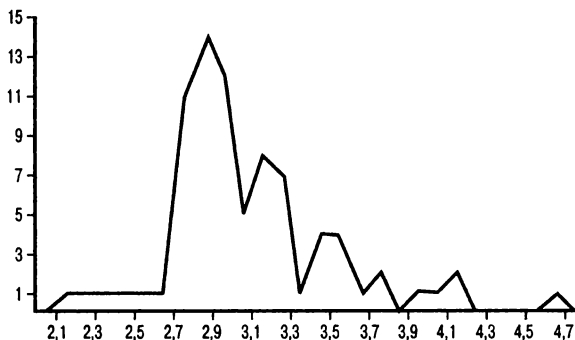


Рис. 22. Весовая диаграмма дирхемов халифа Мутамида (870–892 гг.). По 80 экз. коллекции Эрмитажа

60-х гг. IX в. чекан дирхема на Востоке выправился и его вес возвратился к единообразию, удовлетворявшему требованиям русского обращения. Однако весовая пестрота аббасидского чекана в 80-х и 90-х гг. увеличивается еще более по сравнению с 60-ми гг. Из 80 дирхемов Мутамида (870–892 гг.) уже только 36 имеют вес 2,7–3,0 г, а норма 3,0 г превышена в 38 экземплярах (рис. 22). Средний вес монеты для 80 экземпляров равен уже 3,13 г.

Как же объяснить исчезновение обломков из обращения? Понять эту загадку помогает весовой состав кладов. Обратившись к весу целых монет того же Шумиловского клада, мы устанавливаем замечательный факт. Несмотря на то, что ко времени зарытия этого клада уже получили значительное распространение более тяжелые монеты 60-х гг., а в составе ввозимых монет по-прежнему продолжали преобладать дирхемы Харуна ар-Рашида и Амина с нормой 2,8–2,9 г, огромный Шумиловский клад составлен в основном из монет с нормой 2,7–2,8 г, т. е. хорошо известной нам «африканской» нормой русской куны (рис. 23).

Для того чтобы норма куны возобладала в обращении второй половины IX в., когда дирхема африканской чеканки давно не было и в помине, нужны были или систематическая работа по отбору монет, наиболее близких по весу к норме русской куны, или же подгонка веса — почти незаметная механическая обработка («стрижка») обычных, рядовых монет. Второе кажется более приемлемым, т. к. для отбора монет необходимы достаточно точные весы, которые для того времени на Руси еще не известны.

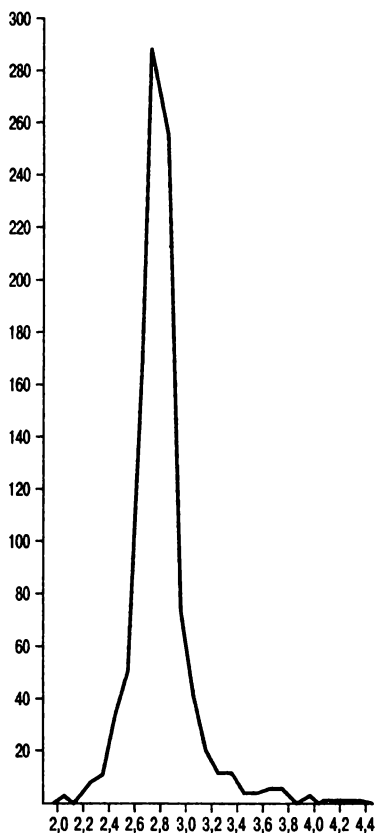


Рис. 23. Весовая диаграмма целых монет Шумиловского клада 871 г. По 995 экз. Новгородского музея

Любому нумизмату, имевшему дело с аббасидскими монетами русских кладов, хорошо известны следы весьма своеобразной и вполне «откровенной» обрезки, прослеживаемые на большинстве экземпляров. Это не индивидуальная подгонка монеты под заданный вес. Небольшой сегмент отрезается и от тяжелой монеты, превышающей норму куны, и от очень легкой монеты. Отнимая его от монеты, преследовали цель понизить средний вес дирхема, немного превышающий норму куны, и приблизить его к этой норме.

Исчезновение из кладов обломков при продолжающейся весовой пестроте ввозимых монет и является, по-видимому, результатом активного приспособления их к местным нормам.

Вполне закономерно может встать вопрос — не является ли разница в норме монет Шумиловского клада и норме монет беспаспортных коллекций результатом отбора в коллекции лучших экземпляров монет, т. е. следствием сортировки их не в IX, а в XIX и

XX вв. Однако такая разница существует не только между монетами Шумиловского клада и музейных коллекций, но и между монетами Шумиловского клада и монетами других кладов (Новгородского или Ягошурского). Можно думать, что дополнительная обработка монет осуществлялась не во всех районах восточноевропейского денежного обращения. Для некоторых районов, напротив, более характерным было дробление монеты. Можно также допустить в каких-то районах возможное изменение денежного счета. Однако

не существует пока возможности проследивать все варианты реакции на изменение веса дирхема в отдельных районах, и здесь мы можем говорить лишь о том, что такая реакция существовала.

Однако можно ли было, вообще, при отсутствии весов уловить те различия в весе монет, которые кажутся не очень уж значительными, особенно для людей, не знавших взвешивания. Следует ответить на этот вопрос положительно. Нельзя забывать, что значительная часть восточной монеты становилась на Руси не средством денежного обращения, а сырьем для изготовления различных украшений. При поштучной дозировке сырья всякое, хотя бы очень незначительное, превышение среднего веса монет должно давать неизбежные излишки. Случайность или закономерность появления этих излишков могла быть лучшим показателем и для весовой оценки обрабатывавшихся монет.

Рассмотрение особенностей денежного обращения IX в. в Восточной Европе будет неполным, если оставить в стороне еще одну группу монет, особенно заметную в кладах второго периода. Речь идет о местных подражаниях дирхему. Изготовление собственной монеты, хотя бы в виде подражаний типу ввозимых монет, свидетельствует о достижении местным обществом значительного развития внутреннего товарно-денежного обращения. В данном случае подражания до некоторой степени восполняют ту нехватку ввозимой монеты, которая проявилась с начала второй четверти IX в., и их изготовление за счет хотя бы более непригодной для обращения части монет и лома можно связывать с ростом потребности обращения в монете.

Вопрос о месте изготовления подражательных монет не раз ставился в литературе, но всегда рассматривался в очень общей форме, без расчленения материала по периодам. То или иное решение принималось сразу для всех видов рассматриваемых монет, обрабатывавшихся в Восточной Европе до начала XI в. Еще в первой половине прошлого столетия Х. Д. Френ несколько раз высказывал мнение о том, что они чеканились волжскими болгарами. Авторитет Х. Д. Френа был настолько велик, что мнение, высказанное им лишь мимоходом, было впоследствии безоговорочно принято В. В. Григорьевым, В. Г. Тизенгаузенем, А. К. Марковым, Карабеком и Хьелтом⁵⁵.

⁵⁵ Обзор литературы вопроса см. в работе: *Фасмер Р. Р.* О монетах волж-

В начале XX в. известный австрийский нумизмат Цамбаур пришел к мысли об иной принадлежности подражательных монет. Он объявил их хазарскими на том основании, что волжские болгары чеканили свою собственную монету, которая была уже не простым подражанием, а вполне самостоятельным, хотя и куфическим типом⁵⁶. Но Р. Р. Фасмер, посвятивший чеканке болгар специальную статью, убедительно доказал, что монеты самостоятельного типа выпускались болгарами лишь эпизодически. Параллельно с их чеканкой, охватывая более широкие хронологические рамки, осуществлялся выпуск чисто подражательной монеты. Хазары, не знавшие монетного обращения вообще, не только не выпускали каких-либо монет, но и оригинальной куфической монеты не употребляли.

Основную роль в доказательствах Р. Р. Фасмера сыграли топографические наблюдения. Он указывал, что клады, содержащие подражательные монеты, концентрируются исключительно на территории б. Казанской губ.; по его словам, там нет «ни одного клада ...о котором можно было бы с полной уверенностью сказать, что в нем не заключалось между прочими монетами и варварских дирхемов»⁵⁷. Этот вывод сделан Р. Р. Фасмером на основании анализа кладов X в. и вполне правилен для этого времени. Но имеется ряд кладов с имитациями более раннего времени. К их числу относится, прежде всего, Девицкий клад 838 г., состоящий из 323 монет, около четвертой части которых составляют подражания аббасидским дирхемам⁵⁸; затем Завалишинский клад 810 г., две монеты в котором (из 52) были подражаниями⁵⁹, Хитровский клад 873 г., содержащий какое-то количество неподсчитанных подражаний⁶⁰, Погребновский клад 876 г. с двумя подражаниями

ских болгар X века // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии. Т. XXXIII. Вып. 1. Казань, 1926.

⁵⁶ E. Von Zambaur. Orientalische Münzen in Nord- und Ost-Europa. Vortrag in der Wiener numism. Gesellschaft, Wien, 1902. *Idem*. Die Münzen der Chazaren. Monatsblatt der Numism. Gesellschaft in Wien VIII. 1909–1911. № 30/31. S. 313 ff.

⁵⁷ Фасмер Р. Р. О монетах волжских болгар. С. 47.

⁵⁸ Быков А. А. Новая находка куфических монет // КС ИИМК. VIII. 1940. С. 119.

⁵⁹ Фасмер Р. Р. Завалишинский клад...

⁶⁰ Марков А. К. Топография... С. 141. № 33.

(на 216 рассмотренных монет клада)⁶¹, Пейпусский клад 862 г., в котором было обнаружено два подражания аббасидским дирхемам⁶². Ни одного клада IX в. с подражательными монетами не обнаружено на территории б. Казанской губ. Топографические данные об имитациях, относящихся к IX в., позволяют предполагать место их чеканки где-то на территории современных Воронежской, Харьковской, Белгородской или Курской областей. Это предположение переходит в уверенность, если обратиться и к более поздним материалам. К X в. относится обнаруженный близ Харькова большой Безлюдовский клад, состоящий исключительно из подражаний куфическим монетам⁶³, и Березовский клад Курской обл., в котором наряду с подлинными восточными монетами насчитывается несколько сотен подражаний. Названная территория археологически отождествляется с областью распространения так называемой салтово-маяцкой культуры, связанной экономическими узами со славянским населением Восточной Европы.

Сырьем для изготовления подражательных монет служили, по видимому, те же арабские дирхемы — именно те их экземпляры, которые не соответствовали принятой в Восточной Европе весовой норме, стертые монеты и обломки. Необходимо отметить, что все подражания, обнаруженные в Восточной Европе, изготовлены чеканкой, а не литьем, поэтому никакого отношения к ним не может иметь известная литейная форма, обнаруженная в Невеле⁶⁴. Эта форма, нужно думать, предназначалась для литья монетовидных привесок — хорошо известных в курганных инвентарях X—XI вв. грубых подражаний куфическим дирхемам.

Вопрос о принадлежности подражаний может быть окончательно решен только после скрупулезного исследования типоло-

⁶¹ Там же. С. 16. № 90.

⁶² Там же. С. 18. № 99.

⁶³ Клад добыт целиком в 1930 г. при организованных Т. Т. Теслей раскопках песчаной дюны у с. Безлюдовки. Поводом для раскопок послужила находка нескольких монет у подошвы холма. В раскопе был открыт лежавший на боку горшок, из которого длинным шлейфом растеклись монеты. Клад в количестве около 1100 монет вскоре был отправлен для изучения Р. Р. Фасмеру в Эрмитаж, откуда был возвращен в Харьковский археологический музей в начале 1941 г. (Прим. ред.).

⁶⁴ Марков А. К. Топография... С. 3. № 13.

гии этих в высшей степени замечательных монет. Выделение групп, объединяемых общностью типических и технических черт, и их топографическое изучение могут внести ясность в историю местной чеканки на территории Восточной Европы. Исследование дирхемов-подражаний является тяжелой, но благодарной задачей нумизматов-ориенталистов.

Монетное обращение на территории Восточной Европы в 900—938 гг.

К третьему периоду обращения дирхема в Восточной Европе относятся 33 монетных клада⁶⁵ и около 50 отдельно поднятых или обнаруженных в курганах монет. В Западной Европе зарегистрировано 42 клада этого периода⁶⁶ и свыше 30 отдельных находок того же времени.

Общая сумма европейских кладов куфических монет (75) свидетельствует о сильнейшем увеличении темпа поступления восточ-

⁶⁵ *Кокрят*, 900 г. (Марков. Топография. С. 11. № 59); *Боровиково*, 905 г. (Там же. С. 37—38. № 211); *Киев*, 906 г. (Там же. С. 13. № 68); *Киев*, 906 г. (Корзухина. Русские клады. № 13); *Биллярск*, 906 г. (Марков. С. 10. № 52); *Гарица*, 906 г. (Там же. С. 136. № 3); *Верхотурье*, 909 г. (СГАИМК. I. С. 289. № 14); *Безымянный Эрмитажный*, 909 г. (Гос. Эрмитаж); *Чапле-Обремпака*, 900-е гг. (Марков. С. 45. № 255); *Струпово*, 912 г. (Там же. С. 26—27. № 144); *Ленциковщина*, 912 г. (Там же. С. 138. № 13); *Казанская губ.*, 914 г. (Там же. С. 11. № 56); *Сосницкий у.*, 914 г. (Там же. С. 52. № 298); *Пальцево*, 914 г. (Гос. Эрмитаж); *Богдановское*, 920 г. (Марков. С. 7. № 34); *Гнездово*, 928 г. (Там же. С. 43. № 238); *Любеч*, 933 г. (Там же. С. 50. № 289); *Булаево*, 936 г. (Там же. С. 36—37. № 209); *Киев*, 936 г. (Там же. С. 12. № 67); *Беляшевский Н.* Монетные клады Киевской губернии. Киев, 1889. С. 24); *Запе*, 936 г. (СГАИМК. I. С. 292. № 40). См. также *Тарусский у.* (Марков. С. 11—12. № 62); *Ленцицкий у.* (Там же. С. 11. № 60); *Полесье* (Там же. С. 9. № 46); *Аниково* (Там же. С. 29. № 164); *Борозденюк* (Там же. С. 50. № 288); *Черниговский у.* (Там же. С. 51. № 296); *Городнинский у.* (Там же. С. 51—52. № 297); *Минск* (Там же. С. 138. № 14); *Эзель* (СГАИМК. I. С. 292. № 44); *Торонец* (Там же. С. 290. № 21); *Великолукский у.* (Там же. С. 290. № 23); *Староселы* (СГАИМК. II. С. 291. № 34); *Веть* (Там же. С. 291. № 36).

⁶⁶ 21 клад на Готланде: 898 г. (Марков. С. 71. № 96); 906 г. (Там же. С. 66—67. № 57); 909 г. (Там же. С. 74. № 143); 910 г. (Там же. С. 74. № 113); 911 г. (Там же. С. 74. № 116); 911 г. (Там же. С. 88. № 233); 916 г. (Там же. С. 84—85. № 205); 917 г. (Там же. С. 63. № 22); 919 г. (Там же. С. 69. № 79); 920 г. (Там же. С. 85. № 211); 921 г. (Там же. С. 63. № 20); 922 г. (Там же. С. 65. № 35); 922 г. (Там же. С. 77—78. № 141); 927 г. (Там же. С. 64. № 29); 928 г.

ной монеты. Если во втором периоде 50 кладов приходились на 66 лет, теперь на 39 лет приходится 75 кладов. Как ни условны эти цифры, они отражают закономерности, бросающиеся в глаза.

Значительное расширение торговли, отразившееся в отмеченном увеличении ввоза куфической монеты в Восточную Европу, привело и к усилению насыщенности восточноевропейского денежного обращения серебряной монетой. Увеличение количества монеты в обращении привело к заполнению всех тех территориальных лакун, которые образовались во втором периоде, когда ввоз монеты был недостаточным. Монета снова проникает на территорию Смоленщины, в пределы радимичской земли, вновь распространяется по Днепру (рис. 24).

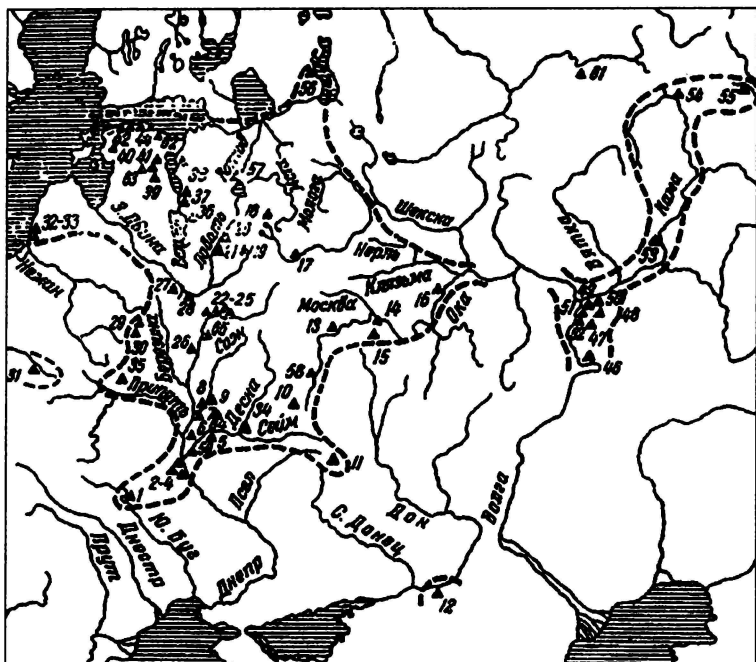
Именно с насыщением восточной монетой русского обращения следует, очевидно, связывать и усиление ее отлива за западные рубежи славянских земель. Усиление торговых связей Восточной Европы с Востоком сопровождается в это время и значительным усилением балтийской торговли. Не активизация международной деятельности варяго-норманов приводит, таким образом, к расширению обмена между Востоком и Западной Европой, а укрепление экономики Восточной Европы, товарное обращение которой усилилось не только в сфере международного обмена с Западом, но и на Востоке, а также внутри славянских земель.

Усиление ввоза серебряной монеты в Восточную Европу в начале X в. прослеживается не только по нумизматическим данным. Поскольку монеты служили одновременно сырьем для производства украшений и различной серебряной утвари, мы вправе ожи-

(Там же. С. 84. № 198); 932 г. (Там же. С. 64. № 34); 932 г. (Там же. С. 68. № 69); 933 г. (Там же. С. 82. № 184); 934 г. (Там же. С. 75. № 120); 934 г. (Там же. С. 85. № 212); 935 г. (Там же. С. 84. № 200).

10 кладов на территории материковой Швеции: 906 г. (Марков. С. 89. № 6); 915 г. (Там же. С. 90. № 19); 915 г. (Там же. С. 95. № 75); 916 г. (Там же. С. 94. № 70); 917 г. (Там же. С. 91. № 24); 922 г. (Там же. С. 96. № 88); 924 г. (Там же. С. 90. № 9); 926 г. (Там же. С. 98. № 122); 932 г. (Там же. С. 100. № 137); 937 г. (Там же. С. 89. № 7).

2 клада в Норвегии: 920 г. (Там же. С. 101. № 3); ? (Там же. С. 101–102. № 13); 1 — в Англии (Там же. С. 105. № 1); 1 — в Австрии, 935 г. (Там же. С. 109. № 6); 2 — в Западной Пруссии, 905 г. (Там же. С. 112. № 5) и 934 г. (Там же. С. 112–113. № 6); 5 — в Померании: 920 г. (Там же. С. 130. № 53); 932 г. (Там же. С. 122. № 4); 932 г. (Там же. С. 130–131. № 60); 938 г. (Там же. С. 123. № 14); ? (Там же. С. 123. № 9).



----- Распространение дирхема в 900-970 гг.

Рис. 24. 1 — Копиевка, 953 г.; 2 — Киев, 906 г.; 3 — Киев, 906 г.; 4 — Киев, 936 г.; 5 — Черниговский у.; 6 — Любеч, 933 г.; 7 — Струпово, 912 г.; 8 — Гомель, 943 г.; 9 — Большой Кривей; 10 — Береза, 950-е гг.; 11 — Безлюдовка; 12 — Саркел; 13 — Тарусский у.; 14 — Белоомут; 15 — Борозденюк; 16 — Муром, 939 г.; 17 — Ржев, 953 г.; 18 — Валдайский у., 951 г.; 19 — Пальцево, 914 г.; 20 — Торопец; 21 — Великолукский у.; 22 — Дубровинка, 961 г.; 23 — Гнездово, 928 г.; 24 — Гнездово, 948 г.; 25 — Гнездово, 960 г.; 26 — Веть; 27 — Дисненский у., 944 г.; 28 — Гарица, 906 г.; 29 — Ленциковщина, 912 г.; 30 — Минск; 31 — Чапле-Обремпака, 900-е гг.; 32 — Гробин, 946 г.; 33 — Гробин, 952 г.; 34 — Сосницкий у., 914 г.; 35 — Полесье; 36 — Боровиково, 905 г.; 37 — Псков, 958 г.; 38 — Булаево, 936 г.; 39 — Торма, 947 г.; 40 — Газелау, 959 г.; 41 — Ратсгоф, 952 г.; 42 — Таллин, 942 г.; 43 — Фридрихсгоф, 955 г.; 44 — Сарема; 45 — Зауе, 936 г.; 46 — Ставрополь, 939 г.; 47 — Билярск, 906 г.; 48 — Казанская губ., 914 г.; 49 — Болгары, 946 г.; 50 — Кокрят, 900 г.; 51 — Болгары; 52 — Балымер; 53 — Богдановское, 920 г.; 54 — Аниково; 55 — Верхотурье, 909 г.; 56 — Петрозаводск, 946 г.; 57 — Новгород, 953 г.; 58 — Козельск, 953 г.; 59 — Савин; 60 — Вейсенштейн, 955 г.; 61 — Чудской городок, 960 г.; 62 — Коваст, 969 г.; 63 — Веснерсгоф, 951 г.; 64 — Городнинский у.; 65 — Староселы (С. 120)

дать и увеличения с этого времени количества находок разных серебряных вещей местного производства, и действительно, именно с X в. на продолжительный период устанавливается эпоха блестящего расцвета ювелирного ремесла⁶⁷. Клады с русскими ювелирными вещами зарывались еще в IX в., т. е. после того как начался приток в Восточную Европу серебряной монеты, однако до начала X в. они остаются редкими. С увеличением притока серебряных монет становятся обильными и клады серебряных ювелирных вещей. Более того, в X и XI вв., когда обращение серебра, сохранявшего свою монетную форму, охватывало все сферы населения, связанного с обменом, на Руси возникает производство массовых мелких украшений из серебра, входящих в убор простых горожанок и крестьянок.

Из восточноевропейских кладов рассматриваемого времени только 20 могут быть датированы точно, датировка остальных суммарна — в пределах 900—938 гг. Поэтому усиление темпа ввоза восточной монеты удобнее проследить по изменениям темпа ее завоза на Запад. Из числа куфических кладов в Западной Европе к 70-м гг. IX в. относится только 1 клад, к 80-м гг. IX в. — 1 клад, к 90-м гг. IX в. — 3 клада, к первому десятилетию X в. — 6 кладов, к 10-м гг. X в. — 12 кладов, к 20-м гг. — 8 кладов, а к 930—938 гг. — 14 кладов. Ввоз восточной монеты заметно усиливается уже в самом начале X в., но еще большую мощность приобретает с 910-х гг.

Рассмотрение династического и хронологического состава кладов третьего периода (см. табл. I и II) наглядно выявляет еще одну значительную особенность монетного обращения этого времени. Обращение не только насыщается монетой, но и быстрота обращения монеты увеличивается. Клады третьего периода — это наиболее компактные клады, как в отношении времени чеканки составляющих их монет, так и в отношении их династической принадлежности. Начало X в. является временем исключительно резкого перелома в составе кладов. Если еще в первых годах X в. некоторые клады содержат до 80 % аббасидских дирхемов, что роднит их с кладами IX в. (Безымянный Эрмитажный клад 909 г., Чапле-Обремпалкский клад), то тем очевиднее предстает перед нами стремительно развивающийся процесс исчезновения аббасидских монет из обращения. В первом десятилетии X в. они обычно

⁶⁷ Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв.

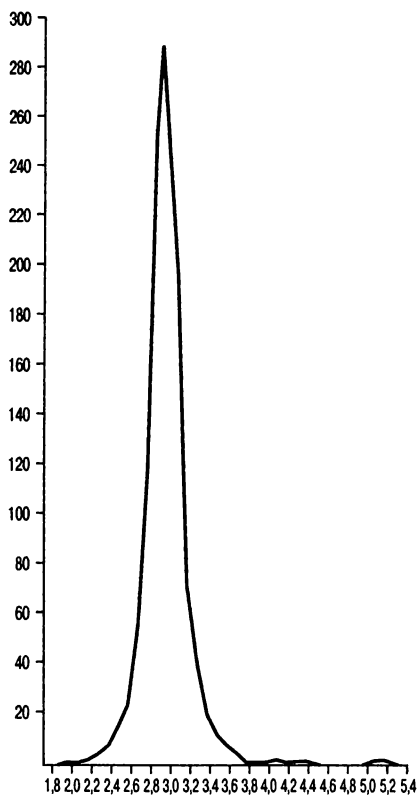


Рис. 25. Весовая диаграмма саманидских дирхемов Исмаила ибн-Ахмеда (892–907 гг.). По 1130 экз. коллекции Исторического музея

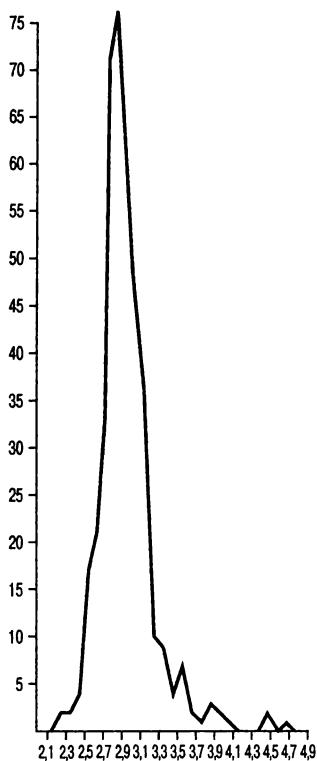


Рис. 26. Весовая диаграмма саманидских дирхемов Ахмеда ибн-Исмаила (1907–1914 гг.). По 357 экз. коллекции Исторического музея

составляют лишь 12–35 % от общего числа монет в кладах, в дальнейшем — менее 4 %, т. е. примерно столько, сколько обычно составляют в русских кладах монеты мелких династий, являющиеся «свитой» для определяющей категории монет. Такой ведущей группой становятся монеты Саманидов, которым с начала 10-х гг. принадлежит не менее 90 % всего состава кладов.

На втором месте после саманидских монет в кладах этого времени стоят подражания куфическим монетам, болгарское происхож-

дение большинства которых было доказано Р. Р. Фасмером. Третье место занимают аббасидские монеты X в. Наконец, небольшую, но обычную примесь составляют монеты Саффаридов и Тахиридов. Омейядские монеты исчезают из обращения полностью уже в самом начале X в.

Что касается хронологического состава кладов третьего периода, то все они, если отбросить аббасидские клады первого десятилетия, еще сохраняющие преобладание монет Харуна ар-Рашида и Амина, обнимают период протяжением всего-навсего в тридцать лет.

Определяющими состав русского монетного обращения третьего периода являются, таким образом, саманидские дирхемы Исмаила (892–907 гг.), Ахмеда ибн-Исмаила (907–914 гг.) и дирхемы первой половины правления Насра (914–933 гг.).

Метрологические особенности этих монет и следует рассмотреть для выяснения весовой нормы, принятой в русском монетном обращении 900–938 гг. С этой целью была изучена коллекция саманидских монет Исторического музея. Из 1130 дирхемов Исмаила вес 854 находится в пределах 2,7–3,1 г, 110 монет легковеснее этой нормы, 164 монеты — тяжелее. При некоторой растянутости амплитуды весового колебания этих дирхемов они все же обнаруживают подавляющее преобладание экземпляров постоянного веса, совпадающего с нормой русской куны или очень близкого ей (рис. 25).

Небрежность чеканки саманидских монет несколько усиливается в правление Ахмеда ибн-Исмаила (907–914 гг.). Из 357 монет этого эмира в коллекции ГИМ 264 имеют вес 2,7–3,2 г, 46 монет более легковесны, 47 — тяжелее (рис. 26). Уже в этих монетах можно подметить слабую метрологическую особенность, которая вполне определяется для нас при рассмотрении следующей группы монет.

Рядом с обильной группой монет нормального веса, близкого величине русской куны, возникает и прослеживается пока еще совсем небольшая, но уже достаточно четко выделившаяся группа дирхемов другой весовой нормы. 13 монет Ахмеда имеют вес 3,4–3,6 г. Значение этой группы станет понятным после того, как мы познакомимся с весом монет Насра.

В клады третьего периода входят монеты только первой половины правления Насра, приблизительно до 933 г. Эта группа мо-

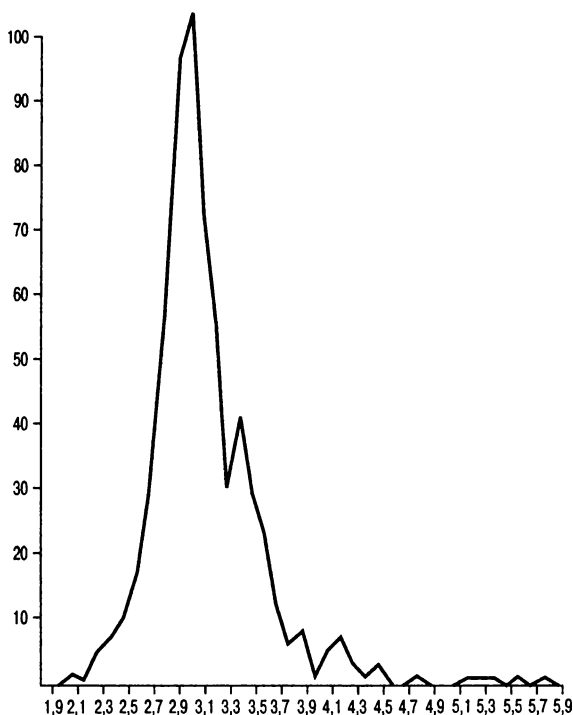


Рис. 27. Весовая диаграмма саманидских дирхемов I периода правления Насра ибн-Ахмеда (914–933 гг.). По 626 экз. коллекции Исторического музея

нет изучена по 626 экземплярам коллекции ГИМ. Взвешивание их позволило установить среди них две ярко выраженные и резко обособившиеся весовые группы: 380 экземпляров колеблются в пределах 2,7–3,2 г, 93 экземпляра имеют вес 3,3–3,6 г, причем большинство последних имеет более точный вес 3,3–3,5 г. Вес остальных имеет более случайный характер, расширяя амплитуду весовых колебаний монет, чеканенных в правление Насра, и позволяя сделать вывод о еще более усилившейся небрежности в чеканке этого времени (рис. 27).

Появление в массе принадлежащих русскому обращению монет одного и того же правителя двух обособленных весовых групп не может быть связано с какими-либо нововведениями в монетном

деле Востока. Разновесные монеты имеют совершенно одинаковые, часто идентичные штампы и являются монетами одного и того же номинала. Разновесность монет сама по себе является лишь результатом усиления недостатков способа чеканки ал-марко, и средний вес дирхема, несмотря на широкий размах его весового колебания, остается на прежнем уровне.

Есть все основания считать появление в русском обращении двух особых весовых групп монет следствием уже чисто русских закономерностей обращения и определенного отбора монеты для обращения. Одна из групп связана с русской куной и хорошо известна с начала IX в. Другая теперь появляется впервые. Обращаясь к системе Русской Правды и предпринятым выше расчетам денежно-весовых норм, легко понять значение новой группы. Ее весовые показатели точно совпадают с русской нормой ногаты — 3,41 г.

Разновесность восточных монет, все сильнее проявлявшаяся с каждым десятилетием, в 10-х гг. X в. сделала возможным дальнейшее усложнение русской денежно-весовой системы. Рядом с древней куной в ней появляется ногата, образовавшаяся путем отбора более тяжелых дирхемов по норме 1/20 русской гривны.

Именно отсев монет, занимающих промежуточное положение между нормами куны и ногаты и несоответствующих этим русским

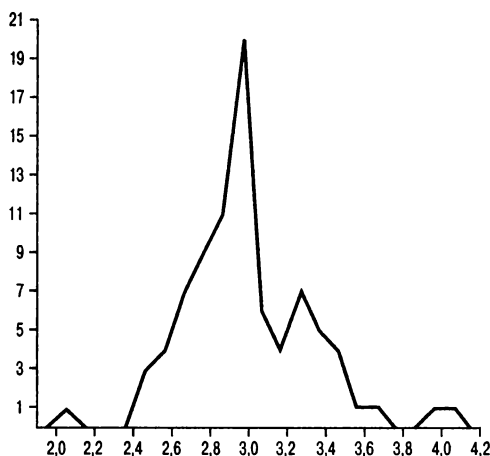


Рис. 28. Весовая диаграмма дирхемов халифов Мутаидида и Муктафи (892–908 гг.). По 85 экз. коллекции Эрмитажа

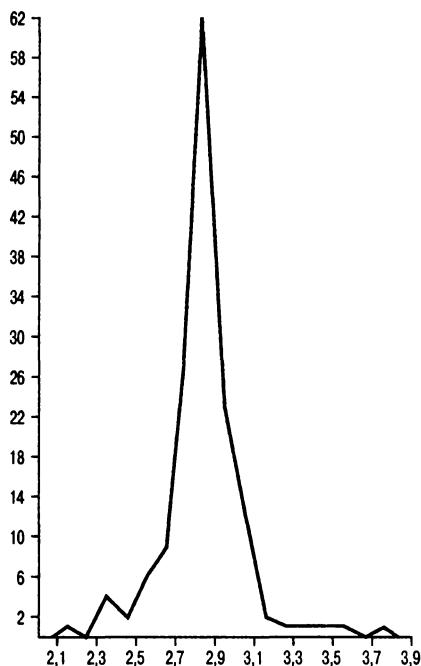


Рис. 29. Весовая диаграмма Безымянного клада 907 г. По 153 экз. коллекции Эрмитажа

нормам, привел к выпадению промежуточных весовых вариантов саманидского дирхема и к обособлению двух его весовых групп.

В связи с этим представляется наиболее убедительным толкование слова «ногата», неоднократно предлагавшееся лингвистами. Этот термин этимологически связывают с арабским глаголом «накада», который имеет значение «сортировать деньги, отбирать хорошие экземпляры»⁶⁸.

Денежно-весовая система Древней Руси в третьем периоде обращения в результате такой сортировки монет приобрела следующий вид: *гривна* (счетная; = 68,22 г) = 25 *кунам* (дирхемам с весом, близким 2,73 г) 20 *ногатам* (дирхемам с весом, близким 3,41 г).

Отсутствие обломков в кладах этого периода позволяет уверенно говорить о том, что большего усложнения в это время система еще не приобрела. Резана и веверица, известные по Русской Правде, согласно их положению в системе денежного счета, являются единицами, меньшими, нежели куна, т. е. им должны соответствовать не целые дирхемы, а их части.

Утверждая, что ногата впервые появилась не ранее 910-х гг., следует обратить внимание и на более раннюю группу аббасидских монет — чекана Мутамида (870–892 гг.), Мутадида и Муктафи (892–908 гг.) (рис. 22 и 28). Уже среди этих монет группа с весовой нормой ногаты проявляется весьма резко. На этом основании

⁶⁸ Бауер Н. П. Денежный счет Русской Правды. С. 213, примеч. 1.

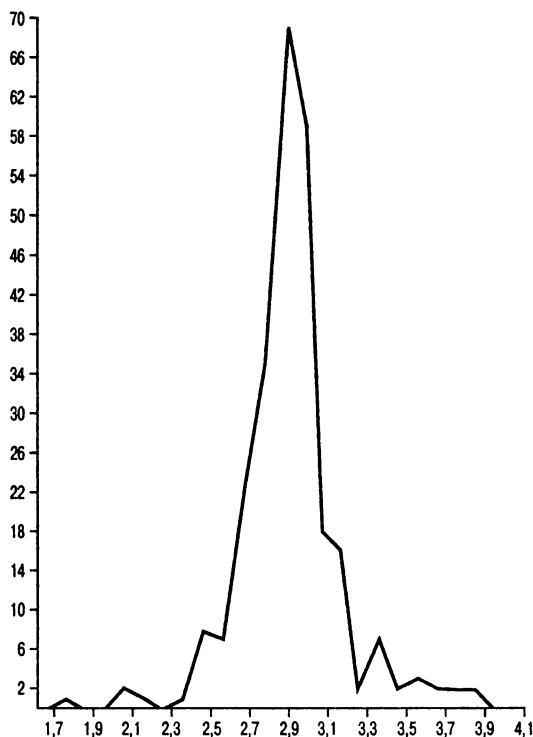


Рис. 30. Весовая диаграмма Пальцевского клада 914 г. По 261 экз. коллекции Эрмитажа

можно было бы датировать появление ногаты более ранним временем и связывать ее возникновение с исчезновением из кладов обломков в конце 70-х гг. IX в.⁶⁹ Однако возможность такой датировки не подтверждается остальным материалом. Прежде всего, определяющей группой в кладах начала третьего периода являются не аббасидские дирхемы, а дирхемы Саманидов чеканки Исмаила. Но как показано выше, монеты с весом, близким ногате, в массе монет Исмаила не обособлены совершенно. Было бы странным, если бы в начале X в. сортировке подвергались только абба-

⁶⁹ Первоначально мне эта ранняя датировка казалась приемлемой. См.: Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси. С. 12.

сидские дирхемы, а не основная масса монет. Ранней датировке противоречат также наблюдения над весовым составом кладов начала X в. Так, например, Безымянный Эрмитажный клад 909 г. содержит 153 дирхема, в числе которых 112 имеют вес 2,7–3,0 г, 22 монеты оказались более легковесными, 19 — более тяжеловесными, но вес 3,3–3,5 г имеют только 2 монеты (рис. 29). В Пальцевском кладе 914 г., пятью годами младшем, из 261 дирхема 187 монет имеют вес 2,7–3,1 г, 20 монет более легковесны, 54 более тяжеловесны и норма 9 монет заключена в пределах 3,3–3,5 г. Это, разумеется, очень небольшая группа, но она уже обособлена (рис. 30). Сама малочисленность монет этой группы служит убедительным свидетельством того, что норма ногаты к этому времени является только что образовавшейся.

Обращение дирхема на территории Восточной Европы с 939 г. до конца X в.

Последний период обращения дирхема в Восточной Европе является наиболее интересным и наиболее сложным для исследователя. В это время на русском обращении сильнейшим образом скаывается кризис чеканки на Востоке, приведший в начале XI в. к прекращению ввоза монеты в Европу.

В Восточной Европе к рассматриваемому периоду относится 60 кладов⁷⁰, в Западной Европе — 65 кладов⁷¹. По десятилетиям эти клады распределяются следующим образом:

Дата кладов	в Восточной Европе	в Западной Европе	Всего
939–949	10	14	24
950–959	13	32	45
960–969	4	9	13
970–979	9	8	17
980–989	6	2	8
990–1000	12	—	12

⁷⁰ Ставрополь, 939 г. (Марков. Топография. С. 41. № 227); Муром, 939 г. (Там же. С. 5–6. № 28); Ревель, 942 г. (Там же. С. 56. № 324); Гомель, 943 г. (Там же. С. 25. № 140); Дисненский у., 944 г. (Там же. С. 1–2. № 5); Гробин,

Приведенная табличка дает возможность с правильных позиций подойти к вопросу о хронологии восточного серебряного кризиса. Поскольку причины и ход этого кризиса никем еще специально не исследованы, ходячие представления о нем очень хаотичны. Не существует и единого мнения о времени его возникно-

946 г. (Там же. С. 14—15. № 82); *Петрозаводск*, 946 г. (Там же. С. 29. № 158); *Болгары*, 946 г. (Там же. С. 137. № 10); *Юрьевский у.*, 947 г. (Там же. С. 17—18. № 98); *Гнездово*, 948 г. (Там же. С. 42. № 237); *Валдайский у.*, 951 г. (Там же. С. 28. № 156); *Веснерсгоф*, 951 г. (Там же. С. 23. № 129); *Ратсгоф*, 952 г. (Там же. С. 23. № 133); *Гробинский у.*, 952 г. (Там же. С. 138. № 12); *Ржев*, 953 г. (Там же. С. 46. № 264); *Новгород*, 953 г. (Быков А. А. Клад серебряных куфических монет...; ИРАИМК. IV); *Козельск*, 953 г. (Марков. С. 12. № 65); *Вейссенштейн*, 955 г. (СГАИМК. I. С. 292. № 41); *Копиевка*, 955 г. (Линка-Геппенер Н. Копіівський клад // Археологія. II. 1948); *Фридрихсгоф*, 955 г. (Пахомов. Монетные клады. II. № 627); *Псков*, 958 г. (Марков. Топография. С. 36. № 205); *Юрьев*, 959 г. (Там же. С. 19. № 103); *Береза*, 950-е гг. (ОАК за 1909—1910 гг. С. 206); *Гнездово*, 960 г. (Марков. С. 43. № 239); *Дубровинка*, 961 г. (Там же. С. 42. № 235); *Коваст*, 969 г. (Там же. С. 56. № 323); *Чудской Городок*, 960-е гг. (Там же. С. 6. № 30); *Костомлоты*, 970 г. (Там же. С. 45. № 256); *Новгород*, 972 г. (Янина С. А. Неревский клад...); *Н. Мельница*, 974 г. (Новгородский музей); *Белый Омут*, 976 г. (Марков. С. 39—40. № 220); *Владимир*, 977 г. (Там же. С. 6. № 29); *Великие Луки*, 977 г. (Там же. С. 35—36. № 203); *Рябиновское*, 978 г. (Там же. С. 6. № 33); *Ерилово*, 978 г. (Гос. Эрмитаж); *Ст. Дедин*, 979 г. (Vasmer. Staryi Dedin); *Медведово*, 982 г. (Марков. С. 141—142. № 34); *Ашераден*, 985 г. (Там же. С. 23. № 132); *Татарский Толкиш*, 985 г. (Пахомов. Монетные клады. II. № 615); *Красное*, 986 г. (Марков. С. 136. № 1); *Пейпус*, 988 г. (Там же. С. 18. № 101); *Весь*, 989 г. (Там же. С. 54. № 310); *Мусорки*, 990 г. (Там же. С. 41. № 229); *Рудки*, 990 г. (Baier. Die russischen Funde. S. 165, примеч.); *Шелебово*, 990 г. (Марков. С. 4. № 23); *Чистополь*, 995 г. (Там же. С. 9. № 50); *Савково*, 996 г. (СГАИМК. I. С. 290. № 19); *Шпилевка*, 990-е гг. (Марков. С. 53. № 305; датируется по мерванидской монете); *Лифляндская губ.*, 990-е гг. (Там же. С. 21. № 119; датируется по мерванидской монете); *Везенберг*, 990-е гг. (Там же. С. 56. № 322); *Балымеры*, конец X в. (Там же. С. 10. № 53); *Подборовка*, конец X в. (Гос. Эрмитаж); *Новый Двор*, 1000 г. (Марков. С. 23—24. № 134). См. также *Витебская губ.* (Там же. С. 3. № 10); *Маклашеевка* (Там же. С. 10. № 54); *Балымеры* (Там же. С. 11. № 58); *Савин* (Там же. С. 51. № 293); *Безлюдовка* (Бауер. Денежный счет Русской Правды. С. 220); *Эзель* (Марков. С. 22. № 124); *Коростово* (Черепнин. Коростовский клад).

⁷¹ К 939—949 гг. в Финляндии относится 1 клад (Марков. Топография. С. 58. № 4); на Готланде 5 кладов (Там же. С. 65—76. № 36, 49, 56, 71, 128); в Швеции 3 клада (Там же. С. 94—95. № 67, 79; С. 142. № 52а); в Дании 1 клад (Там же. С. 103. № 6); в Галиции 1 клад (Там же. С. 109. № 7); в Западной Пруссии 1 клад (Там же. С. 112. № 3); в Померании 2 клада (Там же. С. 129—131. № 48, 60). Всего 14 кладов.

вения. А. К. Марков писал о внезапности кризиса⁷². По его представлению, кризис разразился неожиданно около той даты, к которой относится позднейшая куфическая монета европейских кладов⁷³. П. Г. Любомиров первый обратил внимание на постепенное развитие кризиса, на заметное убывание дирхемов в русских кладах задолго до критической даты прекращения ввоза монет — именно с 70-х гг. X в.⁷⁴, однако им не была привлечена для аргументации этого положения статистика кладов. Приведенная таблица восполняет этот пробел и подтверждает положение П. Г. Любомирова, уточняя его.

Как мы видим, усиление ввоза восточной монеты в Европу, которое наблюдается с 10-х гг. X в., продолжает нарастать и в начале последнего периода обращения дирхема. Максимум ввоз достигает в 950-х гг., после чего он стремительно сокращается. Если к 50-м гг. X в. в Западной Европе относится 32 клада, то к 60-м гг. — только 9, к 70-м гг. — 8, а к 80-м гг. лишь 2 клада. Последние отнесены к 80-м гг. условно, только на основании пропорционального соотношения в них куфических и западноевропейских монет, как будто характерного для этого десятилетия. Возможно, они отно-

К 950—959 гг. в Финляндии относится 1 клад (*Марков*. С. 60. № 14; возможно, этот клад датируется 960-ми гг.); на Готланде 13 кладов (Там же. С. 63—87. № 24, 63, 72, 73, 74, 87, 101, 106, 107, 144, 148, 166, 225); в Швеции 10 кладов (Там же. С. 90—99. № 15, 31, 54, 56, 60, 61, 64, 78, 124, 131); в Западной Пруссии 3 клада (Там же. С. 112—115. № 4, 12, 20); в Померании 4 клада (Там же. С. 123—130. № 12, 25, 38, 54); в Голштинии 1 клад (Там же. С. 134. № 3). Всего 32 клада.

К 960—969 гг. на Готланде относятся 5 кладов (*Марков*. С. 70—87. № 94, 102, 126, 137, 227); в Швеции 1 клад (Там же. С. 90. № 14); в Западной Пруссии 1 клад (Там же. С. 113. № 10); в Познани 1 клад (Там же. С. 118. № 14); в Померании 1 клад (Там же. С. 131. № 64). Всего 9 кладов.

К 970—979 гг. в Финляндии относится 1 клад (Там же. С. 59. № 10); на Готланде 5 кладов (Там же. С. 67—84. № 66, 75, 172, 176, 204); в Дании 1 клад (Там же. С. 103. № 10); в Западной Пруссии 1 клад (Там же. С. 113. № 8). Всего 8 кладов.

К 980—989 гг. на Готланде относится 1 клад (Там же. С. 85. № 206); в Дании 1 клад (Там же. С. 104. № 14). Всего 2 клада.

⁷² *Марков* А. К. Топография кладов восточных монет. С. 11.

⁷³ Этой датой А. К. Марков ошибочно считал 1012 г., хотя им же приведен в топографической сводке Поречьский клад (из имени Хоментовского), в состав которого входила илেকская монета 405 г. х. (1014—1015 гг.).

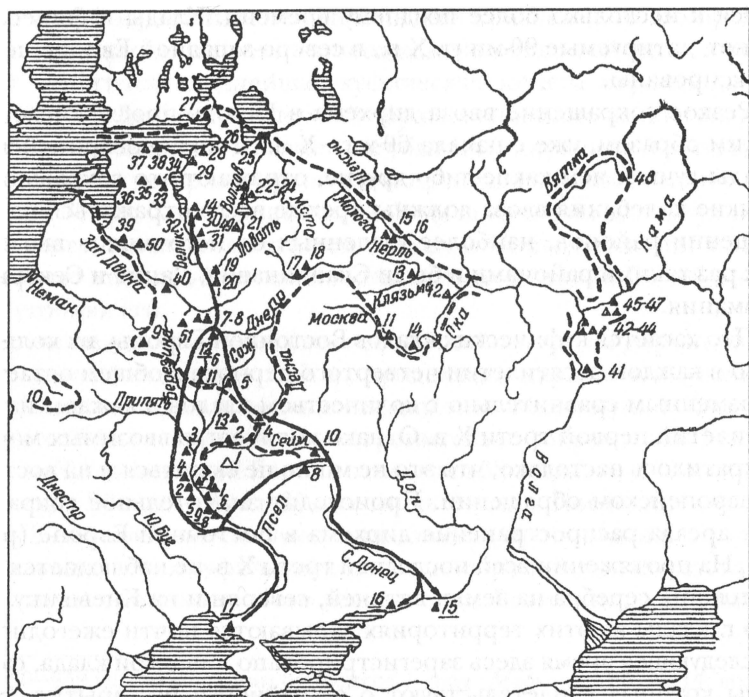
⁷⁴ *Любомиров* П. Г. Указ. соч. С. 13.

сятся к несколько более позднему времени. Клады куфических монет, датируемые 90-ми гг. X в., в северо-западной Европе не зафиксированы.

Резкое сокращение ввоза дирхема в Европу прослеживается, таким образом, уже с начала 60-х гг. X в., и западноевропейские клады лучше, чем какие-либо другие, отражают это сокращение. Всякие колебания ввоза должны прежде всего отражаться на обращении районов, наиболее удаленных от источников ввоза, а как раз такими районами и были Скандинавия, Дания и Северная Германия.

Что касается куфических кладов Восточной Европы, их количество в каждом десятилетии четвертого периода в общем остается неизменным сравнительно с количеством кладов в каждом из десятилетий первой трети X в. Однако количество ввозимых монет сократилось настолько, что это не могло не сказаться и на восточноевропейском обращении. Происходит значительное сокращение ареала распространения дирхема в Восточной Европе (рис. 31). На протяжении всей последней трети X в. не наблюдается поступления серебра на земли вятичей, северян и на Киевщину. До 966 г. клады на этих территориях зарываются почти ежегодно, в последующее время здесь зарегистрировано лишь три клада, сами даты которых свидетельствуют о случайности их зарытия. Это клад, обнаруженный в с. Рудках под Черниговом с младшей монетой 990 г., оставшийся почти не изученным, Шпилевский клад из б. Сумского уезда, датируемый рубежом X—XI вв., и Переяславский клад с младшей монетой 1015 г. Места находки этих кладов говорят о том, что эпизодическое проникновение собравшихся в них монет на юг осуществлялось Деснинским путем. Днепр, начиная с середины 60-х гг. X в., снова не отмечен находками монет ниже Могилева.

Таким образом, куфические монеты, поступавшие в Европу в последней трети X в., обращались в пределах весьма сокращенного ареала. Они перестают поступать в южные области Восточной Европы и в Западную Европу, будучи полностью поглощаемы денежным обращением на территории расселения новгородцев, кривичей и обращением Восточной Прибалтики. Обращение этих территорий поглощало едва ли не вдвое больше монеты, нежели обращение неизмеримо большей территории в середине и второй половине IX в. Рост потребности восточнославянского об-



Распространение дирхема в начальный период (до 833 г.) ▲

Киевских серебреников ▲

Рис. 31. Распространение дирхема: 1 — Денисы; 2 — Рудки, 990 г.; 3 — Шпилевка, 990-е гг.; 4 — Медведово, 982 г.; 5 — Старый Дедин, 979 г.; 6 — Поречье; 7 — Стражевичи I; 8 — Стражевичи II; 9 — Новый Двор, 1000 г.; 10 — Брест; 11 — Белоомут, 976 г.; 12 — Савково, 996 г.; 13 — Владимир, 977 г.; 14 — Коростово; 15 — Шелебово, 990-е гг.; 16 — Весь, 989 г.; 17 — Семенов Городок; 18 — Старицкий у.; 19 — Великие Луки, 977 г.; 20 — Васьково; 21 — Подборовка; 22 — Новгород, 972 г.; 23 — Новая Мельница, 974 г.; 24 — Собачьи Горбы; 25 — Старая Ладога; 26 — Метфе; 27 — Выборг; 28 — Ораниенбаумский у.; 29 — Белая Кирка; 30 — Молоди; 31 — Демшино; 32 — Отепя; 33 — Вёбс; 34 — Тарту; 35 — Вильянди; 36 — Велла; 37 — Пейт; 38 — Раквере; 39 — Лифляндская губ., 990-е гг.; 40 — Красное, 986 г.; 41 — Мусорки, 990 г.; 42 — Маклашеевка; 43 — Балымер; 44 — Крещеный Баран; 45 — Старое Альмерово; 46 — Татарский Толкиш, 985 г.; 47 — Чистополь, 995 г.; 48 — Рябиновское, 978 г.; 49 — Ерилово 978 г.; 50 — Ашераден, 985 г.; 51 — Витебская губ. Распространение киевских серебреников: 1 — Нежин (Ильин. Топография. С. 15. № 22); 2 — Киев (Там же. С. 12. № 8); 3 — Вышгород (сообщение

Б. А. Рыбакова); 4 — Киев (*Ильин*. С. 12. № 6); 5 — Вышенки (Там же. С. 15. № 23); 6 — Денисы (Там же. С. 15. № 20); 7 — Борисполь (Там же. С. 14. № 19); 8 — Княжая Гора (Там же. С. 12. № 9); 9 — Липлява (Советская археология. VI. С. 231); 10 — Липино (сообщение П. И. Засурцева); 11 — Вотня (*Ильин*. С. 13–14. № 15); 12 — Поречье (Там же. С. 14. № 16); 13 — Митьковка (ГИМ); 14 — Молоди (*Ильин*. С. 15. № 21); 15 — Цимлянская (Там же. С. 11. № 2); 16 — Ростовский у. (Там же. С. 11. № 1); 17 — Алешки (ГИМ) (С. 131 карта)

щества в монете очевиден и значителен. Не менее очевидно и то, что выпадение целого ряда русских областей из сферы общерусского монетного обращения было обусловлено не сознательным отказом населения этих областей от монеты, употребление которой, по Б. А. Романову, «не отражало внутренней потребности русской экономики в мелких металлических платежных знаках», а состоянием сырьевой базы монетного обращения. Кризис восточного серебра в это время не привел еще к полному прекращению ввоза куфической монеты в Европу, но он уже проявился в серьезнейшем ослаблении ее ввоза. Поток ввозимой монеты полностью поглощается в областях, наименее удаленных от Булгара, и не доходит до пунктов, наиболее отстоящих от этого места непосредственного взаимодействия европейской и азиатской торговли.

На всем протяжении последнего периода обращения дирхема сохраняется подавляющее преобладание в составе кладов саманидских монет. Кроме того, эти клады характеризуются постоянным присутствием в них заметной примеси подражаний куфическим монетам, аббасидских и бувейхидских дирхемов. Последние, появившись в обращении с самого начала рассматриваемого периода, постепенно увеличиваются в количестве, но до самого конца X в. наибольший их процент в кладе не превышает 16,66 % (Красное, 986 г.). Исключение составляет только Чистопольский клад 995 г., в котором их было более половины. С начала 70-х гг. постоянную, но не очень большую примесь вкладах составляют также монеты Зияридов и Хамданидов. Дирхемы прочих династий встречаются вкладах этого времени лишь в виде единичных экземпляров.

Некоторое основание для подразделения кладов 939–1000 гг. внутри периода дают наблюдения над их хронологическим составом. Только в самом начале четвертого периода в русскихкладах еще сохраняется преобладание монет, по дате близких времени закрытияклада. Тридцатилетний диапазон основной части кладов от-

мечен лишь в Муромском кладе 939 г., в Ставропольском 939 г., в Болгарском 942 г. и в Гомельском 942 г. (табл. I). В дальнейшем отсев ранних монет заметно замедляется, и в соответствии с этим хронологический диапазон основной части сокровищ расширяется до 50–60 лет, возрастая к концу X в. до 70–80 лет.

Особенности расширения хронологического диапазона кладов четвертого периода имеют неодинаковый характер на всем протяжении 40–90-х гг. Вплоть до конца 50-х гг. X в. хронологическое распределение монет в кладах таково, что среди них преобладают не дирхемы 30–50-х гг., наиболее близкие времени зарытия кладов, а более ранние саманидские дирхемы первой трети X в. Это тем более странно, что в самом начале четвертого периода ранние дирхемы были уже почти вытеснены из обращения, а на их место заступили монеты 30–40-х гг. Предпочтение ранних дирхемов более поздним представляется весьма своеобразным и характеризующим кризисные явления в обращении куфических монет в Восточной Европе накануне его угасания.

С конца 50-х гг. хронологический состав кладов снова изменяется. Диапазон остается таким же расширенным, но каких-либо резких особенностей в распределении монет по десятилетиям уже нет. С этого времени и вплоть до конца X в. в кладах постоянно преобладают позднейшие монеты. Монеты 30–40-х гг. снова занимают заметное место в их составе.

Наконец, чертой, присущей в одинаковой степени всему обращению четвертого периода, является постоянное наличие в кладах монетных обломков.

С точки зрения всех отмеченных особенностей и следует теперь подойти к метрологическому анализу группы монет, характерных для обращения четвертого периода. Он начинается с кратковременного преобладания саманидских дирхемов 30-х гг. Эта категория монет изучена по 412 экземплярам конца правления Насра (933–943 гг.) из собрания ГИМ. Если уже в первой половине правления этого эмира небрежность чеканки монет возросла до ощутительных пределов, но все же сохранялось преобладание монет весом 2,8–3,1 г, то теперь из 412 экземпляров такой вес имеют только 87 монет. Основная масса дирхемов 933–943 гг. (350 экз.) колеблется в пределах 2,6–4,5 г, а 267 монет из этого количества имеют вес 2,6–3,7 г (рис. 32). Средний вес дирхемов Наора последних годов его правления от нормы, близкой 3,0 г, повышается до

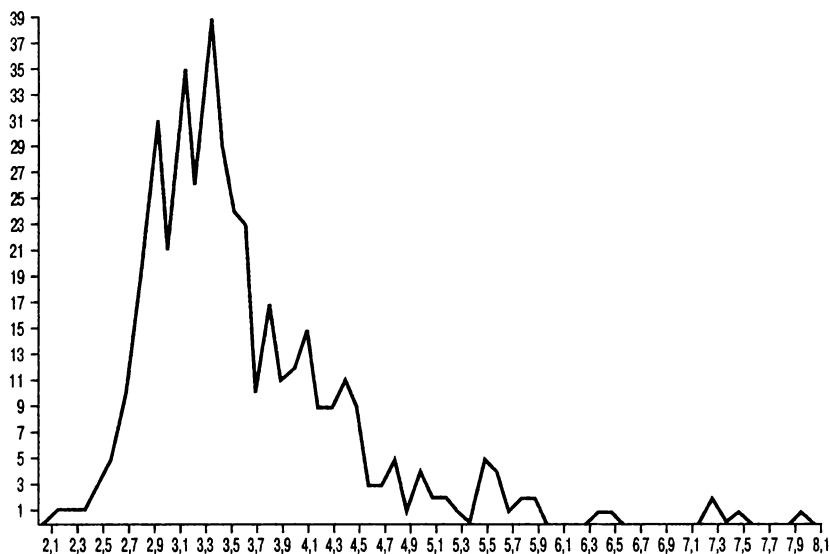


Рис. 32. Весовая диаграмма саманидских дирхемов II периода правления Насра (933–943 гг.). По 412 экз. коллекции ГИМ

3,65 г. Такое резкое увеличение нормы дирхема свидетельствует уже не о продолжающейся небрежности его чеканки, а о более серьезном явлении — об изменении монетной стопы.

Не вдаваясь в подробности этого до сих пор мало изученного процесса, приведшего к постепенному разрушению системы дирхема, отметим, что изменения стопы дирхема, которые становятся постоянными в X в., по-видимому, не являются следствием фискальной эксплуатации монеты. Систематическое повышение веса дирхема противоречит этому. Следует думать, что странности весовой эволюции дирхема в X в. вызваны изменениями в качестве рудного серебра в связи с исчерпанием рудников с наиболее ценными серебряными рудами. Так называемое «ухудшение» качества дирхемов в X в., о котором судят на основании чисто внешних признаков — ломкость монеты, изменение ее цвета и т. д., может в действительности оказаться не ухудшением пробы серебра, а изменением компонентов лигатуры.

Изменение веса дирхема было таким значительным, что его результаты неизбежно должны были сказаться на характере приема

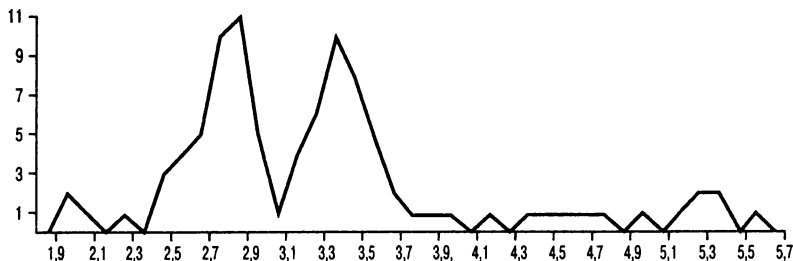


Рис. 33. Весовая диаграмма целых саманидских монет коллекции Харьковского музея. По 94 экз. *Шериль Р. Р. Описание монет и медалей...*

новой монеты в денежном обращении Восточной Европы. Новая норма дирхема не только не находит себе соответствия в структуре русской системы, но и не обнаруживает какого-либо рационального соотношения с русскими единицами: в русской гривне содержится 18,14 таких дирхемов.

Реакция на изменение веса ввозимых в Восточную Европу монет незамедлительно проявляется не только в массовом появлении вкладах обломков, но и в другом явлении, наблюдавшемся в течение длительного предшествующего периода: продолжается и усиливается сортировка и «выбраковка» монеты, не соответствующей русским весовым нормам. Этот отсев коснулся сильнее всего именно новых монет с увеличившимся весом. В течение 20 лет в 40-х и 50-х гг. в русском обращении, как уже отмечено, господствует не вновь ввозимая монета, а монета ранней чеканки, более соответствовавшая принятым нормам. Результаты такого отбора монет можно иллюстрировать весьма замечательными примерами.

Одним из них служит метрологическая картина саманидской части коллекции Харьковского музея, составленной, вне всякого сомнения, из монет местных беспаспортных кладов, позднейшие из которых относятся к 60-м гг. X в. Из 104 саманидских монет этой коллекции 94 целых распределяются по весу таким образом, что 38 из них образуют резко отграниченную группу с весом 2,4–3,0 г (причем 21 экз. имеет вес 2,7–2,9 г), а 33 – такую же группу с весом 3,1–3,6 г (причем 24 монеты имеют вес 3,2–3,5 г). Остальные 23 экземпляра представляют собой случайные отклонения от принятых в Восточной Европе весовых норм (рис. 33).

Трудно было бы представить большую степень приближения веса отсортированных дирхемов к теоретическим нормам куны и ногаты, если бы не еще более разительный пример Березовского клада 50-х гг. X в. Многочисленные обрезанные дирхемы этого клада ниже будут рассмотрены особо; здесь же для нас представляют интерес только целые монеты, которых в кладе насчитывается 351. Из этого количества 306 дирхемов имеют вес 2,7–3,1 г (рис. 34); средний вес для каждой из 351 монеты равен 2,89 г. Метрологическая картина Березовского клада свидетельствует о поразительной точности отбора соответствующих русским нормам монет из общей массы разновесных дирхемов.

Сравнение с метрологической точки зрения массы монет выходивших из мастерской монетчика на Востоке, с монетами русских кладов наглядно демонстрирует, насколько систематической и последовательной была сортировка переходивших в сферу русского обращения дирхемов по нормам, принятым в русской денежно-весовой системе. Сравнение диаграмм исключительно

чистого в весовом отношении Березовского клада 950-х гг. (рис. 34) и любой группы беспаспортных дирхемов того же времени не требует комментариев. Саманидские дирхемы шашской чеканки с 933 по 943 г. и дирхемы самаркандской чеканки того же периода, казалось бы, должны обладать хотя бы относительной весовой выравненностью, однако ее нет (рис. 35 и 36). Если в денежном обращении Востока за разницей веса одноименных монет стоит традиция чеканки ал-марко и учет среднего веса, то для монетного обращения Восточной Европы рядом со средним весом существовала еще и систематическая сортировка монеты, которая заменяла отсутствовавшую на Востоке юстировку дирхема.

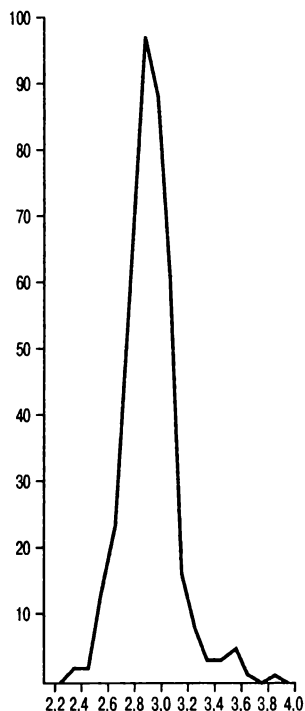


Рис. 34. Весовая диаграмма целых дирхемов Березовского клада. По 351 экз. коллекции Исторического музея

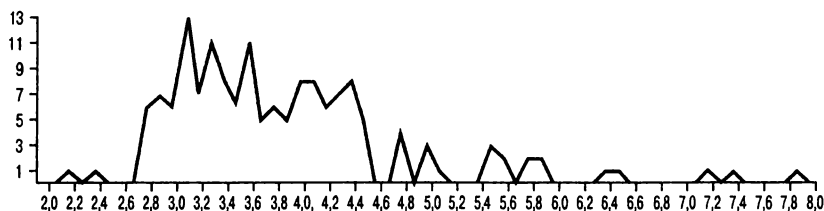


Рис. 35. Весовая диаграмма саманидских дирхемов шашской чеканки 933–943 гг. По 156 экз. коллекции Исторического музея

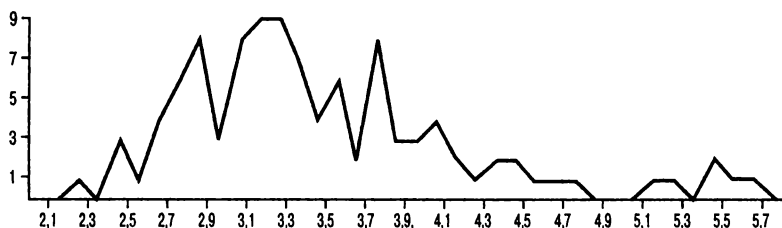


Рис. 36. Весовая диаграмма саманидских дирхемов самаркандской чеканки 933–943 гг. По 105 экз. коллекции Исторического музея

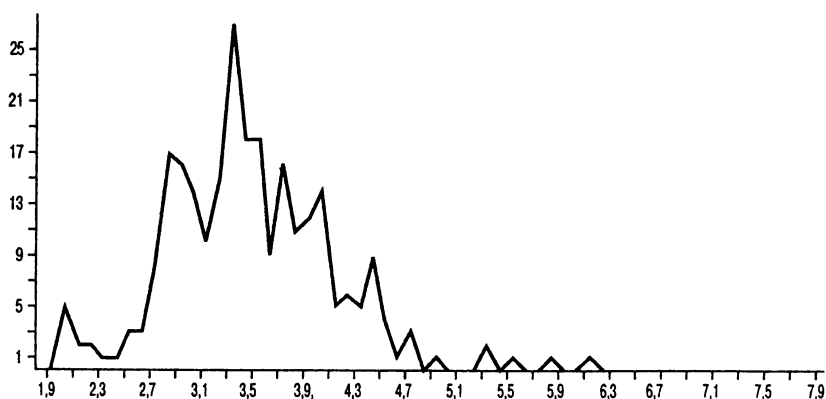


Рис. 37. Весовая диаграмма саманидских дирхемов Нуха ибн-Ахмеда (943–954 гг.). По 262 экз. коллекции Исторического музея

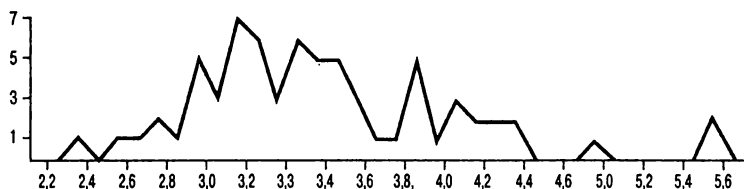


Рис. 38. Весовая диаграмма саманидских дирхемов Абдул-Малика ибн-Нуха (954–961 гг.). По 69 экз. коллекции Исторического музея

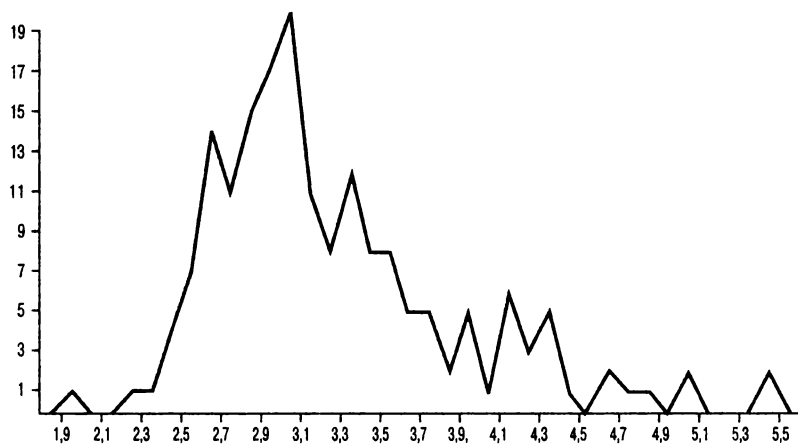


Рис. 39. Весовая диаграмма саманидских дирхемов Мансура ибн-Нуха (961–976 гг.). По 179 экз. коллекции Исторического музея

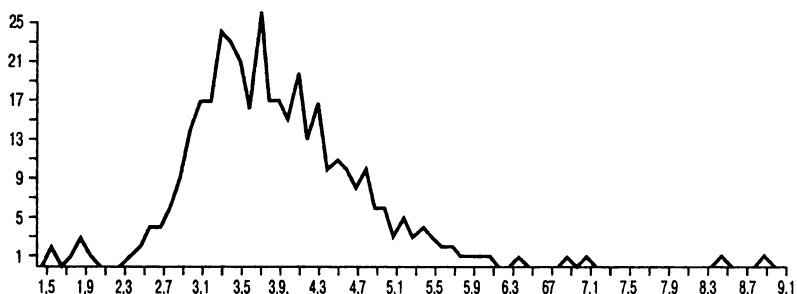


Рис. 40. Весовая диаграмма бувейхидских дирхемов 932–1015 гг. По 381 экз. коллекции Эрмитажа

Начало 60-х гг. X в. приносит новое изменение хронологического состава монетного обращения. С этого времени и уже до конца X в. русские клады содержат очень разнообразную в хронологическом отношении смесь монет, среди которых преобладают поздние дирхемы. Для обращения последней трети X в. характерно преобладание саманидских монет начиная с 30-х гг. X в., а также наличие заметного количества дирхемов Бувейхидов и Зияридов.

Саманидские монеты 933–943 гг. рассмотрены выше. Монеты Саманида Нуха (943–954 гг.) также неровны в весовом отношении. Их вес дает расхождения от 2,6 до 4,6 г, а средний вес составляет около 3,49 г (рис. 37). Еще более усиливается разновесность саманидского чекана при Абдул-Малике (954–961 гг.) и при Мансуре (961–976 гг.) (рис. 38 и 39). Средний вес для 69 целых дирхемов Абдул-Малика в коллекции ГИМ равен 3,58 г, а для 179 дирхемов Мансура в той же коллекции – 3,27 г. Еще более разновесным является чекан Бувейхидов и Зияридов. Группа из 381 дирхема Бувейхидов в коллекции Эрмитажа представляет все варианты веса от 2,3 до 6,1 г (рис. 40) при среднем весе, равном 3,83 г, а 108 зияридских дирхемов имеют вес, колеблющийся от 2,2 до 6,5 г (рис. 41), при среднем весе, равном 4,19 г.

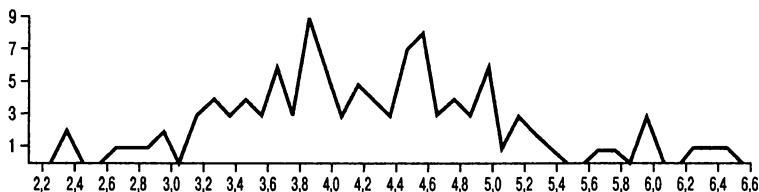


Рис. 41. Весовая диаграмма зияридских дирхемов. По 108 экз. коллекции Эрмитажа

Все названные группы монет обращались одновременно в последней трети X в. и создавали такую пестроту норм, что дирхем в это время безусловно уже никак не мог оцениваться по счету. Никакая сортировка монет не могла бы преодолеть такую пестроту монетных норм, тем более что средний вес любой из описанных групп монет превосходил норму обеих сложившихся к этому времени русских весовых единиц.

Обращаясь к русскимкладам последней трети X в., мы и в них обнаруживаем ту же анархию норм; обращение дирхема в Восточ-

ной Европе этого времени переживает глубокий кризис. В Ериловском кладе 978 г., состоявшем почти исключительно из целых монет, вес дирхемов колеблется в пределах 2,6–5,0 г (322 экз. из 401), а значительная часть монет выходит даже за эти пределы (рис. 42). В Новгородском кладе 972 г., который содержит свыше

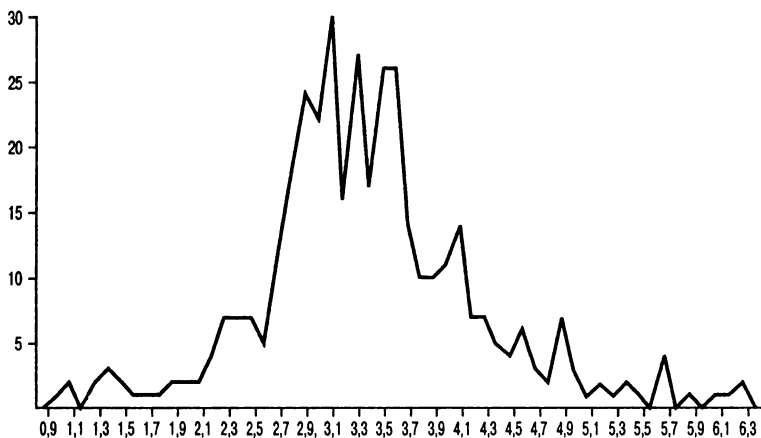


Рис. 42. Весовая диаграмма Ериловского клада 978 г. По 401 экз. коллекции Эрмитажа

800 обломков при очень малом количестве целых монет, обломки не дают какой-либо закономерной картины веса, расходясь в весе от сотых грамма до 4 г. Отмеченные выше особенности денежного обращения не могли не влиять на характер приема монеты. Мы можем предполагать переход к весовому приему серебра, и такое предположение тем более вероятно, что именно с середины X в. в русских древностях впервые встречаются весы и гирьки, которые неоднократно обнаружены в курганных инвентарях и в монетных кладах. Кризис обращения дирхема привел к новым важнейшим для развития русских денежно-весовых систем явлениям, которые будут рассмотрены в следующей главе.

**РУССКИЕ ДЕНЕЖНО-ВЕСОВЫЕ СИСТЕМЫ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ X —
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII В.**

До сих пор мы имели дело с денежно-весовой системой, еще не достигшей той полноты единиц, с которой нас знакомит Русская Правда. Резана и веверица не могли возникнуть до 939 г., поскольку обрезки монет тогда еще не участвовали в обращении. Теперь нам следует поставить вопрос о том, могли ли эти единицы возникнуть сразу после 939 г., когда монетные обломки распространились повсеместно. Если выделение новых мелких номиналов произошло в это время, каким образом можно отыскать эти номиналы?

Шестьдесят лет тому назад А. И. Черепнин с аптекарскими весами в руках пытался отыскать закономерные соотношения монетных обломков с целыми дирхемами. Ему казалось, что он установил кратное весовое отношение между различными обломками, прошедшими через его руки. Однако место каждого взвешенного им обломка в денежно-весовой системе указано не было. Он и не смог бы отыскать среди обломков резан и вевериц, т. к. избранный им путь исследования был неверным: мы уже видели выше, что в обращении последнего периода одновременно участвовало несколько групп дирхемов с разными весовыми нормами. Кроме того, и внутри этих групп не было единообразия. Колебания в весе монет не только разных городов и разных годов чеканки, но и совершенно идентичных экземпляров достигали нескольких граммов. Поскольку в массе разновесных монет практически невозможно было различить даже куну и ногату, то и разрезание монет не могло привести к появлению новых мелких номиналов. Резана, которая по своему положению в системе равна половине ку-

ны, теоретически должна соответствовать половине аббасидского дирхема IX в. или половине раннего саманидского дирхема. Но эти монеты из обращения во второй половине X в. уже исчезли, а те, которые обращались в это время, имели настолько пестрый вес, что их половинки могли соответствовать и $1/2$ куны, и целой куне, и даже ногате. Иными словами, внешний вид обломка или обрезка в это время ничего не мог сказать о его действительной стоимости. Обращаясь к монетным обломкам кладов, мы действительно не найдем в них ни весового единообразия, ни единообразия формы. Для последнего периода обращения дирхема они являются довесками в полном смысле этого слова.

Однако помимо обломков и обрезков монет имеется еще одна весьма своеобразная группа нумизматических памятников, делающаяся заметной в русском денежном обращении как раз в тот период, когда произошел переход от счетного приема монеты к весовому. В отличие от бесформенных обломков, ее составляют предметы с четко выраженной формой — дирхемы, обрезанные в кружок и превращенные в маленькие кружки диаметром 12–13 мм (диаметр целого дирхема приближается к 30 мм). Единообразие этих вырезков таково, что заставляет предполагать в его основе стремление подогнать разновесные дирхемы под какую-то единую весовую норму. И действительно, рассматривая вес круглых вырезков, мы обнаруживаем, что он отличается поразительным единообразием. Появление в русском обращении этих единообразных монет на фоне исключительной пестроты и анархии весовых норм ходячего дирхема не может не привлекать внимание, подсказывая, что вырезки принимались в обращении не по весу, а по счету, т. е. были обращающимися номиналами системы.

Обрезанные в кружок дирхемы обращались во второй половине X в. в меньшем количестве, нежели обычные обломки и обрезки монет, однако они были известны достаточно широко. К настоящему времени известно четыре клада, в которых круглые вырезки преобладали над другими видами монет: Березовский клад Курской губ. 950-х гг. (907 монет, обрезанных в кружок, на общее количество 1733 экз.), Безлюдовский клад Харьковской обл., состоящий только из обрезанных в кружок монет, которых насчитывалось свыше 1100¹, Стародединский клад 979 г. (185 обрезанных мо-

¹ Фасмер Р. Р. Об издании новой топографии... С. 480 и сл.

нет на общее число 201)² и Курский клад 1946 г.³ По-видимому, обрезанные в кружок монеты также преобладали в кладе из с. Шпилевха б. Сумского уезда Черниговской губ.⁴ Кроме того, круглые обрезки встречены в Коростовском кладе Рязанской губ.⁵ в кладах, найденных в Вёбс (Эстония)⁶, в Нагинщине под Гдовом⁷, в Еверсмуйже (Литва)⁸, в Новгородском кладе 972 г.⁹, в Васьковском кладе¹⁰ и в кладе из Нижней Сыроватки¹¹. К перечисленным следует прибавить клад, найденный в имении Велла (Эстония), в котором значительный процент составляли обрезанные в кружок византийские монеты¹².

Можно не сомневаться, что количество кладов, в которых такие обрезанные монеты остались не отмеченными, значительно больше названного нами. Так, из перечисленных кладов в ГИМ был передан только Березовский. Тем не менее, одних только саманидских монет, обрезанных в кружок, в коллекции ГИМ насчитывается не менее 1125, тогда как в Березовском кладе их было только 907. Следовательно, свыше 250 монет происходит из других, не известных нам кладов. С изучения материалов коллекции ГИМ мы и начнем рассмотрение круглых вырезков русских кладов.

Прежде чем перейти к основной весовой группе таких вырезков, о которой уже говорилось выше, — монетам с диаметром

² *Vasmer R.* Ein im Dorfe Staryi Dedin demachter Fund kufischer Münzen. Stockholm, 1929.

³ Клад, найденный в 1946 г. в Курске «на огородах». 6 обрезанных монет из этого клада были переданы в 1951 г. в ГИМ А. А. Формозовым, получившим их от П. С. Ткачевского, ГИМ, инв. № 83342.

⁴ *Марков А. К.* Топография... С. 53. № 305. Марков датировал клад 966 г., но при этом не учел показаний названной им мервандидской монеты 990-х гг.

⁵ *Черепнин А. И.* Коростовский клад. Рязань, 1892.

⁶ *Vasmer R.* Op. cit. P. 21.

⁷ *Ibid.* P. 22.

⁸ *Ibid.*

⁹ *Янина С. А.* Неревский клад куфических монет X в. // МИА. 55. 1956.

¹⁰ Клад, найденный в 1923 г. близ д. Васьково Великолукского р-на, относящийся к началу XI в. (СГАИМК. I. С. 290. № 22).

¹¹ *Vasmer R.* Op. cit. P. 22. Наличие круглых вырезков в Нижне-Сыроваткинском кладе представляется очень странным явлением, которое мы пока можем объяснять лишь догадками.

¹² Известия Археологической комиссии. Вып. 17. СПб., 1903.

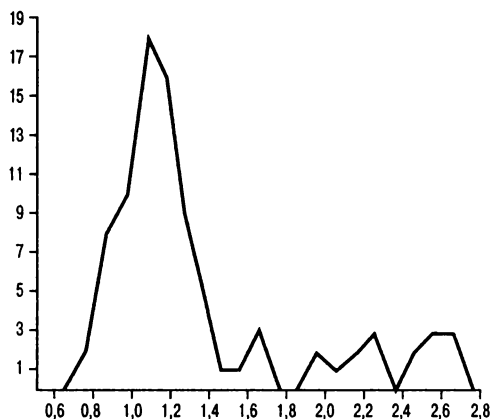


Рис. 43. Весовая диаграмма обрезанных в кружок дирхемов Исмaила ибн-Ахмеда. По 81 экз. коллекции Исторического музея

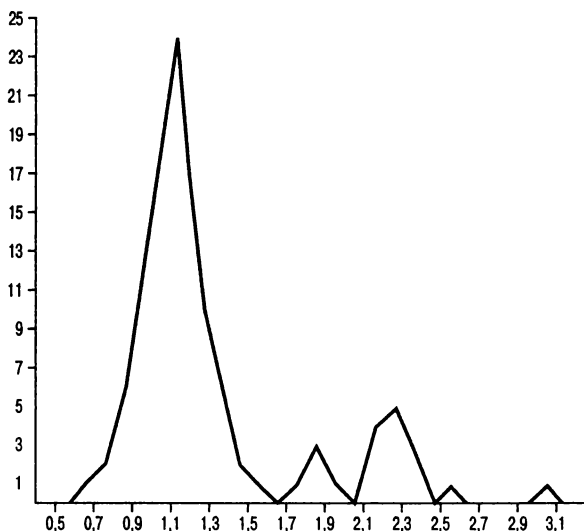


Рис. 44. Весовая диаграмма обрезанных в кружок дирхемов Ахмеда ибн-Исмaила. По 101 экз. коллекции Исторического музея

12–13 мм, необходимо обратить внимание на представленные в кладах в небольшом количестве круглые вырезки большего диаметра. Последние образуют несколько маленьких, но четко отграни-

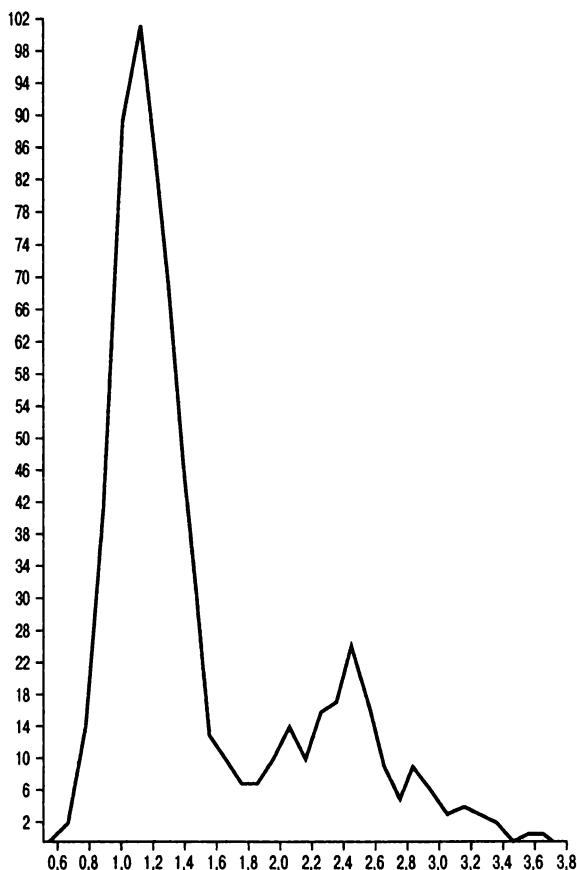


Рис. 45. Весовая диаграмма обрезанных в кружок дирхемов Насра ибн-Ах-меда. По 658 экз. коллекции Исторического музея

ченных в весовом отношении групп. Во-первых, среди сравнительно ранних по дате очень хорошо выделяются монеты, подогнанные под вес 2,4–2,8 г. На 81 экземпляр обрезанных в кружок дирхемов Исмaила (892–907 гг.) приходится 8 таких вырезков (рис. 43), на 658 обрезанных монет Насра II монет с весом 2,7–3,0 г приходится 20 (рис. 45). В этих обрезках мы узнаем хорошо нам знакомую куну IX–X вв. Среди обрезанных монет Насра II (914–943 гг.) и Нуха (943–954 гг.) выделяется небольшая группа

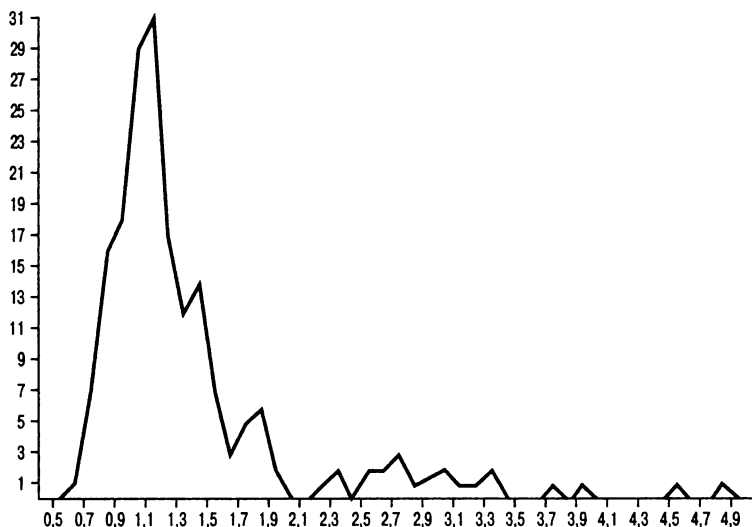


Рис. 46. Весовая диаграмма обрезанных в кружок дирхемов Нуха ибн-Ахмеда. По 189 экз. коллекции Исторического музея

(13 на 847 экз.) с весом 3,1–3,4 г (рис. 45 и 46). Эта группа связывается с нормой ногаты той же поры. Наконец, среди обрезанных монет Нуха (943–954 гг.) хорошо выделяется еще одна небольшая и не очень характерная группа с обычным весом 1,3–1,5 г (26 таких обрезков на 189 экз.) (рис. 46). Впервые мы встречаемся с резаной, теоретический вес которой (1,36 г) уместается в пределах весового колебания этой группы круглых вырезков.

Мы можем, таким образом, исходя из дат кладов, обозначить время возникновения резаны серединой X в. Однако среди обрезанных в кружок более поздних монет перечисленные весовые группы уже не наблюдаются. Их место занимают другие.

Основной группой среди обрезанных в кружок монет ГИМ является группа с весом 0,9–1,2 г, или более точно — 1,0–1,1 г. Среди 81 экземпляра обрезанных монет Исмаила такой вес имеют 44 экземпляра, на 101 обрезанную монету Ахмеда их приходится 55 (рис. 44), среди 658 обрезанных монет Насра II их 274, среди 189 обрезанных монет Нуха — 78. Поскольку большинство обрезанных в кружок дирхемов коллекции ГИМ происходит из Березовского клада, мы можем утверждать, что указанная норма прису-

ща обращению Курской земли уже в 50-х гг. X в. О том же говорит хронологический состав обрезанных монет. Как уже отмечено выше, монеты Исмала и Ахмеда почти полностью исчезают из русского обращения к 60-м гг. Здесь же они многочисленны.

Появление в русских кладах восточных монет, обрезанных в кружок, было принято рассматривать как результат непосредственного воздействия западноевропейской монеты, поскольку наиболее распространенная норма в 1,0–1,1 г ничем не отличается от нормы денария¹⁸. Однако обрезанные монеты уходят в русские клады задолго до проникновения в Восточную Европу денария. Последний, как это будет показано ниже, появляется в них только на рубеже X–XI вв.

Как бы то ни было, монеты, обрезанные под вес 1,0–1,1 г, не находят себе соответствия среди установленных выше единиц русской денежно-весовой системы IX – первой половины X вв. Но в более поздней системе, реконструированной выше по письменным и вещественным источникам XI в. (гл. II), имеется теоретическая норма резаны – 1,02 г, детальнейшим образом совпадающая с нормой большинства обрезанных куфических монет.

Отмеченное совпадение дает основания попытаться отыскать среди обрезанных в кружок дирхемов также и монеты с нормой поздней куны (2,05 г) и поздней ногаты (2,56 г). Оказывается, обе эти группы ясно выражены среди монет всех саманидских эмиров от Исмала до Нуха. На 81 обрезанную монету Исмала приходится 8 монет с весом 1,9–2,3 г и 8 монет с весом 2,4–2,7 г, на 101 монету Ахмеда – 5 монет с весом 1,7–2,0 г и 13 монет с весом 2,1–2,6 г, на 658 монет Насра – 41 монета с весом 1,8–2,2 г и 82 монеты с весом 2,2–2,7 г, на 189 монет Нуха приходится 10 монет с весом 1,7–2,0 г и 7 монет с весом 2,5–2,8 г. Все перечисленные группы достаточно четко отграничены от более легких и более тяжелых групп.

Изложенные наблюдения позволяют сделать вывод о появлении уже в середине X в. новой русской системы денежно-весовых единиц, соподчиненных на основе денежного счета, знакомого нам по Русской Правде, и с гривной весом в 51,19 г.

Гривна (счетная = 51,19 г) = 20 ногатам (дирхемам, обрезанным под норму 2,56 г) = 25 кунам (дирхемам, обрезанным под норму 2,05 г) = 50 резанам (дирхемам, обрезанным под норму 1,02 г).

¹⁸ Vasmer R. Ein im Dorfe Staryi Dedin gemachter Fund. S. 23 ff.

Сформировавшись еще в середине X в., эта система не сразу получила всеобщее признание и распространение. Присутствие в самом Березовском кладе значительного количества монет, отобранных по нормам старой системы, и наличие таких же групп в Ериловском кладе 978 г. говорят о том, что смена систем происходила постепенно, и они в течение некоторого времени сосуществовали на одних и тех же территориях, проявляясь в одном и том же монетном материале.

В основу приведенных расчетов были положены в основном обрезанные монеты Березовского клада Курской обл. Если мы теперь обратимся к другому кладу обрезанных монет, относящемуся приблизительно к тому же времени, что и Березовский, но найденному на иной территории, — к Стародединскому кладу 979 г., то в нормах его монет не обнаружим ничего сходного ни с нормами старой русской системы IX — первой половины X вв., ни с новыми только что описанными нормами.

Из 185 обрезанных дирхемов Стародединского клада¹⁴ 100 имеют очень постоянный вес, заключающийся в пределах 1,3–1,7 г. При этом большинство монет по своему весу приближается к норме 1,6–1,7 г (рис. 47). Для того чтобы правильно понять место обрезанных монет Стародединского клада среди других русских нумизматических памятников второй половины X в., полезно обратиться к нумизматике несколько более позднего времени — к памятникам XI в. Рассматривая монеты второй половины X в., мы имеем дело с явлениями, только что сформировавшимися, находящимися в процессе становления; более поздние памятники должны отразить те же явления, но более укоренившиеся и потому более заметные.

Выше была установлена связь между вновь сформировавшейся системой (с гривной в 51,19 г) и позднейшими слитками северного веса (204,76 г). Нанеся на карту места находок таких слитков, мы определяем границы распространения памятников денежно-весовой системы с гривной в 51,19 г. Топография северных слитков показывает, что они обращались далеко не на всей территории, на которой прежде господствовала гривна IX и первой поло-

¹⁴ *Vasmer R. Ein im Dorfe Staryi Dedin in Weissrussland gemachter Fund Kufischer Münzen. DEL 40 2. Dettahäfte av. Kungl. Antikvrtets Akad. Hanlangar. Mostvarar. 3. Stockholm, 1929.*

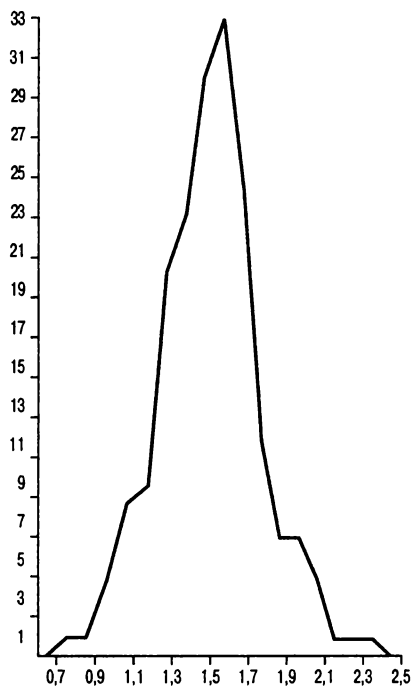


Рис. 47. Весовая диаграмма обрезанных в кружок дирхемов Стародединского клада (185 экз.). *Vasmer R. Ein im Dorfe Staryi Dedin in Weissrussland gemachter Fund Kufischer Münzen. Stockholm, 1929*

вины X в. Ареал их распространения охватывает земли новгородских словен, Псковщину, междуречье Волги и Оки, течение Оки и Десны; входит в этот ареал и Курская земля. Но Смоленщина и восточная Белоруссия, обращению которых принадлежат монеты Стародединского клада, из него выпадают. Отличие весовой нормы обрезанных монет Стародединского клада от нормы монет Березовского клада поэтому представляется вполне закономерным, свидетельствующим о том, что на среднем Днепре к середине X в. возникла новая и совершенно иная, чем в остальных областях, денежно-весовая система.

К истолкованию нормы монет Стародединского клада следует поэтому подходить с точки зрения остальных нумизматических памятников, известных в домонгольское

время на среднем Днепре. К числу их относятся прежде всего уже знакомые нам киевские шестиугольные слитки (с весовой нормой 163,72 г). Ареал их распространения носит узко локальный характер. Они обнаружены на территории Киева и его окрестностей, на Волыни, нижней Десне и на среднем Днепре вплоть до Могилева. По-видимому, в ареал их распространения входит и верхний Днепр, т. к. близ его верховий обнаружено два больших клада таких слитков, другие же слитки в этот район вовсе не проникают. Область бытования шестиугольных слитков лежит за пределами распространения северных слитков и включает в себя пункт находки Стародединского клада (рис. 48).

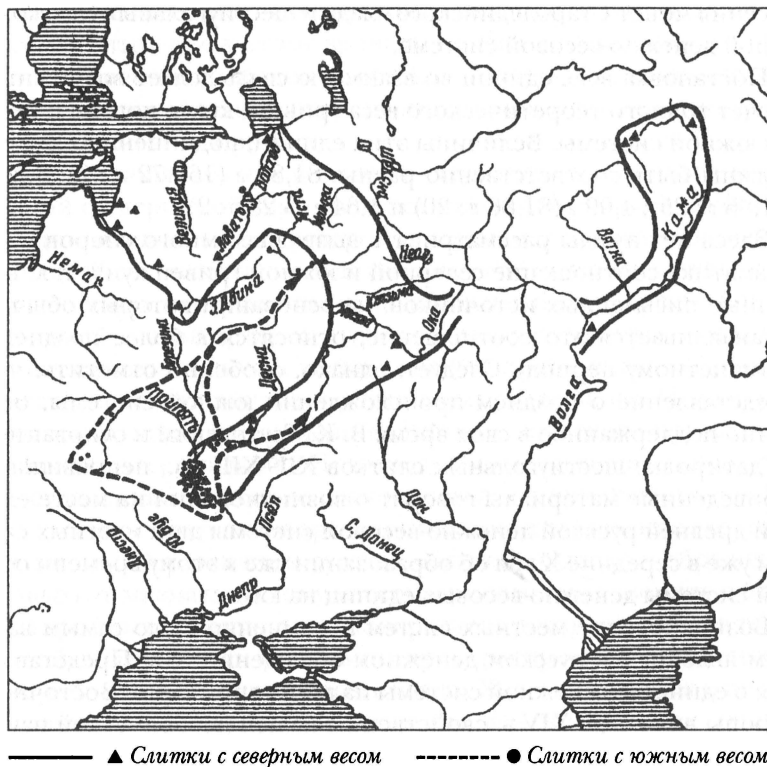


Рис. 48. Распространение денежных слитков домонгольского времени (по Н. П. Бауеру)

Если в обрезанных монетах Стародединского клада мы, по аналогии с такими же монетами Березовского клада, предположим резану, то норма куны этого клада должна заключаться в пределах 3,2–3,4 г. Норму гривны, соответственно, следует искать в пределах 80–85 г. Сравнивая эту предполагаемую норму с величиной шестиугольного слитка, мы видим, что она ровно вдвое меньше весовой величины киевского слитка, а вес византийской литры превосходит ее ровно вчетверо. Постановка всех этих величин в связь по системе древнерусского денежного счета показывает, что южная гривна кун (нормы Стародединского клада) относится к византийской литре точно так же, как северная гривна кун относится к гривне серебра. Это лишний раз убеждает в правильности от-

несения монет Стародединского клада и шестиугольных слитков к одной денежно-весовой системе.

Постановка всех единиц во взаимную связь делает возможным расчет точного теоретического веса гривны, куны, ногаты и резаны южной системы. Величины этих единиц, подчиненных литре, должны быть соответственно равны: 81,86 г (163,72 г : 2); 3,28 г (81,86 г : 25); 4,09 г (81,86 г : 20) и 1,64 г (3,28 г : 2).

Здесь нет нужды рассматривать вызвавшее много споров в нумизматике соотношение северной и южной гривен кун¹⁵, т. к. все данные письменных источников, на основании которых обычно устанавливается это соотношение, относятся к более позднему, безмонетному периоду. Следует, однако, особенно отметить, что представление о позднем происхождении южной системы, особенно поддержанное в свое время В. К. Трутовским и основанное на датировке шестиугольных слитков XII–XIII вв., неправильно. Приведенные материалы говорят о возникновении на месте единой древней русской денежно-весовой системы двух местных систем уже в середине X в. и об образовании уже к этому времени особой системы денежно-весовых единиц на юге.

Возникновение местных систем несомненно было самым важным явлением в русском денежном обращении X в. Представления о единстве денежной системы на всей территории Восточной Европы вплоть до XIV в. свойственны нашей исторической науке до сих пор¹⁶. Между тем единство денежной системы на обширной территории в средние века возможно, по-видимому, только при двух условиях. В одном случае — при существовании единого внутреннего рынка; этот случай здесь исключен. В другом случае — при условии существования единого внешнего рынка и значительной слабости внутреннего товарно-денежного обращения. Представления об единстве русской денежной системы вплоть до XIV в. или даже вплоть до XII в. влекут за собой и обязательное допущение совершенно беспримерной слабости внутреннего товарно-денежного обращения Древней Руси до этого позднего времени. То, что местные системы начали формироваться уже в X в., говорит о

¹⁵ *Прозоровский Д. И.* Указ. соч. С. 383; *Трутовский В. К.* Русские меховые ценности... С. 454 и сл.

¹⁶ *Федоров Г. Б.* Деньги Московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия I. С. 144.

больших успехах развития русской экономики. Процесс феодального развития уже к этому времени привел к известному замыканию внутренних товарных связей, к известной экономической сплоченности отдельных территорий, легшей затем в основу образования местных рынков.

Вполне понятно, что появление двух разных систем на месте единой общерусской само является важным фактором, способствующим экономической раздробленности и консервирующим ее.

Выделение местных систем само по себе является результатом предшествующего развития народного хозяйства Древней Руси. Поэтому большой интерес должен представлять вопрос о том, что же определяло границы распространения двух вновь образовавшихся систем, почему такие отдаленные области, как Новгород и Курск, оказались связанными единством монетного обращения, тогда как более близкий к Новгороду Смоленск вошел в ареал распространения киевских денежно-весовых единиц. Решить этот вопрос должно тщательное археологическое исследование экономических связей различных русских областей. Однако и обращение только к нумизматическому материалу позволяет говорить о большой древности предпосылок конкретного распространения той и другой системы. Если мы сравним ареал распространения слитков северного веса, обнаруженных в кладах XI в. (он является и первоначальным ареалом распространения денежно-весовых единиц гривны в 51,19 г), с ареалом распространения дирхема в 833—900 гг., то обнаружим их детальнейшее совпадение. Следовательно, уже в середине IX в. формировалось экономическое единство той территории, которая через сто лет сделалась сферой распространения северной русской денежно-весовой системы, тогда как область распространения южных единиц из этого экономического единства выпадала.

Северная система денежно-весовых единиц в XI — первой половине XIII в.

Возникнув в середине X в., северная русская денежно-весовая система первоначально служила масштабом для обращающейся в большом количестве восточной монеты. Вес дирхемов этого времени, как мы уже видели, был чрезвычайно неустойчивым, и мо-

нета принималась или на вес, или счетом — после специальной обработки ее и подгонки под нормы денежно-весовой системы. Это обращение осуществлялось в условиях постепенного ослабления ввоза дирхемов в Восточную Европу. В начале XI в. он прекращается вообще. Позднейшая восточная серебряная монета, обнаруженная в русском (и вообще в европейском) монетном кладе, датируется 1015 г.¹⁷

Ввоз восточной монеты прекратился не потому, что в Восточной Европе исчезла потребность в монете. Так называемый кризис восточного серебра был кризисом вывоза, внутренним кризисом восточного серебряного обращения. С начала XI в. в мусульманских странах чеканка серебра повсеместно прекратилась и сменилась обращением золота, меди и низкопробного биллона.

Потребность в монете в Восточной Европе оставалась неизменной. Параллельно с сокращением ввоза восточной монеты начинается и постепенно усиливается ввоз серебряной монеты из Западной Европы. Западноевропейский денарий на длительное время становится основным средством денежного обращения восточных славян.

Древнейшая находка денария в русском кладе относится к 979 г. (Стародединский клад), но до самого конца X в. говорить о сколько-нибудь заметном притоке и обращении западных монет не приходится. Качественные изменения в русском денежном обращении, определяющиеся в начале XI в., хорошо вскрываются анализом процентного отношения количества восточных и западных монет вкладах конца X — конца XI вв.¹⁸

Приведенная таблица показывает также, что определяющую роль в русском денежном обращении западный денарий стал играть даже не на рубеже X и XI вв., а несколько позже — с начала 20-х гг. XI в.

Топография находок денария наиболее очевидно обнаруживает, что необходимость ввоза его на территорию Древней Руси определялась исключительно внутренними потребностями русской экономики (рис. 49). Ни о каком транзите здесь не может быть и речи; Русь была конечным пунктом движения денария с Запада на

Марков А. К. Топография... С. 26. № 143. Клад из Поречья.

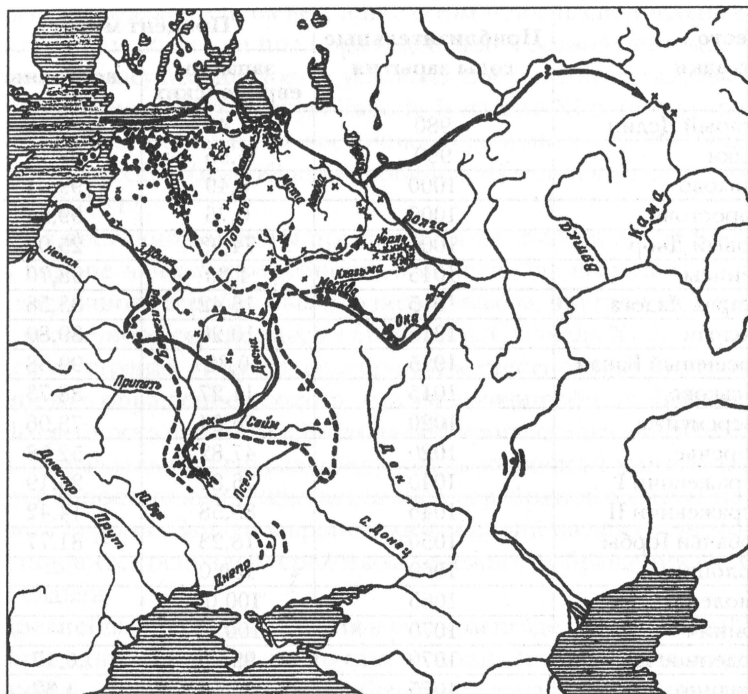
¹⁸ Использованы в основном материалы Р. Р. Фасмера, опубликованные им в работе «Ein neuer Münzfund in Estnischem Privatbesitz».

Место находки	Приблизительные годы зарытия	Процент монет	
		западно-европейских	восточных
Старый Дедин	980	1,49	98,51
Рудки	990	1,55	98,45
Савково	1000	0,49	99,51
Коростово	1000	0,76	99,24
Новый Двор	1000	74,93	25,07
Денисы	1015	1,30	98,70
Старая Ладога	1015	16,42	83,58
Молоди	1015	10,20	89,80
Крещеный Баран	1015	0,32	99,68
Васьково	1015	11,27	88,73
Еверсмуйже	1020	26,04	73,96
Поречье	1020	47,82	52,18
Стражевичи I	1040	76,81	23,19
Стражевичи II	1045	85,58	14,42
Собацьи Горбы	1050	18,23	81,77
Полоцк	1060	100,0	—
Смоленск	1065	100,00	—
иринич	1070	100,00	—
Поденное Поле II	1070	99,83	0,17
Скадино	1075	98,68	1,32
Демшино	1050	95,95	4,05
Лодейное Поле I	1100	99,27	0,73

Восток. Резкое изменение удельного веса западной торговли в системе международных торговых связей древней Руси лишний раз подчеркивает острую потребность русского денежного хозяйства в монетном металле, т. к. основным предметом импорта, как и прежде, остается серебро.

Ареал распространения денария, сравнительно с ареалом наибольшего распространения дирхема, ограничен. Сфера бытования западноевропейской серебряной монеты ограничивается землями новгородских словен, кривичей, полочан, Прибалтикой и восточной частью Волго-Окского междуречья.

Поскольку в прошлом принято было рассматривать область распространения дирхема суммарно, без разделения на хронологические периоды, — ареал распространения денария постоянно противопоставлялся непосредственно ареалу наибольшего распрост-



●● xx ——— Распространение западно-европейского денария XI в. (по Байеру)
▲▲ ----- и византийских монет X–XI вв.

Рис. 49

ранения дирхема¹⁹. Считалось, что обращение дирхема до начала XI в. имело место на всей территории, на которой когда-либо обнаруживались клады дирхемов, вне зависимости от их даты. Сокращение же области обращения серебра с распространением денария представлялось порождением каких-то закономерностей, присущих самому денарию. В действительности сравнение ареала распространения денария с ареалом распространения дирхема в последний период его обращения показывает их полное совпадение. Области вятичей, северян и Киевщина не знают денария совершенно; но всякое обращение серебряной монеты на этих тер-

¹⁹ Байер Н. П. Die russischen Funde (автореф.). С. 241; Романов Б. А. Указ. соч. С. 387.

риториях прекратилось по крайней мере за полвека до того времени, когда денарий действительно стал играть существенную роль в русском денежном обращении. Закономерности, преградившие денарию путь в южнорусские земли, начинают действовать не с проникновением больших масс западноевропейской монеты в русское денежное обращение, а задолго до этого — еще в 960-х гг.

К настоящему времени на территории Восточной Европы зафиксировано уже более 200 находок денариев, по большей части монетных кладов. Насыщенность денежного обращения северорусских областей монетой более значительна, чем в предшествующий период обращения дирхема. Это не может не говорить об увеличении потребности в монете.

Обращение денария продолжалось в течение всего XI в. Последний клад западноевропейских монет на территории Восточной Европы Н. П. Бауер датирует 1120 г. На рубеже XI и XII вв. ввоз денария в Восточную Европу прекращается совершенно, что может быть объяснено полной деградацией к этому времени серебряной западноевропейской монеты, которая в результате постепенной порчи в фискальных целях к началу XII в. перестала быть пригодной для обращения вне феода, чеканившего ее²⁰.

Особенности состава монетных кладов XI в. позволяют выделить в денежном обращении этого времени два периода. Как мы уже видели, в первой половине XI в. клады денариев включают сначала очень большой, а затем все же весьма заметный процент куфических монет. Клады же второй половины XI в. состоят почти исключительно, а иногда и исключительно из западноевропейских монет. Понятно, что эта разница в составе кладов не могла не накладывать отпечатка на характер приема монет в обращении и на весовые нормы этого приема.

По-видимому, в отношении первой половины XI в., когда в обращении находилась еще значительная масса куфических монет, главным образом в обломках и обрезках, можно говорить об известной инерции, непосредственной преемственности особенностей обращения нового монетного материала от особенностей монетного обращения второй половины X в. Но во второй половине XI в., когда дирхем полностью был устранен из обращения, определяющая роль переходит к денарию.

²⁰ *Бауер Н. П.* Die russischen Funde (автореф.). С. 237.

Действительно, анализируя клады XI в., так сказать, на целостность их монет, мы видим, что клады первой половины XI в. содержат громадное, преобладающее число монетных обломков. При этом дроблению подвергается не только более крупный по размеру дирхем, но и значительное число денариев. Что касается кладов второй половины XI в., то здесь обломки встречаются крайне редко. В качестве примера можно привести Скадинский клад, в котором на 786 целых монет не было ни одного обломка. В громадном Вихмязьском кладе, обнаруженном в 1931 г., на 12 204 целых монет приходится только 1 194 обломка. Последняя цифра кажется довольно большой, но нужно иметь в виду, что в кладах первой половины XI в. на тысячи ломаных монет приходится десятки, а иногда и единицы целых монет.

На основании приведенных наблюдений мы можем утверждать, что в первой половине XI в., по непосредственной преемственности от предшествующего периода, сохранялся в основном весовой прием монеты, тогда как во второй половине XI в. восстанавливается счетный прием монеты.

Состав кладов XI в. был подробно изучен Н. П. Бауером. По его наблюдениям, в составе кладов первой половины XI в. хорошо различаются три основные группы. Преобладают куфические монеты, на втором месте стоят немецкие пфенниги, чеканенные главным образом на монетных дворах Кельна, Майнца, Саксонии и других южногерманских местностей, третье место занимают английские пенни, чеканенные при Этельреде II (978–1016 гг.). Постепенно процентное соотношение монет этих групп в обращении изменяется; сокращается количество куфических монет, и сильнее всего увеличивается количество германских пфеннигов, относительно больше становится и английских пенни и других монет англосаксонских типов (исключением является клад из Нагинщины б. Гдовского уезда, зарытый около 1055 г., в котором английские и датские пенни преобладали над другими монетами). В кладах первой половины XI в. единицами встречаются также чешские, венгерские и североитальянские денарии, византийские милиарисии и русские сребреники. Весь этот разнообразный по происхождению материал представлен главным образом обломками и обрезками монет.

С середины XI в. в кладах денариев отмечаются значительные изменения. Полностью исчезает из обращения дирхем. Англий-

ские пенни, да и вообще англосаксонские монеты также почти полностью исчезают из этих кладов. Клады второй половины XI в. по своему составу являются в основномкладами германских пфеннигов.

Но и говоря о германских пфеннигах, следует отметить существенное изменение в их составе. Если в первой половине XI в. преобладали пфенниги, чеканенные в Кельне, Майнце, в Баварии и других пунктах и областях южной Германии, то теперь на первое место выходят отличающиеся меньшим размером пфенниги Фрисландии и других монетных дворов, находящихся на территории современных Голландии и Бельгии (Брюгге, Брюссель, Утрехт, Гронинген, Голландия, Фрисландия, Гамаланд)²¹. В некоторых кладах монеты этих дворов преобладают над совокупностью всех остальных монет. В наибольшем количестве фрисландские монеты встречаются только в двух местах: у себя на родине, во Фрисландии, и у нас, на Руси. Отсутствие их в промежуточных областях может свидетельствовать о непосредственном завозе их на Русь из Фрисландии²².

Клады второй половины XI в. состоят почти исключительно из целых монет. Переход к счетному приему монеты, таким образом, совпадает с переходом от употребления дирхема и монет англосаксонских типов к употреблению главным образом монет обычных германских типов и монет фрисландских и родственных им типов.

Дошедшие до нас клады конца XI в. — самые большие по количеству монет (Демшинский клад — свыше 6 кг, Лодейнопольский I — до 4,5 кг, Вихмязский — 13 кг). В их составе снова отмечаются изменения. В них уже нет преобладания монет Фрисландии, и они включают любые разновидности монет, употреблявшихся на Руси на протяжении всего XI в. Здесь и обычные типы германских денариев, и фрисландские типы, и английские пенни, чеканенные в начале XI в., и другие монеты англосаксонских типов; даже дирхемы представлены в них сравнительно обильно. В этих кладах как бы собраны все остатки монетного обращения XI в. И действительно, более поздних монетных кладов не существует.

²¹ Денарий обычного типа имеет диаметр 20 мм; диаметр фрисландских монет достигает только 18 мм.

²² *Bayef Н. П.* Die russischen Funde (автореф.). С. 239.

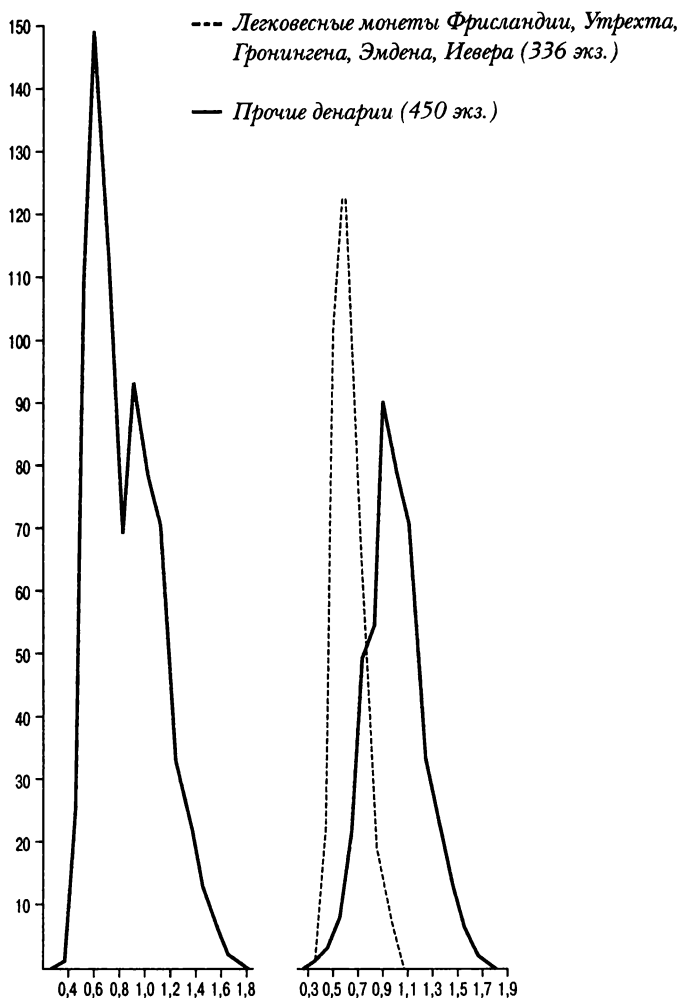


Рис. 50. Весовая диаграмма Скаринского клада. По 786 экз. коллекции Эрмитажа. Дифференцированная диаграмма Скаринского клада

Исключительно сложная смесь разнотипных монет в кладах рубежа XI–XII вв. связана с тем, что время, к которому они относятся, было временем конца монетного обращения на Руси, временем перехода от монетного обращения к безмонетному. По ме-

ре угасания обращения западноевропейских монет, монеты из средства обращения превращались исключительно в средство накопления. Клады конца XI в. являются поэтому как бы итогом накопления сокровищ, монетами которых уже невыгодно было пользоваться в качестве средства обращения. Фактическое отсутствие в этих кладах обломков монет, вопреки сложному в метрологическом отношении их составу, также подтверждает приведенную характеристику сокровищ рубежа XI–XII вв.

Переходя к метрологическому анализу, мы должны учитывать существование в обращении XI в. важной хронологической вехи — перехода от весового приема монеты к счетному, который, как показано выше, датируется серединой XI в.

Наблюдения над весовыми нормами монет, обращавшихся в первой половине XI в., приводят к выводу, что обращению было в это время свойственно не только разнообразие монетных типов, но и разнообразие их весовых норм. О большой весовой пестроте дирхема последнего периода его обращения уже говорилось. Однако и нормы денариев не были единообразными. Германские пфенниги этого периода по своему весу немного превосходят 1,0 г, а в большинстве случаев равны 1,2 г. Английские пенни тяжелее: их норма колеблется в пределах 1,3–1,5 г. Все эти величины не со-

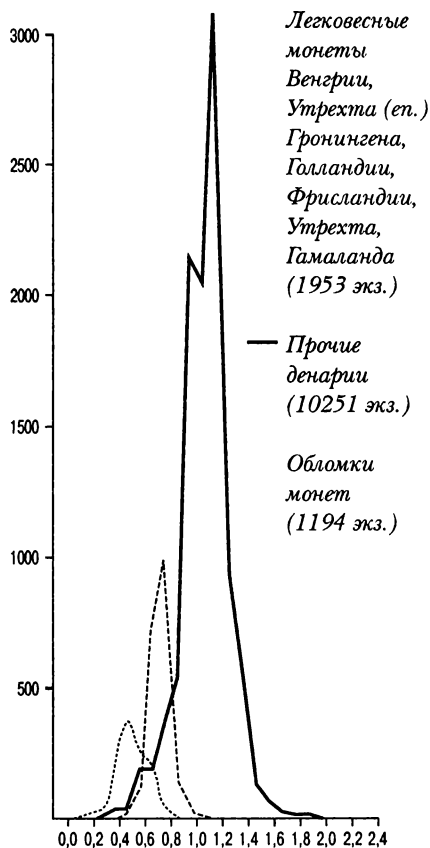


Рис. 51. Весовая диаграмма Вихмязского клада (13 398 экз.). Эрмитаж

ответствуют нормам северной денежно-весовой системы, установившейся с середины X в., и несоответствие норм приводит к постоянному дроблению монеты. В кладях первой половины XI в. обломки по своему числу во много раз превосходят количество целых монет.

В середине XI в. обломки перестают встречаться в кладах. По-видимому, нормы наиболее характерных для этого времени монет — германских пфеннигов и пфеннигов фрисландского типа — совпадают с русскими весовыми нормами. Иначе отсутствие в кладах обломков было бы необъяснимо.

В кладах второй половины XI в. присутствуют две весовые группы монет. На диаграмме Скадинского клада (рис. 50) мы ясно видим наличие в обращении монет обеих групп. Вполне закономерно сопоставить наличие этих весовых групп с наличием в обращении второй половины XI в. двух различных типов монет. И в самом деле, разбив монеты по типам и анализируя их весовой состав уже дифференцированно (рис. 50), мы видим, что монеты основных германских типов имеют в это время вес 0,9–1,1 г, а монеты фрисландских и родственных им типов показывают расхождения в весе от 0,6 до 0,7 г. Те же результаты дает изучение веса монет громадного Вихмязьского клада (рис. 51).

Значение весовой нормы первой группы монет нам совершенно ясно. Она полностью совпадает с нормой резаны в северной денежно-весовой системе (1,02 г). Вопрос о значении нормы второй группы более сложен.

Весовая величина 0,6–0,7 г точного соответствия среди реконструированных выше русских денежно-весовых единиц не находит. Однако на протяжении второй половины XI в. монеты с таким весом не подвергаются дроблению, их не режут и не кромсают, они обращаются как целые монеты. Очевидно, их вес был или кратным какой-то употребительной русской единице, или же составлял какую-либо рациональную часть одной из уже исследованных единиц. Эта норма по своей величине меньше резаны. Поэтому вполне естественно возникает мысль о связи ее с веверицей.

О веверице выше почти не упоминалось. Письменные источники позволяют говорить о ней как о самой мелкой фракции гривны, но точное соотношение ее с другими фракциями гривны и с самой гривной представлялось неуловимым. Этот пробел в показаниях письменных источников восполняют монеты, а рассматри-

ваемый материал делает наиболее уместным обращение к ней здесь.

Впервые с номиналом, меньшим, нежели резана, мы встречаемся еще в Березовском кладе 950-х гг. Среди обрезанных в кружок дирхемов этого клада несколько раз отмечены монеты с очень малым диаметром и весом. Общий вид этих крохотных кружков настолько отличен от привычного вида обрезанных монет с нормой резаны, что видеть в них случайные отклонения от последней невозможно. Нормой этих маленьких монет является вес 0,3–0,4 г, что составляет точно вес трети резаны ($1,02 \text{ г} : 3 = 0,34 \text{ г}$). Это соотношение позволяет предположить, что веверица в системе русского денежного счета была третьей резаны, $1/6$ куны, а в гривне содержалось 150 вевериц.

Установление этой величины помогает понять и значение весовой нормы фрисландских монет: она ровно вдвое превосходила величину веверицы северной русской денежно-весовой системы.

Северная система, возникнув в середине X в., и на протяжении всего XI в. сохраняет абсолютную величину своих единиц неизменной:

гривна (счетная; 51,19 г) = 20 ногатам (по 2,56 г) = 25 кунам (по 2,05 г) = 50 резанам (по 1,02 г) = 150 веверицам (по 0,34 г). Однако практически в обращении участвовали не все перечисленные номиналы. Среди реально обращавшихся монет были только резана, роль которой выполнял германский пфенниг обычного типа, и двойная веверица — фризский денарий. Остальные единицы имели счетный или счетно-весовой характер.

Преобладание в обращении резаны и фактическое отсутствие в нем куны предопределило дальнейшее изменение системы русского денежного счета, отмеченное Русской Правдой. Постоянное применение к монетам, выполнявшим роль резаны, собирательного термина «куны» и отсутствие в обращении действительных кун привели к началу XII в. к замене термина «резана» термином «куна» и к их слиянию. По-видимому, немаловажную роль в этой замене сыграла равнозначность понятий «куна» и «монета», отмечаемая некоторыми памятниками. Условия для слияния терминов, как показано выше, возникли еще во второй половине XI в. и более не повторялись. Поэтому нет никаких оснований датировать XIII–XIV вв. цитированную выше дополнительную запись в Карамзинском списке Русской Правды только на том основании,

что в ней ведется счет на резаны²³. Ранней датой этого памятника может быть и XI в.

К началу XII в. заканчивается период монетного обращения Древней Руси, охватывавший IX–XI вв. Он знал употребление множества разновидностей монет, чеканенных на Востоке — в странах Халифата, на Западе — в странах северной и центральной Европы, на Юге — в Византии. Однако обилие денежных знаков не должно нас подавлять. Как было показано выше, каждая эпоха обращения знала свой «ассортимент» монет, разобраться в котором не составляло особого труда, пока весовые особенности монет позволяли делать это. Когда это условие нарушалось, брал верх весовой прием серебра, прекращавшийся вместе с прекращением пестроты состава монетного обращения.

В течение XI в. возникает и крепнет новое явление в денежном обращении северных областей Древней Руси: в обращении получают значительное распространение денежные слитки.

Появившись первоначально в кладах еще IX в., слитки долгое время оставались аморфными как в отношении их веса, так и в отношении формы. Лишь в XI в. их форма и вес становятся стандартными. Они приобретают вид продолговатых брусков серебра с треугольным или близким треугольному поперечным сечением. По своему весу они приравниваются четырем монетным гривнам или гривнам кун (204,756 г). Памятники XII в. знают их под особым названием «гривны серебра». Свой вес, как уже говорилось выше, гривны серебра сохраняют на всем протяжении XII–XIV вв.

После того как в первой четверти XII в. прекратилось обращение иноземных монет, денежные слитки до второй половины XIV в. остаются единственными серебряными единицами денежного обращения в северной русской системе.

Южная система денежно-весовых единиц в конце X — первой половине XIII в.

Устанавливая существование с середины X в. местной южной русской денежно-весовой системы, мы опирались на две катего-

²³ См.: *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде. С. 178–180.

рии нумизматических памятников — обрезанные монеты Стародединского клада 979 г. и киевские шестиугольные слитки. Эти памятники дают крайние даты существования южной системы: раннюю — дает Стародединский клад, позднюю — слитки. Последние в большом числе обнаружены в кладах первой половины XIII в., зарытие которых связывается с монгольским нашествием²⁴. С джучидскими монетами, равно как и в вещевых кладах второй половины XIII и XIV вв., шестиугольные слитки не встречены²⁵.

Имея крайние даты существования системы, мы можем попытаться выяснить внутреннюю хронологию развития южной системы и найти в ней место для других нумизматических памятников, обращавшихся в то время внутри ареала распространения шестиугольных слитков. К их числу относятся древнейшие русские монеты собственной чеканки киевских князей, хорошо известные в литературе под наименованием сребреников и златников.

Большая часть известных к настоящему времени русских сребреников происходит из двух кладов, один из которых найден в Киеве, другой в Нежине. Киевский клад включал 120²⁶, Нежинский — свыше 200 монет²⁷. Никаких других монет, кроме русских, в этих кладах, по-видимому, не содержалось. Предположить в сребрениках почему-либо не выпущенную в обращение продукцию чеканщика нельзя, т. к. большинство монет потеряно, есть среди них перечеканенные и даже обрезанные²⁸; не приходится сомневаться, что монеты перешли в сокровище из обращения. Следовательно, сама чистота состава обоих кладов может говорить о том, что сохраненные ими русские монеты находились в обращении уже в то время, когда хождение восточных монет на юге России прекратилось (западные монеты туда вообще не проникали).

В настоящее время наибольшим признанием пользуются две системы хронологической классификации древнейших монет русского чекана, исключаящие друг друга: система И. И. Толстого, который распределил монеты между Владимиром Святославичем

²⁴ Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв.

²⁵ Bauer N. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters. S. 34.

²⁶ Ильин А. А. Топография кладов древнерусских монет X—XI вв. и монет удельного периода. Л., 1924. С. 12. № 8.

²⁷ Там же. № 22.

²⁸ Толстой И. И. Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. С. 34. № 57.

(988–1015 гг.), Святополком Окаянным (1015–1018 гг.) и Ярославом Мудрым (1019–1055 гг.), подразделив монеты на типы²⁹, и система А. В. Орешникова, считавшего, что чеканка монет древней Руси, начавшись во времена Ярослава Мудрого, достигла наивысшего расцвета при Владимире Мономахе (1078–1125 гг.)³⁰, когда и прекратилась.

Прежде чем перейти к более детальному разбору классификации сребреников следует упомянуть о некоторых точках зрения на этот предмет в советской научной литературе, в основном последних лет, излагавшихся в плане продолжения дискуссии, возникшей после опубликования труда И. И. Толстого, и в плане борьбы все тех же двух мнений. Остановиться на этом здесь тем более уместно и важно, что существующие и в настоящее время глубокие расхождения в этом вопросе свидетельствуют об известном кризисе, в котором находится проблема хронологической классификации киевских монет.

К изучению древнерусских сребреников в наше время обращался ряд исследователей, среди которых прежде всего нужно назвать Б. А. Романова и Б. А. Рыбакова. Первый придерживается мнения И. И. Толстого, развитого и подкрепленного работами Н. П. Бауера; оговорки, которыми сопровождается изложение взглядов И. И. Толстого, недостаточно основательно отнесшего так называемые сребреники «Ярослава I и II типов» (по Толстому) к чекану Ярослава Мудрого, вполне закономерны³¹. Б. А. Рыбаков принимает мнение А. В. Орешникова и стремится подкрепить его археологическим материалом нунумизматического характера³².

Если работы Б. А. Романова и Б. А. Рыбакова, будучи построены на фактическом материале, обостряют проблему, способствуя ее успешному разрешению, то вряд ли можно назвать полезными совершенно неаргументированные мнения А. А. Ильина³³ и

²⁹ Толстой И. И. Указ. соч.; *Он же*. Древнейшие русские монеты X–XI вв. // Зап. РАО. Т. VI (нов. сер.). СПб., 1893.

³⁰ Орешников А. В. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам // Изв. АН СССР. Отд. гуманитар. наук. 1930. № 3. С. 87–112; *Он же*. Денежные знаки домонгольской Руси.

³¹ Романов Б. А. Деньги и денежное обращение. С. 387.

Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII вв. // Советская археология. VI. М.; Л., 1940.

³³ Ильин А. А. Топография кладов древнерусских монет... С. 1–10.

Ф. И. Михалевского³⁴, отнесших без всяких объяснений златник и сребреник Владимира I типа Владимиру Святославичу, а остальные типы сребреников Владимира — Владимиру Мономаху, а также Г. Б. Федорова, тоже без объяснений отмечающего, что русские монеты «чеканились с X по начало XII в.»³⁵. Стремление эклектически соединить две исключаяющие друг друга концепции является не путем к решению трудной проблемы, а уклонением от этого пути.

Строя свою систему классификации, И. И. Толстой высказал убеждение, что к необходимости чеканить собственную монету киевских князей привело принятие христианства, и рассматривал сам факт появления русских монет как «удовлетворение стремления к внешним признакам этой (христианской. — В. Я.) культуры, ранее удовлетворения реальных потребностей»³⁶. В соответствии с этой посылкой И. И. Толстой относил многочисленные серебряные и редкие золотые монеты с именем Владимира к чекану Владимира Святославича и, опираясь на чтение надписей, наличие перчеканок и стилистическую эволюцию монет, устанавливал последовательность типов. В подтверждение своей классификации И. И. Толстой привлекал материал немногочисленных кладов иноземных монет, включавших в свой состав и сребреники. Начав с того, что древнейшие русские монеты призваны были для удовлетворения «казовой» стороны, И. И. Толстой тут же оговаривается, что уже при Владимире I они стали удовлетворять и реальные потребности, возникновение которых И. И. Толстой связывал с необходимостью заменить ходячую монету — дирхем, имея в виду кризис серебра на Востоке, достигший наибольшей остроты к началу XI в.³⁷

Исходным пунктом построений А. В. Орешникова было представление о «высшей точке процветания» Киевской Руси, которой последняя якобы достигла при Владимире Мономахе, что и поддерживало уверенность автора в том, что «монеты чеканены им (Мономахом. — В. Я.), но не св. Владимиром»³⁸. Подобно

³⁴ Михалевский Ф. И. Очерки истории денег и денежного обращения. Т. I. С. 263.

³⁵ Федоров Г. Б. Указ. соч. С. 144.

Толстой И. И. Древнейшие русские монеты X—XI вв. С. 334.

³⁷ Там же. С. 367.

³⁸ Орешников А. В. Денежные знаки домонгольской Руси. С. 66.

И. И. Толстому, и А. В. Орешников привлекал факты перечеканок монет, которые вполне уместаются в его системе классификации, не противореча последовательности типов, устанавливаемой по изменениям княжеского знака. Тем не менее классификация А. В. Орешникова не свободна от противоречий и не устраняет многих темных мест и неясностей.

В работах А. В. Орешникова отразились его ошибочные представления о хронологии южнорусских монетных кладов. Два клада, состоявшие исключительно из русских сребреников, свидетельствуют о некоторой хронологической обособленности обращения русских монет. По мнению же А. В. Орешникова, именно эта обособленность и противоречила датировке кладов рубежом X—XI вв. Как уже говорилось выше, очень долго принято было считать, что ввоз дирхема на территорию южной Руси прекратился только в 1015 г. — тогда же, когда восточная монета перестала проникать в Европу вообще. Если это так, то монета, чеканенная Владимиром, не могла бы быть обнаруженной в кладах, не содержащих вовсе куфических монет. В действительности же в южных областях Руси обращение дирхема доживает лишь до 960-х гг., т. е. прекращается еще до введения христианства. Здесь, следовательно, каких-либо противоречий датировкам И. И. Толстого нет.

Согласно классификации А. В. Орешникова, расцвет древнерусской чеканки происходит по крайней мере через сто лет после прекращения ввоза серебра в южную Русь и является, таким образом, мало понятным, причем не может не вызывать возражения и мнение А. В. Орешникова о «высшей точке процветания» Киевского государства при Владимире Мономахе. Время Мономаха уже было временем феодальной раздробленности, а периодом высшего подъема державы Рюриковичей следует считать княжение Владимира Святославича.

Важнейшей заслугой А. В. Орешникова было то, что он применил к изучению русских монет теорию изменений княжеского знака; однако сама система древнейших княжеских знаков, предложенная А. В. Орешниковым, недостаточно последовательна, и основной принцип развития знаков, принятый им самим — от простого к сложному, — в ней выдержан лишь частично. Поэтому и классификация древнерусских монет, предложенная А. В. Орешниковым, встречает ряд возражений. Построенная А. В. Орешниковым генеалогическая схема знаков не подчиняется обязательно

му принципу изменения знака от отца к сыну и от старшего брата к младшему, неуклонно осуществлявшемуся до первой половины XIII в.³⁹

Для классификации А. В. Орешникову послужило также определенное чтение фрагментарных надписей на монетах, толкование которых до сих пор, однако, остается спорным. В частности, отнесение монет с именем Петр, явившееся для А. В. Орешникова ключом для определения других монет, к чекану князя вышгородского Ярополка-Петра основано на очень редком факте упоминания в летописи христианского имени князя Ярополка⁴⁰. Между тем христианские имена большинства русских князей XI в. нам неизвестны совершенно. Более правильным является отождествление Петра со Святополком, т. к. княжеские знаки на монетах последнего принципиально — по своей схеме — не отличаются от знаков на монетах Петра. Различия между ними носят чисто орнаментальный характер и выражены не более ярко, чем различия между вариантами знаков на монетах Владимира даже в пределах одного типа сребреников этого князя. Если, по аналогии с несколько более поздними знаками на русских княжеских печатях, делить знаки на обычные и парадные варианты — а такое упрощение диктуется существованием множества непринципиальных вариантов одного и того же знака, то на древнейших русских монетах можно различать только три княжеских знака: Владимира, Святополка и Ярослава. Последний помещен на так называемом «Ярославлем сребре» — новгородских монетах Ярослава Мудрого и непосредственно с нашей темой сейчас не связан.

При сравнении основных посылок в более выгодном свете представляется система И. И. Толстого, которая строится с учетом экономического фактора и не допускает слишком продолжительного хронологического разрыва между обращением дирхема и обращением сребреника.

Находка в Новгороде при раскопках 1953 г. уникальной свинцовой печати дохристианского времени с изображением княжеского знака, чрезвычайно близкого знаку Владимира, и несущей имя «Изяслав», близко связала хорошо датированный сфрагистический

³⁹ Янин В. Л. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // КС ИИМК. Вып. 62. М., 1956.

⁴⁰ Орешников А. В. Денежные знаки домонгольской Руси. С. 57.

памятник с нашими сребрениками. Печать принадлежала сыну Владимира Святославича — Изяславу (ум. в 1001 г.). Она всеми элементами своей композиции тесно связывается с монетным типом сребреников, а знак на ней является простейшим усложнением знака монет Владимира. Датировка этой печати и ближайшая генетическая связь ее знака со знаком на монетах Владимира позволяют относить и последние Владимиру Святославичу⁴¹.

Не менее существенная находка была сделана Новгородской экспедицией в 1954 г. При раскопках на Неревском конце была обнаружена трапезиевидная металлическая подвеска с изображением княжеского знака, во всех деталях совпадающего со знаками на монетах Владимира. Подобные подвески были известны и ранее⁴², однако только среди беспаспортных находок. Новая же подвеска извлечена из не потревоженного культурного слоя конца X в.⁴³

Те же даты дают совместные находки сребреников с хорошо датируемыми другими монетами. Если чистота кладов русских монет на юге вызвана отсутствием в обращении каких-либо других монет, то, проникая на север Руси и за ее пределы, сребреники неизбежно вступали во взаимодействие с различными монетами, обращавшимися на этих территориях. Ккладам, характеризующим это взаимодействие, относятся Молодинский клад Псковской обл. 1010 г.⁴⁴, клад из Денисов под Переяславом, младшая точно датированная монета которого относится к 1009 г.⁴⁵, Поречьский клад б. Оршанского округа с младшими монетами 1010-х гг.⁴⁶, Ленчицкий клад из б. Калишской губ., относящийся по сопровождающему материалу к 1020—1025 гг.⁴⁷, наконец, клад из Шваана в Мекленбурге, который не содержал монет моложе 1025 г.⁴⁸ Клады эти датируются не только по их младшим монетам, но и по особенностям все-

⁴¹ Янин В. Л. Древнейшая русская печать X в. // КС ИИМК. Вып. 57. М., 1955. С. 39—46.

⁴² Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве. С. 239.

⁴³ Янин В. Л. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг. // МИА. 55. М., 1956. С. 158.

⁴⁴ Бауер Н. П. Древнерусский чекан... С. 306.

⁴⁵ Там же. С. 307.

⁴⁶ Там же. С. 307—309.

⁴⁷ Там же. С. 309—310.

⁴⁸ Там же. С. 311—312.

го их состава. В частности, все клады русских находок сохраняют еще преобладание куфических монет, а это, как уже говорилось выше, признак первой половины XI в.

Не противоречат этой датировке и находки сребреников в курганных инвентарях. Четыре монеты Владимира были найдены в кургане близ имения Вотня в Старо-Быховском уезде на Днепре вместе с монетой Саманида Нуха II (976—997 гг.)⁴⁹. Пробитый сребреник был найден в Липлявском могильнике вместе с денарием, современным Владимиру Святославичу⁵⁰, сребреник Владимира был также найден в одном из курганов близ с. Липино Курской обл. в 1948 г. вместе с обрезанными в кружок дирхемами X в.⁵¹ Наконец, следует указать на еще не опубликованную находку 13 сребреников Владимира и Святополка вместе с двумя саманидскими дирхемами 960-х гг. (Абдул-Малик, 962 г. и Мансур, 969 г.) в курганах близ с. Митьковка Климовского р-на Брянской обл.⁵²

Все изложенное позволяет признать принципиальную правильность классификации И. И. Толстого и датировать южнорусские сребреники временем Владимира Святославича и Святополка Окаянного. Некоторые наблюдения дают возможность еще более уточнить датировки отдельных типов сребреников и с более правильных позиций подойти к пониманию сущности реформы Владимира Святославича.

⁴⁹ Ильин А. А. Указ. соч. № 15. Восточная монета, обнаруженная вместе со сребрениками, долго фигурировала в литературе с неверными определениями. В. К. Трутовский, первым осматривавший дирхем, прочел на нем несуществовавшее в истории имя Арман Рашид. С этим именем монета упоминается в работе И. И. Толстого «Древнейшие монеты великого княжества Киевского» (комментарий к № 7—10) и работе. А. В. Орешникова «Русские монеты до 1547 г.» (М., 1896. С. 3). В «Топографии кладов восточных монет» А. К. Маркова она называется монетой Харуна ар-Рашида (С. 25. № 138). Впоследствии определение было исправлено В. С. Муралевичем, о чем можно судить из рукописной пометки А. В. Орешникова на рабочем экземпляре его книги, хранящемся в Нумизматическом отделе ГИМ. Дирхем оказался принадлежащим Нуху II ибн-Мансуру (976—997 гг.). С этим правильным определением монета упомянута в посмертной работе А. В. Орешникова «Денежные знаки домонгольской Руси» (С. 69. № 12).

⁵⁰ Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве. С. 231.

⁵¹ Сообщение начальника Липинской экспедиции П. И. Засурцева.

⁵² Сребреники и дирхемы переданы в ГИМ в 1954 г.

Сравнение состава двух больших кладов сребреников — Киевского и Нежинского — показывает, что они очень отличаются друг от друга по составу. В Киевском кладе были лишь сребреники Владимира I типа (по Толстому). В Нежинском кладе представлены все остальные типы киевских монет, но нет ни одного экземпляра сребреников I типа. Это различие отразилось и в научной терминологии древнейших русских монет («киевские» и «нежинские» сребреники). Поскольку взаимоисключаемость этих монет наблюдается на одной и той же территории, причиной ее может быть только хронологический разрыв в чеканке первого и остальных типов. Факты перечеканок устанавливают относительно большую древность сребреников первого типа⁵³. Ко времени выпуска сребреников второй группы должен был пройти известный отрезок времени, чтобы сребреники первой группы успели выйти из обращения. Этот разрыв не мог быть очень продолжительным: единство княжеского знака на всех типах монет Владимира говорит о том, что они были выпущены во время одного княжения (978—1015 гг.), а присутствие на всех монетах христианских эмблем еще более суживает хронологические рамки чеканки Владимира Святославича (988—1015 гг.). Если обилие вариантов II, III и IV типов сребреников Владимира позволяет растягивать время их чеканки на последние 15 лет его правления, то чеканку монет первого типа приходится относить только к годам, непосредственно следующим за введением христианства.

Таким образом, чеканка собственно русских монет, предпринятая Владимиром Святославичем, непосредственно следует за периодом обращения в южной Руси дирхема и может быть связана с результатами кризиса восточного серебра, проявившимися на юге во всей полноте уже к этому времени. Однако стремление поддерживать количество монеты в обращении не опиралось на действительные возможности. Мы видим, что даже постоянный выпуск монеты не был налажен; продукция эпизодических выпусков очень быстро уходила из обращения отчасти в сокровище, а главным образом, вероятно, как сырье ювелирного ремесла. Такие эпизодические выпуски ни в коей мере не могли способствовать укреплению монетного обращения. Напротив, они даже могли

⁵³ Толстой И. И. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. № 38, 56, 89, 95.

приводить к усилению колебаний цен на серебро и к большому расшатыванию монетного обращения.

Новейшая оценка этой реформы X в. была дана Ф. И. Михалевским. Он считал, что сребреники были выпущены Владимиром в

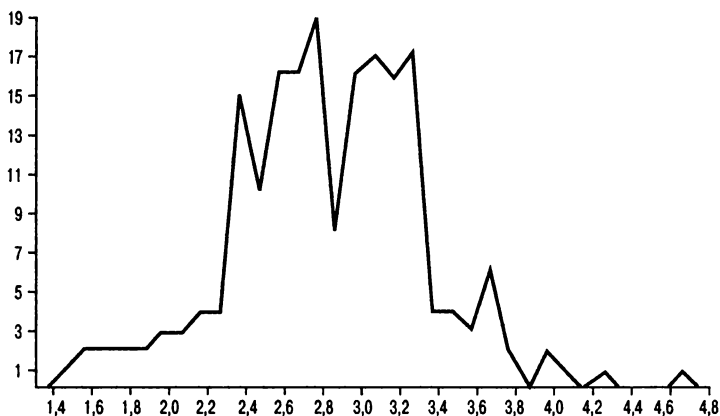


Рис. 52. Весовая диаграмма киевских сребреников. По 197 экз.

целях вытеснения иноземной монеты собственными денежными знаками, и рассматривал эту реформу как проявление экономической мощи Киевского государства⁵⁴. Однако древнейшие русские монеты были выпущены уже в тот момент, когда дирхем на юге полностью исчез из обращения; конкурировать им было не с чем. Для экономической же характеристики любой денежной реформы важно не ее начало, а ее результат.

Умещааясь в хронологические рамки бытования южной денежно-весовой системы, киевские сребреники, по-видимому, должны иметь весовые нормы этой системы. Следует сказать, что метрологический анализ их весьма сложен. Монеты Киевского клада были извлечены из земли в виде слипшегося комка и подвергались действию кислот и грубой механической очистке. Большое число монет из обоих кладов оказалось фрагментированным⁵⁵.

⁵⁴ Михалевский Ф. И. Очерки истории денег и денежного обращения. Т. I. С. 240–242.

⁵⁵ Чернев Н. И. Заметки о древнейших русских монетах // Вестн. археол. и истории. Вып. VII. СПб., 1888. С. 152.

Следует учитывать и специфические трудности становления совершенно нового для Руси производства и, в частности, подгонки (ковки) серебряных листов для вырезки кружков. Поэтому при выяснении весовой нормы сребреников нужно обращать наибольшее внимание на лучшие по сохранности монеты. Как видно из весовой диаграммы сребреников (рис. 52), их весовая норма заключена в пределах 2,9–3,3 г. Эта величина ровно вдвое превышает норму резан Стародединского клада ($1,64 \text{ г} \times 2 = 3,28 \text{ г}$) и по своему положению в системе является куной.

Очень важен вопрос о времени появления еще одной группы памятников южной денежно-весовой системы — шестиугольных слитков. К настоящему времени зафиксировано уже свыше сотни кладов и отдельных находок таких слитков. В большинстве своем клады киевских слитков обнаружены без сопровождающего материала. Лишь в трех случаях они включали в свой состав византийские монеты: в киевском кладе 1889 г. из усадьбы Гребеновского было два солида 1081–1143 гг.⁵⁶, в кладе из Сахновки, обнаруженном в 1900 г., содержались также две золотые монеты 1143–1180 гг.⁵⁷, наконец, в Старо-Рязанском кладе, обнаруженном в 1908 г., при раскопках, шестиугольный слиток сопровождался 18 медными византийскими монетами 1081–1143 гг.⁵⁸

Перечисленные находки и послужили основой для того, чтобы ограничивать время бытования шестиугольных слитков XII — первой половиной XIII в. Что касается находок слитков в вещевых кладах, последние обычно датировались самими слитками, а вещи точной даты не дают. На принятие этой поздней даты для начала обращения шестиугольных слитков повлиял и состав многочисленных кладов, не содержащих сопровождающего материала. Действительно, западные монеты обращались на Руси еще в начале XII в.; если с ними шестиугольные слитки не встречаются, это, казалось бы, и должно говорить об их появлении не ранее XII в. Принятием этой датировки разрыв во времени между концом обращения на юге монет и началом обращения слитков определяется в сотню лет.

Связь весовых норм монет и слитков могла бы казаться загадочной и трудно объяснимой. Однако при таком установлении даты

⁵⁶ *Bauer N.* Die Silber- und Goldbarren. № 39.

⁵⁷ *Ibid.* № 40.

⁵⁸ *Федоров А. Ф.* Монетные клады Рязанской губ. Спасск, 1928. С. 7.

обойдено чрезвычайно важное обстоятельство: шестиугольные слитки обращались лишь внутри очень небольшого ареала. В область основного их распространения западная монета вообще никогда не проникала. Даже в том случае, если бы эти слитки появились уже в конце первой четверти XI в., их клады не могли бы включать в свой состав какие-либо монеты. Поэтому само обилие кладов шестиугольных слитков, лишенных сопровождающего материала, дает основание сомневаться в правомерности принятого в современной литературе сужения их датировки. Эти сомнения в известной степени подтвердились в 1954 г., когда в Новгороде при раскопках на Неревском конце шестиугольный слиток был обнаружен впервые в непотревоженном слое культурных напластований второй половины XI в.⁵⁹

Если разрыв во времени между обращением монеты и слитков в южных областях Руси и существовал, то он был менее значительным, нежели это принято считать.

Весовые гирьки Древней Руси

Особенности состава кладов второй половины X и первой половины XI в. указывают на преобладание в течение этого длительного периода весового приема монеты над счетным. Эти клады изобилуют обломками самого неопределенного вида», оценка которых возможна только при помощи весов и гирь. Переход к дроблению монеты совпал с переходом к употреблению новых денежно-весовых систем — северной с гривной в 51,19 г во главе и южной, связанной с византийской литрой.

Изучая вес применявшихся для взвешивания монет гирек, мы вправе рассчитывать обнаружить в нем соответствие нормам денежно-весовых единиц. Можно заранее рассчитывать встретить и нормы новых систем, и нормы старой общерусской системы, поскольку все они в течение некоторого времени сосуществовали. Обращение к весовым гирькам является лучшим способом проверки теоретического расчета величин денежно-весовых единиц.

Миниатюрные весы для взвешивания ценностей, вроде так называемых «аптекарских», среди русских домонгольских древнос-

⁵⁹ Новгородская экспедиция, 1954 г.

тей были находимы неоднократно. Достаточно напомнить находку чашечек весов и коромысла в Киеве в 1882 г.⁶⁰, находку кошелька с парой чашечек от весов, фрагментом коромысла и набором в 20 гирек в Новгороде в 1938 г.⁶¹, находку чашечек, коромысла и футляра весов в Гнездове⁶², находку весов во Владимирской губ.⁶³, в Рязанской⁶⁴ и Волынской губ.⁶⁵, в долине Камы у деревни Коча⁶⁶. Из находок последних лет следует отметить находку чашечки весов в Киеве при раскопках землянки XII–XIII вв. в 1949 г.⁶⁷ и особенно многочисленные находки чашечек и коромысел весов при раскопках на Неревском конце Новгорода. Материалы новгородских раскопок показывают, что находки весов принадлежат к числу обычных в культурном слое домонгольского города. Здесь в слоях X–XIII вв. на протяжении 1951–1955 гг. чашки и коромысла весов обнаружены 34 раза⁶⁸. Следует подчеркнуть, что часть указанных находок обнаружена в комплексах X в.

В большом количестве в русских древностях представлены и гири. Однако полной сводки этих находок до сих пор не существует. Сведения о местах находок древних гирек, содержащиеся в двух статьях А. Л. Монгайта⁶⁹, могут быть несколько пополнены.

Касаясь находки пяти гирек в Старой Рязани в 1891 г., А. Л. Монгайт писал: «Такие гири были найдены во Владимирских курганах, в раскопках Уварова (более 30 шт.), в Твери (2 шт.),

⁶⁰ Болсуновский К. В. Древние гири, найденные в Киеве, и их отношение к различным весовым системам. Киев, 1898. С. 8.

⁶¹ Строков А., Богусевич В. Новгород Великий. Л., 1939. С. 249; Монгайт А. Л. Археологические заметки. III. Новгородские гири // КС ИИМК. Вып. 41. М.; Л., 1951. С. 133–137.

⁶² Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии // Мат-лы по археологии России. № 28. СПб., 1902. С. 88; Авдусин Д. А., Тихомиров М. Н. Древнейшая русская надпись // Вестн. АН СССР. № 4. 1950. С. 73.

⁶³ Труды I Археологического съезда. Т. II. М., 1871. С. 842–844.

⁶⁴ Arne T. La Suede et l'Orient. Upsala, 1914. P. 177, примеч. 3.

⁶⁵ Ibid. P. 177, примеч. 3.

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ Каргер М. К. Новые данные к истории древнерусского жилища // КС ИИМК. Вып. 38. М.; Л., 1951. С. 10.

⁶⁸ Материалы Новгородской экспедиции, хранящиеся в лаборатории ИИМК.

⁶⁹ Монгайт А. Л. Рязанские гири // Он же. Археологические заметки. III. Новгородские гири.

на городище Булгара и Билярска, в Гнездовских курганах, в Муроме (1 шт.), в курганах южного Приладожья (13 шт.). Очень многочисленные находки их в Прибалтике и Финляндии (свыше 60 шт.). Болсуновский опубликовал собранную им коллекцию гирек, среди которых № 3—7, найденные в Киеве, совершенно подобны старорязанским. Из раскопок последних лет наиболее интересной является находка разновесов (т. е. гирек. — В. Я.), подобных старорязанским, в Новгороде (20 штук в кошельке. — В. Я.). ...В Швеции их насчитывается несколько сот. 220 из них описаны Арне, из них 160 подобны старорязанским»⁷⁰. К перечисленным находкам следует добавить также новые находки гирек в Гнездове (раскопки Д. А. Авдусина в 1949 и 1950 гг.)⁷¹, вторую гирьку из Мурома (раскопки Е. И. Горюновой в 1950 г.)⁷², находку разновеса из 10 гирек в Подборовском кладе Старорусского района Новгородской обл. в 1934 г.⁷³ и, наконец, находку еще одного набора гирек в Новгородском кладе 1953 г. и нескольких отдельных гирек в культурном слое Неревского конца Новгорода при работах Новгородской экспедиции (раскопки А. В. Арциховского).

Гирьки, находимые в Восточной Европе, делятся на три группы. Подавляющее большинство их имеет форму сферы с уплощенными полюсами. В дальнейшем мы будем называть их сферическими. Все такие гирьки изготовлены из железа и для предохранения от коррозии заключены в медную оболочку, а на плоских их сторонах обычно помещены знаки в виде кружков или глазков. Число кружков изменяется в зависимости от величины гирек и служит обозначением кратности весовой единицы в гирьке. Обычно кружки бывают соединены линиями по определенному шаблону; эти линии дают возможность установить количество глазков даже в том случае, если часть глазков стерлась.

Вторую группу составляют такие же по технике изготовления железные в медной оболочке многогранные гирьки, имеющие форму куба, октаэдра и т. п. На каждой стороне или только на некоторых сторонах таких гирек также помещены обычно глазки.

⁷⁰ Монгайт А. Л. Рязанские гирьки. С. 65.

⁷¹ Сообщение Д. А. Авдусина.

⁷² Сообщение Е. И. Горюновой.

⁷³ Клад и гирьки находятся в Эрмитаже. Гирьки А. А. Быковым были любезно предоставлены автору для взвешивания.

Гирьки этой группы встречаются реже. Наконец, третья группа состоит из плоских квадратных или иной формы гирек из бронзы, свинца и т. д. Датировка последних до сих пор не может считаться установленной, т. к. все они происходят только из случайных находок и ни разу не были встречены вкладах. К тому же основным районом их распространения является Булгар, что связывает их в первую очередь с болгарской весовой системой, а также и Киевщина, где К. В. Болсуновский нашел им аналогии в позднем византийском материале⁷⁴. В глубине Руси единичные находки таких гирек были сделаны в Твери⁷⁵ и, по-видимому, в Москве⁷⁶.

В качестве вспомогательных разновесов служили также монеты (во всех твердо установленных случаях только медные) и другие предметы: камешки, перстни, обломки украшений, бусы и пр., встреченные вместе с наборами гирек.

Сферические и многогранные гирьки происходят с территорий наиболее развитого русского денежного обращения и хорошо датируются. Для их датировки особенно большое значение имеют киевская, старорусская, гнездовские, новгородская 1938 г. и новгородская 1953 г. находки.

В новгородском кошельке 1938 г. 18 сферических и 2 многогранные гирьки оказались вместе с медным подражанием саманидскому дирхему X в., который датирует находку второй половиной X в.⁷⁷ В новгородском кладе 1953 г. гирьки обнаружены с монетами не моложе 972 г. В Киеве в набор гирек входила обломанная медная византийская монета Константина VIII (913–959 гг.)⁷⁸, которая также подтверждает новгородские датировки. Старорусские гирьки находились в составе клада бувейхидских дирхемов конца X в. Найдки из гнездовских курганов датируются второй половиной X — началом XI в. Значительная часть находок говорит, таким образом, что гирьки появились еще во второй половине X в. Древнейшей среди них следует считать обнаруженную в гнездовском

⁷⁴ Болсуновский К. В. Указ. соч.

⁷⁵ Жизневский А. К. Описание Тверского музея. М., 1888. С. 178. № 885.

⁷⁶ Сообщение М. Г. Рабиновича.

⁷⁷ Монгайт А. Л. Новгородские гирьки. С. 136. В ст. «Рязанские гирьки» число многогранных гирек в этой находке указано неверно (3 вместо 2).

⁷⁸ Болсуновский К. В. Указ. соч. С. 8.

кургане № 13, прославленном находкой в нем амфоры с древнейшей русской надписью⁷⁹.

Многогранные гирьки найдены пока лишь в очень незначительном количестве. Нам известны только гнездовские находки, две гирьки из новгородского кошелька 1938 г. и одна из новгородского клада 1953 г. Во всех трех случаях находки датируются второй половиной X в., т. е. тем же временем, что и древнейшие из сферических гирек.

Появление гирек одновременно с появлением в кладах монетных обломков очевидно.

Ниже приводятся данные о весе и весовых единицах той части гирек из Восточной Европы, сведения о которых удалось собрать к настоящему времени. Классифицированы они по местам находок, но многогранные гирьки выделены в особый разряд.

I. Сферические гирьки

№	Место находки	Вес в г	Сохранность	Кратность ⁸⁰	Вес единицы в г	Источник и № в описании
1	Киев	40,50	хор.	5 + 5	4,05	Болсуновский 3
2	«	32,25	хор.	4 + 4	4,03	« 4
3	«	22,93	пл.	3 + 3	3,82	« 5
4	«	22,50	пл.	3 + 3	3,75	« 6
5	«	8,06	хор.	1 + 1	4,03	« 7
6	Ст. Рязань	40,00	«	5 + 5	4,00	« 3
7	«	40,30	«	5 + 5	4,03	« 4
8	«	32,25	«	4 + 4	4,03	« 5
9	«	31,87	«	4 + 4	3,98	« 6
10	«	144,30	«	?	?	Монгайт 1
11	«	56,17	«	7 + 7	4,01	« 2
12	«	39,88	«	5 + 5	3,99	« 3
13	«	39,43	пл.	5 + 5	3,94	« 4
14	«	32,18	хор.	4 + 4	4,02	« 5
15	Булгар	40,30	хор.	5 + 5	4,03	Болсуновский 10
16	Княжая гора	32,25	хор.	4 + 4	4,03	« 4763
17	Владимир	24,18	хор.	3 + 3	4,03	« 7

⁷⁹ Авдусин Д. А., Тихомиров М. Н. Древнейшая русская надпись. С. 73.

⁸⁰ Кратность показана по обозначениям на обеих плоских сторонах гирек.

№	Место находки	Вес в г	Сохранность	Кратность	Вес единицы в г	Источник и № в описании
18	«	31,74	хор.	4 + 4	3,97	Монгайт 6
19	«	21,07	пл.	3 + 3	3,51	« 7
20	«	24,26	хор.	3 + 3	4,04	« 8
21	«	14,93	пл.	2 + 2	3,73	« 9
22	Эстония	24,18	хор.	3 + 3	4,03	Болсуновский 9
23	Подборовка	39,80	хор.	4 + 4	4,97	Гос. Эрмитаж
24	«	32,10	хор.	4 + 4	4,01	«
25	«	34,45	пл.	4 + 4	4,31	«
26	«	32,70	хор.	4 + 4	4,08	«
27	«	23,85	пл.	3 + (3)	3,97?	«
28	«	23,98	хор.	3 + 3	4,00	«
29	«	16,48	хор.	2 + 2	4,12	«
30	«	8,26	хор.	1 + 1	4,13	«
31	Новгород (1938 г.)	91,20	хор.	?	?	Новгородск. музей
32	«	56,08	хор.	7 + 7	4,00	«
33	«	40,05	хор.	5 + 5	4,01	«
34	«	32,25	хор.	4 + 4	4,03	«
35	«	31,50	хор.	4 + 4	3,97	«
36	«	16,88	пл.	(2) + (2)	4,22?	«
37	«	23,65	хор.	3 + 3	3,94	«
38	«	40,70	хор.	4 + 4	5,09	«
39	«	25,05	хор.	3 + 3	4,17	«
40	«	32,00	хор.	4 + 4	4,00	«
41	«	21,50	пл.	?	?	«
42	«	15,78	пл.	2 + 2	3,94	«
43	«	8,42	пл.	?	?	«
44	«	16,37	пл.	2 + 2	4,09	«
45	«	8,33	пл.			«
46	«	12,33	хор.	2 + 1	4,11	«
47	«	8,80	хор.	1 + 1	4,40	«
48	«	4,77	хор.	нет	?	«
49	Новгород (1952 г.)	98,77	хор.	12 + 12	4,11	Новгородск. эксп.
50	«	124,96	пл.	?	?	»
51	Новгород (1953 г.)	36,70	хор.	4,08	«	
52	Тверь	35,19	пл.	5 + 4	?	Жизневский, 885
53	Муром	24,73	хор.	?	4,12	Спицын, стр. 52
54	Гнездово	12,10	хор.	3 + 3	4,03	1950 г., кург. 44
55	«	11,21	пл.	2 + 1	3,60	« кург. 73
56	«	10,80	пл.	2 + 1	3,82	« кург. 33
57	«	11,45	пл.	2 + 1	3,74	« кург. 49

II. Многогранные гирьки

№	Место находки	Вес в г	Сохранность	Кратность	Вес единицы в г	Источник
1	Новгород (1938 г.)	3,82	хор.	на 4 сторонах по 4; на 2 сторонах по 2	0,96 1,27	Новгор. муз.
2	«	3,20	пл.	?	?	«
3	Гнездово	1,90	хор.	на 6 сторонах по 2	0,95	1949 г., к. 23
4	«	8,05	хор.	на 8 сторонах по 3	2,68	1950 г., к. 49

Анализируя вес сферических гирек, А. Л. Монгайт пришел к следующему выводу: «Для всех известных гирек типа рязанских... мы замечаем колебание единицы веса от 3,52 до 4,3 г, причем большей частью эта единица равна или приближается к 3,97 г, т. е. к весу “законного” дирхема. Если ...мы все колебания вокруг этой единицы признаем нормальными, то мы можем считать, что в основе веса наших гирек лежал законный дирхем»⁸¹.

«Законным» назывался дирхем, принятый халифом Омаром при регламентации системы дирхема. «Он и оставался основным для гирь, — предполагает А. Л. Монгайт, — которые, естественно, не могли следовать за всеми изменениями веса дирхема при дальнейших реформах»⁸².

Наблюдения над весом куфических монет VIII–X вв., обращавшихся в Восточной Европе, показывают, что в денежном обращении Древней Руси, так же, впрочем, как и в денежном обращении Востока, «законный» дирхем не участвовал абсолютно. Из общего количества восьми с лишним тысяч дирхемов, вес которых сведен в настоящей работе в диаграммы, норму, близкую к весу «законного» дирхема, имеют всего лишь около 200 экземпляров. При этом подавляющая часть монет этого веса — монеты бувейхидов и поздних саманидов, т. е. того времени, когда о норме дирхема вообще говорить не приходится.

Встречает возражения также и теоретический расчет нормального веса единицы сферических гирек, проделанный А. Л. Монгайтом. Из 48 гирек, для которых оказалось возможным произвес-

⁸¹ Монгайт А. Л. Рязанские гирьки. С. 67.

⁸² Там же.

ти вычисление их единицы (9 принадлежат к числу поврежденных или коррозированных), 33 штуки имеют в основе вес, превышающий 4,00 г, а остальные имеют меньший вес. Наиболее характерным весом сферических гирек следует признать норму 4,0—4,1 г; она встречена 22 раза. Из 39 гирек хорошей сохранности 36 имеют в основе единицу, норма которой заключена в пределах 3,93—4,17 г, 2 — в пределах 4,97—5,09 г. Особняком стоит одна гирька с единицей 4,4 г (?).

Если А. Л. Монгайтом величина единицы сферических гирек была несколько занижена, то Т. Арне, исследуя такие гирьки в скандинавских находках, ее совершенно неосновательно завысил. Имея дело с точно таким же преобладанием единицы, чуть большей 4 г, Арне объявил ее равной золотнику (4,26 г), а фактическое отклонение объяснял плохой сохранностью гирек⁸³. Эта разница кажется очень незначительной, когда сравниваются сами предполагаемые единицы (4,26 г и около 4,1 г), однако среди гирек чаще всего встречаются восьмикратные и шестикратные этой единице. В восьмикратной гирьке разница достигает весьма ощутимых размеров: если принять единицу равной 4,1 г, то гирька должна весить 32,8 г; при допущении же единицы 4,26 г она должна весить 34,08 г. В действительности гирьки весят обычно около 32,2 г. Если расхождение в полграмма вполне допустимо и даже неизбежно после тысячелетнего пребывания гирек в земле, то расхождение в 2 г, которое допускает Арне, могло бы возникнуть лишь в результате настолько явной порчи, что подобные гирьки и сам Арне не стал бы взвешивать.

Не будучи связанными через высчитанную А. Л. Монгайтом величину с «законным» дирхемом, полученные весовые единицы хорошо объясняются современным им монетным материалом. Величины в 4,0—4,1 г и 4,97—5,09 г представляют собой удвоение веса куны и ногаты Русской Правды. Привлечение норм этих денежно-весовых единиц позволяет уточнить и саму теоретическую величину единицы гирек. Если куна весила 2,047 г, то удвоение ее дает величину 4,09 г. Удвоение ногаты весом 2,56 г дает величину 5,12 г.

Таким образом, расчет единицы веса сферических гирек, распространившихся на Руси во второй половине X в., подтверждает

⁸³ *Arne T. La Suède et l'Orient*. P. 191.

достоверность расчета величины денежных единиц после изменений, происшедших в русских денежно-весовых системах в середине X в. Но наиболее ярко правильность этого расчета может быть подтверждена еще одной группой памятников древнерусской метрологии.

В состав набора из новгородского кошелька кроме тех гирек, вес которых приведен выше, входили также бесформенные бронзовые обломки, разогнутый перстень, бронзовая лировидная пряжка, несколько камешков и медное подражание саманидскому дирхему. Один из бронзовых обломков весит 2,59 г, другой — 2,47 г⁸⁴, что лишь на ничтожные сотые грамма отличается от теоретического веса ногаты.

Присутствие в новгородском кошельке с гирьками бусины заставило обратить внимание на вес древнерусских бус. К сожалению, сама бусина из кошелька не сохранилась⁸⁵, и сведениями об ее весе мы не располагаем. Однако повторная находка бус в наборе гирь клада 1953 г. позволила получить их весовые данные. Одна из двух бусин клада (хрустальная многогранная сферическая) весила 2,04 г (точный вес куны), другая (хрустальная призматическая) — 2,98 г (точный вес трех резан).

Интереснейшей находкой является обнаруженная при раскопках на Неревском конце Новгорода в 1953 г. в слое 27 яруса (вторая половина X в.)⁸⁶ пастовая глазковая бусина с отверстием для нитки, залитым свинцом; вес ее 8,16 г. То, что она использовалась в качестве гирьки, не вызывает сомнений, поэтому возможен и сознательный выбор бусины с определенным числом глазков. Количество последних на бусине, по аналогии с глазками на гирьках, позволяет выяснить ее единицу. Глазков два, следовательно, в основе бусины может лежать вес 4,08 г, абсолютно совпадающий с весом единицы сферических гирек (две куны).

За метрологические единицы могут быть признаны также медные иноземные монеты, не участвовавшие в русском денежном обращении, но довольно часто встречаемые в виде отдельных экземпляров в монетных кладах домонгольского времени, а также медные отливки с серебранных монет. Следует еще отметить, что

⁸⁴ Монгайт А. Л. Новгородские гирьки. С. 136—137.

⁸⁵ Там же. С. 137.

⁸⁶ Новгород—1953 г., раскоп Н-II, пласт 31, кв. 199.

известный медный «сребреник» Ярослава Мудрого⁸⁷ имеет вес 4,96 г, очень близкий весу удвоенной ногаты.

Отдельные находки подтверждают правильность расчета единиц и в южной денежно-весовой системе. В самом начале XIX в. генерал-инженером фон-Сухтеленом в Киеве была найдена сферическая гирька, изданная впервые академиком Ф. И. Кругом в 1807 г.⁸⁸ Она тоже изготовлена из железа, заключена в медную оболочку и весит 369 аптекарских гран (22,89 г). С одной стороны ее вырезано имя **ГЛѢБЪ** в двойном линейном ободке, с другой стороны в кругу из семи кружков цифра **з** (7). Расчет весовой величины единицы гирьки дает 3,27 г. Последняя величина весьма точно совпадает с теоретической величиной южной куны-сребреника (3,28 г), рассчитанной по монетному материалу и по весовой норме шестиугольных слитков.

Приведенный расчет подтверждается еще одной киевской находкой (1882 г.), обнаруженной вместе с обычными сферическими гирьками обломанной медной византийской монетой. Ее вес в 3,13 г⁸⁹ очень близко подходит к теоретическому весу куны-сребреника. Наконец, точно соответствует норме сребреника одна из двух свинцовых гирек новгородскогоклада 1953 г., имеющая вес 3,28 г.

Некоторое недоумение вызывает то обстоятельство, что норма сферических гирек представляет собой удвоенную куну. Казалось бы, для простоты и точности расчетов более удобны были бы гирьки кратные одной куне. Решает это недоумение обращение к южной русской системе, в которой ногата теоретически равнялась двум северным кунам. Сферические же гирьки были распространены в ареалах действия обеих систем. Соотношение последних, таким образом, было весьма рациональным и удобным. Если возникновение местных систем свидетельствует о возникновении экономической обособленности различных русских районов, то наличие переходных элементов в этих системах может говорить о сохранении общерусских экономических связей. К числу таких же

⁸⁷ Толстой И. И. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. № 109.

⁸⁸ Круг Ф. Критические разыскания о древних русских монетах. СПб., 1807. С. 199–201.

⁸⁹ Болсуновский К. В. Указ. соч. С. 8. № 8.

явлений относятся некоторые переходные формы русских денежных слитков домонгольского времени — шестиугольные слитки северного веса и слитки северной формы, но южного веса⁹⁰.

Находка сферической гирьки с русским именем и русской цифрой позволяет говорить о том, что такие гирьки производились и на территории Восточной Европы⁹¹. Отметим, что забота о контроле за весами и гирями очень рано нашла свое отражение в законодательных актах. Она проявилась в некоторых статьях так называемого устава Владимира Святославича и устава Всеволода Мстиславича. Эти уставы дошли до нас в поздних редакциях, однако можно говорить о том, что интересующие нас статьи существовали в них уже в XII в.⁹²

Со сферическими гирьками во второй половине X в., как уже отмечено выше, сосуществуют многогранные. Та же картина отмечена Т. Арне и для Скандинавии. Сравнивая их вес, Арне отмечает: «Большинство их (многогранных гирек. — В. Я.), кажется, принадлежит другой системе»⁹³. Сравнение даже того ничтожного количества многогранных гирек, которое до сих пор было обнаружено на Руси, с величинами, полученными при анализе сферических гирек, подтверждает наблюдение Арне.

Существование на Руси второй половины X в. двух систем гирек и смена в это время систем денежного обращения заставляют предполагать взаимную связь этих явлений. К сожалению, количество многогранных гирек настолько незначительно, что всякие выводы, сделанные при их изучении, могут иметь лишь очень отрывочную форму.

Большие трудности встречает исчисление весовой единицы, лежащей в основе многогранных гирек. Деление веса гирек на сумму глазков, помещенных на всех их сторонах, как в случае со сферическими гирьками, не дает результата. Более плодотворным оказалось предположение о том, что кратность единицы обозначена на них не общей суммой глазков, а количеством их на любой из сто-

⁹⁰ Bauer N. Die Silber- und Goldbarren. S. 40—44.

¹ Техника горнового обмеднения, которой обработаны гирьки, на Руси была хорошо известна и широко распространена. См.: Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси // МИА. 32. С. 182.

⁹² Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 190—220.

⁹³ Arne T. La Suède et l'Orient. P. 192.

рон. При таком подходе единицей одной из гнездовских гирек оказался вес 2,68 г, который лишь на 0,05 г отличается от теоретического веса старой общерусской куны (2,73 г).

Очень интересной оказалась одна многогранная гирька из новгородского кошелька. Она имеет по 4 глазка на четырех сторонах и по 3 на двух. Напрашивается предположение, что разница обозначений на сторонах гирьки объясняется тем, что на ней показана кратность ее веса к единицам старой и новой систем. При делении веса гирьки (3,82 г) на 4 получается величина 0,955 г, при делении на 3 — 1,27 г. Обе величины лишь на 0,1 г меньше веса как новой (северной), так и старой резан. Как показывает уравнение веса, четыре новых резаны равны трем старым.

Среди гирек новгородскогоклада 1953 г. один свинцовый грузик весит 3,52 г, что близко соответствует весу старой ногаты. Разогнутый перстень новгородского кошелька имеет вес 1,33 г, почти точно соответствующий весу старой резаны (1,36 г), а один из камешков того же набора — 0,39 г⁹⁴, что близко выведенному выше весу веверицы (0,34 г).

Таким образом, русские весовые гирьки подтверждают те конкретные выводы о весовом значении денежных знаков домонгольской Руси, которые были получены на основании теоретического расчета и массового взвешивания монет.

Существованием гирек двух систем подтверждается также сделанный ранее вывод о постепенности смены систем. Особое внимание обращает на себя новгородский кошелёк 1938 г., в котором представлены не только гирьки двух систем, но и «переходная» гирька, приспособленная к обеим системам, старой и новой.

«Отказ» русского денежного обращения от монеты

В числе аргументов, привлекавшихся в доказательство слабости денежного обращения в домонгольской Руси, немаловажное значение имеет так называемый «отказ» от употребления монеты. Как показано выше, в южнорусских областях он произошел в начале XI в., а на севере Руси в начале XII в.

⁹⁴ О весе несохранившегося камешка любезно сообщил А. Л. Монгайт.

Б. А. Романов, характеризуя состояние домонгольского русско-го денежного обращения вообще, писал, что «продолжительное бытование на территории Восточной Европы иноземных монет» было «результатом временного положения ее в международной торговле и не отражало внутренней потребности русской экономики в мелких металлических платежных знаках»⁹⁵. «Отказ» от монеты в связи с такой характеристикой монетного обращения объясняется осознанием ненужности монеты как таковой.

Выше мы пытались показать, как на протяжении IX–XI вв. потребность в монете на Руси неуклонно росла. Ход развития денежного обращения не нес с собой никаких внутренних явлений, которые диктовали бы необходимость отказа от монеты, и если тем не менее обращение монеты прекратилось на длительный период, то это имело совсем особые причины.

В нумизматической и общеисторической литературе широко распространено представление о том, что в XII в. в Древней Руси «на смену монетам пришли серебряные слитки, которые так или иначе ходили в XII, XIII и XIV вв.»⁹⁶. Это мнение правильно, однако, лишь в той мере, в какой оно противопоставляет обращение монет в IX–XI вв. обращению слитков в XII–XIV вв. Но оно глубоко ошибочно, когда смешивает и объединяет явления различной природы. Монета возникает, существует и проходит путь своего развития, удовлетворяя, прежде всего, потребности мелкого розничного товарооборота. Слитки, ни в коей мере не вторгаясь в область мелкого товарно-денежного обращения, являются наиболее удобной формой для выполнения функций средства обращения и платежа при крупных торговых и платежных операциях. Сама сущность этих столь различных денежных единиц предполагает известное «разделение труда» между ними.

Появление слитков не связано непосредственно с исчезновением из обращения монеты. Слитки, в меньшем количестве, нежели в безмонетный период, встречаются в русских кладах, датированных первой половиной IX в. и позже⁹⁷. Возникновение обращения

Романов Б. А. Деньги и денежное обращение. С. 390.

⁹⁶ Бауер Н. П. Денежный счет Русской Правды. С. 217; см. также: Арциховский А. В. Введение в археологию. М., 1947. С. 179; Он же. Основы археологии. М., 1954. С. 215.

⁹⁷ Bauer N. Die Silber- und Goldbarren. S. 5–6.

слитков связывается поэтому с самой их функцией. Массовое распространение их в безмонетный период можно отчасти объяснять их легкой и более экономичной обратимостью из денежной сферы в ремесленную. Однако, как бы то ни было, монета из обращения исчезает. Ее заменяют товар-деньги.

Чтобы правильно осмыслить «отказ» от монеты в целом, следует решить два вопроса: во-первых, был ли отказ от монеты результатом осознания ее ненужности, и, во-вторых, какой характер получило мелкое розничное денежное обращение в безмонетный период.

Археологические исследования, особенно последних лет, неопровержимо установили, что в Древней Руси IX–XI вв. существовало не только общинное ремесло, подчиненное замкнутым натуральным миркам, но и ремесло городское, (разлагающее эти мирки; последнее переживало тогда свой расцвет, имевший естественным следствием подъем внутреннего товарного обращения. «Внутренняя торговля, — пишет Б. А. Рыбаков, — успехи которой теснейшим образом были связаны с развитием ремесла и отделением его от земледелия, переживала свое цветущее время в XI и начале XII в.»⁹⁸.

Анализ письменных и вещественных источников эпохи дал Б. А. Рыбакову возможность установить те социальные группы, потребности которых удовлетворялись в значительной степени вне сферы вотчинного хозяйства, в системе спроса и предложения на городском торгу. Сюда относится свободный ремесленный посад, затем свободная дружина и иностранцы (послы, воины-наемники, приглашенные мастера, торговцы и т. д.). Наличие в городе этих социальных групп создавало, прежде всего, постоянный спрос на продукты питания, который не мог иметь иного характера, кроме мелкого, розничного. Спрос рождал предложение, идущее в значительной степени и извне, из деревни, вступившей на путь разложения. «Русская Правда и Киево-Печерский Патерик, — пишет Б. А. Рыбаков, — очень живо изображают нам киевский торг. Здесь можно было купить мясо, мед, соль, пшеницу, рожь, просо, овес, хмель, овощи, рыбу, молоко, печеный хлеб, сыр, масло».

«Появление на рынке продуктов питания говорит о том, что пригородные крестьянские (а может быть, и боярские) хозяйства

⁹⁸ Рыбаков Б. А. Торговля и торговые пути. С. 363.

втягиваются в товарные отношения. На торгу можно обзавестись скотиной и живностью, здесь продают коней, коров, овец, свиней, коз, гусей, уток, кур; можно купить и сена для скота, и дров для отопления жилища...».

«Также в отношении ремесленной продукции можно установить связь деревни с городским рынком: в конце X в. было обычным явлением, что, например, житель окрестного села Питьбы вез в Новгород воз горшков на продажу»⁹⁹.

Мелкий товарооборот рос и укреплялся, конечно, не только за счет спроса и предложения продуктов питания. В обороте городского рынка немалое значение имела продукция городского ремесла. Б. А. Рыбаков устанавливает и приводит список 67 ремесел, известных на Руси в IX–XIII вв., оговариваясь, что этот список даже преуменьшен¹⁰⁰. В XI в. русское ремесло переживало чрезвычайно важный этап: в связи с ростом спроса городские мастера все больше и больше переходили от работы на заказ к работе на рынок. «Примерно в середине XI столетия у различных ремесленников появляется тенденция к ускорению процесса производства, к его некоторой механизации (кропотливая чеканка сменяется штампованием на матрицах); литейщики, озабоченные выпуском массовой продукции, переходят к литью в долговечных каменных литейных формах»¹⁰¹. Письменные и вещественные памятники хорошо отражают значительность продукции ремесленников на городском торгу. Исследования Б. А. Колчина показали также, что существовал значительный сбыт качественной продукции городского ремесла в деревню того времени¹⁰².

Таким образом, развитый мелкий товарооборот не только существовал в XI–XII вв., но имел при этом неуклонно осуществлявшуюся тенденцию к дальнейшему расширению за счет увеличения производительности труда ремесленников и умножения участвовавших в этом обороте социальных групп. Отказ от монеты, следовательно, не мог быть вызван внутренними причинами. Причины прекращения ввоза иноземной монеты нужно искать за предела-

⁹⁹ Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 361.

¹⁰⁰ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. С. 509.

¹⁰¹ Там же. С. 432.

¹⁰² Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. С. 188–208.

ми русских земель. Действительно, как уже говорилось выше, ввоз восточной монеты прекратился в результате сильнейшего кризиса, который на три столетия парализовал производство серебряной монеты и обращение серебра в самих странах Востока. Что касается прекращения ввоза западной монеты, то она к началу XII в. по существу перестала быть серебряной в результате фискальной эксплуатации и потеряла способность участвовать в международной торговле. «Отказ» от монеты для Древней Руси был не сознательным, а вынужденным. Он вызывался исключительно фактическим состоянием материальной базы русского серебряного обращения — ввоза иноземной монеты. Ввоз серебра, прекратившийся на рубеже XI—XII вв., в дальнейшем не мог возобновиться, по крайней мере до конца XIII в. Немецкая агрессия и постоянная военная борьба на западных рубежах русских земель снижали до минимума возможности притока ценных металлов на Русь. Нет сомнения в том, что возобновление притока серебра после того, как условия мирной торговли были восстановлены, создавая благоприятный для Руси баланс серебра, немало способствовало введению собственной русской монеты во второй половине XIV в. и поддержанию ее чеканки в последующее время.

Однако, поставив «отказ» от монеты и возобновление ее чеканки в связь только с поступлением серебра из-за рубежей Руси, мы не решаем проблему в целом. Несмотря на то что ввоз серебра прекратился на долгий период, наличные запасы его в Восточной Европе были громадны. Достаточно сказать, что во второй половине XIV в., когда началась чеканка монет русскими князьями, общее количество серебра на территории Руси было неизмеримо меньшим, нежели в начале XII в. Ордынский выход, лишавший Русь ежегодно значительных количеств серебра, был таким, что на его основе уже во второй половине XIII в. стала возможной массовая чеканка джучидской серебряной монеты. На Руси же в течение двух с половиной (а на юге — трех с половиной) веков продолжался безмонетный период. Громадное количество серебра в это время оставалось в обращении, но в виде крупного номинала — денежных слитков.

Можно говорить поэтому, что среди причин, определивших существование на Руси длительного безмонетного периода, были не только неблагоприятные для Руси условия сырьевой базы чеканки, но и отсутствие экономической и политической организации обращения монеты.

Отсутствие такой организации в несколько отличных исторических условиях демонстрирует неудачный опыт монетной чеканки Владимира Святославича и Святополка. Уже в это время фонд серебра существовал только в распыленном виде. Сокровищницы князей, бояр, купечества были многочисленны, но недостаточно обширны для того, чтобы питать обращение. Только концентрация единого крупного фонда денежного металла, к тому же постоянно пополняемого, создает возможность насытить каналы товарного обращения собственной монетой и сделать монетную чеканку экономически выгодной.

Большой ущерб образованию такого фонда или таких фондов на Руси, несомненно, нанесло татаро-монгольское нашествие. Однако, лишая Русь значительной части запасов серебра, татары многое сделали для организации накопления денежного металла в единых сокровищницах, насадив целую систему централизованного выколачивания дани. Ордынский выход имел своим следствием перераспределение фондов серебра, которое из распыленного состояния концентрировалось в единых хранилищах. Создание таких фондов позволило Джучидам наладить массовый выпуск собственной монеты, который прекратился вместе с прекращением их господства над Русью.

В процессе борьбы с татарами русские князья, бывшие сначала посредниками ханов при взимании дани, постепенно превращались в полновластных хозяев тех фондов серебра, которые прежде передавались в Орду. Этот процесс летопись отразила в легенде о прозвище Ивана Калиты. В течение XIV в. идет параллельное образование крупных внутрирусских фондов денежного металла, легших затем в основу чеканки Москвы, Твери, Нижнего Новгорода, Рязани, Новгорода, Пскова и т. д. Образование таких фондов является следствием более общего исторического процесса возвышения в ходе борьбы с татарами русских великих княжеств и городов.

Низвержение татаро-монгольского ига позволило русским князьям заступить место золотоордынских ханов, дав им в руки оружие пополнения своих сокровищниц в виде созданной татарами системы выхода.

Нам представляется, что развитие политических институтов Древней Руси в XIV в. — от феодальной пестроты и чересполосицы к возвышению и централизации немногих, но крепких в поли-

тическом отношении русских государств, — было одним из условий, необходимых для возобновления собственной русской монетной чеканки. Более того, по-видимому, даже в условиях благоприятного ввоза серебра на Русь, но при отсутствии централизации собственная чеканка, начавшись во второй половине XIV в., могла бы просуществовать очень недолго, т. к. нескольких эмиссий было бы достаточно для полного истощения слабо пополняемых фондов.

Мы затронули здесь наиболее общие и принципиальные вопросы истории безмонетного периода, не коснувшись конкретных особенностей возобновления собственной монетной чеканки в разных русских центрах. Хронологическая очередность возобновления чеканки разными русскими княжествами и городами могла диктоваться главным образом соображениями об экономической целесообразности и выгоды введения собственной монеты. В частности, Новгороду, ведшему крупные оптовые торговые операции и обладавшему более солидными запасами серебра, чем Москва, по-видимому, выгоднее было не чеканить собственную монету, а перепродавать сырье в виде слитков. Этим может быть объяснено странное, на первый взгляд, обстоятельство — Новгород, по крайней мере, на 50 лет отстал от Москвы с введением собственной чеканки.

«Отказ» от монеты объясняется, таким образом, как состоянием ввоза серебра в Восточную Европу, так и феодальной раздробленностью Древней Руси, достигшей наибольшего развития именно в безмонетный период.

Важнейшей проблемой изучения древнерусского денежного обращения является вопрос о формах розничного обращения в безмонетный период. Как уже говорилось выше, наибольшим распространением пользуется теория обращения в этот период меховых денег. Она опирается на ряд вполне достоверных свидетельств; тем не менее вряд ли можно признавать за «меховыми деньгами» роль всеобщего средства обмена. Нет сомнения, что меховые ценности могли выполнять временные функции денег на пути от производителя к потребителю. Такая их роль наиболее возможна в условиях крупных международных рынков, и не случайно большинство свидетельств об обращении на Руси мехов принадлежит иностранцам и так или иначе связывается с вопросами международного обмена и с русскими центрами последнего.

Однако размеры такого обращения могут быть только очень ограниченными. Употребление пушины в качестве средства обращения может быть только эпизодическим в силу ее непрочности. Последняя является непреодолимым препятствием к стандартизации оценки шкур, т. к. и в безмонетный период всеобщим эквивалентом остается серебро. Изнашиваемость товаро-денег, таким образом, противоречит основному условию сохранения систем. Соблюдение же стандартизации оценки в сочетании с падением потребительной стоимости товаро-денег превращает последние в кредитные знаки, существование которых в условиях простого денежного обращения неизбежно замыкается в рамки частного кредита — иными словами, в очень узкие территориальные и временные рамки обращения.

Необходимым условием для того, чтобы какой-либо товар приобрел функции денег, употребляемых на более значительных территориях, является его устойчивая однообразная стоимость, а следовательно, и стандартность.

Если для адептов буржуазной теории о чисто промысловом характере экономики Древней Руси представления о меховых ценностях как о всеобщем средстве обращения были вполне закономерным развитием их основных взглядов, то для нас представления о русском ремесленнике, производящем продукт на продажу, а за деньгами бегающем в соседний лес, несовместимы ни с каким здравым смыслом.

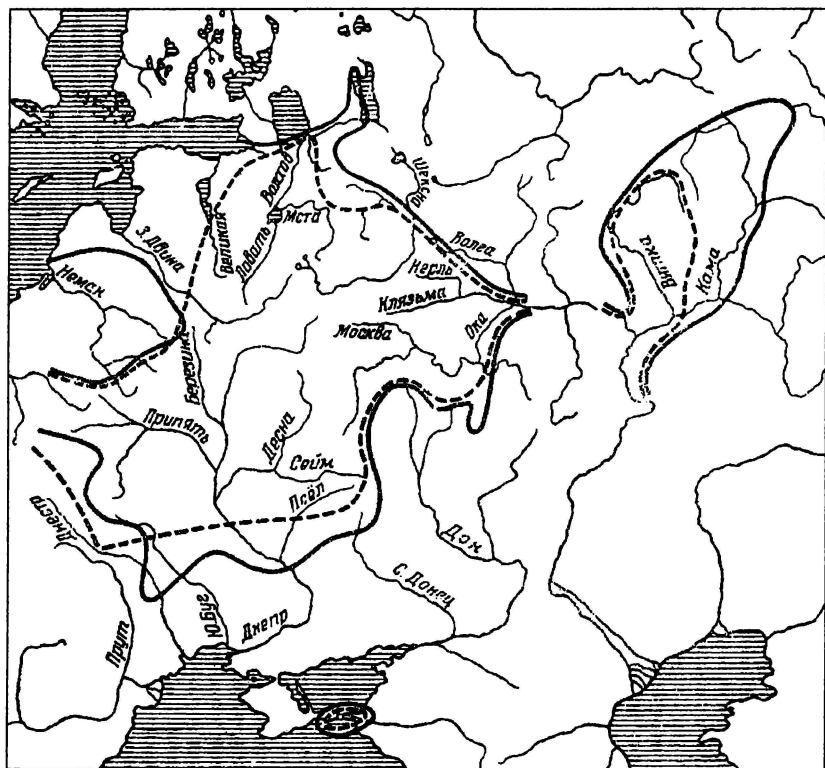
Мы знаем целый ряд широко распространенных в Древней Руси предметов, предельная стандартизация которых не могла не определять их устойчивой стоимости. К таким предметам относятся в первую очередь различные бусы. Бусы встречены вместе с монетами неоднократно. Нам известны факты их совместного нахождения с монетами в Новгородском кладе 1953 г., в Стародединском кладе, в Гнездовских кладах 1885 г.¹⁰³ и 1909 г.¹⁰⁴, в кладе, найденном в Вендау¹⁰⁵. М. К. Картером в 1949 г. при раскопках землянки XII—XIII вв. на территории Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве вместе с бронзовой чашечкой от весов, четырьмя свинцовыми гирьками, медной византийской монетой, шести-

¹⁰³ *Марков А. К.* Топография... С. 43. № 239.

¹⁰⁴ ОАК за 1909—1910 гг. СПб., 1913. С. 203.

⁵ *Марков А. К.* Топография... С. 19. № 110.

угольным слитком и рядом других предметов было обнаружено 1339 бус (1274 хрустальных и 65 сердоликовых), рассыпанных из корчаги¹⁰⁶. Принадлежность землянки ремесленнику не может быть доказана, т. к. каких-либо отходов производства и ремесленного инвентаря в ней не обнаружено.



— Территория обращения серебра в домонгольское время (см. карты 2–7)
----- Территория распространения розовых шиферных пряслиц (по Б. А. Рыбакову)

Рис. 53

Весьма высокой стандартизацией отличаются и овручские шиферные пряслища, которые бытуют на юге с начала безмонетного

¹⁰⁶ Каргер М. К. Новые данные к истории древнерусского жилища // КС ИИМК. Вып. 38. М.; Л., 1951. С. 11.

периода (вторая половина X в.) и быстро распространяются на всей территории Руси. Они неоднократно отмечены в вещевых кладах, встречаются и вместе с монетами¹⁰⁷, а в Пскове при раскопках 1954 г. были обнаружены вместе с западноевропейскими монетами в кошельке. Необычайная распространенность пряслиц как количественная, так и территориальная говорит сама за себя.

Следует обратить внимание на детальное совпадение границ области русского домонгольского серебряного обращения и ареала распространения шиферных пряслиц (рис. 53). Оно никак не может быть объяснено предположениями об этнической замкнутости сбыта шиферных пряслиц¹⁰⁸. Пряслица проникают и за пределы Руси: они обнаружены в Риге и Прикамье. Распространение их точно следует по путям распространения серебра.

Наконец, аналогичную картину дает также и распространение стеклянных браслетов¹⁰⁹. «Клад» последних был однажды обнаружен на Волыни в с. Збранка¹¹⁰.

Высказывая предположение о такой побочной роли бус, пряслиц и браслетов, мы не можем подтвердить его какими-либо данными о действительной стоимости этих предметов, однако сам принцип их оценки, основанной на стандартизации, наиболее соответствует возможности превращения их в товаро-деньги, приемлемые на значительной территории.

¹⁰⁷ Кондаков Н. П. Русские клады. Т. I. СПб., 1896. С. 127; Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. С. 137.

¹⁰⁸ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. С. 466–471.

¹⁰⁹ Там же. С. 397–398.

¹¹⁰ Там же. С. 469.

Глава VI

ВОПРОС О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОСНОВНЫХ РУССКИХ ДЕНЕЖНО-ВЕСОВЫХ ЕДИНИЦ

Материалы, собранные и изученные в предыдущих главах, устанавливают основной принцип возникновения в русском, денежном обращении новых денежно-весовых систем. Их образование происходит на основе большой устойчивости оригинальной по своему происхождению системы русского денежного счета. Как бы не изменялась абсолютная величина денежно-весовых единиц, структура этих единиц остается в общем неизменной.

Новые весовые единицы, заимствуемые Русью из сферы международного обмена ценными металлами и наиболее часто употребляемые в таком обмене, включаются в систему денежного счета и порождают на ее основе новые оригинальные единицы. Таким образом, во всякой русской денежно-весовой системе домонгольского времени можно различать два элемента — оригинальный и заимствованный.

В свое время Н. П. Бауер отстаивал теорию позднего происхождения русских весовых единиц и русской системы счета и заимствования этих единиц из Скандинавии. Выше мы пытались показать, что в действительности западное влияние начинает сказываться только тогда, когда русские денежно-весовые системы прошли длительный путь самостоятельного развития.

Концепция Н. П. Бауера о позднем происхождении русских весовых единиц неверна. Однако и отрицать полностью наличие в северной русской денежно-весовой системе западных элементов невозможно. Она возникает в середине X в. в обстановке сильнейшей анархии весовых норм восточной монеты и значительного усиления торговых связей Древней Руси с Западной Европой. До

этого, в течение IX и первой половины X вв., когда дирхем сохранял единообразие веса, он оценивался по счету на всей территории его распространения в Европе. Прием его в Западной Европе был мало отличным от приема на Руси. В частности, есть основания предполагать, что половинками дирхемов были загадочные монеты, курсировавшие в IX—X вв. на территории Баварии и называемые в источниках семидрагмами (т. е. полудрахмами)¹.

После того как в начале X в. чекан дирхема ухудшился, прием восточной монеты на Западе, так же как и на Руси, не мог уже оставаться счетным. Западная Европа, к этому времени уже чеканившая собственную монету, должна была пользоваться в практике приема серебра теми же денежно-весовыми единицами, которые лежали в основе ее систем чеканки.

Добавим, что в отличие от торгового взаимодействия с Востоком, которое осуществлялось через посредников, связи восточных славян с Западом были, несомненно, конкретнее и выражались во взаимных посещениях, создающих обстановку для непосредственного знакомства с употреблявшимися на Западе мерами, что не могло не способствовать взаимному проникновению приемов исчисления денежных сумм.

Весовые показатели единиц северной русской денежно-весовой системы тесно связаны с хорошо известным 96-золотниковым фунтом. Гривна серебра составляет половину этого фунта, гривна кун северной системы равна его восьмой части, а единицы сферических гирек составляют ровно его сотую часть. Этот фунт хорошо известен в Скандинавии. И. И. Кауфман, а вслед за ним и Т. Арне² считали, что 96-золотниковый фунт пришел в Скандинавию через Русь в виде счетного арабского так называемого иракского ратля весом в 409,32 г. Действительно, этот ратль со времен халифа Абдул-Малика (685—705 гг.) лежал в основе чеканки большинства мусульманских городов вплоть до прекращения ее в X—XI вв.³ Однако о перенесении его в Западную Европу через Русь говорить не приходится. Первые денежно-весовые единицы в русском де-

Lewicki T. Z dziejów pieniądza arabskiego w Europie Wschodniej // Archeologia. III. Warszawa; Wrocław, 1952. С. 226.

² Арне Т. *Op. cit.* P. 182.

³ Decourdemanche J. Etude metrologique et numismatique sur les misqals et dirhems arabes. Paris, 1908. P. 9.

нежном обращении, которые можно было бы считать фракциями 96-золотникового фунта, появляются только в середине X в., тогда как Западная Европа знает величину в 409 г гораздо раньше. В частности, в средневековой Европе весовая единица в 409,3 г хорошо известна в VIII–XI вв. под именем фунта Карла Великого¹. Варианты этой единицы, а также ее половинной части (марка) бытуют в Западной Европе до настоящего времени⁵. Этот фунт, как доказано целым рядом исследователей, и лег в основу систем чеканки западноевропейского денария.

Единицы северной денежно-весовой системы Древней Руси возникают за полвека до проникновения в Восточную Европу первых западноевропейских монет. Сферические гирьки новой системы распространяются уже в середине X в. Точно такие же гирьки в Скандинавии известны из комплексов еще IX в.⁶ Эти гирьки распространяются не с Востока, как думал Т. Арне, а с Запада. Северная Русь заимствует в середине X в. западноевропейскую единицу не на основе употребления денария, а на основе употребления западных весовых единиц при сбыте на Запад ухудшившегося в весовом отношении дирхема.

Заимствуя одну из употреблявшихся на Западе единиц, Русь не переносила на свою почву западную систему. На основе заимствования мелкой единицы и употребления древнего русского денежного счета в северной Руси строится оригинальная система новых денежно-весовых единиц во главе со своеобразной гривной весом в 51,19 г. Эта система укрепляется в XI в., когда на место сбыта восточной монеты приходит потребление западноевропейского денария, нормы которого совпадают с нормами русской денежно-весовой системы. Не без влияния западных весовых единиц происходит, по-видимому, и укрупнение гривен кун в гривну серебра, вес которой повторяет вес западной марки.

По-иному происходит возникновение южной денежно-весовой системы. Южная Русь была оторвана от западных международных рынков торговли серебром. В середине X в. она вышла и из системы распространения восточного дирхема. Именно в этот момент укрепляются ее связи с Византией. В нумизматическом материале

¹ Монгайт А. Л. Рязанские гирьки. С. 64.

⁵ Соколов В. А. Справочник мер и весов. М.; Л.: Внешторгиздат, 1936. С. 70.

⁶ Arne T. Op. cit. P. 185.

укрепление этих связей можно иллюстрировать прослеживаемым покладам начавшимся во второй половине X в. появлением византийского милиарисия в русском обращении. Таких находок немного; известно всего около 30–40 единичных монет в составе куфических кладов и кладов денариев, однако подавляющее большинство находок приходится на последнюю четверть X–XI вв.⁷ Следовательно, в это время возникает не только обособленность южнорусских территорий от остальных русских земель, но укрепляются их торговые связи с Византией. И мы видим, что в основу южной денежно-весовой системы ложится единица, производная от византийской литры — киевская литра. Система русского денежного счета сохраняется и порождает целый ряд мелких единиц, одной из которых являются русские сребреники.

Оба названных заимствования — явления позднего происхождения. До появления на Руси новых денежно-весовых систем в течение полутора столетий в Восточной Европе бытует гривна весом 68,22 г. К какому времени относится возникновение этой гривны? Откуда и каким путем она проникла в Русь? Эти вопросы настолько же сложны, насколько интересны.

И. И. Кауфман был глубоко убежден в заимствовании первоначальной русской весовой единицы с Востока. Однако этой единицей он считал 96-золотниковый фунт, который, как выяснилось, на Западе бытует задолго до появления его в Восточной Европе. Теория И. И. Кауфмана в целом оказалась ошибочной. Тем не менее вряд ли правильным будет вообще огульно отрицать возможность заимствования крупных единиц с Востока вместе с куфическим дирхемом. Во всяком случае, возможность такого заимствования следует проверить тем более, что сама система древнерусских весовых единиц, основанная на гривне весом 68,22 г, возникает не ранее начала IX в., т. е. с началом оживленной восточной торговли и связанного с ней активного проникновения на Русь серебряного дирхема.

Могла ли гривна весом 68,22 г быть заимствованной с Востока в начале IX в.? Некоторые основания для положительного ответа на этот вопрос как будто имеются. Гривна в 68,22 г находится в рациональном отношении к одной из арабских весовых единиц — к так называемому ратлю антиохийской группы, составляя ровно

⁷ Янина С. А. Неревский клад куфических монет X в. С. 185.

1/8 последнего. Этот ратль впоследствии был известен на Руси под именем бухарского ансыря: «Ансырь досюда был Бухарский, весит пол 3 гривенки малых и 8 золотн., а всего в ансыре 128 золотников»⁸.

Однако эти предположения не находят почвы в действительной истории русской денежно-весовой системы IX–X вв. В основе чеканки дирхема, обращавшегося на Руси, лежал не антиохийский ратль в 545,28 г, а иракский ратль в 409,32 г. Антиохийский ратль не применялся в чеканке и счете монет. Он был чисто весовой величиной. Если в основе иракского счетно-весового ратля лежал реальный дирхем-монета, то в основе антиохийского ратля лежала весовая теоретическая единица — легальный мискаль весом в 5,666...г.⁹

Следует особо отметить, что ни иракский, ни антиохийский ратли не были арабскими по своему происхождению. На средневековом Востоке иракский ратль точно повторяет вес золотой вавилонской мины (409,32 г), а антиохийский ратль повторяет вес серебряной вавилонской мины (545,75 г)¹⁰. Единицы ассиро-вавилонской системы, возникнув в глубокой древности, в дальнейшем получили распространение не только на Востоке, но и в Европе.

Для решения вопроса о происхождении древнейшей русской гривны важно то, что обозначающий ее термин широко распространен не только у восточных, но и у западных славян. Единство терминологии, несомненно, опирается на древнее единство самой весовой единицы. К сожалению, о величине некоторых западноевропейских гривен мы можем судить только по позднейшим данным. Однако и эти позднейшие гривны обнаруживают явное родство с серебряной вавилонской миной. 559,786 г весила моравская гривна, 565,786 г — одна из краковских гривен¹¹. Родство древнейшей русской гривны с гривнами западных славян убеждает в том, что ее возникновение относится ко времени, более отдаленному, чем начало IX в. В IX в. подобное родство уже не могло воз-

⁸ Торговая Книга. С. 114.

⁹ *Decourdemanche J.* Traité pratique des poids et mesures des peuples anciens et des arabes. Paris, 1909. P. 46.

¹⁰ *Кауфман И. И.* Русский вес... С. 157.

¹¹ *Кауфман И. И.* Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX в. // Зап. Нумизмат. отд. ИРАО. Т. II. Вып. 1–2. СПб., 1910. С. 16, примеч.

никнуть, т. к. для него не существовало оснований в необходимой для этого тесной экономической общности восточных и западных славян.

Само своеобразие русской денежно-весовой системы, которое свойственно ей с самого начала обращения дирхема в Восточной Европе, говорит о том, что русская денежная система образовалась не на пустом месте. Если бы структура вновь образующейся системы не опиралась на какие-то местные традиции, вместе с дирхемом была бы заимствована и чисто восточная система его чеканки. На Руси появился бы иракский ратль весом в 409 г, лежащий в основе чеканки дирхема, а гривна приравнялась бы 144, или 72, или 36, или 18 дирхемам-кунам. Между тем восточные славяне берут от Востока только куну-дирхем, а прочие единицы системы, в том числе и гривна, оказались с дирхемом в совершенно оригинальном соотношении. В русской системе в начале IX в. соединились два разнородных элемента — куна-дирхем, чеканенный на основе ратля в 409,32 г, и гривна, являющаяся теоретической частью иной единицы — древней серебряной вавилонской мины. Это кажущееся искусственным соединение разнородных элементов также свидетельствует не об одновременном их заимствовании, а скорее о предшествовании одного другому на территории Восточной Европы.

Поскольку в начале IX в. была заимствована куна-дирхем, гривна в 68,22 г должна быть, по-видимому, более древним элементом.

Возникновение этой весовой единицы, находящей ближайшие аналогии в единицах некоторых западнославянских народов, а терминологические аналогии у большинства западных и южных славян можно относить только ко времени общеславянского взаимодействия с римским миром, т. е. к первым векам н. э. В эту эпоху на всей территории расселения славян бытовала однообразная по своему типу и весу римская серебряная монета, употребление которой должно было порождать однообразные нормы ее приема¹². В установлении метрологической связи норм приема рим-

¹² На связь термина «куна» с римской монетой может указывать то обстоятельство, что он употреблялся не только славянами, но и другими народами, знавшими употребление римского денария. Ср. старофризское *skilling cona*, английское *coin* в значении монета. И. И. Толстой связывает этот термин с латинским *cuneus*. Последнее слово и ряд других того же

ского денария в Восточной Европе с позднейшими нормами принятия дирхема лежит единственная, на наш взгляд, возможность установить древность весовой гривны, бытовавшей у восточных славян в IX — первой половине X в.

Мы имеем все основания отыскивать эту связь, т. к. она уже установлена для некоторых других мер. В настоящее время ни у кого не вызывает сомнений причина детальнейшего совпадения русских средневековых мер сыпучих тел — четверика и полосины — с древними римскими мерами — амфореусом и медийном¹³. Это совпадение является генетическим, образовавшимся благодаря усвоению римских мер восточными славянами в начале н. э. Если на протяжении многих веков сохранились неизменными меры измерения хлеба, тем больше оснований ожидать такого же сохранения и мер измерения драгоценного металла. После того как прекратился ввоз серебра в виде римской монеты и вплоть до начала ввоза дирхема, Восточная Европа не пользовалась какими-либо другими источниками серебра. Следовательно, меры измерения металла, возникнув в первых веках н. э., не могли испытывать никаких чужеродных влияний вплоть до начала IX в.

Первостепенное значение для наших целей должно иметь определение наиболее характерной для кладов Восточной Европы группы серебряных римских монет. Выделив такую группу и установив ее весовую норму, мы сможем говорить и о восточнославянских нормах приема такой монеты. Разумеется, наиболее прямым и действенным путем для выделения определяющей группы монет могло бы явиться исследование самих кладов римского серебра. Однако римским монетам наших кладов менее, чем каким-либо другим, повезло в научной организации их хранения. Монеты этих кладов систематически и с особым рвением использовались для пополнения коллекций различных музеев, в силу чего клады разобщались и обезличивались. Фиксация кладов ограничивалась, в лучшем случае, подсчетом монет и суммарным описанием

корня употреблялись в римской терминологии монетной чеканки. См.: Толстой И. И. Псковские монеты. СПб., 1886. С. 12, примеч.; C. Du Cange. Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis. T. I. Ч. 2. Basileae, MDCLXII. P. 622, 669.

¹³ Беляев Н. Т. О древних русских мерах // Seminarium Kondacovianum. T. I. Prague, 1927; Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. С. 43; Кротошкин В. В. Клады римских монет в Восточной Европе. № 4. 1951. С. 250 и сл.

их хронологического состава. Детального взвешивания монет не производилось. Гибель кладов с коллекциями музеев Украины, подвергшихся разграблению фашистскими захватчиками в годы Отечественной войны, свела на нет те незначительные возможности, которые имелись для непосредственного метрологического изучения римских монет, бытовавших в Восточной Европе. Один из немногих кладов, сохранившихся неразобщенными, хранится в Эрмитаже, но, к сожалению, происхождение его не установлено. Ниже его метрологические данные использованы для контроля наших выводов.

Основанием для выводов может быть изучение хронологического состава римских кладов. Для римского денежного обращения характерно преимущественное преобладание в определенные его периоды определенных серебряных номиналов, что при детальной регламентации монетного дела в Римской империи и достаточно полной изученности весовой эволюции серебряной римской монеты само по себе служит основой для реконструкции весового состава несохранившихся кладов Восточной Европы.

Благодаря ценным исследованиям В. В. Кропоткина, составившего топографическую сводку кладов римских монет в Восточной Европе¹⁴, мы теперь можем говорить о хронологических этапах проникновения римских монет в Поднестровье и Поднепровье. Начало этого проникновения связано с первым этапом оккупации римлянами отдельных пунктов на северных берегах Понта. Монеты Нерона и Веспасиана, относящиеся к этому времени, хотя и немногочисленны, однако они становятся неотъемлемой принадлежностью многих позднейших кладов. Наиболее ранние из этих кладов датируются I в. н. э. Временем наибольшего распространения римских монет является конец I в. и весь II в., причем максимума ввоз римских монет достигает во времена Антонина Пия и Марка Аврелия (138–180 гг.). Падение ввоза отмечается со времени Септимия Севера (193–211 гг.) и к середине III в. приобретает катастрофический характер. Если из 67 кладов, суммарный состав которых известен, 56 относятся ко времени с 98 по 235 г., то ко времени с 268 по 565 г. относится

¹⁴ *Кропоткин В. В.* Клады римских монет в Восточной Европе. № 4. 1951. С. 243–281; *Он же.* Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР // ВДИ. № 3. 1954. С. 152–180.

только 11 кладов (из них 4 — ко второй половине III в., 4 — к IV в., 3 — к V в.)¹⁵.

Количество монет разных веков в подсчитанных кладах еще более ярко характеризует активность проникновения в Восточную Европу римских монет во II в. Если к I в. относится только 26 монет, то монет II в. в подсчитанных кладах обнаружено уже 1540. С начала III в. обнаруживается резкое падение их количества: к первой половине III в. относится лишь 32 монеты, ко второй половине — 76 монет, к IV в. — 94, наконец, к V в. — 238¹⁶. Те же результаты дает и подсчет находок по периодам. На время от Нерона до Септимия Севера падает 541 находка из общего числа 679, на III—IV вв. — 113¹⁷. Среди последних наибольшую группу составляют монеты Константина и его преемников (IV в.), происходящие главным образом из находок на территории Прикарпатья¹⁸.

Цифры показывают, что наиболее распространенной в количественном отношении была монета II в. Монетой, определяющей состав римского серебряного обращения этого времени, является денарий с весовой нормой, установленной при Нероне в $\frac{1}{96}$ римского фунта, т. е. в 3 скрупула (3,41 г)¹⁹. Этот денарий сохраняет свой вес на всем протяжении II и первой половины III в., однако постепенно теряет чистоту металла. Начавшаяся еще при Нероне порча монеты путем добавления к серебру лигатуры становится особенно заметной к концу II в., когда количество лигатуры подходит к 50 %²⁰. В этом обстоятельстве нельзя не усмотреть одну из основных причин уменьшения ввоза денария в Восточную Европу, отмечающегося именно с конца II в. В 214 г. Каракалла предпринял попытку преодолеть наступающий серебряный кризис выпуском монеты большего размера и веса, так называемых «антонинианов», весом 4,7–5,3 г²¹. Эти монеты, имевшие такое же содержание, как и денарий, и обращавшиеся с принудительным

¹⁵ Крпоткин В. В. Клады римских монет в Восточной Европе. С. 248 и табл. между с. 246–247.

¹⁶ Там же. См. указ. табл.

¹⁷ Брайчевский М. Ю. Знахідки римських монет на території УРСР // Археологія. III. Київ, 1950. С. 96.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. 16. М.; Л., 1951. С. 53.

²⁰ Зограф А. Н. Указ. соч. С. 54.

²¹ Там же.

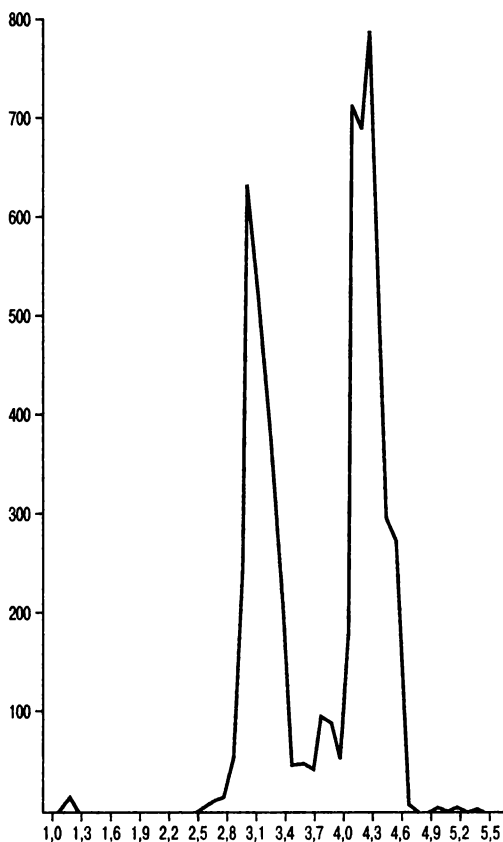


Рис. 54. Весовая диаграмма Безымянного клада римских монет 192—251 гг. По 5441 экз. коллекции Эрмитажа

курсом, быстро падали в цене и к моменту полного вытеснения ими денария в середине III в., превратились в чисто медную монету с содержанием серебра в 2—4 %²².

Хорошей иллюстрацией к сказанному выше является упомянутый Эрмитажный безымянный клад²³. Отсутствие паспортных данных тем более печально, что клад принадлежит к числу наибо-

²² Там же.

²³ Гос. Эрмитаж, Отд. нумизмат., кн. поступл. 583, № 905.

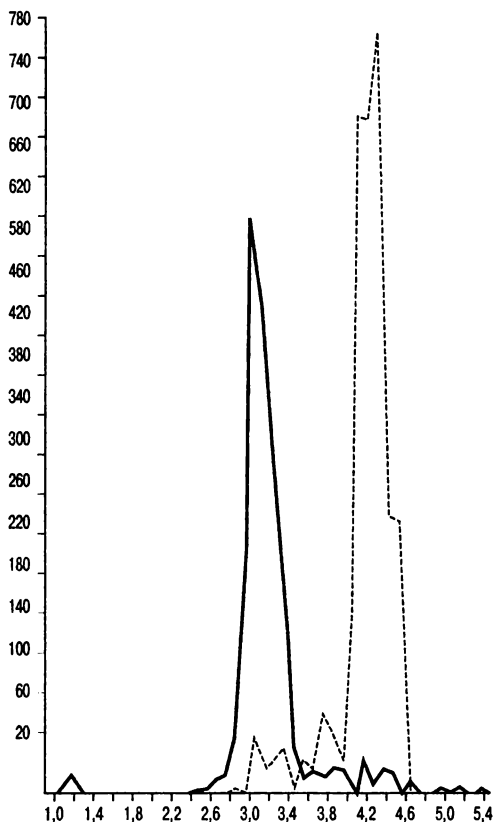


Рис. 55. Дифференцированная весовая диаграмма Безымянного клада римских монет. Эрмитаж

лее замечательных в научном отношении. Это самый большой русский клад римских монет: он содержал 5441 монету общим весом 20 кг 745,31 г. Значительный интерес представляет его хронологический состав. Будучи составлен из монет начиная от Пертинакса (192–193 гг.) и кончая Траяном Децием (249–251 гг.), т. е. за период в каких-нибудь 60 лет, он не может быть кладом длительного накопления. Более того, 3259 монет в нем относятся к крайне незначительному периоду правлений Гордиана III, Филиппа-отца, Филиппа-сына и Траяна Деция (238–251 гг.), а из остальных 2182 экз. — 726 монет относится к 222–238 гг. Это позволяет за-

ключить, что клад верно отражает состав монетного обращения в Восточной Европе в середине III в. Время зарытия его как нельзя лучше совпадает с периодом катастрофической порчи монеты, т. е. с сильнейшим потрясением общественного обмена, какими обычно вызывается зарытие кладов в обществах, имеющих денежное обращение, и только в них.

Метрологический анализ состава клада позволяет выделить в нем две резко отграниченные группы (рис. 55): с весом 2,9–3,4 г (1980 экз.) и с весом 4,0–4,6 г (2949 экз.). Остальные 512 экземпляров в основном являются потертыми монетами обеих выделенных групп. Отмеченные группы хронологически исключают друг друга, что можно видеть на дифференцированной диаграмме (рис. 55). Первая объединяет более легкие денарии времени Пертинакса – Бальбина (192–238 гг.), вторая – более тяжелые обесцененные антонинианы Гордиана III и его ближайших преемников (238–251 гг.). Сохранение веса денариев, установленного Нероном, вплоть до момента исчезновения этого номинала из обращения клад демонстрирует достаточно наглядно.

Таким образом, на протяжении двух веков в Восточную Европу ввозилась однообразная монета с постоянным весом, равным 3,41 г.

Важнейшей особенностью римских кладов Восточной Европы является полное отсутствие в них обломков и обрезков монет. То, что монета принимается и обращается, не подвергаясь дальнейшей обработке, свидетельствует о счетном ее приеме в обращении. Весовая норма денария сама была единицей измерения монет. В противном случае следы приспособления денария к уже существующему весовому масштабу неизбежно должны были бы сохраниться. Напомним, что в польских кладах XI в. переживающий римский денарий первых веков н. э. подвергается разламыванию наряду с дирхемом и западноевропейским денарием, нормы которых не соответствовали принятым в обращении XI в. единицам²¹.

²¹ См.: Gumowski M. *Polskie skarby monet X–XI wieku*. Warszawa, 1953. С. 17, 23, 130, 150.

Вопрос о характере бытования римской монеты первых вв. н. э. на территории Восточной Европы до сих пор признается спорным. Если М. Ю. Брайчевский, взгляды которого мы разделяем, настаивает на том, что римская монета употреблялась населением Черняховской культуры главным образом в качестве средства денежного обращения, то В. В. Кро-

Поскольку денарий принимался по счету, более крупные весовые единицы могли построиться только на его основе. Выше мы предположили, что одной из таких единиц должна быть гривна в 68,22 г, бытовавшая в IX — первой половине X в. в Восточной Европе. Если это так, то ее соотношение с римским денарием должно быть метрологически закономерным.

Разделив вес гривны на вес денария, мы узнаем, что в гривне содержалось ровно 20 денариев. Это соотношение не кажется случайным; оно повторяется впоследствии в X в. в соотношении ногаты и гривны. Более того, счет на 20 является, по-видимому, присущим восточному славянству в наиболее ранний период. Счет на 20, на 40, на 80 в письменный период русской истории сохраняется лишь в виде пережитка, однако некогда он был распространен в значительной степени. Сороками или «сорочками» до самого позднего времени подсчитывалась пушнина, некоторые элементы этого счета можно наблюдать в структуре ряда русских метрологических систем: к их числу относятся равенство бочки — 40 ведрам, ведра — 40 сороковкам, пуда — 40 большим или 80 малым гривенкам. Выпадение самого термина «сорок» из общей схемы образования числительных, обозначающих десятки, также должно свидетельствовать о большой древности и значительной устойчивости этого счета.

Очень может быть, что термин «гривна» в первые века н. э. применялся не к 20 римским денариям, весящим 68,22 г, а к 40 денари-

поткин считает ее в основном средством накопления. Но сам по себе этот вопрос для истории возникновения древнейшей славянской гривны не имеет существенного значения. Каким бы образом не использовалась монета в Восточной Европе, поступая в нее, она должна была измеряться. Для возникновения весовой системы основой является участие в международной или внутренней торговле металлов. Использование металлов для внутреннего обращения является вторичным явлением. Точно так же второстепенным для нас является ставший в последнее время дискуссионным вопрос о славянстве Черняховской культуры. Развивается ли русская культура из местных восточноевропейских культур первых веков н. э. или в основе ее лежат культуры, появившиеся в Восточной Европе в середине I тысячелетия, — связь весовых систем Киевской Руси с весовыми системами славян первых веков н. э. не может быть подвергнута сомнению, т. к. несомненно само взаимодействие славян с Римом и употребление ими римской монеты в первых веках н. э., где бы славяне ни находились в это время.

ям. Некоторое подтверждение этому дает взвешивание самых ранних русских слитков, обнаруженных в кладах IX и X вв.²⁵ Среди этих слитков, отличающихся в общем пестротой веса, выделяется небольшая группа с повторяющимися нормами. Эта норма заключена в пределах 115–120 г и соответствует (учитывая угар) двум гривнам IX в., т. е. 40 римским денариям. Единичность таких слитков, правда, не позволяет опираться на их показатели с достаточной уверенностью.

Высказывая предположение о связи гривны IX в. с римским денарием первых веков н. э., мы должны поставить вопрос о том, каким образом эта связь могла осуществиться при отсутствии у древних восточных славян весов. По-видимому, основой сохранения выработанной в начале н. э. весовой единицы было постоянное потребление серебра в качестве сырья для производства украшений. С этой точки зрения очень важным представляется то, что термин «гривна» применялся не только к денежно-весовой единице, но и к известному виду шейного украшения. При производстве украшений устойчивых форм расход металла постоянен. Поэтому производство украшений должно было иметь дело с традиционными и вполне определенными количествами металла, потребными для изготовления браслета, фибулы или шейной гривны. Единство терминологии в данном случае может указывать на действительное соответствие шейной гривны принятой весовой единице. Серебряные украшения славян с этой точки зрения еще не исследовались, но среди древностей Прикамья примеры указать можно. К их числу относится находка в б. Пермской губ. клада шейных гривен, вес которых соответствовал норме гривны серебра XII–XIV вв.²⁶

При изготовлении стандартных украшений всякое несоответствие взятого металла норме должно было неизбежно обнаруживаться. Непрерывное существование литья серебряных украшений, нужно думать, и поддерживало существование весовой единицы на всем протяжении безмонетного периода V–VIII вв.

Окончательное решение этого интереснейшего вопроса может быть достигнуто после систематического изучения весовых данных ранних славянских серебряных украшений. Учитывая неиз-

Bauer N. Die Silber- und Goldbarren. № 2, 5, 6, 12, 16.

²⁶ *Орешников А. В. Денежные знаки домонгольской Руси. С. 20–21.*

бежный угар металла при литье, мы не можем рассчитывать обнаружить среди них предметы с точным весом в 68,22 г или 136,44 г, но украшения с несколько меньшим весом будут обнаружены безусловно и в большом количестве.

Изучение веса раннеславянских серебряных украшений должно стоять поэтому в числе ближайших основных задач советской исторической метрологии.

Заключение

Основные результаты нашего историко-метрологического исследования сводятся к следующим положениям:

1. Русские денежно-весовые системы домонгольского времени представляют собой результат длительного исторического развития. Для денежного обращения Древней Руси характерна теснейшая связь внутреннего обмена с внешней торговлей. Эта связь обусловлена в первую очередь тем, что внешняя торговля была единственным источником поступления в Восточную Европу серебра — основного средства внутреннего русского обращения. Мелкие весовые нормы приема серебряной монеты, употреблявшиеся в сфере международной торговли, ложатся в основу внутренних денежно-весовых систем Древней Руси, однако сами эти системы строятся по принципу русского денежного счета, который вполне самобытен.

Денежно-весовые системы в своем развитии учитывают изменения веса наиболее употребительных на разных этапах монет — римского денария, восточного дирхема, западноевропейского денария, которые занимают место наиболее употребительных денежных единиц. Остальные единицы систем, в том числе и самая крупная — гривна, эволюционируют на основе изменения веса наиболее употребительных единиц и сохранения системы денежного счета.

2. Первоначальное образование русских единиц взвешивания относится к первым векам н. э., когда в Восточной Европе распространились значительные массы серебряной римской монеты. Прием этой монеты — денария весом 3,41 г — на основе древнего

славянского счета порождает в это время весовую единицу в 68,22 г и кратные ей.

3. Эти единицы бытуют в Восточной Европе в последующий безмонетный период (VI–VIII вв.). В начале IX в. начинается массовое проникновение в Русь восточного дирхема весом 2,73 г, который становится к уже бытующей здесь гривне весом 68,22 г в оригинальное отношение 1 : 25. Начало образования денежного счета Русской Правды относится именно к этому времени.

4. На протяжении всего IX в. в русском денежном обращении осуществляется сортировка монеты по норме куны (2,73 г). В начале X в., когда вес дирхема расшатывается, монета сортируется уже по двум русским денежно-весовым нормам. Помимо старой нормы куны, впервые возникает новая норма — ногата (3,41 г).

5. С конца 30-х гг. X в. в связи с начавшимся кризисом восточного серебра, дирхем становится чрезвычайно неопределенным в весовом отношении. Наряду со специальной сортировкой и отбором по нормам русской денежно-весовой системы, его начинают резать и дробить, применяя взвешивание. В этот период происходит дальнейшее усложнение системы: образуется мелкая фракция гривны — резана (1,36 г). Денежный счет приобретает следующий вид:

$$\text{гривна} = 20 \text{ ногатам} = 25 \text{ кунам} = 50 \text{ резанам.}$$

6. В середине X в. происходит возникновение на месте единой общерусской денежно-весовой системы двух местных систем: северной и южной. Обе они образуются на основе единого русского денежного счета, но весовая основа и той и другой отлична от древней гривны в 68,22 г.

В основу северной системы ложится норма веса, принятая в торговле с Западной Европой. Резана этой системы приравнивается 1,02 г, а гривна — 51,19 г. Последняя является древнейшим элементом позднего русского фунта в 96 золотников.

В основу южной системы ложится вес, связанный с византийскими единицами (литра).

Таким образом, и в том и в другом случае вызревание местных рынков, которое проявляется в разделении систем, сочетается с разделением экономических связей этих рынков в международной торговле.

7. Основные единицы северной и южной денежно-весовых систем существуют в виде слитков на протяжении безмонетного периода в неизменном виде. Их дальнейшая история выходит за рамки домонгольского периода и за пределы темы.

Одним из важнейших результатов настоящей работы является вывод о возникновении русских местных систем уже в середине X в. Этот вывод следует противопоставить ходячим представлениям об единстве русской системы вплоть до очень позднего времени. Представления об единстве русской денежно-весовой системы основываются на серьезной недооценке степени развития товарно-денежного обращения в домонгольской Руси.

Образование местных денежных систем вообще, а тем более когда они приходят на смену единой денежно-весовой системе, — явление прогрессивное в условиях раннего феодализма. Оно свидетельствует о зарождении местных рынков и определении территориальной сферы их действия. Недоразвитость товарного обращения, сохранение определяющего влияния внешнеторгового фактора представляют собой явления, консервирующие единство денежных систем на этом этапе.

Особенности развития денежно-весовых систем домонгольской Руси показывают, что русское денежное обращение в это время достигло значительного развития. Это обстоятельство требует всестороннего учета и использования истории русского денежного хозяйства при решении основных проблем, связанных с изучением русской экономики XI—XIII вв.

Список сокращений

АН — Академия наук.

АО — Археологическое общество.

ВДИ — Вестник древней истории.

ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.

ГИМ — Государственный Исторический музей.

ИИМК — Институт истории материальной культуры.

АН СССР — Академии наук СССР.

ИРАИМК — Известия Российской Академии Истории материальной культуры.

КС ИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.

ЛГУ – Ленинградский государственный университет.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

МНО – Московское Нумизматическое общество.

ОАК – Отчеты Археологической комиссии.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

РАИМК – Российская Академия истории материальной культуры.

РАНИОН – Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.

РАО – Российское Археологическое общество.

СГАИМК – Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры.

СГГ и Д – Собрание государственных грамот и договоров.

Очерки истории
денежной системы
средневекового Новгорода

Монетные клады Новгородского музея*

Настоящая публикация содержит основные сведения о составе коллекции монетных кладов, собранной в пределах Новгорода и Новгородской области и принадлежащей Новгородскому историко-художественному музею. Лишь отдельные клады этого собрания нашли отражение в литературе. Что касается большей части коллекции, то сведения о ней ни разу не проникали за пределы Новгорода, несмотря на их бесспорную научную ценность.

Нам уже приходилось писать о важности областных монетных коллекций для изучения истории местного края¹. Состав областных комплексов монетных кладов отражает не только общие закономерности денежного обращения на значительных территориях, но и местные особенности обращения тех небольших районов, сокровища которых собираются в областных и районных музеях. В этом отношении Новгород способен дать в руки исследователя интереснейшие материалы, так как Новгородская земля, будучи средоточием экономически развитого населения, на протяжении длительных периодов была заметно обособлена от центральных территорий Руси. Исследователь вправе ожидать от новгородских кладов ответа на многие и разнообразные вопросы. В Новгороде на протяжении веков сменилось несколько систем денежного обращения. Здесь имели хождение восточные дирхемы,

* Нумизматика и эпиграфика. II. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 141–154.

¹ Янин В. Л. Монетные клады Ярославского краеведческого музея. Ярославский областной краеведческий музей // Краеведческие записки. Вып. 2. 1957. С. 241 и сл.

замененные в XI в. западноевропейскими денариями. В XV в. здесь возник оригинальный тип собственной монеты, последние периоды бытования которой изучены очень слабо. В XVI в. новгородское денежное обращение сделалось частью общерусского монетного рынка, но питалось оно продукцией местного денежного двора. В начале XVII в. Новгород на короткий период был оккупирован шведами, организовавшими здесь чеканку копеек. Во время реформы Алексея Михайловича Новгород был одним из основных центров проведения новых мероприятий в денежном деле. Однако история новгородского монетного обращения до настоящего времени изучалась главным образом на материалах кладов из других русских областей. К сожалению, нумизматические коллекции русских областных и районных музеев до сих пор остаются вне поля зрения нумизматов и историков. До самого последнего времени не существовало даже кратких публикаций областных собраний монетных кладов. Предлагаемая заметка является второй публикацией такого характера, и мы надеемся, что это начинание будет продолжено другими нумизматами и работниками краеведческих музеев.

* * *

В состав собрания Новгородского музея входит 19 монетных кладов². Все они собраны в советское время. В 1920-х годах в музей были доставлены три клада, в 1930-х, по-видимому, семь. Три из них утратили паспорт в тяжелый год эвакуации (1941 г.), но поскольку ни в дореволюционных сводках, ни в сводках Р. Р. Фасмера за 20-е годы они не упоминаются, то можно уверенно относить их к предвоенным находкам. После 1945 г. музейное собрание пополнилось еще девятью кладами.

По дате зарытия эти клады распределяются следующим образом:

IX–X вв.	2	клада
XV в.	4	
время Ивана Грозного	1	
время Василия Шуйского	2	
время шведской интервенции	2	
время Алексея Михайловича	2	»

² По данным на 1 сентября 1958 г.

время Петра I	3
императорский период	3

В предлагаемом описании клады получили номера в порядке хронологических дат их зарытия. Клад 1 разобран и определен А. А. Быковым, клад 2 — Р. Р. Фасмером, остальные — автором настоящей публикации. Металл монет в описании не указывается в тех случаях, когда монеты серебряные.

Клад 1. Найден в 1927 г. на хуторе Шумилово б. Демянской волости и уезда Новгородского округа крестьянином П. А. Багровым. 1 326 монет, в том числе 331 обломок, общий вес 3370 г. Инв. № 246. Состав:

Омайяды	31	экз.
Аббасиды	1194	
Тахириды	1	
Зеидиды	1	
Неопределенные	99	

Дата младшей монеты — 257 г. х. (870/871 г. н. э.)³.

Клад 2. Найден в августе 1924 г. на Новой Мельнице в 6 км от Новгорода. 62 монеты, в том числе 38 обломков, общий вес 120 г. Инв. № 245. Состав:

Аббасиды	6	экз.
Хамданиды	1	
Саманиды	46	
Зийяриды	3	
Подражания дирхему	4	
Неопределенные	2	

Дата младшей монеты — 363 г. х. (973/974 г. н. э.)⁴.

Клад 3. Найден летом 1930 г. при рытье могилы на Рождественском кладбище в Новгороде. 1811 монет общим весом 1411 г. Инв. № 247. Состав:

Фасмер Р. Р. Список монетных находок. II // СГАИМК. II. 1929. С. 292. № 44; *Быков А. А.* Аббасидский памятный дирхем начала IX века // ГВ. IV. 1945. С. 83—90; *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956. С. 75, 113—115. Сведения о кладе предварительные; в настоящее время А. А. Быков завершает подготовку его к изданию.

⁴ *Фасмер Р. Р.* Список монетных находок. I // СГАИМК. I. 1926. С. 291. № 30; *Он же.* Список монетных находок. II. С. 292. № 43.

Тверь, Борис Александрович (1425–1461 гг.)	1	экз. ⁵
Новгород, 1420–1479 гг.	1810	

Клад 4. Найден в сентябре 1947 г. при расчистке завалов Спасо-Нередицкой церкви под Новгородом, разрушенной фашистами в 1941 г.; был захоронен, по-видимому, в стене церкви. 531 монета общим весом 402,8 г. Клад сохраняется вместе с кубышкой. По первоначальным записям инвентарных книг в кладе было 533 монеты. Инв. № 248. Состав:

Новгород, 1420–1479 гг. 531 экз.
в том числе: денег — 511, четверец 20 экз.

Оба последних клада относятся ко времени новгородской самостоятельности, так как в них нет монет, чеканенных после 1478 г. Однако зарыты они не одновременно. В настоящее время, когда еще не существует хронологической классификации новгородских монетных типов, трудно высказать какие-либо твердые суждения о датах зарытия новгородских кладов XV в. Тем не менее, общие наблюдения над составом комплексов показывают, что подбор типов в кладе 4 более разнообразен, нежели в кладе 3. В частности, в кладе 3 зафиксировано крайне малое количество денег с изображением пунктирного креста, пересекающего надпись лицевой стороны, тогда как в кладе 4 такие типы преобладают.

Основываясь на обилии монетных типов, представленных в Нередицком кладе, последний возможно датировать самым концом периода новгородской независимости, 1460–1470 годами.

Обращает внимание в Нередицком кладе значительное число четверец, небольших и редко встречаемых монеток в четверть новгородской денги, несущих изображение птички. 20 четверец Нередицкого клада весят 3,84 г, что дает средний вес для одной монеты 0,192 г. Большинство типов этих монет принадлежит к числу неизданных и вполне заслуживает самостоятельной публикации.

Клад 5. Происхождение неизвестно. 495 монет общим весом 366 г. Инв. № 215. Состав:

Новгород, время самостоятельности, 1420–1478 гг. 494 экз.
Новгород, великокняжеская денга 1

⁵ Тип с изображением денежного мастера. *Орешников А. В.* Русские монеты до 1547 г. М., 1996. № 129–145.

Клад 6. Происхождение неизвестно. 897 монет общим весом 700,6 г. Сверх того, 10 монет из этого клада хранятся в Боровичском музее. Инв. № 217. Состав:

Новгород, время самостоятельности, 1420–1478 гг.	896	экз.
Новгород, великокняжеская денга	1	

Несмотря на то что паспорт клада 6 не сохранился, он может быть восстановлен с достаточной достоверностью. В сводке Р. Р. Фасмера⁶ зафиксирован найденный в 1924 г. близ деревни Емельяхново б. Боровичского уезда клад, включавший в свой состав около 920 новгородок времени самобытности и имевший общий вес около 1 3/4 фунта (около 715 г).

Близкое совпадение всех цифр и какое-то отношение клада к Боровичам, смысл которого утрачен с потерей старых инвентарных книг Новгородского музея, дают возможность отождествить беспаспортный клад 6 с Емельяхновским кладом 1924 г.

Последние два клада, чрезвычайно близкие по своему составу, позволяют поставить очень интересный вопрос о судьбах новгородской чеканки во второй половине XV в.

Определяя год прекращения выпуска новгородских денег времени самостоятельности, исследователи, как правило, оперируют двумя датами, Чаще всего время самостоятельной чеканки определяют 1420–1478 гг., а к 1478 г. относят начало чеканки денег обычного новгородского типа, но с надписью «Денга великого князя». Однако существует и другое мнение, на котором особенно настаивал А. В. Орешников. Последним годом самостоятельной новгородской чеканки он признавал 1456 г., так как одним из пунктов заключенного между Москвой и Новгородом Яжелбицкого мира было: «А печати быти князей великих»⁷. То же требование было повторено в договорной грамоте Ивана III с Новгородом, заключенной в 1471 г.⁸, что создает впечатление традиционности употребления печати московских князей при новгородских документах после 1456 г. А. В. Орешников полагал, что требование об исключительном употреблении при новгородских грамотах великокняжеской печати должно было распространяться и на монеты, по-

⁶ Фасмер Р. Р. Список монетных находок. I. С. 298. № 13.

⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 41–42. № 23.

⁸ Там же. С. 49. № 27.

скольку право монетной чеканки было одним из основных признаков самостоятельности⁹.

Между тем состояние фактического материала новгородской нумизматики плохо согласуется и с тем и с другим построением. Новгородские великокняжеские денги с изображением Софии и денежного мастера принадлежат к числу очень редких монет. И. И. Толстой, например, в своей работе о монетах Великого Новгорода мог оперировать только 34 экземплярами таких денег, тогда как монет времени самостоятельности в его руках было 1160 экземпляров¹⁰. Поэтому приняв за начальную дату их чеканки 1456 г., мы ни в коей мере не сможем заполнить ими весь длительный промежуток между 1456 и 1478 гг. С другой стороны, для И. И. Толстого не могло существовать проблемы чеканки таких денег после 1478 г., так как в изображениях на новгородских денгах даже времени самостоятельности он видел художественное выражение покорности Новгорода перед московским великим князем. Между тем в настоящее время доказано, что на новгородских монетах изображалась София¹¹, т. е. принципиально отличный от предположенного И. И. Толстым символ новгородской независимости. Появление его хотя бы на короткий срок после 1478 г. совершенно не согласуется со смыслом мероприятий Ивана III, предпринятых в годы покорения Новгорода.

Во всяком случае, очевидно, что чеканка великокняжеских денег обычного новгородского типа осуществлялась на протяжении очень короткого времени. В целях устранения отмеченных противоречий следует обратиться к истории печати при новгородских грамотах после 1456 г., так как именно печати признаны основным аргументом для датировки монет. Договорная грамота о перемирии Новгорода с ганзейскими городами составлена в 1466 г., т. е. спустя 10 лет после заключения Яжелбицкого мира, однако ее концовка упоминает печати посадника, тысяцкого и купеческих старост, привешенные по приговору «Всего

⁹ Орешников А. В. Указ. соч. С. 6 и сл.

¹⁰ Толстой И. И. Русская допетровская нумизматика. Вып. I. Монеты Великого Новгорода. СПб., 1884. С. 63.

¹¹ Аруциховский А. В. Изображение на новгородских монетах // ИАН. Серия истории и философии. Т. V. № 1. 1948. С. 99–106.

Новгорода», и ничего не сообщает о великокняжеской печати¹². Договорная грамота Великого Новгорода и Пскова с епископом юрьевским о перемирии на 30 лет заключена в 1474 г., т. е. спустя всего три года после повторного требования Ивана III о великокняжеской печати, однако и в ней о печати великого князя нет ни слова. Напротив, «а воевода Великого Новгорода, посадник Новгородский Фома Андреевич, а посол Великого Новгорода Онъкипа Васильевич крест поцеловали за Великий Новгород и за всю Новгородскую державу и печать Великого Новгорода приложить»¹³. Мы видим, что требование Москвы относительно печати выполнялось в Новгороде эпизодически и только под непосредственным впечатлением от этого требования. Поэтому можно думать, что если условия, касающиеся печати грамот, распространялись на монетный чекан, что вполне закономерно, то новый тип с надписью «Денга великого князя» возник ненадолго или после 1456 г. или же после 1471 г., а затем снова был вытеснен денгой обычного для времени новгородской самостоятельности типа. 1456 год кажется более возможной датой для краткосрочного появления великокняжеских денег, так как впечатление от первого требования должно было быть более сильным.

Анализируя наши клады 5 и 6, мы только при условии принятия высказанного выше предположения сможем объяснить их странный состав. Действительно, в каждом из этих кладов имеется только по одной великокняжеской денге, сопровождаемой набором весьма разнообразных типов самостоятельного чекана. Если датировать оба этих клада 1478 г. и полагать, что великокняжеские монеты чеканены в 1478 г., то исключительность таких денег в кладах станет непонятной. Получится, что клады зарыты уже после того, как великокняжеский чекан наладился в Новгороде, а в этом случае следовало бы ждать более заметного количества новейших монет. Признав же в этих монетах продукцию 1456 г., мы перестанем удивляться их исключительности.

Можно думать, что с 1478 г. на Новгородском денежном дворе началась чеканка монет совершенно иного типа — денег с изыска-

¹² Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 129. Л. 76.

¹³ Там же. С. 135. № 78.

жением московского ездоца и надписью «Осподарь всея Руси», что вполне соответствует духу мероприятий Ивана III, направленных к полной унификации русской денежной системы. Сами события 1478 г. таковы, что вряд ли следует всерьез настаивать на возможности употребления в Новгороде монет иного типа, сохраняющего эмблемы новгородской независимости вопреки выражающей вассалитет надписи.

По-видимому, весь промежуток между 1478 и 1533 гг. в Новгороде заполняется чеканкой денег, несущих надпись «Осподарь всея Руси». Напомним, что эти денги в быту Московской Руси носили название новгородок, а стилистически и палеографически они весьма отличаются от несомненных образцов московского чека — денег в 0,40 г.

Все высказанные выше предположения возможно будет проверить лишь после детального изучения новгородских и московских монет второй половины XV — первой трети XVI в. и анализа их штемпелей. Однако сама проблема возникает уже при общем знакомстве с изложенными материалами.

Клад 7. Найден в июле 1956 г. при прокладке новой шоссейной дороги около Тихвинского кладбища на окраине Новгорода. 2505 монет общим весом 1669 г. Инв. № 10532. Состав:

Псков, после 1510 г.	3	экз.
Москва, Иван III или Василий III	9	
Иван IV	2493	

В числе монет Ивана IV имеются следующие типы: денга с надписью «Осподарь» (1 экз.), денга с надписью вязью «Государь» (1 экз.), анонимные великокняжеские копейки (640 экз.), псковские мечевые копейки 1533—1547 гг. (634 экз.), великокняжеские копейки с обозначением **ФС** (278 экз.), царские копейки с обозначением **ПС** (656 экз.), с обозначением **АЛ** (241 экз.), с обозначением **ИВА** (20 экз.), с обозначением **ГР** (16 экз.), с обозначением **Юр** (5 экз.) и один незаштампованный кружок, имеющий вес копейки Ивана Грозного.

Особенности состава клада таковы, что можно с уверенностью говорить о сложении его комплекса в Пскове. Из общего числа 2505 монет 1293, т. е. больше половины, чеканены на псковском денежном дворе. В остальной части среди великокняжеских монет преобладают новгородские, а среди царских — московские.

Что касается даты клада, то зарытие его можно относить к началу 1550-х годов, так как, во-первых, ранние типы, чеканенные до 1547 г., резко преобладают над более поздними (1554 экз. из 250, т. е. 62 %), а точно датированные царские копейки чеканены до условной даты — 1555 г.

Из многочисленных безусловно московских типов царского чекана Ивана IV в кладе имеются только копейки с обозначениями **АЛ** и **Юр**, которые, таким образом, относятся к наиболее ранним образцам царского чекана Москвы.

Клад 8. Происхождение неизвестно. 5100 монет общим весом 3380 г. Инв. № 219. Состав:

Новгород, время самостоятельности, 1420—1478 гг.	3	экз.
Москва, Иван III или Василий III	6	
Псков, после 1510 г	1	
Иван IV	1451	

в том числе: анонимные великокняжеские копейки (279 экз.), великокняжеские копейки с обозначением **ФС** и псковские мечевые копейки (248 экз.), царские копейки (924 экз.)

Федор Иванович	906	экз.
----------------	-----	------

в том числе: копейки с обозначением отчества (264 экз.), копейки без обозначения отчества (642 экз.)

Борис Федорович	2454	экз.
Дмитрий Иванович	224	
Василий Иванович	41	
Неразборчивые	18	

Под тем же инвентарным номером в составе клада в музее хранятся одна копейка Михаила Федоровича и восемь копеек Петра I, явно выпадающие из общего состава клада и попавшие в него, очевидно, случайно при экспонировании клада в музее. Однако и без этих копеек общее количество монет клада (5104 экз.) превышает цифру, записанную в инвентарной книге (5100 экз.). По-видимому, не имеют отношения к кладу также и все три новгородские денги времени самостоятельности. Что касается еще одной лишней монеты, выделить ее из состава клада не представляется возможным.

Копейки Василия Ивановича, позднейшие в кладе, датированы. На самых поздних из них обозначен 1607 г., что дает возможность точно датировать время зарытия сокровища.

Клад 9. Найден 28 апреля 1947 г. в 20 м от церкви Спас-Нередица под Новгородом на глубине 1 м. 2359 монет общим весом 1578 г. Инв. № 249. Состав:

Псков, после 1510 г.	1	экз.
Иван IV	384	
в том числе: анонимные великокняжеские копейки (43 экз.), псковские мечевые копейки и великокняжеские копейки с обозначением ФС (42 экз.), царские копейки (299 экз.)		
Федор Иванович	482	экз.
Борис Федорович	298	
Дмитрий Иванович	48	
Василий Иванович	132	
Неразборчивые	14	

Среди монет Василия Шуйского представлены все типы его чекана, исключая копейки 1610 г. Так как копейки Василия с датой 1609 г. вообще неизвестны, клад 9 следует датировать 1608 или 1609 г.

Клад 10. Найден в 1921 г. в Новгородском кремле, в саду Владычного двора. Монеты клада были обнаружены в трех кувшинах, однако в настоящее время разделение на комплексы ликвидировано, а сами кувшины не сохранились. 6084 монеты (по инвентарным книгам — 6687) общим весом 3680,5 г. Инв. № 22.1. Состав:

Иван III	1	экз.
Иван IV	2973	
в том числе: копейки анонимные великокняжеские (158 экз.), псковские мечевые копейки и великокняжеские копейки с обозначением ФС (160 экз.), денги великокняжеские (2011 экз.), полушка великокняжеская (1 экз.), копейки царские (543 экз.)		
Федор Иванович	651	экз.
в том числе: копейки без обозначения отчества (365 экз.), копейки с обозначением отчества (153 экз.), денги (133 экз.)		
Борис Федорович	1638	экз.
Дмитрий Иванович	455	
Василий Иванович	784	
в том числе: копейки без обозначений (70 экз.), псковские (181 экз.), новгородские 1606 г. (85 экз.), 1607 г. (124 экз.), 1608 г. (152 экз.), 1610 г. (70 экз.), копейки со сбитыми обозначениями (102 экз.)		
Владислав Сигизмундович	23	экз.
в том числе: по стопе 300 копеек (13 экз.), по стопе 360 копеек (6 экз.), по стопе 400 (?) копеек (4 экз. — 0,51 г, 0,51 г, 0,50 г, 0,48 г)		

Новгород, шведский чекан 1611–1615 гг.	152	экз.
Михаил Федорович	1	
Неразборчивые (стопа 300 копеек)	6	

Дата клада определяется единственной в нем монетой Михаила Федоровича и падает на 1613 г. В сводке Р. Р. Фасмера приведено неправильное сообщение об этом кладе, так как позднейшими монетами он называет копейки Лжедмитрия¹⁴. Восстановить первоначальное распределение монет по кувшинам в настоящее время невозможно, однако думается, что многочисленные денги (2144 экз.) были выделены и находились в отдельном кувшине. Весьма показательно, что даже на третий год хищнической деятельности шведов в Новгороде основу местного монетного обращения составляли старые, дореформенные монеты. Из 4379 копеек клада 4216 чеканены по дореформенной стопе и только 153 экземпляра по пониженным нормам.

Клад 11. Найден в августе 1952 г. на территории колхоза «Победа» Мстинского района Новгородской области при тракторной вспашке. 398 монет общим весом 220,3 г. Инв. № 5820. Состав:

Иван IV	13	экз.
в том числе: анонимные великокняжеские копейки (2 экз.), великокняжеская копейка с обозначением ФС (1 экз.), царские копейки (10 экз.)		
Федор Иванович	13	экз.
в том числе: копейки без обозначения отчества (4 экз.), с обозначением отчества (9 экз.).		
Борис Федорович	12	экз.
Дмитрий Иванович	7	
Василий Иванович	15	
Новгород, шведский чекан 1611–1615 гг.	338	

И. Г. Спасский сообщает, что в 1952 г. в Эрмитаж была предложена находчиком часть клада (около сотни монет), найденного в Мстинском районе. Просмотренная часть оказалась состоящей из копеек 1610 г., «по внешнему виду легковесных». Клад не был приобретен Эрмитажем¹⁵. Несомненно, здесь речь идет о том же кладе

¹⁴ *Фасмер Р. Р.* Список монетных находок. I. С. 298. № 10.

Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 г. по 1617 г. // МИА. № 44. 1955. С. 345, примеч. 1 в правом столбце.

де, что хранится ныне в Новгородском музее, однако нет никакой уверенности в том, что показанная в Эрмитаже часть клада сохранилась в числе описанных выше монет.

Клад 11 почти синхронен предыдущему кладу 10, так как в нем нет еще монет четырехрублевой стопы, чеканенных в 1615–1617 гг. Однако состав его совершенно иной. В нем дореформенные монеты уже редки (56 из общего числа 398), что говорит о быстром росте шведских монетных злоупотреблений около 1613–1614 гг. Датируется клад скорее всего 1614 г.

Клад 12. Найден летом 1947 г. при строительных работах на углу ул. Александра Невского и Федоровского ручья в Новгороде (Плотницкий конец). 151 монета и две серебряные ложки общим весом 4155 г. Инв. № 332. Состав (там, где номинал не указан, подразумевается талер):

Нидерланды: Зап. Фризия – 5 (1613 г., 1620 г., 1621 г. – 0,5 талера, 1622 г., 1626 г.), Гельдерн – 2 (1587 г., 1625 г.), Голландия – 2 (1602 г., 1649 г.), Утрехт – 7 (1598 г., 1619 г., 1620 г., 1621 г., 1622 г., 1645 г., 16?? г. – 0,5 талера), Овериссель – 3 (1617 г., 1620 г. – 2 экз.), Зеландия – 20 экз. (1619 г., 1620 г. – 3, 1621 г. – 2, 1622 г., 1623 г. – 2, 1624 г. – 2, 1630 г., 1647 г., 1648 г., 1649 г. – 2, со сбитой датой – 4);

Брабант: Филипп – 1 (1667 г.), Альберт и Изабелла – 1 (без даты – 0,25 талера), Филипп IV – 5 экз. (1623 г., 1623 г. – 0,5 талера, 1624 г., 1627 г., 1636 г.);

Швеция: Карл IX – 1 (1603 г.), Густав-Адольф – 1 (1632 г.), Христина – 3 экз. (1642 – 0,5 талера, 1643 г., 1646 г. – 0,5 талера).

Норвегия: Христиан IV – 6 экз. (1634 г., 1641 г., 1642 г., 1645 г. – 2, 1647 г.);

Польша, коронный чекан: Сигизмунд III – 6 (1628 г. – 2, 1629 г. – 1, 1630 г. – 2, без даты – 1 экз.), Владислав IV – 1 (1636 г.): Торн: Владислав IV – 2 (1635 г., 1640 г.); Гданьск: Ян Казимир – 1 экз. (1649 г.);

Чехия: Максимилиан – 2 (1576 г. – 0,25 талера, 1576 г.), Фердинанд II – 4 экз. (1624 г. – 2, 1625 г., 1627 г.);

Австрия: Максимилиан – 2 (1615 г., 1616 г.), Фердинанд II – 3 (1618 г., без даты, 1624 г.); Леопольд – 4 экз. (1620 г., 1621 г., 1622 г., 1628 г.);

Венгрия: Матвей II – 1 (1611 г.), Габриель Бетлен – 1 (1621 г.), Фердинанд II – 2 экз. (1632 г., 1633 г.);

Саксония: Иоанн Филипп, Фридрих, Иоанн Вильгельм и Фридрих Вильгельм II – 1 (1622 г.), Август – 1 (1569 г.), Иоанн Георг I – 5 экз. (1617 г., 1623 г., 1626 г., 1632 г., 1642 г.);

Брауншвейг-Люнебург: Генрих Юлий – 1 (1610 г.), Фридрих Ульрих – 4 (1617 г., 1624 г., 1628 г., 1634 г.), Христиан – 3 (1624 г., 1625 г., 1632 г.), Август – 1 (1636 г.), Фридрих – 3 экз. (без даты, 1632 г., 1642 г.);

г. Кампен — 1 (1648 г.); г. Браунигвейг — 1 (1624 г.); г. Ганновер — 1 (1631 г.); г. Гамбург — 5 (1610 г., 1620 г., 1621 г. — 2, 1636 г.); г. Любек — 5 (1620 г., 1622 г., 1637 г., 1649 г. — 2); г. Росток — 2 (1633 г., 1636 г.); Штральзунд — 2 (без даты, 1638 г.); г. Цволле — 1 (1612 г.); г. Гильдесгейм — 1 (1624 г. — 0,5 талера); г. Гамельн — 1 (1632 г.); г. Кельн — 1 (1636 г.); г. Франкфурт — 3 (1637 г., 1639 г., 1646 г.); г. Нюрнберг — 6 экз. (1625 г., 1627 г. — 2, 1635 г., 1636 г., 1637 г.);

Магдебург: Христиан Вильгельм — 1 экз. (без даты);

Померания: Филипп Юлий — 1 экз. (1621 г.);

Гольштейн: Фридрих III — 1 экз. (1626 г.);

Мекленбург: Иоанн Альбрехт — 1 экз. (1623 г.);

Мансфельд: Кристоф II — 1 экз. (1591 г.);

Трир: Филипп Кристоф — 1 экз. (1624 г.);

Левенштейн-Вертгейм: Иоанн Дитрих — 1 экз. (1623 г.);

Бюртемберг: Иоанн Фридрих — 1 экз. (1624 г.);

Бамберг: Франц — 1 экз. (1632 г.);

Бавария: Максимилиан I — 1 экз. (1625 г.);

Зальцбург: Парис — 4 экз. (1623 г. — 2, 1627 г., 1628 г.);

Женева — 1 экз. (159? г. — 0,5 талера); Хур: Иоанн IV — 1 экз. (год сбита).

Позднейшие монеты клада относятся к 1649 г., а самый клад, будучи зарыт в начале 1650-х годов, возможно, является своеобразным памятником новгородского восстания 1650 г. Краткие сведения об этом кладе были опубликованы И. Г. Спасским, который склоняется к выводу, что здесь нужно видеть сокровище, предназначенное для передела на денежном дворе. Это не клад обращающихся монет, а клад монетного сырья¹⁶. Интересно отметить, что обе ложки в кладе имеют вес, точно повторяющий норму талера (28–29 г). По своему составу клад принадлежит к числу исключительных сокровищ; единственную аналогию ему составляет часть Пулковского клада 1649 г., включавшего 40 западноевропейских талеров, но в основном состоявшего из русских копеек¹⁷.

Клад 13. Найден летом 1946 г. в окрестностях с. Мшага Шимского района Новгородской области. 4787 монет общим весом 2210 г. Инв. № 251. Состав:

Медные копейки Алексея Михайловича — 4787 экз.

¹⁶ Спасский И. Г. Указ. соч. С. 227.

¹⁷ Хранится в Отделе нумизматики ГЭ.

Клад интересен тем, что позволяет вычислить средний вес медной копейки в составе значительного единовременного комплекса. Этот вес равен 0,46 г, что в серебре соответствует норме 450-копеечной стопы. Подробное изучение Мшагского клада позволит с большой полнотой очертить круг продукции Новгородского денежного двора в период реформы Алексея Михайловича. Время зарытия клада определяется временем выпуска медных копеек, 1655–1663 гг.

Клад 14. Происхождение неизвестно. 1048 монет общим весом 407,4 г. Инв. № 218. Состав:

Иван IV	5	экз.
в том числе: анонимная великокняжеская копейка (1 экз.), великокняжеские денги (4 экз.).		
Владислав Сигизмундович	1	экз.
Новгород, шведский чекан 1611–1615 гг.	2	
Михаил Федорович	291	
Алексей Михайлович	149	
Федор Алексеевич	78	
Иван Алексеевич	57	
Петр Алексеевич	448	
Неразборчивые	17	

Позднейшие петровские копейки имеют дату 1702 г., которой и определяется время зарытия клада.

Клад 15. Найден в начале 1930-х годов в стене церкви Бориса и Глеба в Плотниках в Новгороде. 12965 монет общим весом 5547 г. Инв. № 222. Состав:

Новгород, 1420–1478 гг.	4	экз.
Псков, 1424–1510 гг.	2	
Москва, Василий Дмитриевич (1389–1425 гг.)	1	
Москва, Василий Темный (1425–1462 гг.)	16	
Можайская денга XV в.	1	
Неразборчивые XV в.	3	
Иван III	25	
Иван III или Василий III	20	
Василий III	28	
Медные пулы (Тверь – 2, Новгород – неразборчивый – 1)	4	
Псков, после 1510 г	4	
Иван IV	7748	»

в том числе: анонимные великокняжеские копейки (1053 экз.), великокняжеские копейки с обозначением **ФС** и псковские меченые (129 экз.), великокняжеские денги (5988 экз.), великокняжеские полушки (12 экз.), царские копейки (382 экз.), царские денги (184 экз.).

Федор Иванович	228 экз.
----------------	----------

в том числе: копейки без обозначения отчества (152 экз.), копейки с отчеством (44 экз.), денги (32 экз.).

Борис Федорович	318 экз.
-----------------	----------

Дмитрий Иванович	56
------------------	----

Василий Иванович	169
------------------	-----

Владислав Сигизмундович	12
-------------------------	----

в том числе: по стопе 300 копеек (1 экз.), по стопе 360 копеек (5 экз.), по стопе 400 копеек (6 экз.).

Новгород, шведский чекан 1611–1615 гг.	12 экз.
--	---------

Новгород, шведский чекан 1615–1617 гг.	30
--	----

Москва, ополчение 1612–1613 гг.	2
---------------------------------	---

Михаил Федорович	2635
------------------	------

Алексей Михайлович	604
--------------------	-----

Федор Алексеевич	132
------------------	-----

Иван Алексеевич	163
-----------------	-----

Петр Алексеевич	421
-----------------	-----

Неразборчивые XVII в.	103
-----------------------	-----

Мордовки, подражания монетам XVII в.	36
--------------------------------------	----

Мордовки, подражания копейкам Петра	188
-------------------------------------	-----

Позднейшие датированные копейки Петра относятся к 1703 г., что определяет и дату всего клада.

Однако клад по своему составу резко отличается от многочисленных и хорошо известных кладов начала XVIII в. Сложившиеся на начальном этапе петровской реформы клады первых лет XVIII в. характеризуются обильным содержанием монет Михаила Федоровича, значительным количеством монет Алексея Михайловича, наличием обязательных групп копеек Федора и Ивана Алексеевичей и большим процентом петровских монет. Ранняя хронологическая граница таких комплексов падает на 1613 г., а дореформенные монеты, чеканенные по трехрублевой стопе, встречаются в них лишь как исключения. Типичным кладом начала XVIII в. является описанный выше клад 14. В кладе 15 мы наблюдаем чрезвычайную пестроту состава, вообще не укладывающуюся в рамки представлений о характере русского денежного обращения петровского времени.

Проще всего было бы назвать этот клад сокровищем длительно-го накопления, церковной казной, собиравшейся в течение двух столетий. Однако, что такое вообще длительное накопление? Это процесс, который можно уподобить опусканию в копилку монет на протяжении многих десятилетий. Если этот процесс непрерывен, то в составе сокровища будут полностью стерты типичные черты состава обращения любого небольшого периода. Если же он осуществлялся с перерывами, то вряд ли можно говорить о длительном накоплении. В таком случае состав сокровища будет соединением разновременных комплексов, которые возможно расчленить и датировать. Попытаемся с этой точки зрения рассмотреть состав Борисоглебского клада.

Если мы возьмем наиболее раннюю его часть, то достаточно легко обнаружим четкую грань, отделяющую эту раннюю часть от остального сокровища. Хронологическая грань обнаруживается в составе монет Ивана IV. Из 7748 монет Ивана Грозного 7053 монеты — безымянные копейки 1533—1547 гг. (1053 экз.), великокняжеские денги (5988 экз.) и великокняжеские полушки (12 экз.), т. е. монеты начального периода чеканки Ивана IV. Все монеты этой группы за небольшим исключением принадлежат к числу экземпляров отличной сохранности. Легкие штрихи и царапины, образовавшиеся на монете при чеканке вследствие неровности штемпеля, на них не сглажены совершенно, свидетельствуя о том, что монеты этой группы в обращении не были вообще, хотя и оказались включенными в комплекс начала XVIII в. Отметим, что это касается всех видов безымянных копеек, в том числе и копеек с обозначением А, которые И. Г. Спасский отнес к продукции Московского денежного двора. В отличие от этих монет, которые уже в силу отмеченных особенностей мы относим к новгородскому чекану, остальные великокняжеские монеты Ивана (с обозначением ФС и псковские мечевые копейки) сильно сглажены, потерты и несут на себе все признаки весьма длительного обращения. Такой же характер имеют и царские денги и копейки Ивана, которых в кладе 566 экз. Некоторое представление об этой разнице дают цифры среднего веса основных групп монет Ивана. При одинаковой норме чеканки безымянные копейки 1533—1547 гг. в Борисоглебском кладе дают средний вес 0,67 г, тогда как остальные великокняжеские копейки того же клада имеют сред-

ний вес 0,652 г, а царские копейки — 0,657 г. Соответственно, великокняжеские денги имеют средний вес 0,322 г, а царские денги — 0,319 г.

Основываясь на этих наблюдениях, можно утверждать, что самая ранняя часть клада образовалась около 1533 г. и совершенно независима от его более поздней части. В ее состав входит около 7100 монет, являющихся результатом непосредственного передела старой церковной казны в новые монеты, введенные реформой 1533 г. К той же части мы должны отнести и обнаруженные в кладе монеты XV в., которые в обращении времени Ивана Грозного в таких количествах уже не участвуют.

Наиболее ранними монетами второго входящего в клад комплекса являются потерянные великокняжеские монеты Ивана с обозначением **ФС**, мечевые псковские копейки и известное количество анонимных монет, несущих на себе следы обращения. К этой части возможно относить все остальные монеты Ивана IV (около 700 экз.), монеты Федора Ивановича (228 экз.), Бориса Годунова (318 экз.), Лжедмитрия (56 экз.) и Василия Шуйского (169 экз.), т. е. основную часть монет, чеканившихся до введения в начале XVII в. пониженных норм чеканки. Составленной после 1611 г. эта часть уже не может быть, так как около названной даты происходит быстрый процесс изъятия тяжеловесных монет из русского обращения. С другой стороны, монеты Владислава и шведский чекан Новгорода в кладе представлены редкими экземплярами. Сравнивая описанный комплекс с обычными комплексами времени Василия Шуйского, мы найдем между ними значительное сходство и сможем датировать вторую часть Борисоглебского клада концом первого десятилетия XVII в.

Наконец, третья часть клада, в которую входят все остальные монеты, чеканенные после 1611 г. и, несомненно, отдельные монеты несколько более ранние, вполне типична для обращения начала XVIII в. Наиболее близкую аналогию Борисоглебскому кладу возможно указать в одном ярославском кладе, зарытом в 1701–1702 гг.¹⁸ Приводим сравнительные данные:

¹⁸ Янин В. Л. Монетные клады Ярославского краеведческого музея, клад 10.

	Третий комплекс клада 15	Ярославский клад 10
Иван IV	?	6
Федор Иванович	?	2
Дмитрий	?	1
Владислав	12	1
Новгород, 1611–1615	12	8
Новгород, 1615–1617	12	1
Михаил Федорович	2635	776
Алексей Михайлович	604	429
Федор Алексеевич	132	216
Иван Алексеевич	163	131
Петр Алексеевич	421	392
Мордовки	224	—

Таким образом, в Борисоглебском кладе мы имеем дело не с комплексом длительного накопления, а с результатом воссоединения в 1703 г. трех разновременных монетных комплексов, из которых один образовался в 1533 г. из монет, никогда не бывших в обращении, другой был создан около 1610 г., третий — в 1703 г. Состав каждого из этих комплексов вполне типичен для обращения указанных периодов.

Единственное объяснение, которое можно предложить, пытаюсь выяснить причину соединения всех трех кладов в одном церковном тайнике, заключается в предположении, что в 1703 г. при ремонте церкви Бориса и Глеба было обнаружено два старых тайника — времени Ивана Грозного и времени шведской интервенции. Перехоронение кладов в общем тайнике могло быть вызвано деятельностью Петра, производившего как раз во времена окончательного сокрытия церковной казны многочисленные реквизиции церковных ценностей для нужд Северной войны.

Клад 16. Найден в 1936 г. в деревне Хутынь Новгородского района. 1875 монет общим весом 557,2 г. Инв. № 216. Состав:

Иван IV	5	экз.
Михаил Федорович	67	
Алексей Михайлович	29	
Федор Алексеевич	38	
Иван Алексеевич	43	»

Петр Алексеевич	1682
Неразборчивые	11
Младшая монета Петра датирована 1709 г.	

Клад 17. Найден в июле 1954 г. в деревне Рахмыжа Чудовского района Новгородской области при вспашке огорода. 39 монет общим весом 1010,5 г. Инв. № 9697. Состав:

Петр I: рубли 1718 г., 1720 г., 1721 г.

Анна Иоанновна: рубли 1730 г., 1731 г. (4 экз.), 1732 г. (6 экз.), 1733 г. (4 экз.), 1734 г. (5 экз.), 1735 г., 1736 г. (2 экз.), 1737 г., 1738 г. (6 экз.), 1739 г., (3 экз.);

Елизавета Петровна: рубли 1742 г., 1743 г. (2 экз.).

Клад 18. Найден в 1946 г. близ Юрьева монастыря под Новгородом. 43 монеты общим весом 1064 г. Инв. № 289—316. Состав:

Петр I: рублей 1719 г., 1721 г.;

Екатерина I: рубль 1727 г.;

Петр II: рубли 1727 г., 1729 г.;

Анна Иоанновна: рубли 1731 г. (2 экз.), 1732 г. (3 экз.), 1733 г., 1734 г. (2 экз.), 1736 г., 1737 г. (2 экз.), 1739 г. (2 экз.), 1740 г.; полтины 1737 г., 1738 г.;

Елизавета Петровна: рубли 1743 г., 1745 г., 1747 г., 1748 г., 1750 г. (2 экз.), 1751 г. (2 экз.), 1754 г. (4 экз.), 1756 г. (3 экз.), 1757 г. (2 экз.), 1758 г., 1760 г.; полтина 1760 г.;

Петр III: рубли 1762 г. (2 экз.).

Клад 19. Найден в 1954 г. в Новгороде. 33 монеты общим весом 615,7 г. Инв. № 9688. Состав:

Петр I: рубль 1719 г.;

Екатерина II: рубли 1764 г. (2 экз.), 1766 г. (2 экз.), 1767 г., 1768 г. (2 экз.), 1769 г., 1771 г., 1773 г., 1774 г. (2 экз.), 1775 г. (2 экз.), 1776 г. (2 экз.), 1777 г., 1778 г., 1780 г., 1781 г., 1782 г., 1783 г., 1786 г., 1787 г.; 15-копеечные монеты 1767 г., 1769 г., 1771 г., 1781 г., 1784 г., 1785 г. (2 экз.); гривенник 1784 г.

Клад зарыт в конце 80-х годов XVIII в.

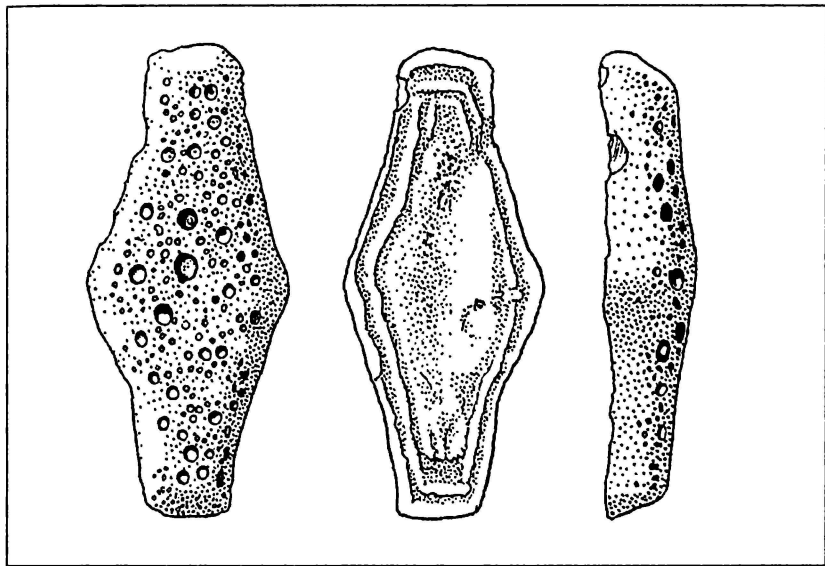
Древнерусские гривны — экзагии. К вопросу о происхождении русского фунта*

30 июля 1977 г. в ходе археологических работ на Городище близ Новгорода руководитель раскопок Е. Н. Носов при обследовании северного берега Сиверсова канала обнаружил на мысу, образованном каналом и течением Волхова, медный шестиугольный слиток так называемого «киевского» типа. Длина слитка — 77,5 мм, ширина — 34,7 мм, толщина — до 14,5 мм (илл. 1). Поскольку слиток обнаружен не в культурном слое, а оказался вымытым из него, данных для его стратиграфического датирования нет, и, решая вопрос о времени отливки и бытования этого слитка, возможно опираться только на его метрологическую характеристику: он весит 128,04 г.

Шестиугольные серебряные денежные слитки известны в значительном количестве из находок в южной Руси, где они концентрируются главным образом на Киевщине и на Волыни (илл. 2), имея однообразный вес около 163–164 г (общие границы колебания их веса достигают 151–167 г при редчайших исключениях в обе стороны — от 135 до 170 г)¹. Изредка встречается характерная разновидность шестиугольного слитка — так называемые черни-

* Этот раздел статьи был в свое время опубликован в Бельгии: EX ORIENTE LUX. Bruxelles, 1991. Vol. 1. P. 143–146.

¹ *Bauer N.* Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters // Numismatische Zeitschrift. Wien, 1929. 62. S. 101–111; *Романов Б. А.* Деньги и денежное обращение // История культуры Древней Руси. Т. I. М.; Л., 1948. С. 392; *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. С. 53.



Илл. 1. Находка 1977 г.

говские гривны с расплюснутыми концами и иной весовой нормой — около 196 г². Обе группы шестиугольных слитков принадлежат к разным денежно-весовым системам: «киевские» весом около 164 г — к южнорусской, древнейшими представителями которой являются обрезанные в кружок по норме 1,64 г дирхемы Стародединского клада конца X в.³ и древнейшие русские сребреники рубежа X и XI вв. (около 3,27 г)⁴; «черниговские» — к северной системе, обильно представленной длинными брусками «гривен серебра» весом около 196,5 г, но впервые фиксированными обрезанными в кружок по норме 1,02 г дирхемами Березовского и Безлюдовского кладов⁵. Возникновение обеих денежных систем указаннымикладами датируется второй половиной X в., что само по себе отнюдь не определяет времени первоначального возникновения шестиугольного слитка в 164 г, поскольку такие слитки мог-

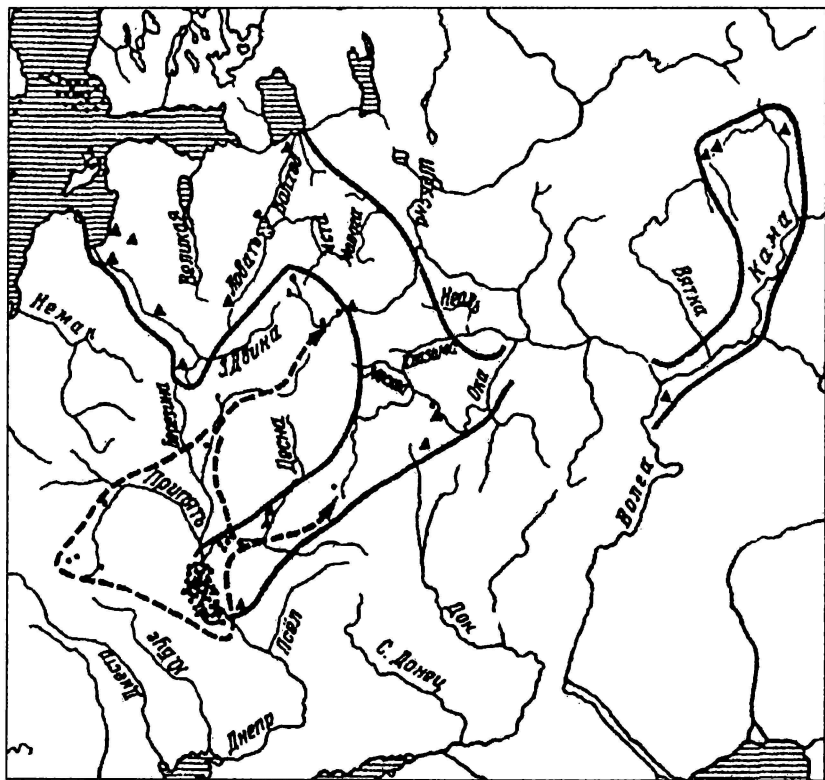
² Bauer N. Op. cit. S. 116–120.

³ Янин В. Л. Указ. соч. С. 148.

⁴ Там же. С. 162–171.

⁵ Там же. С. 152–162.

ли появиться в недрах южнорусской системы не обязательно в момент ее образования. Напротив, отсутствие совместных находок дирхемов и денариев X–XI вв. с такими слитками всегда воспринималось как определенное свидетельство появления последних в эпоху, когда западноевропейский денарий уже вышел на Руси из обращения, т. е. не ранее второй четверти XII в. Более аргументированным представляется принятый в литературе момент



Илл. 2. Распространение денежных слитков домонгольского времени (по Н. П. Бауеру)

прекращения литья шестиугольных слитков, совпадающий с монголо-татарским нашествием. Эти слитки наиболее часто встречаются в кладах, зарытие которых связано с походом Батыя на Русские земли, что дало, например, Г. Ф. Корзухиной повод предпо-

лагать, что они вообще характерны для времени не ранее последней четверти XII в.⁶ Обнаруженный уже после выхода книги Г. Ф. Корзухиной древнейший на сегодняшний день датированный шестиугольный слиток из раскопок в Новгороде извлечен из слоев 1116–1161 гг.⁷

Вновь найденный слиток, обладая всеми внешними признаками обычного шестиугольного слитка (за исключением того, что он отлит из меди, а не из серебра), имеет вес, не соответствующий уже известным нам нормам, однако этот вес не случаен, что я попытаюсь показать ниже.

До возникновения южной и северной денежно-весовых систем на Руси существовала единая система гривны в 68,22 г, базирующейся на дирхеме. Удвоенная величина такой гривны равна 136,44 г и должна привлечь наше внимание в связи с метрологической характеристикой найденного на Городище слитка. Дело в том, что величина гривны в монетах несколько отличалась от величины той же гривны в слитке. Причиной такого парадокса является неизбежность угара металла при переплавке монет во время литья слитка. В процессе переплавки выгорали главным образом малоценные примеси, но отчасти и само серебро. Нужно представление о норме угара, характерной для домонгольского времени, дает сравнение веса слитка северной системы (около 196,5 г) с весом адекватной ему единицы, выраженной в монетах. Северный слиток был равен 4 гривнам кун, но каждая из этих гривен кун соответствовала 51,2 г в монетах, что в целом дает для совокупности 4 гривен кун 204,75 г. Таким образом, при плавке монет в этом случае терялось в среднем 8–8,5 г лигатурного серебра.

Прилагая ту же пропорцию к публикуемому слитку, можно составить следующее уравнение,

$$г. \frac{204,75}{196,5} = \frac{136,5}{x}$$

где x должен соответствовать нормальному весу серебра, переплавленного из 136,5 г серебряных монет. При решении этого уравнения x приравнивается 130,9 г, что дает практическое совпа-

⁶ Корзухина Г. Ф. Русские клады. М.; Л., 1954.

⁷ Медведев А. Ф. О новгородских гривнах серебра // СА. 1963. № 2.

дение с реальным весом найденного на Городище шестиугольного слитка.

Подстановка в пропорцию величин (теоретической и реальной) обычного шестиугольного слитка «киевского» типа продолжает ее следующим образом,

$$г: \frac{204,75}{196,5} = \frac{170,63}{163,8} = \frac{136,5}{130,9}$$

Небезинтересен анализ этой пропорции. Составляющие ее величины относятся друг к другу как 6 : 5 : 4. В 136, 5 г содержатся четыре единицы по 34,11 г; в 170,6 г таких единиц пять; в 204,7 г их шесть. Величина 34,11 г составляет ровно половину древнейшей гривны в 68,22 г.

Величины нижнего ряда, естественно сохраняя то же соотношение, делятся на несколько меньшую единицу — в 32,75 г. В 130,9 г содержится четыре, в 163,8 г — пять, в 196,5 г — шесть таких единиц.

И величина 32,75 г оказывается теоретически закономерной и существовавшей вполне реально в рассматриваемое время. Это вес наиболее распространенной в русских древностях X–XI вв. сферической (боченовидной) гири в 8 единиц по 4,09 г. Следовательно, четыремя такими гирями проверялась правильность издаваемого здесь слитка, пятью — обычного шестиугольного серебряного слитка «киевского» типа, шестью — слитка-бруска «северного» типа.

Приведенный расчет, как мне представляется, дает необходимые материалы к осмыслению проблемы происхождения 96-ти золотникового фунта (иначе — гривенки серебра или скаловой гривны в 48 золотников). Ведь именно 48 единиц по 4,09 г содержала северная гривна серебра в 196,5 г, тогда как в исходной гривне серебра (204,75 г в монетах) было 50 таких единиц. Возвращение в обиход величины в 204,75 г (известной как скаловая гривенка) в определенный момент соединилось с делением ее не на 50, а на привычные в практике 48 единиц, вес которых соответственно увеличился до 4,26 г, и эта новая единица стала называться золотником.

Возвращаясь к хронологическому аспекту проблемы, я полагаю доказанным, что найденный на Городище слиток может датиро-

ваться только серединой – второй половиной X в., когда еще существовала древнейшая денежная система с гривной в 68,22 г. Однако эта находка не меняет сложившегося представления о более позднем начале литья на Руси серебряных денежных слитков, поскольку сам ее материал указывает на то, что городищенский слиток имел иную функцию. Он мог служить экзагием – гирей, предназначенной для взвешивания отлитых из серебряных монет предметов, ценностное соотношение которых с монетами требовалось устанавливать в практике торгового обмена. Форма предмета, возникшего как гиря для взвешивания серебра, в дальнейшем была использована в южнорусской системе при литье серебряных денежных слитков.

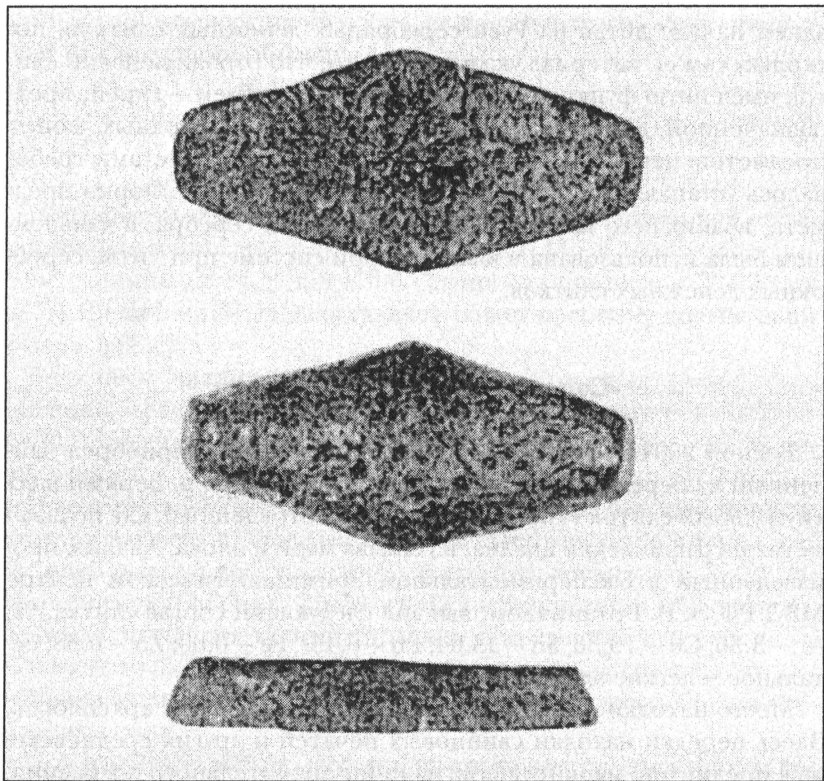
«Сорочек» как весовая единица

Весной 2004 г. Новгородский музей-заповедник приобрел найденный на берегу Ильменя близ впадения в озеро р. Веряжи шестиугольный слиток «киевского типа», изготовленный, как показал металлографический анализ, из сплава меди и олова: Анализ, произведенный в Экспериментальном криминологическом центре МВД РФ Э. В. Вртанияном, выявил следующий состав слитка, %: Ag – 3,36; Cu – 73,36; Sn – 13,04; Pb – 8,43?; Fe – 0,60; Zn – 0,38; остальное – легкие элементы.

Место находки слитка давно привлекает внимание археологов. Здесь нередко находки свинцовых печатей и других средневековых предметов, маркирующих наличие значительного поселения. Слиток отличается сравнительно небольшими размерами (его длина – 7 см, ширина – 3 см) (илл. 3) и необычным для предметов этой категории весом: 108,876 г.

Материал, из которого изготовлен слиток, определяет и его функцию. Это не фальшивая денежная гривна, а несомненная гиря. В поисках ее весового значения перспективной оказалась ее кратность 40 единицам. Деление на 40 дает рациональную величину в 2,7219 г, идеально соответствующую норме куны-дирхема в древнейшей русской денежно-весовой системе – 2,73 г (гривна в 68,22 г = 25 кунам; куна = 2,7288 г). Иными словами, перед нами знаменитый в денежной терминологии Древней Руси *сорочек*, выраженный не в сумме звериных шкурок, а в их весовом серебра-

ном эквиваленте. Что касается времени изготовления рассматриваемого слитка, его ориентация на дирхем датирует находку X в.



Илл. 3. Находка 2004 г.

Предложенный расчет ведет к еще одному существенному наблюдению. Оказывается, что шестиугольный денежный слиток «киевского» типа (163,8 г) представляет также *сорочек*, но с лежащей в его основе иной единицей — 4,095 г, которая в южнорусской денежно-весовой системе является ногатой⁸, а в северной равна двум кунам⁹. Та же весовая единица (4,095) является нормой, лежа-

⁸ Янин В. Л. Указ. соч. С. 159.

⁹ Там же. С. 160.

щей в основе кратности сферических (боченовидных) гирек, обслуживавших севернорусскую денежно-весовую систему. Таким образом, эта единица оказывается переводным коэффициентом из одной территориальной системы в другую.

Термин *сорочек*, широко распространенный в Древней Руси¹⁰, давно привлекает к себе исследователей необычностью самой конструкции слова *сорок*, лежащего в его основе. «Только в русском языке есть слово *сорок*, не славянского происхождения, ибо по существующей конструкции в русском языке число 40 должно бы называться *четыредесят*, как число 50 называется – пятьдесят; число 60 – шестьдесят и т. д.»¹¹. М. С. Левшиновский некогда предложил анекдотическое объяснение такой конструкции: «При переговорах греки, указывая на связки в 40 кунных шкурок... говорили: *тэссафаконта*, т. е. четыре десятка; а русские это слово так поняли: первый слог *те* (эти), а остальное слово: *ссафаконта* русские на свой слух и лад переделали в *сарако*, но по новгородской привычке окать... русские и это слово стали выговаривать как *сороко*; а время доделало остальное»¹². Наивным представляется превращение греческого слова в русскую фразу *Те сорок кун-то*, но восхождение русского *сорок* к греческому обозначению числа 40 кажется вполне правдоподобным¹³.

¹⁰ Ковалев Р. К. Деревянные долговые бирки-сорочки XI–XII вв. из новгородской коллекции // Новгородский исторический сб. СПб., 1903. Вып. 9 (19). С. 28–35; Он же. Бирки-сорочки: упаковка меховых шкурок в средневековом Новгороде // Там же. С. 36–56.

¹¹ Левшиновский М. С. Спорные вопросы русской нумизматики. П., 1915. С. 60.

¹² Там же. С. 61.

¹³ Еще один шестиугольный слиток, на этот раз серебряный, был в 1997 г. найден в Новгороде в слое начала XIV в. (Степанов А. М. Работы на Андреевском II раскопе в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1998. Вып. 12. С. 19). В момент находки он показал вес 191,3 г, а после расчистки – 189,539 г. Таким образом, эта находка относится к категории шестиугольных денежных слитков северной системы. Ср.: Bauer N. Op. cit. S. 111–116.

Новгородский клад западноевропейских и византийских монет конца X — первой половины XI в.*

Находка монетного клада в ходе археологических раскопок является всегда желанным, но почти несбыточным событием. Только такая находка гарантирует защиту кладового комплекса от неизбежных утрат. Клад, обнаруженный при случайных обстоятельствах, чаще всего теряет часть монет, похищенных или взятых на память находчиками. Однако и тогда, когда подобных изъятий не происходит, исследователь бывает вынужден допускать их возможность и поневоле обращается с изучаемым комплексом как с некоторой частью целого, предполагая, что из его состава безвозвратно ушли наиболее эффектные или чем-то необычные монеты.

Редкость обнаружения кладов при раскопках может быть иллюстрирована практикой Новгородской экспедиции. За шесть десятилетий интенсивных исследований культурного слоя в Новгороде до 1993 г. в нем лишь трижды были найдены монетные клады. В 1953 и 1956 гг. на Неревском раскопе в слоях 80-х годов X в. обнаружены два клада куфических дирхемов (соответственно 871 и 735 монет)¹. В 1979 г. на Нутном раскопе в слое конца первой четвер-

* Гайдуков П. Г., Янин В. Л. Древнейшие государства Восточной Европы. 1984 г. Новое в нумизматике. М.: Археографический центр, 1996. С. 151–170.

¹ Янина С. А. Неревский клад куфических монет X века // МИА. М., 1956. № 55: Тр. Новгородск. археологич. экспедиции Т. 1. С. 180–207; *Она же*. Второй Неревский клад куфических монет X в. // Там же. М., 1963. № 117: Новые методы в археологии. Тр. Новгородск. археологич. экспедиции. Т. 3. С. 288–331.

ти XV в. обнаружен небольшой клад ливонских монет (28 экз.)². Четвертая подобная находка является предметом настоящей публикации.

17 августа 1993 г. при работах на Троицком раскопе в Новгороде был найден клад, состоящий из 57 западноевропейских и 2 византийских серебряных монет конца X — первой половины XI в. Сокровище обнаружено на уровне 14-го пласта в квадрате 1053 при расчистке сруба № 130, относящегося к 26-му строительному ярусу Троицкого-X раскопа. Монеты были найдены в столбовой яме, которая стратиграфически относится к жилому срубам № 124. Этот сруб залегал над срубом № 130 и отнесен к 25-му строительному ярусу. Таким образом, можно думать, что клад был спрятан хозяином сруба № 124 в рыхлой земле столбовой ямы под полом собственного дома. Монеты лежали одна на другой, образуя столбик, высота которого составляла около 7 см. Вероятнее всего, они в древности были завернуты в ткань из нитей растительного происхождения, которые в новгородском культурном слое полностью истлевают. Верхние монеты залегали на глубине около 2,75 м. Стратиграфически и по дендрохронологии 25-й строительный ярус Троицкого-X раскопа датируется 1025—1055 гг.

Один из византийских милиарисиев относится ко времени правления Никифора II Фоки (963—969), другой чеканен при Василии II и Константине VIII (976—1025) (см. № 1, 2 на фототаблице).

Западноевропейские монеты подразделяются на английские пенсы королей Этельреда II (978—1016; 11 экз.; см. № 3—13 на фототаблицах) и Кнута Великого (1016—1035; 10 экз.; см. № 14—23 на фототаблицах), скандинавские (?) подражания английским монетам этих королей (7 экз.; см. № 24—30 на фототаблицах) и германские денарии различных областей (29 экз.).

Монеты Этельреда II представлены типами: «сгух» — 2 экз., «длинный крест» — 3 экз., «шлем» — 3 экз., «последний малый крест» — 3 экз. Среди них полностью отсутствуют ранние типы чекана этого правителя (оба Hand Type и Cgux Mule), датируемые 978—990 гг. Что касается монет Кнута Великого, то они представлены типами: «четырёхлистник» — 9 экз. (этот тип чеканился до

Молвыгин А. Н., Янин В. Л. Новгородский клад ливонских монет XV в. // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 323—328.

1023 г.) и «остроконечный шлем» — 1 экз., чеканка которого началась в 1023 г. и продолжалась до 1029 г. Соотношение отмеченных монетных типов указывает на то, что формирование английской части клада закончилось не позднее середины 20-х годов XI в. Пенсы отчеканены в следующих городах: Гастингсе, Глостере, Йорке, Кембридже, Кентербери, Криклейте (?), Линкольне, Лондоне, Нориче, Нортгемптоне и Стамфорде. Следует заметить, что пенсы Этельреда II, чеканенные в Криклейте, до сих пор в восточно-европейских кладах не встречались³.

Перечислим немецкие денарии. К Нижней Лотарингии относятся семь монет (см. № 31–37 на фототаблицах): Фландрия, Брюгге — 1 экз.; Рейнская область, Кёльн — 3 экз.; Восточная Фризия, Йевер (?) — 3 экз. К Саксонии относятся восемь монет (см. № 38–45 на фототаблицах): Нижняя Саксония, Гослар — 1 экз.; Остфален, Магдебург — 6 экз.; Тюрингия, Эрфурт — 1 экз. К Франконии относятся две монеты, обе они отчеканены в Майнце (см. № 46, 47 на фототаблице). К Швабии относятся семь монет (см. № 48–54 на фототаблицах): Страсбург — 1 экз.; Эссlingen — 2 экз.; Констанц — 1 экз.; Аугсбург — 3 экз. К Баварии относятся пять монет, все они отчеканены в Регенсбурге (см. № 55–59 на фототаблице).

Среди немецких монет очень широкие даты имеют фландрский денарий, чеканенный при Балдуине IV (989–1036) и саксонский пфенниг Оттона и Адельгейды (991–1040). Среди регенсбургских монет выделяются два денария, которые Г. Данненбергом были отнесены к чекану короля Генриха II (1002–1014)⁴. Эти же монеты В. Хан рассматривает среди денариев короля Генриха III (1027–1047) и датирует вторым периодом его правления (1039–1042)⁵.

Указанная датировка признана спорной и не принята К. Йонсоном и В. Хатц⁶. Коль скоро дата младших достоверно датированных монет германского чекана полностью совпадает с датой младшей

³ *Потин В. М.* Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Историко-нумизматический очерк. Л., 1968. С. 114.

⁴ *Dannenberg H.* Die deutschen Münzen der sachsichen und frankischen Kaiserzeit. Berlin, 1905. Bd. IV. № 1083.

⁵ *Hahn W.* Moneta Radasponensis. Bayerns Münzprägung im. 9., 10 und 11. Jahrhunderts. Braunschweig, 1976. S. 85. № 38.

⁶ *Jonsson K.* Vikingatidsskatten fraan Thuleparken i Eskilstuna, Soodermanland // Nordisk numismatik aarskrift. Oslo, 1979/80. S. 73; Письмо В. Хатц П. Г. Гайдукову от 4. XII. 1993 г.

монеты английского чекана (середина 20-х годов XI в.), вопрос о спорной датировке указанных регенсбургских монет решается, безусловно, в пользу традиционной ранней версии. Таким образом, время сокрытия клада по нумизматическим материалам можно с осторожностью определить как вторую половину 20-х — начало 30-х годов XI в.

Детальная датировка скандинавских подражаний английским монетам до сих пор не является надежной. Однако следует обратить внимание на то, что набор типов имеющихся в кладе подражаний полностью соответствует оригинальным типам монет Этельреда II и Кнута Великого конца X — первой четверти XI в., соответствуя только что приведенной общей датировке публикуемого сокровища.

Это вообще первый в Новгороде клад западноевропейских монет XI в., хотя отдельные германские монеты того времени при раскопках обнаруживались неоднократно⁷. Сравнение с кладами указанного периода, найденными в других регионах русского Северо-Запада, обнаруживает в новгородском кладе две существенные особенности. В нем отсутствуют восточные монеты, преобладавшие в обращении вплоть до середины XI в., и обломки монет, которыми денежное обращение первой половины XI в. изобиловало: на протяжении всего этого времени материалом русского денежного обращения оставалась сложная смесь разновесных монетных кружков (куфических, византийских, английских, немецких), которые могли приниматься только на вес, что и приводило к устойчивой практике дробления монеты. Обломки и обрезки монет решительно преобладают над целыми почти во всех кладах первой половины XI в. В этих кладах на тысячи обломков приходится десятки, а порой и единицы целых монет⁸.

Калчин Б. А. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // МИА. № 55. С. 129—131; Потин В. М. Топография находок западноевропейских монет X—XIII вв. на территории Древней Руси // Тр. Государственного Эрмитажа. Л., 1967. Т. 9: Нумизматика, 3. С. 142—143. № 200—202.

⁷ Bauer N. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11. und 12. Jahrhunderts // Zeitschrift für Numismatik. Berlin, 1929—1930. Bd. 39—40 (автореферат этой работы в журнале: Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 9/10. С. 235—242); Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. С. 155—156.

Отсутствие в новгородском кладе арабских дирхемов и обрезков монет в высшей степени противоречиво. Если бы клад был обнаружен при случайных обстоятельствах, неизбежной оказалась бы мысль о том, что находчиками из его состава были выбраны только целые монеты западной чеканки. Между тем необычность его состава безусловна и поначалу представлялась необъяснимой.

Понимание этих особенностей было найдено, когда клад был взвешен. Общий вес 59 монет равен 69,13 г, а основная русская денежная единица той эпохи — гривна кун — приравнивалась к 68,22 г серебра⁹. Владелец сокровища отобрал ровно на одну гривну однообразных по величине монет и припрятал их, хорошо запомнив, что им отложена круглая сумма¹⁰.

Состав новгородского клада¹¹

Византия

Никифор II Фока (963—969)

1. Константинополь. Милиарисий, обрезан, дважды пробит.

Мог., р. 591. pl. LXXIX, AR/01 (var.); Gr., р. 585, 586, № 6, pi. XLI, № 6, 1; 6, 12 (var.); Толстой, с. 50, 51, № 6, табл. 78, 6.

Вес 1,83 г

Василий II и Константин VIII (976—1025)

2. Константинополь. Милиарисий, пробит.

Мог., р. 609. pi. LXXXII, AR/01 (var.); Gr., (класс II B (977—989)), р. 630, pl. XLVI, № 18. а. 1 и 2 (var.); Толстой, с. 59, 60, № 12, табл. 79, 12.

Вес 1,91 г

Англия

Этельред II (978—1016)

Тип C: *сгux* (991—997)

3. Йорк. Монетарий Leofwine.

Hd., 768 (var.); ср.: SCBI, 7, pi. 12, № 269; 29, pi. 19, № 535.

Вес 1,34 г

⁹ Янин В. Л. Указ. соч. С. 56.

¹⁰ За помощь в уточнении прочтения некоторых английских монет авторы признательны А. С. Белякову, немецких — П. Илишу.

¹¹ Фото монет выполнены С. А. Орловым с увеличением в 2 раза.

4. Кембридж. Монетарий Wulfgar.

Hd., 1200; SCBI, 1, pi. 21, № 649; ср.: 7, pi. 17, № 384. *Вес 1,63 г*

Тип D: «длинный крест» (Long Cross) (997–1003)

5. Йорк. Монетарий Ovan.

Hd., 778; SCBI, 7, pl. 12, № 271; 20, pl. 32, № 976; 21, pl. 4, № 87; 24, pl. 19, № 563; 25, pl. 13, № 357, 358.

Вес 1,61 г

6. Норич. Монетарий Hwætman.

Hd., 3139; SCBI, 25, pi. 12, № 322.

Вес 1,28 г

7. Нортгемптон. Монетарий Æthelnoth.

Hd., 1236; SCBI, 7, pi. 17, № 393.

Вес 1,54 г

Тип E: «шлем» (Helmet) (1003–1009)

8. Криклейд (?). Монетарий Ædelsig (?).

Hd., —; a4 — +AEDELSIGE M, 0 CROC. (Возможно, подражание.)

Вес 1,41 г

9. Лондон. Монетарий Æthelweard.

Hd., —; a3 — +EDLPERD MO LVND; ср.: SCBI, 7, pl. 30, № 698, 699.

Вес 1,10 г

10. Лондон. Монетарий Subwine.

Hd., 2907; SCBI, 7, pl. 39, № 932 (о. с), 933.

Вес 1,36 г

Тип A: «последний малый крест» (Last Small Cross) (1009–1016)

11. Йорк. Монетарий Ulfketill.

Hd., 964; SCBI, 25, pl. 22, № 593; ср.: 7, pl. 14, № 316; 11(1), pl. 4, № 108.

Вес 1,32 г

12. Линкольн. Монетарий Godwine.

Hd., 1777 (var.) — a4; SCBI, 7, pl. 24, № 554; ср.: 21, pl. 38, № 1048; 27, pl. 10, № 257a.

Вес 1,25 г

13. Линкольн. Монетарий Sumarlithr.

Hd., 1905; SCBI, 27, pl. 11, № 291; ср.: 7, pl. 25, № 594; 25, pl. 18, № 498.

Вес 1,25 г

Кнут (1016–1035)

Тип E: «четырёхлистник» (Quatrefoil) (1017–1023)

14. Гастингс. Монетарий Ælfsige.

Hd., —; a irr. 102 — AELSIG ON HAESTIIN. SCBI, 13, pl. 42. № 1153(?)

Вес 0,82 г

15. Глостер. Монетарий Leofsigge.

Hd., 983; SCBI, 2, pl. 29, № 896; 13, pl. 37, № 1036; pl. 38, № 1037; 19(2) pl. 3, № 51; 20, pl. 36, № 1071.

Вес 1,12 г

16. Йорк. Монетарий Ketill.

Hd., 501 (var.); SCBI, 13, pl. 21, № 576.

Вес 0,80 г

17. Йорк. Монетарий Sunnulf.

Hd., 769; SCBI, 13, pl. 30, № 832; ср.: 36, pl. 25, № 676.

Вес 0,94 г

18. Кентербери. Монетарий Leofnoth.

Hd., 145 (var.); SCBI, 25, pl. 22, № 607; ср.: 2, pl. 29, № 892.

Вес 1,02 г

19. Лондон. Монетарий Beorhtferth.

Hd., 2026; SCBI, 14, pl. 78, № 2174; ср.: 30, pl. 19, № 598.

Вес 1,02 г

20. Лондон. Монетарий Eadwine.

SCBI, 14, 2350-3; ср.: SCBI, 14, pl. 86, № 2382, 2383.

Вес 0,95 г

21. Лондон. Монетарий Frethi.

Hd., 2352 (var.): a7; SCBI, 14, 2517-20; SCBI, 25, pl. 24, № 655.

Вес 1,01 г

22. Стамфорд. Монетарий Brandr.

Hd., 3232.

Вес 0,78 г

Тип G: «остроконечный шлем» (Pointed Helmet) (1023–1029)

23. Лондон. Монетарий Ælfweard.

Hd., 1917; ср.: SCBI, 13, pl. 41, № 1142-1148.

Вес 0,95 г

Скандинавия (?)

24. Подражание монете Этельреда II — типа «длинный крест».

Ср.: CNS IX-XI, 3. Skane-1, 28. 1387; SCBI, 37, pl. 14, № 347; ср.: 25, pl. 35, № 956.

Вес 1,76 г

25. Подражание монете Этельреда II — типа «длинный крест».

Ср.: CNS IX-XI, I. Gotland-1, 6. 1061.

Вес 1,25 г

26. Подражание монете Этельреда II — типа «последний малый крест».

Ср.: CNS IX-XI, 3. Skane-4, 59. 866.

Вес 1,14 г

27. Подражание монете Кнута — типа «четырёхлистник».

Вес 0,91 г

28. Подражание монете Кнута — типа «четырёхлистник».

Вес 1,28 г

29. Подражание монете Кнута — типа «остроконечный шлем».

Вес 1,08 г

30. Подражание монете Этельреда II — типа «длинный крест» и Кнута — типа «четырёхлистник».

Ср.: CNS IX-XI, I. Gotland-4, 18. 2250.

Вес 1,17 г

Германия Нижняя Лотарингия

Фландрия

31. Брюгге. Балдуин IV (989—1036)

Dbg., 152 1365, 1444; Salmo, S. 56, № 4; Kluge, № 283.

Вес 0,89 г

Рейнская область

32. Кёльн. Оттон III (983—1002)

Dbg., 331; Нав., 34; Salmo, S. 139, № 4 (var.); Ilisch, 1990, S. 199, Abb. 5.

Вес 1,21 г

33. Кёльн (?). Генрих II (1014—1024)

Dbg., 350 (var.); Нав., 192; Salmo, S. 168, № 413.

Вес 1,31 г

34. Кёльн. Генрих II (1014—1024)

Dbg., 350 (var.); Нав., 193.

Вес 1,36 г

Восточная Фризия

35. Йевер (?). Ок. 1020—1025 гг.

Dbg., 1298 (var.); Jesse, S. 226, № 63 (var.); Kjellgren, Тип 2.

Вес 1,13 г

36. Йевер (?). Ок. 1020—1025 гг.

Dbg., 1298; Ilisch, Taf., № 2, 3, 5—8, 10; Kjellgren, Тип 2; ср.: Jesse, S. 226, № 63

Вес 0,95 г

37. Йевер (?). Ок. 1020—1025 гг.

Dbg., 1298; Jesse, S. 226, № 63 (var.); Ilisch, Taf., № 1, 4, 11; Kjellgren, Тип 2.

Вес 1,09 г

Саксония

Нижняя Саксония

38. Гослар. Пфенниг Оттона и Алельгейды (991–1040)

Nz. III 5a; Kluge, 44 (var.).

Вес 1,36 г

Остфален

39. Магдебург. Ок. 1000–1020 гг., пробит.

Dbg., 643, 1330–1332.

Вес 1,17 г

40. Магдебург. Ок. 1000–1020 гг.

Dbg., 643, 1330–1332.

Вес 1,39г

41. Магдебург. Ок. 1000–1020 гг.

Dbg., 643, 1330–1332.

Вес 0,89 г

42. Магдебург. Ок. 1000–1020 гг.

Dbg., 643, 1330–1332.

Вес 1,00 г

43. Магдебург. Ок. 1000–1020 гг.

Dbg., 643, 1330–1332.

Вес 1,18 г

44. Магдебург (?). Ок. 1015–1025 гг. Dbg., 1333.

Вес 1,03 г

Тюрингия

45. Эрфурт. Генрих II (1002–1024)

Salmo S. 314, № 33 (?); Stoess, S. 3, Taf. 1, Abb. 3.

Вес 1,09 г

Франкония

46. Майнц. Генрих II (1002–1024)

Dbg., 785(var)

Вес 0,85 г

47. Майнц. Генрих II (1002–1024)

Dbg., 785(var)

Вес 0,91 г

Швабия

48. Страсбург. Генрих II (1014–1024)

Dbg., 920; Salmo, S. 369, № 9 (?).

Вес 1,26 г

49. Эсслинген. Генрих II (1002–1024)

Dbg., 951 (var.); Salmo, S. 374, № 4, 5 (?); Klein, Raff, S. 6, Abb. 6 (var.).

Вес 1,05 г

50. Эсслинген. Генрих II (1002–1024), пробит.

Dbg., 951 (var.); Klein, Raff, S. 6, Abb. 6 (var.).

Вес 1,20 г

51. Констанц. 983–1024 гг., пробит.

Dbg., 1072 (var.); Klein, S. 254, Taf. 6, № 27–36 (var.)

Вес 0,42 г

52. Аугсбург. Еп. Бруно (1006–1029). Второй период правления (1010–1026/29).

Dbg., 1027; Hahn, S. 103, № 147 (л. с. — III, var.; о. с. — а 1.2).

Вес 1,04 г

53. Аугсбург. Еп. Бруно (1006–1029). Второй период правления (1010–1026/29).

Dbg., 1027; Hahn, S. 103, № 147 (л. с. — III, var.; о. с. — а 1.2, var.).

Вес 1,07 г

54. Аугсбург. Еп. Бруно (1006–1029). Второй период правления (1010–1026/29).

Dbg., 1027a; Hahn, S. 107, № 147 (л. с. — III, var.; о. с. — b 1.15, var.).

Вес 1,09 г

Бавария

55. Регенсбург. Кор. Генрих II (1002–1014). Денарий 1002–1009 гг.

Dbg., 1074 (var.: OWH); Hahn, S. 83, № 27 (л. с. — var.; о. с. — j 1.2).

Вес 1,40 г

56. Регенсбург. Кор. Генрих II (1002–1014). Денарий 1002–1009 гг.

Dbg., 1074 (var.: ECCO); Hahn, S. 83, № 27 (л. с. — var.; о. с. — c 1.3).

Вес 1,04 г

57. Регенсбург. Кор. Генрих II (1002–1014)

Dbg., 1083; Hahn, S. 85, № 38 (л. с. — A 1; о. с. — A 2).

Вес 1,35 г

58. Регенсбург. Кор. Генрих II (1002–1014)

Dbg., 1083; Hahn, S. 85, 86, № 38 (о. с.); № 43 (л. с. — A 3, var.).

Вес 1,37 г

59. Регенсбург. Герц. Генрих V (1018–1026)

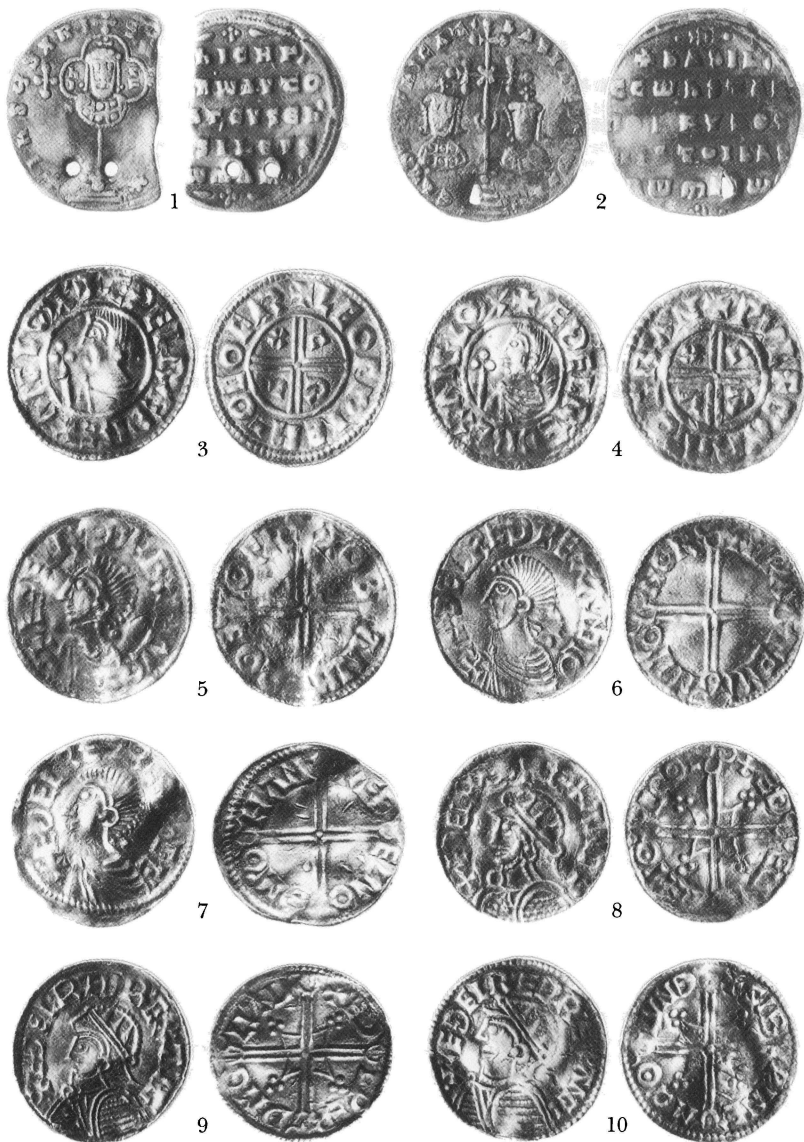
Dbg., 1090 (var.: Н:ЭО); Hahn, S. 84, № 31 (л. с. — 1; о. с. — f 3, var.).

Вес 1,18 г

Общий вес 69,13 г.

Принятые сокращения в каталоге

- Толстой — *Толстой И. И.* Византийские монеты. Барнаул, 1991. Вып. 10.
- CNS IX—XI — *Corpus nummorum saeculorum IX—XI qui in Suecia reperti sunt.* Stockholm, 1975. 1. Gotland-1; Stockholm, 1982. 1. Gotland-4; Stockholm, 1985. 3. Skane-1; Stockholm, 1987. 3. Skane-4.
- Dbg. — *Dannenberg H.* Die deutschen Münzen der sachsichen und frankischen Kaiserzeit. Berlin, 1876—1905. Bd. I—IV.
- Gr. — *Grierson P.* Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Gluckstadt, 1973. Vol. III. Part 2.
- Hahn — *Hahn W.* Moneta Radasponensis. Bayerns Münzprägung im 9., 10. und 11. Jahrhundert. Braunschweig, 1976.
- Hav. — *Havermik W.* Die Münzen von Köln // Die Münzen und Medaillen von Köln. Köln, 1935. 1.
- Hd. — *Hildebrand E.* Anglosachsiska mynt i Svenska Kongliga Myntkabinett funna i Sveriges jord. Stockholm, 1881.
- Hz. — *Hate V.* Zur Frage der Otto-Adelheid-Pfennige // *Commentationes de nummis saeculorum IX—XI in Suecia repertis.* Stockholm, 1961. Pars 1. S. 105—144.
- Ilisch, 1990 — *Ilisch P.* Zur Datierung der in nordischen Funden vorkommen ottonischen Münzen von Köln // *Nordisk numismatisk aarskrift.* Oslo, 1983—84. [1990]. S. 123—144.
- Ilisch — *Ilisch P.* Eine kleine Barschaft aus Hooksiel, krs. Friesland, vergraben um 1020 // *Hamburger Beiträge zur Numismatik.* H. 36/38. Hamburg (в печати).
- Jesse — *Jesse W.* Der wendische Münzverein. Lübeck, 1928.
- Klein — *Klein U.* Die Konstanzer Münzprägung vom Ende des 9. bis zur Mitte des 12. Jahrhunderts // *Freiburger Diözesan Archiv.* Freiburg, 1989. Bd. 109. Dritte Folge — Bd. 41. S. 213—266.
- Klein, Raff — *Klein U., Raff A.* Esslinger Münzen und Medaillen. Esslingen, 1990.
- Kluge — *Kluge B.* Deutsche Münzgeschichte von der späten Karolingerzeit bis zum Ende der Salier (ca. 900 bis 1125). Sigmarinen, 1991.
- Kjellgren — *Kjellgren R.* Myntningen i Friesland under vikingatiden. C-uppsats i arkeologi. Hostterminen, 1993.
- Mor. — *Morrison C.* Catalogue des monnaies byzantines de la Bibliothèque nationale. Paris, 1973. T. II.
- Salmo — *Salmo H.* Deutsche Münzen in vorgeschichtlichen Funden Finnlands // *Suomen Muinaismuistoyhdistiksen Aikakansivja,* XLVII. Helsinki, 1948.
- SCBI — *Sylloge of Coins of the British Isles.* 1. *Grierson P.* Fitzwilliam Museum. Cambridge, 1958; 2. *Robertson A. S.* Hunterian and Coats Collections. Glasgow, 1961; 7. *Galster G.* Royal Collection of Coins and Medals. Copenhagen, 1966. Part II; 11(1). *Blunt C. E., Dolley M.* Reading



Монеты Новгородского клада (1–10)



12



13

14



16



17

18



19

20



21



22



23



24



25



26



27



28



29



30





31



32



34



35



36



37



38



39



40





41



42



43



45



46



47



48



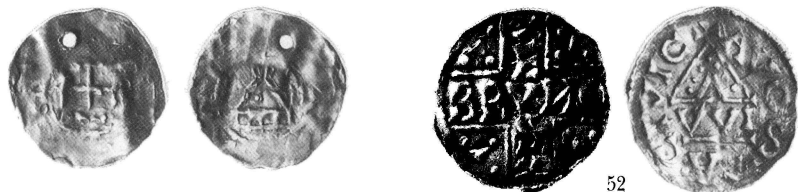
49



50



Монеты Новгородского клада (41–50)



52



54



56



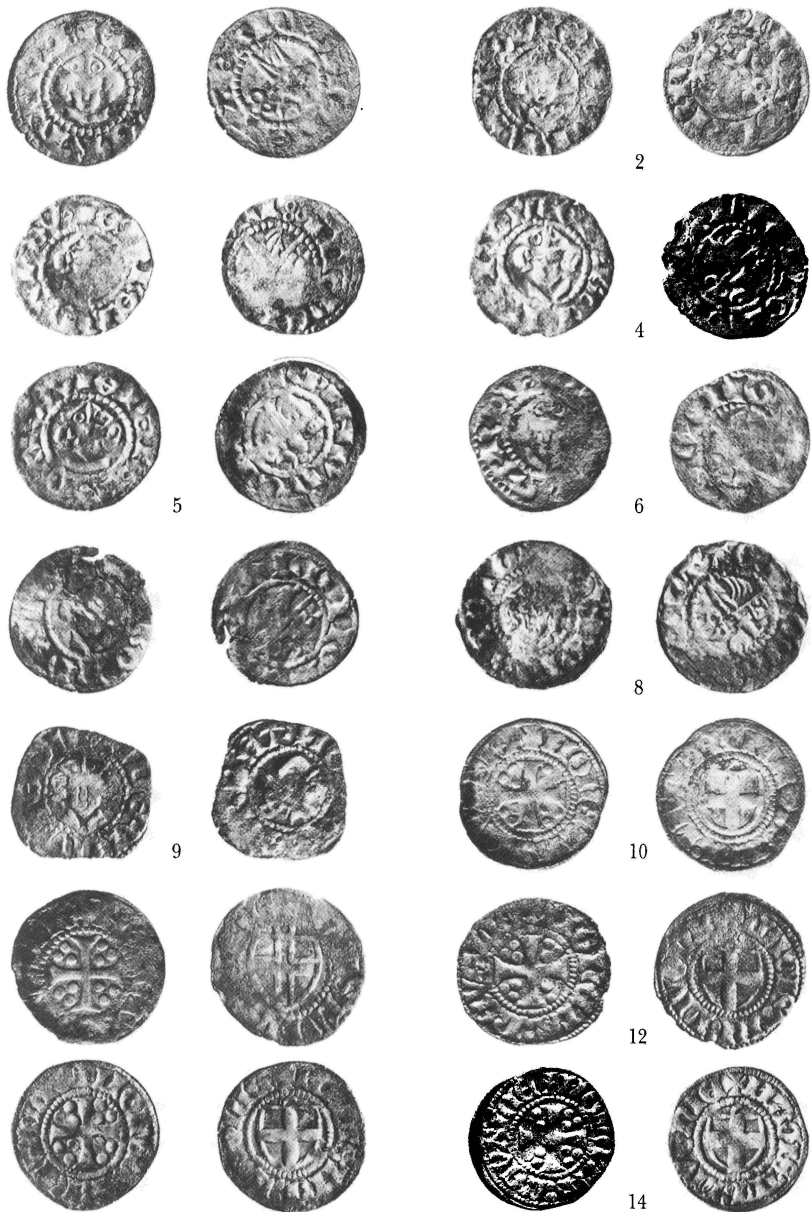
57

58



59

Монеты Новгородского клада (51–59)



Новгородский клад 1279 г.
 7–8 – артиги Бернхарда II Бюлова; 9 – артиги Дитриха IV Реслера;
 10–11 – анонимные артиги таллинской чеканки



16



18



19



20



21



22



23



24



25



26



27



28

Новгородский клад 1979 г.
 16–27 – анонимные артиги таллинской чеканки;
 28 – стерлинг Эрика Померанского (Нествед)

University. Royal Coin Cabinet. Stockholm, 1969; 13(Part III A)–14(Part III B). *Galster G.* Royal Collection of Coins and Medals, National Museum Copenhagen. London, 1970. Part III; 19(2). *Grinsell L. V., Blunt C. E., Dolley M.* Bristol and Gloucester Museums. London, 1973; 20. *Mack R. P.* R. P. Mack Collection. London, 1973; 21. *Pirie E. J. E.* Yorkshire Museum, York, the City Museum, Leeds and the University of Leeds. London, 1975; 24. *Gunstone A. J. H.* Collections in West Country Museums. London, 1977; 25. *Talvio T.* National Museum, Helsinki and other public Collections in Finland. London, 1978; 27. *Gunstone A. J.* Lincolnshire Collections. London, 1981; 29. *Warhurst M.* Merseyside County Museums. London, 1982; 30. *Brady J. D.* American Collections. London, 1982; 36. *Kluge B.* Berlin Collection. London, 1986; 37. *Gunstone A. J. H.* Collections in south-western Museums. London, 1987.

Stoess – *Stoess Ch.* Die frühesten Erfurter Münzen // Festschrift für Peter Berghaus zum 70. Geburtstag. Münster, 1989. S. 1– 10. Taf. 1–8.

О метрологических закономерностях в развитии русских монетных норм XIV—XVII веков*

Изучение русского денежного дела, имеющее большие успехи, постоянно выдвигает все новые и новые аспекты подхода к монетному материалу. Решение одной проблемы, как правило, влечет за собой постановку другой или пересмотр некоторых, казалось бы, вполне устоявшихся положений. Тем не менее, до сих пор не существует представления об общей картине развития русских денежных систем с древнейшего времени. Основываясь на изучении терминологии денежного обращения, мы знаем, что это развитие было непрерывным, что позднейшие системы, в том числе и существующая в настоящее время, своими корнями уходят в денежно-весовые системы еще домонгольского времени. Однако конкретный процесс исторических превращений сменявших друг друга денежных систем не прослежен полностью. В истории денежного обращения Древней Руси существует ряд белых пятен, настолько слабо насыщенных материалом источников, что подступы к ним кажутся непреодолимыми.

В этой связи нам представляется исключительно интересной публикуемая в настоящем сборнике статья Г. А. Федорова-Давыдова, в которой впервые надлежащим образом использованы метрологические показания монет. Г. А. Федорову-Давыдову на золотоордынском материале удалось показать, что смена монетных норм в процессе их развития не является бессистемной. В ее основе ле-

* Археографический ежегодник за 1957 год. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 17–25.

жит определенная метрологическая концепция. Каждая вновь вводимая монетная норма должна сохранять простое рациональное соотношение или с существующими и широко употребительными в торговой практике весовыми единицами или же с предшествующей монетной нормой. Иначе и не может быть, так как в противном случае были бы в сильнейшей степени затруднены все денежные операции, начиная от обмена старых денег на новые и кончая разнообразными долговыми и ростовщическими перерасчетами.

Следует добавить, что в тот период, когда денежные единицы еще не отделились от весовых или же когда процесс отделения еще не зашел далеко, новые монетные нормы должны быть теснее связаны с существующей весовой единицей, тогда как на последующих этапах этого процесса более тесной должна становиться связь последующей монетной нормы с предшествующей.

Выводы Г. А. Федорова-Давыдова позволяют по-новому подойти к метрологическим данным монет и денежного счета. Они дают возможность использовать наблюдения над закономерностями смены норм как определенный методический прием исследования. Если ранее результаты весового исследования монет использовались лишь для установления самого факта изменения монетной нормы и выяснения денежной стопы, т. е. отношения этой нормы к весовой единице драгоценного металла, из которого чеканилась монета, то теперь мы вправе расширить круг вопросов и обратиться к исследованию взаимосвязи различных монетных норм. Почему при той или иной денежной реформе была избрана та, а не иная монетная норма? Почему вес денежной единицы был понижен на ту, а не на другую величину? Разумеется, величина понижения денежной единицы зависела в первую очередь от общей экономической конъюнктуры, которой определяется причина реформы, но точное определение этой величины должно всегда зависеть от простейших метрологических расчетов.

Что касается русских денежных систем XIV–XVII вв., то они никогда не исследовались с этой точки зрения. В начальном периоде русской монетной чеканки осуществляется отделение денежной единицы от весовой. В связи с этим вступают в силу новые метрологические приемы, однако исследование позднейших монетных норм всегда ограничивалось только установлением отношения норм с гривной — весовой единицей, но не с предшествующим рублем — денежной единицей.

Прежде чем перейти к изложению нумизматических фактов под этим новым углом зрения, нам следует оговориться, какие именно монетные нормы особенно интересны в этой связи. Речь будет идти о монетных нормах, вводимых денежными реформами, а под денежной реформой нельзя понимать любое изменение монетного веса, как это иногда принято. В денежном деле различаются два вида таких изменений. Иногда они бывают коренными, порождающими понятия «старые деньги» и «новые деньги», вызывающими полную смену материала денежного обращения. В других случаях мы наблюдаем незначительные, но прогрессирующие изменения монетного веса, как бы «ползучее» понижение монетной нормы, не приводящее к противопоставлению новых монет старым. Очевидно, что в последнем случае мы имеем дело с результатом скрытого эксплуатирования монетной регалии, извлечением дохода только из чеканки монет, с некоторым злоупотреблением, которое, принося доход, все же не влечет за собой поначалу болезненных нарушений денежного обращения. В первом же случае мы наблюдаем систему финансовых мероприятий, в результате которых доход извлекается главным образом при официальном обмене старых денег на новые. Осуществление таких мероприятий возможно лишь в условиях смены монетного типа, без чего отличить старые деньги от новых чрезвычайно затруднительно, официального объявления новой стопы, иногда «заповедания» старых денег, как это было во время реформы Елены Глинской.

В связи с этим мы имеем право говорить о возможности существования в определенные периоды двух монетных норм — официально объявленной, которую можно называть исходной или теоретической и которая является результатом реформы, и неофициальной, несколько пониженной сравнительно с теоретической и постепенно все более понижающейся. Вполне очевидно, что вторая норма, существовавшая практически, не отражалась в официальных документах, кроме книг денежных дворов. Показательно, что при очередной денежной реформе правительство отталкивалось не от существующих в практике пониженных норм, а от официальной нормы предшествующей реформы. Это положение можно проиллюстрировать фактами из истории известной реформы Алексея Михайловича. К ее моменту в денежном деле сложилась следующая картина. Правительством Михаила Федоровича была

принята для копейки норма в 0,50 г. Эта норма в правление Михаила постепенно сползала сначала до 0,48 г, а затем до 0,46–0,47 г, наконец до 0,44–0,45 г¹. Тем не менее правительство Алексея официально признает норму в 0,50 г, хотя само с самого начала продолжает чеканку монет пониженного веса. Признание нормы неизменной подтверждается сохранением официального курса западноевропейского ефимка², а этот курс лег в основу денежной реформы Алексея Михайловича.

«Ползучего» понижения веса монеты в некоторые периоды могло и не быть. Мы не отмечаем его в XVI в.³, но постоянно наблюдаем в XVII в.

Очевидно, что с точки зрения метрологических закономерностей нас должны привлекать главным образом официальные изменения веса монеты. Под денежной реформой мы и понимаем это официальное изменение монетной нормы, сопряженное с извлечением дохода от обмена старых денег на новые.

Рассмотрим прежде всего самую раннюю русскую монетную реформу, проведенную в Москве в конце правления Дмитрия Донского. Полного исследования монет Дмитрия Донского в нашей литературе еще не существует. Классифицированы лишь монеты самого позднего этапа его правления, которые несут на себе имя и полный титул этого князя. Нормой этих монет является 0,92 г¹. Однако в монетных собраниях существует значительное число анонимных монет, несущих на себе титул великого князя и по фактуре не отличающихся от именных монет Дмитрия. Эти анонимные монеты в ряде случаев имеют тождественный с именными тип — те же изображения и та же композиция. Вес таких

¹ Пользуюсь материалами А. С. Мельниковой, доложенными на заседании отдела нумизматики ГИМ 9 ноября 1956 г.

² Гейтц Ф. Ф. Ефимки // Нумизматический сборник. Т. II. М., 1913. С. 194. Казна покупает ефимки по 50 копеек, т. е. каждая копейка в лигатурном ефимочном серебре выражается в 0,545 г (вес ефимка 27,25 г : 50). Согласно Торговой книге, лигатура ефимка приравнивалась 1/9 его веса. Следовательно, вес копейки в чистом серебре приравнивается 0,49 г, что соответствует официальной норме копейки Михаила.

³ Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 г. по 1617 г. С. 285.

⁴ Янин В. Л. Алтын и его место в русских денежно-весовых системах // Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры (далее — КС ИИМК). Вып. 66. М., 1956. С. 26.

анонимных монет оказывается весьма выдержанным и равным 1,02 з⁵.

Мы вправе поэтому видеть в них образцы раннего чекана Дмитрия Донского, именно те монеты, изготовлением которых возобновилась в XIV в. собственная русская монетная чеканка.

Более того, вес этих монет позволяет говорить о самостоятельном происхождении московской денежной системы, поскольку он абсолютно совпадает с теоретической нормой резаны предшествующего безмонетного периода⁶. На основании ряда показаний письменных источников возможно говорить о том, что рубль безмонетного периода был в Низовских землях 200-резанным и равным так называемой «гривне серебра» весом в 204,756 з. Из позднейших документов мы знаем также, что московский рубль был равен 10 гривнам. Поэтому исходную систему монетной чеканки Дмитрия Донского мы можем представлять себе следующим образом:

$$\begin{aligned} \text{рубль (204,756 з)} &= 10 \text{ гривнам (по 20,47 з);} \\ \text{гривна (20,47 з)} &= 20 \text{ денгам (по 1,02 з).} \end{aligned}$$

Понижение веса денги до 0,92 з должно было вызвать соответственное изменение других денежных единиц системы. Вводя новую монетную норму на место существовавшей ранее, мы получаем следующие величины: 20 денег (по 0,92 з) = гривне (18,43 з); 10 гривен (по 18,43 з) = рублю (184,28 з).

Результатом этой реформы было впервые осуществившееся отделение денежной единицы от весовой. Рядом со старым рублем, который отныне сохраняется лишь в виде весовой единицы — гривенки (204,756 з), появляется чисто денежная единица — рубль в 184,28 з.

Если мы теперь сравним эти две величины, то сможем выяснить разницу, на которую был понижен вес рубля. Она оказывается равной 20,47 з, т. е. ровно одной старой гривне. Понижение монетной нормы Дмитрием Донским было понижением веса рубля на одну гривну или на одну десятую его старого веса. Соотношение новой монетной нормы со старой в силу этого приравнялось

⁵ Янин В. Л. Указ. соч.; Он же. Нумизматика и проблемы товарно-денежного обращения в Древней Руси // Вопросы истории. 1955. № 8.

⁶ Там же.

отношению 9 : 10. Это очень простое и очень рациональное отношение, которое практически воспринималось как равенство 9 старых денег 10 новым. Подобное равенство одинаково удобно для любых перерасчетов, вызванных изменением монетной нормы.

Вновь введенная система денежных единиц существует до начала XV в., когда около 1410 г. она сменяется новой системой. Дата этого изменения монетной нормы выясняется метрологическим изучением монет удельной московской чеканки, эволюционировавших в полном согласии с великокняжеской московской денгой, и подтверждается синхронностью целой цепи денежных реформ, проведенных около 1410 г. в Новгороде, Пскове, Нижнем Новгороде и, по-видимому, в Рязани⁷. Величина введенной в это время в Москве монетной нормы не вызывает сомнений у исследователей. Она равна 0,79 г, хорошо прослеживается в поздних монетах Василия Дмитриевича, в 1420 г. она оказывается заимствованной новгородцами, начавшими в этом году собственную чеканку, сохраняется в Новгороде неизменной на протяжении всего XV в. и вновь появляется в московской монетной системе в результате ее сближения с новгородской во второй половине XV в. Эта норма зафиксирована летописью как норма монетной чеканки времени Василия III, непосредственно предшествующая новому монетному весу, введенному реформой Елены Глинской.

Вводя ее в систему московских денежных единиц начала XV в., мы получим следующие величины:

$$\begin{aligned} 20 \text{ денег (по } 0,79 \text{ г)} &= \text{ гривне (15,78 г)}; \\ 10 \text{ гривен (по } 15,78 \text{ г)} &= \text{ рублю (157,85 г)}. \end{aligned}$$

Если мы вычислим разницу между новым и предшествующим рублями, то найдем ее равной 26,43 г. Этой величины мы не встречали ранее. Она не равна ни предшествующей гривне, ни $1\frac{1}{2}$, ни 2 гривнам. Деля ее на норму денег предшествующей чеканки, мы получаем, казалось бы, иррациональную величину в 28,8 денги (26,43 г : 0,92 г). Однако она оказывается иррациональной только на первый взгляд.

В системах денежного счета начала XV в. известно равенство новгородской гривны 14,4 денгам. Это количество ровно вдвое

Янин В. Л. Алтын и его место в русских денежно-весовых системах.

меньше того, которое было получено выше, и такое совпадение никак невозможно признать случайным. Мы могли бы сказать, что Василием Дмитриевичем вес старого рубля был понижен на две новгородские гривны. Но такое утверждение в свете существующих ныне концепций происхождения новгородского денежного счета может показаться анахроническим. В самом деле, возникновение своеобразного новгородского рубля с подразделением на 15 гривен, 216 денег, и с подразделением гривны на 14 денег принято объяснять различными способами. Считают, что это своеобразие сложилось в 1420 г. в результате приспособления московской монетной нормы к существующему ранее новгородскому рублю весом 170,1 г.⁸ Предполагают, что оно возникло в результате заимствования немецкой системы денежного счета в 1410 г.⁹ Наконец, И. И. Кауфман считал, что и московский рубль первоначально подразделялся на 216 денег¹⁰, но это предположение никакими фактами не подтверждается.

Если положение И. И. Кауфмана не выдерживает критики, то и присоединяясь к любому из остальных существующих в настоящее время положений, мы окажемся в порочном кругу. Москвичи в 1410 г. знают какую-то счетную величину, подразделявшуюся на 28,8 единицы, родственную новгородской единице, а в Новгороде эта величина появляется позднее, чем в Москве. В то же время эта величина не вытекает из структуры московской денежной системы.

Совершенно очевидно, что выход из этого круга возможен лишь при условии более подробного изучения происхождения новгородской системы. Объясняя равенство позднейшего новгородского рубля 216 денгам как результат приспособления московской денги к уже сложившемуся в Новгороде рублю в 170,1 г, мы не способны объяснить происхождение величины этого рубля. Признав заимствование немецкой системы в 1410 г., мы не объясним проникновение некоторых элементов этой системы в Москву около того же года. По-видимому, нужно предполагать, что специфици-

⁸ *Мец Н. Д.* Монеты великого княжества Московского середины XV в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1955. С. 10.

⁹ *Никитский А. И.* История экономического быта Великого Новгорода. М., 1892. С. 182 и сл.

¹⁰ *Кауфман И. И.* Русский вес // Записки нумизматического отд. Русского археологич. общ-ва. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1906. С. 130 и сл.

ческий новгородский счет с подразделением гривны серебра на 15 гривен и 216 мелких единиц сложился в более раннее время, нежели это принято считать. Очень может быть, что около 1410 г. эта гривна приравнивалась еще не 15 гривнам, а сохраняла неизменным прежнее равенство 7,5 гривнам, которое провозглашено показаниями «Статьи о бесчестии»¹¹, приравнивающей гривну серебра 7,5 гривнам кун. В таком случае гривна кун приравняется к 28,8 мелких единиц, т. е. тому количеству, на которое понижен вес рубля в Москве около 1410 г. Однако все эти вопросы уведут нас в сторону; решать их следует на более широком материале и в специальном исследовании. Здесь же отметим, что величина понижения рубля при Василии Дмитриевиче находит метрологическое обоснование в позднейших показаниях денежного счета, а ее исчисление позволяет вновь поставить серьезную источниковедческую проблему.

Практически эта величина (26,43 з) составляет ровно $1/7$ старого рубля ($184,28 \text{ з} : 26,43 \text{ з} = 7$), а соотношение новой нормы со старой в силу этого оказывается равным отношению $6 : 7$. Это также весьма рациональное и удобное отношение. Шесть старых денег равны семи новым пореформенным.

Особо отметим тот факт, что московская метрология не ограничивает свои расчеты набором чисто московских единиц. Она обращается к величинам, сложившимся в Новгороде, и это очень важно, так как показывает родство и взаимопроникновение областных русских денежных систем задолго до того времени, когда, как принято считать, предпринимаются первые шаги по сближению русских областных систем и их унификации.

Мы не можем подробно остановиться на таком же изучении денежных реформ периода княжения Василия Темного. В настоящее время определены хронологические этапы понижения монетной нормы в этот период, но самые нормы выяснены лишь предварительно, что оставляет простор для разных их толкований, не позволяя в то же время отстаивать предпочтительно то или иное толкование.

Н. Д. Мец, построившая хронологическую классификацию монет Василия Темного, говорит о трех реформах, которые бы-

¹¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 498.

ли осуществлены в этот период¹². Для нас сейчас важен окончательный результат этих реформ. К концу правления Василия вес московской денги был понижен ровно вдвое, будучи приравнен к 0,40 з. Структура рубля при этом сохранилась: он продолжал оставаться равным 200 денгам и, следовательно, теоретически весил 78,92 з. Это исключительно рациональное отношение рубля середины XV в. к рублю начала 1420-х годов говорит о том, что при промежуточных реформах из старых рублей изымались метрологически обоснованные величины. В противном случае была бы нарушена и окончательная рациональность отношений.

Последствия общего понижения монетных норм при Василии Темном хорошо известны. Московская денга упала в весе вдвое. Новгородская же денга сохранила свой исходный вес и в силу этого была приравнена к двум московским денгам. Это удобное соотношение легло в основу объединения русской денежной системы, превращая ее в национальную денежную систему Русского государства:

московский рубль (78,92 з) = 10 гривнам (по 7,89 з);
гривна = 10 новгородским денгам (по 0,79 з) =
20 московским денгам (по 0,40 з).

До сих пор неизвестна крайняя дата существования областной новгородской денежной системы с рублем в 170,1 з и с подразделением его на 15 гривен (по 11,34 з) и на 216 денег (по 0,79 з) и с гривной в 14 денег. По-видимому, концом ее признается прекращение самостоятельной монетной чеканки в связи с присоединением Новгородской земли к Москве, коль скоро фактическое объединение систем относят ко времени Ивана III¹³. Однако мы знаем, как живучи бывают старые традиции в денежном обращении, знаем также, что памятники самого конца XV в. оговариваются в случаях применения в Новгородских землях расчетов по московской денежной системе. Поэтому вполне естественно думать, что отмирание областной системы в Новгороде было постепенным и затяжным.

¹² Мец Н. Д. Указ. соч. С. 10 и сл.

¹³ Черепнин Л. В. Русская метрология. М., 1944. С. 52 и сл.

Известное подтверждение этому мы находим при рассмотрении реформы Елены Глинской, проведенной в 1533–1535 гг. Эта реформа подробно описана в летописи и изучена на многочисленных нумизматических материалах¹⁴. Метрологический ее смысл заключается в том, что из гривенки серебра стали чеканить не 260 денег-новгородок как прежде, а 300 копеек. Прибегая к простому арифметическому делению гривенки на 300 единиц, мы могли бы говорить, что новый монетный вес был приравнен к 0,68 г, но в силу неизбежного отпадения крох при чеканке он в действительности равнялся приблизительно 0,67 г, что определяет официальную величину рубля Елены Глинской около 67 г.

Сравнив вес нового рубля с весом предшествующего рубля Василия III, мы видим, что разница составляет 11 с небольшим граммов, что точно соответствует величине новгородской гривны (11,34 г). Если это действительно так, то официальную величину рубля Елены Глинской следует исчислять в 67,58 г, а официальную величину копейки — в 0,675 г.

Практически эта величина составляет 6/7 прежней денги-новгородки. Иными словами, и при проведении реформы 1534–1535 гг. семь новых монет равнялись шести старым, подобно тому, как это было во время реформы Василия Дмитриевича.

Можно думать, что это соотношение (7 : 6) было наиболее приемлемым для финансистов Российского государства, если для его получения обращаются к величинам не московской, а новгородской системы, кажушимся несколько чужеродными для московских денежных единиц. Во всяком случае с ликвидацией новгородской системы, ставшей очевидной после реформы 1535 г., московские экономисты остаются не только с национальной системой денежных единиц, но и с метрологическими традициями денежного дела, с опытом, накопленным во время ряда предшествующих денежных реформ.

Единицы, введенные реформой Елены Глинской, существовали неизменными на протяжении всего XVI в., вплоть до монетных нововведений, предпринятых интервентами в Москве и Новгороде в 1610–1611 гг.

И. Г. Спасский, исследовавший нумизматику этого периода, пришел к выводу о том, что норма, введенная в 1533–1535 гг., бы-

¹⁴ Спасский И. Г. Указ. соч.

ла изменена поляками в Москве в 1610 г., шведами в Новгороде — в конце 1611 г. Эта новая монетная норма была вычислена И. Г. Спасским по показаниям многочисленных монет и подтверждена анализом письменных сообщений. Ее величина равна 0,565 г, а стопа, по которой чеканились монеты пониженного веса, соответственно приравнивается 360 копейкам из гривенки. По той же норме, как утверждает И. Г. Спасский, чеканились первоначально копейки земского правительства в Ярославле¹⁵.

Прежде чем производить метрологические сопоставления этой величины с нормой предшествующей чеканки, следует высказать известное сомнение в правильности вывода о том, что указанная монетная стопа является непосредственной наследницей стопы Елены Глинской. Эти сомнения порождены тем, что все 69 ярославских монет, нормой которых И. Г. Спасский считает 0,565 г, в действительности показывают средний вес в 0,58 г¹⁶. Подтвердились сомнения и при обращении к кладовым материалам Ярославского музея.

Использование интервентами стопы 3,6 рубля бесспорно. Однако ход развития русской монетной нормы осуществлялся не так гладко и не так последовательно. Ликвидация хаоса денежного обращения, возникшего в связи с деятельностью интервентов, начинается не с усвоения нормы интервентов и не с введения пониженной нормы, а, напротив, первоначально земское правительство вводит несколько повышенную норму копейки.

Это заставляет пристальнее приглядеться к характеру принятых интервентами монетных изменений. Особенно показательна деятельность шведов на новгородском денежном дворе. Копейка пониженного веса, чеканная по стопе в 3,6 рубля, выпускается ими без изменения монетного типа, будучи изготовлена теми же самыми штемпелями, которые перед тем участвовали в чеканке тяжеловесных подлинных монет Василия Шуйского по норме Елены Глинской. Это значит, что интервенты не преследовали цели сделать понижение веса явным, бросающимся в глаза. Следовательно, понижение веса не влекло за собой неизбежности обязательного обмена старых денег на новые. Напротив, сохранение типа затрудняло выделение новых

¹⁵ Спасский И. Г. Указ. соч. С. 336 и сл.

¹⁶ Там же. Табл. 3 в конце книги.

монет. Доход интервенты извлекали при чеканке, но не при обмене денег.

В Москве поляки чеканят монету с именем Владислава, тем самым меняя тип, но и здесь вряд ли можно говорить об организации обмена. В сложной политической обстановке 1610 г. интервенты могли организовать перечеканку монет, но организовать оперативный и массовый обмен денег они были не в состоянии. Это подтверждается и их последующей деятельностью, когда в 1612 г. они перешли к 4-рублевой стопе без изменения монетного типа, пользуясь теми же штемпелями, которыми чеканились монеты 360-копеечной стопы.

Если весовая эволюция чекана интервентов в Москве и Новгороде осуществлялась хищнически, то выбор нормы 0,58 г земским правительством в Ярославле не мог не учитывать традиций денежного дела. Действительно, сравнивая рубль в 58 г с рублем Елены Глинской (67,58 г) и вычисляя их разницу, мы обнаружим, что она равна $1/7$ старого рубля, т. е. по-прежнему, в соответствии со старой русской традицией, семь новых копеек оказываются равными шести старым.

Следующим шагом русского правительства было новое понижение монетной нормы, осуществленное в конце 1612 г. или в начале 1613 г. Денежная реформа, проведение которой начато в это время, провозглашает стопу в 400 копеек из гривенки, тем самым устанавливая норму копейки в 0,49–0,50 г¹⁷. Трудно признать за этой реформой оградительный характер, как предлагает И. Г. Спасский. Чеканка поляками по стопе в 400 копеек была принята еще в середине 1612 г., но в таких небольших размерах, что не могла оказать влияния на состав русского денежного обращения, расстроить его. Что касается шведов, то они переходят к 4-рублевой стопе только в 1615 г. Необходимость реформы вызывалась тем, что принятая ранее ополчением в 1612 г. норма в 0,58 г была выше нормы интервентов, производивших массовую чеканку легковесных монет по норме 0,565 г. Смысл реформы заключался, таким образом, в укреплении финансового положения русского правительства привлечением в казну средств от обмена денег.

Обратимся к метрологическим сопоставлениям. Вновь учрежденный рубль весом в 49–50 г меньше рубля в 58 г на 8–9 г. Эта раз-

¹⁷ Спасский И. Г. Указ. соч. С. 348 и сл.

ница, как и прежде, составляет $1/7$ старого рубля, вновь порождая равенство семи новых денег шести старым.

Однако не это равенство заслуживает особого внимания. Практически при обмене новых денег на старые русское правительство менее всего могло иметь дело с ярославскими копейками весом в 0,58 г. Состав денежного обращения к моменту реформы складывался из двух больших групп монет — копеек XVI — начала XVII в., чеканенных по норме Елены Глинской, и копеек интервентов, имеющих вес 0,565 г. Новая 4-рублевая стопа давала возможность рационального соотношения введенной в 1612 г. монетной нормы с монетами обеих весовых групп. В самом деле, если первая группа чеканилась по 3-рублевой стопе, то 3 старые копейки XVI — начала XVII в. приравниваются 4 новым; если вторая группа чеканилась по стопе в 3,6 рубля, то 9 копеек интервентов приравниваются 10 новым копейкам.

Таким образом, и в сложной истории денежного дела времени интервенции и освободительной борьбы русского народа в начале XVII в. мы видим применение простейших метрологических расчетов, сохранение сложившихся в предшествующее время традиций и поддержание старой метрологической концепции.

Путь дальнейшего развития русских монетных норм лежал через ефимок, сделавшийся орудием денежной реформы Алексея Михайловича. Не касаясь здесь подробностей этой реформы, отметим, что метрологическим ее результатом было превращение западноевропейского ефимка из 50-копеечного в 64-копеечный путем наложения на него копеечного клейма («ефимок с признаком»)¹⁸. Это значит, что нормой копейки стал вес 0,426 г (официальный вес ефимка 27,25 г : 64), а нормой рубля 42,6 г. Разница со старым рублем Михаила (49,7 г) составляет здесь 7,1 г, что снова соответствует $1/7$ старого рубля, т. е. опять порождает равенство шести старых копеек семи новым.

Норма копейки, введенная Алексеем Михайловичем, сохраняется в чекане Федора Алексеевича. Мы не можем проследить ее в чекане самого Алексея, так как его монеты до сих пор не классифицированы хронологически и пореформенные копейки не отделены нумизматами от дореформенных. В царствование Федора Алексеевича эта норма, по-видимому, не остается постоянной, а

¹⁸ Гейту Ф. Ф. Указ. соч. С. 183.

медленно снижается. В одном из кладов Новгородского музея (инв. № 218) 78 копеек Федора показывают средний вес 0,42 г, в другом (инв. № 222) 132 такие копейки имеют средний вес 0,40 г, в третьем (инв. № 216) 38 копеек дают средний вес 0,365 г. Правда, последний клад относится к очень позднему времени (1710 г.).

Мы не касаемся здесь двух последних денежных реформ XVII в., одна из которых проведена регентшей Софьей, а другая — Петром I. Какие-либо выводы в том направлении, в каком рассматривались предыдущие реформы, возможны здесь только после приведения в ясность всего фактического материала монетной чеканки конца XVII в., а этот материал метрологически не изучен вообще. Полагаем, что и приведенных фактов достаточно для того, чтобы сделать вывод об исключительной метрологической преемственности русских монетных норм. В русском денежном деле существовали свои метрологические традиции, имелась теория, которую клали в основу расчетов при понижении монетного веса. Сделав этот вывод, мы получаем возможность проверять правильность исчисления той или иной нормы, устанавливая ее соотношение с предшествующими единицами. Что касается нумизматики XIV—XV вв. и, в частности, проблем, связанных с выяснением областных систем денежного счета, до сих пор не установленных, то здесь, зная, что в основу понижения монетного веса клали реально существующие фракции рубля мы получаем возможность выяснить величину таких фракций и реконструировать самые системы денежного счета.

Таким образом, метрология может быть наукой, активно вторгающейся в процесс исторического исследования. Ее методика для этого не должна ограничиваться приемами, направленными на простую регистрацию устанавливаемых ею фактов. Только выяснение взаимосвязи этих фактов дает возможность изучать явления в их развитии. Впрочем, изучение причинной взаимосвязи явлений составляет необходимое условие любого исторического исследования.

Новгород и Венеция **(об изображении на Новгородских монетах)***

С 1420 г., когда в Новгороде началась чеканка собственных серебряных монет, и вплоть до конца новгородской независимости тип новгородских денег («новгородок») оставался неизменным. На одной стороне они содержали надпись **ВЕЛИКОГО НОВАГО-РОДА**, а на другой изображение двух фигур: левая, снабженная атрибутами власти или достоинства, стоит или сидит на престоле; правая, лишенная каких-либо атрибутов и даже, по-видимому, одежды, противостоит ей в коленопреклоненной позе. Между этими фигурами иногда помещен крест, звездочка или геральдическая лилия, но чаще всего — небольшая миндалевидная фигура или ряд точек, расположенных вертикально. Наиболее основательная публикация таких монет была предпринята в 1884 г. знаменитым нумизматом графом И. И. Толстым, который оба преимущественных изображения (миндалевидную фигуру и ряд точек) положил в одну из основ классификации более чем изобильного материала¹. Следует особо отметить неизменность такого типа новгородских денег. Тогда как монетный чекан любого другого русского центра XV в. демонстрирует бесконечное разнообразие сюжетов, стабильность описанной композиции на новгородских монетах позволяет догадываться о ее символическом характере,

* Восточная Европа в Средневековье: к 80-летию В. В. Седова / Ин-т археологии. М.: Наука, 2004.

Толстой И. И. Русская допетровская нумизматика. Вып. 1: Монеты Великого Новгорода.

превращая ее в некую эмблему Новгорода заключительной эпохи его государственной самостоятельности.

Литература, посвященная попыткам истолкования изображения на новгородских монетах, обширна и разноречива. Несомненным для всех исследователей являлось только неравенство участников композиции, подчеркнутое коленопреклонением правой фигуры, о которой принято писать, что она «стоит в просительной позе». Она к тому же простирает руки к левой фигуре, снабженной инсигниями власти. Подробный разбор исследовательских мнений толкователей монетной композиции был предпринят А. В. Арциховским, опубликовавшим в 1948 г. статью «Изображение на новгородских монетах»².

Главное внимание, естественно, всегда привлекала левая фигура. Ее атрибуты (трон, корона), разумеется, более красноречивы, чем обнаженная правая фигура. Не останавливаясь на ранних (до появления капитального труда И. И. Толстого) случайных толкованиях, отмечу сразу версию этого выдающегося исследователя, который был убежден, что на новгородских монетах «было вычеканено изображение московского великого князя со стоящим перед ним в просительной позе человеком. Человек этот неизменно представлен без всяких признаков одежды, очевидно голым; это сделано, без сомнения, с умыслом — чтобы указать на несравненно низшее положение этого лица по отношению к другому; на некоторых штемпелях голый проситель держит какой-то предмет в руках <...>, на других он протягивает руки по направлению к великому князю снизу вверх — жест, означающий, по-видимому, просьбу. В этом изображении бросается в глаза его аллегоричность, так как без натяжки можно предположить, что нагой фигурой олицетворяется сам вольный Новгород с волостью, признающий свою зависимость от великого князя»³. Предмет, помещенный между фигурами, И. И. Толстой трактовал как некий «дар» великому князю.

Версия И. И. Толстого вызвала справедливое возражение самого первого рецензента его труда — П. Петрова: «Мы <...> можем признавать, что сами новгородки явились в смысле местных денег, которые должны были приниматься <...> для взноса всякого рода податей, а при таком значении самого монетного знака, что

Арциховский А. В. Изображение на новгородских монетах.

³ Толстой И. И. Указ. соч. С. 20–21.

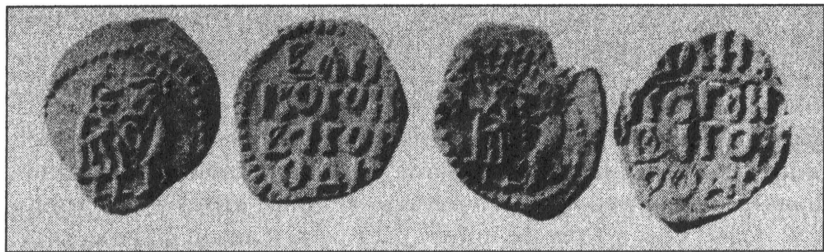


Рис. 1. Деньги Великого Новгорода (увелич. 2 : 1)



Рис. 2. Монета Венеции (увелич. 2 : 1)

же всего естественнее было изображать на них, как не правителя и вносителя подати, вручающего ее в виде монеты?» Под правителем, однако, П. Петров никак не подразумевал великого князя, видя в рассматриваемой композиции «намерение изобразить простого человека плательщика в противоположность сидящему на престоле князю, облаченному в плащ, с короною на голове. Эта коронованная глава в XV веке никак не может быть принимаема за Русского князя уже по самой форме головного убора, который тогда князьями нашими не был употребляем в этом виде»⁴. Вопреки неясности общего вывода П. Петрова, очевидно, что под левой

⁴ *Петров П.* Деньги Великого Новгорода // ЖМНП. 1885. С. 232–238. Эта рецензия, к сожалению, оказалась вне внимания А. В. Арциховского в его ценном обзоре.

фигурой он понимал некоего правителя Новгорода, но не князя (посадника?).

Его наблюдение было подхвачено Д. Н. Чудовским, который, не придавая значения форме головного убора, трактовал левую фигуру как изображение новгородского (не великого) князя: «...находящаяся на лицевой стороне новгородок фигура в короне, с мечом и в длинном платье не может быть великий князь Московский <...> Мы твердо убеждены, что на новгородках изображен князь Новгородский и что голая перед ним фигура действительно изображает аллегорическую фигуру Великого Новгорода, но не в позе униженной, а в позе вежливо-наклонившейся, приглашающей князя на Новгородское княжение и вручающей ему для сего что-то...»⁵. В этом сюжете Д. Н. Чудовский, вслед за Н. И. Костомаровым, усмотрел символическое изображение Новгорода, подающего князю договорную грамоту, и считал, что на своих монетах «новгородцы изобразили дорогое по памяти для них право свободного выбора себе князя»⁶. Эта красивая гипотеза никак не может быть поддержана, так как в условиях XV в. новгородский князь был принципиально тождествен московскому великому князю, несмотря на периодически возникавшие размирия между ним и Новгородом.

Замечание П. Петрова, касающееся головного убора левой фигуры, остается руководящим для ее понимания. А. В. Арциховский на основании совокупного анализа разнообразных изобразительных материалов (и прежде всего многих тысяч средневековых русских книжных миниатюр) убедительно доказал, что корона на Руси была атрибутом царского убора и была усвоена как инсигния главы Русского государства только после венчания на царство Ивана Грозного в 1547 г., а до этого времени, в соответствии с иконографической традицией, венчала головы библейских царей, византийских императоров и ордынских ханов. Коль скоро подобные изображения не имели отношения к сюжету новгородских монет, А. В. Арциховский с заслуженным энтузиазмом присоединился к мнению П. Л. Гусева, предположившего, что левая фигура

Чудовский Д. Н. «Новгородки». Критический разбор первых двух выпусков Русской допетровской нумизматики гр. Ив. Ив. Толстого. Киев, 1887. С. 45.

⁶ Там же. С. 52.

интересующей нас композиции соответствует небесной патронессе Новгорода — св. Софии Премудрости Божией⁷. И не просто присоединился, но и окончательно обосновал эту трактовку. Если П. Л. Гусевым было произведено лишь беглое сопоставление зубчатого венца, жезла и одеяния левой фигуры с иконными атрибутами Новгородской Софии, то А. В. Арциховский последовательно сопоставил все детали сравниваемых изображений и с помощью Н. Д. Мец, систематизировавшей в Государственном Историческом музее обширную коллекцию серебряных новгородок, обнаружил на ряде штемпелей контуры крыльев над тронем сидящей фигуры, что окончательно разрешило проблему: в короне и с крыльями, жезлом и в далматике (длинном, широком, обрамленном широкими полосами облачении, расширенном внизу) изображалась именно св. София⁸.

Кого же изображала правая фигура? Сначала познакомимся с мнением А. В. Арциховского: «Кто склоняется перед Софией? Видеть здесь олицетворение Новгорода трудно, такая отвлеченность для древней Руси маловероятна. Ни посадником, ни тысяцким, ни владыкой, ни князем эта фигурка не может быть — все эти лица изображались с теми или иными атрибутами власти. Остается предположить денежного мастера, и это подтверждается обликом подносимого Софии дара. Дар, состоящий из нескольких точек, естественнее всего считать изображением монет. Овал тоже можно признать монетой (масштаб в таком схематическом рисунке нарушался почти неизбежно), ведь форма новгородок обычно овальна»⁹.

Согласиться с изложенным предположением весьма трудно. Вереница точек между фигурами никак не вызывает зрительного образа какого-то количества монет. Точки расположены вертикально, напоминая некую условно переданную ленту. Овальная (вернее — подчеркнуто миндалевидная) фигура не только во много раз превосходит желаемое изображение монеты, но очень часто снабжена точкой в центре, не находящей объяснения при трактовке этой фигуры как монеты. Существует еще один важный

Гусев П. Л. Символы власти в Великом Новгороде. 1. Святая София // Вестник археологии и истории. СПб., 1911. Вып. 21. С. 105–113.

⁸ *Арциховский А. В.* Указ. соч. С. 101–102.

⁹ Там же. С. 106.

вопрос, который практически не был поставлен в наличной литературе: действительно ли коленопреклоненная фигура вручает св. Софии «дар»? Может быть, она, наоборот, принимает нечто от св. Софии?

Постановка этого вопроса подсказана тем же А. В. Арциховским. «Композиция новгородок, — писал он, — напоминает композицию венецианских монет, где перед святым Марком склоняется дож. Никакого подражания, конечно, не было, оба рисунка порождены общеевропейской средневековой религиозно-политической идеологией»¹⁰. Мне представляется, что Артемий Владимирович был готов развить предложенное им сопоставление, и не исключено, что оно подсказало бы ему иное решение проблемы и иное истолкование изучаемой композиции, если бы не эпоха, в которой была опубликована его замечательная статья. 1948 год — мрачная година борьбы с космополитизмом и «чуждыми иноземными влияниями», памятная мне, тогдашнему студенту, проработочными «дискуссиями» и реальными расправами с «инакомыслящими».

Что же изображено на венецианских монетах и печатях XIII—XVIII вв.? Им свойствен столь же традиционный, как и в Новгороде, но еще более долговечный сюжет: св. Марк, небесный патрон Венеции, вручает коленопреклоненному дожу символы власти со словами, чеканенными вокруг этой композиции: SIT TIBI DATUS ISTE DUCATUS, т. е. «Да будет тебе дано это правление». Исключительное композиционное сходство изображений на венецианских и новгородских монетах заставляет заново подойти к проблематике сюжета, помещенного на новгородских деньгах. Если раньше исследователи видели в правой фигуре изображение человека, вручающего «дар», то венецианская аналогия заставляет предположить, что он, наоборот, принимает «дар». Что же это за «дар»? На подавляющем большинстве новгородских монет предмет, переходящий из рук св. Софии в руки коленопреклоненного человека, имеет, как уже говорилось, миндалевидную форму, а во многих случаях в центре его помещена еще выпуклая точка. Эти особенности предмета заставляют видеть в нем схематическое изображение щита, показанного во многих случаях с умбоном. Св. София вручает стоящему перед ней человеку щит, т. е. символ защиты, символ оберегания, символ власти. Следует заметить, что

¹⁰ Там же.

изображение щита угадывали в этой композиции многие исследователи, в том числе И. И. Толстой и его первые оппоненты.

Становится понятной и изображенная между св. Софией и коленопреклоненным человеком вертикальная линия точек. Думаю, что так изображен еще один символ власти — пояс, который был не только частью доспеха, но и почитался как знак воинского достоинства¹¹.

Если приведенные наблюдения справедливы, композицию новгородских серебряных монет возможно понимать как изображение св. Софии, вручающей главе боярского Новгорода, посаднику, символы власти. Само это изображение оказывается сознательно использованной репликой традиционного сюжета венецианских монет, где св. Марк вручает символы власти главе патрицианской Венеции дожу.

Существует ли историческая основа такого заимствования? Ведь мы привыкли наблюдать разницу в экономическом и политическом строе этих территориально неблизких государств, хотя оба эти государства были средневековыми республиками. В прежнее время, когда, вслед за В. О. Ключевским, исследователи видели экономическую основу Новгорода в торговле, а новгородское боярство почитали некой корпорацией богатейших купцов, близость экономических основ Новгорода и Венеции казалась в какой-то степени наглядной: ведь и венецианских патрициев было принято считать сословием крупных купцов, разбогатевших левантийской торговлей. Затем было выяснено (в том числе и трудами А. В. Арциховского), что в основе процветания новгородского боярства лежит не торговля, а крупнейшее землевладение. А уже в послевоенное время в итальянской историографии утвердилось хорошо обоснованное представление о том, что главной основой процветания венецианского патрициата была не только и не столько торговля, сколько владение крупнейшими латифундиями на левантийском востоке. Хорошо помню реферативный доклад на эту тему, сделанный на Историческом факультете МГУ В. В. Самаркиным. Историография сначала сделала неверный шаг, противопоставив эти две государственные структуры, а затем, снова шагнув, сблизил их.

¹¹ *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 2. Ч. 2. Стб. 1340.

Такого сближения явно недостаточно для заимствования символов и эмблем. Существует однако более важная основа близости — политическая. Известно, что демократическая государственность обретает сходные формы вне зависимости от местонахождения государства. Но здесь очень важны хронологические совпадения.

После восстания Степанки 1418 г. в Новгороде была предпринята реформа власти, в результате которой нормы кончанского представительства в главном органе государственного управления — посадничестве — были резко расширены. Вместо шести с этого момента стали избирать 24 посадников. Начался необратимый процесс дальнейшего расширения посадничества, в результате которого представители практически всех боярских семей Новгорода получили возможность быть носителями государственной власти. Из их числа глава боярской республики — степенный посадник — стал избираться не один раз в год, а один раз в полгода. Разросшийся корпус посадников и тысяцких (в число которых избирались только бояре) образовал некое подобие Большого совета, противостоящего общегородскому вечу. На место вечевого строя пришла боярская олигархия¹².

Возникновение олигархического органа максимально сблизило структуру новгородской государственности со структурой государственности венецианской, в которой «высшим органом власти был Большой совет, в который входили представители всех знатных семейств республики, внесенных в особую книгу»¹³. Надо полагать, что именно осознание этой близости и привело к заимствованию в Новгороде старинной венецианской эмблемы. Это был не первый пример ее заимствования: венецианская монета уже послужила образцом для ряда монетных типов в других регионах Италии, а также в Византии и Сербии. Могли ли в Новгороде 1420 г. быть знакомыми с государственными порядками Венеции? Само заимствование эмблемы в обстановке кардинальной реформы говорит о том, что эти порядки в Новгороде были известны. Имя Венеции в Новгороде не было пустым звуком: о «Маркове острове Венедик» упоминается под 1204 г. уже в Синодальном спис-

¹² Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962.

¹³ Брагина Л. М., Карпов С. П. Италия в XIII–XV вв. // История средних веков. М., 1997. Т. 2. С. 438.

ке Новгородской Первой летописи. Материальным подтверждением знакомства новгородцев с Венецией являются и некоторые находки из раскопок в Новгороде. Одним из значительных предметов прикладного искусства является камея XIII в. итальянской работы с изображением Мадонны¹⁴. Кроме того, на богатых боярских усадьбах неоднократно встречаются фрагменты сосудов венецианского стекла¹⁵.

¹⁴ Рындина А. В. Итальянская камея XIII в. с изображением Богоматери Одигитрии из Новгорода // Советская археология. 1968. № 4. С. 209–216.

¹⁵ Щапова Ю. Л. Новый взгляд на две новгородские находки (Венецианское стекло в Новгороде) // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 82–88.

К истории формирования новгородской денежной системы XV в.*

Внешняя история формирования новгородской денежной системы XV в. отражена двумя сообщениями Новгородской I летописи по Комиссионному списку. Под 1410 г. рассказывается: «Того же лета начаша новгородци торговати промежи себе лопьци и гроши литовьскими и артуги немечкыми, а куны отложиша, при посадничестве Григорья Богдановича и при тысячком Васильи Есифовиче»¹. Под 1420 г. помещено следующее сообщение: «Начаша новгородци торговати денги серебряными, а артуги попродаша Немцом, а торговале имы 9 лет»¹. Известие 1410 г. помещено в конце годового рассказа, но раньше изложения события 21 декабря; известие 1420 г. — в начале годового рассказа, но после события 25 февраля. Поэтому указание на девятилетний срок достаточно точно соответствует истине.

В настоящее время мы располагаем представлением о наличии в XIII—XV вв. трех главных этапов развития новгородской денежной системы.

Основанная на реальном слитке серебра с нормой 196,2 г кунная система XIII в. имела следующий вид:

гривна серебра = 15 гривнам = 105 белам = 196,2 г серебра,

Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XI. Л.: Наука, 1979. С. 251—259.

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 402.

² Там же. С. 412.

гривна = 7 белам = 13,08 з серебра,
бела = 1,87 з серебра³.

С появлением на рубеже XIII–XIV вв. горбатого слитка двойного литья, содержавшего 170,1 з серебра и получившего название «рубль», кунная система, как она засвидетельствована записью 1399 г. в торговых книгах Тевтонского ордена⁴, приобрела следующие соотношения единиц:

рубль = 13 гривнам = 91 беле = 364 кунам = 170,1 з серебра,
гривна = 7 белам = 28 кунам = 13,08 з серебра,
бела = 4 кунам = 1,87 з серебра,
куна = 0,467 з серебра⁵.

Переход от гривны серебра к рублю, как видим, не затронул мелких единиц системы. От гривны серебра были как бы «отрублены» 2 гривны (отсюда, по-видимому, и термин «рубль»), но величина гривны и белы осталась неизменной.

Более глубокие перемены связываются с началом чеканки собственной монеты в Новгороде в 1420 г., когда новгородская денежная система приобрела такой вид:

рубль = 15 гривнам + 6 денег = 216 денгам = 170,1 з серебра,
гривна = 14 денгам = 11,06 з серебра,
денга = 0,785 з серебра.

До 1447 г. в Новгороде продолжали лить горбатые слитки-рубли, а на протяжении всего периода независимости (и вплоть до реформы Елены Глинской в 30-х гг. XVI в.) чеканить денгу, тяготевавшую к указанной норме; кроме того, в эпоху независимости там чеканилась «четверетца» — монета с нормой 0,196 з серебра, составлявшая четверть денги.

³ Янин В. Л. Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. // Вспомогат. истор. дисциплины. III. Л., 1970. С. 176.

⁴ Хорошкевич А. Л. Иностранное свидетельство 1399 г. о новгородской денежной системе // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 303.

⁵ Янин В. Л. Берестяные грамоты... С. 173.

При очевидной разнице монетной и кунной систем между ними имеется и существенное совпадение, которое проявляется в двух важных — узловых — элементах. Монетная система наследует величину рубля кунной системы. Кроме того, она усваивает сложившееся ранее соотношение гривны и составляющих ее мелких единиц, основанное на пропорции 1 : 7, 1 : 14, 1 : 28 и т. д., в чем коренным образом отличается от денежной системы Москвы, базирующейся на пропорции 1 : 20.

В то же время резко различны все прочие соотношения. По сравнению с кунной системой увеличивается число гривен в рубле, в котором к тому же содержится нецелое число гривен. Самый вес новгородской денги, чеканка которой началась в 1420 г., неограничен прежним единицам, его генезис остается загадочным, хотя возможно усмотреть и какие-то очень древние корни этой нормы: «четверетца» (четвертая часть денги) равна тысячной доле гривны серебра, но ведь последняя не употреблялась после начала XIV в.

Автором настоящей статьи вслед за Н. Д. Мец было высказано предположение о заимствовании величины денги в 0,785 г из Москвы, в силу чего принятая для чеканки новгородских монет норма встала в неудобное соотношение с рублем, породив в то же время новую величину гривны, построенной с учетом традиционного для Новгорода счета 1 : 7, 1 : 14 и т. д.⁶

Между тем существование в Москве в 10-х и 20-х гг. XV в. денги указанного веса было только предположено Н. Д. Мец и высказано в излишне категорической форме⁷. Выход в свет ее опубликованного посмертно исследования чеканки Василия Темного⁸ сделал очевидным, что дело вовсе не обстоит так просто. Вся сумма наличного материала свидетельствует, что норма, с которой в 1425 г. началась монетная чеканка Василия Васильевича, равна 0,72–0,73 г серебра. Вопрос о норме, по которой чеканились денги Василия Дмитриевича в 10-х и первой половине 20-х гг. XV в., остается совершенно неизученным, но в среднем монеты Василия I этой поры тяжелее 0,785 г.

⁶ Там же.

⁷ Мец Н. Д. Монеты великого княжества Московского середины XV века. С. 9–10.

⁸ Мец Н. Д. Монеты великого княжества Московского (1425–1462) // Нумизматический сборник. Ч. 3. М., 1974.

Таким образом, вопрос о происхождении веса новгородских монет требует дальнейшего исследования. В этой связи наиболее важной представляется постановка проблемы о характере воздействия на новгородскую систему того кратковременного девятилетнего периода, когда кунная система была сменена в Новгороде обращением иноземных монет — литовских и прибалтийских.

Интересные материалы о месте литовского гроша в новгородской денежной системе дает Переписная оброчная книга Деревской пятины, составленная около 1495 г., которая в описании волости Буице старый доход исчисляет в грошах: «И всех деревень в Буице по старому писму за Микифором с братьею и с погостом 96, а дворов в них 186, а людей в них 238 человек, а обеж 205, а сох 68 с третью сохи. А им же писано в той же волости 10 деревень пустых, а земли под ними на 21 обжу, а в семи деревнях 7 дворов пустых, а земли под ними на 8 обеж. А старого дохода шло с тое волости великому князю после монастыря с 15 куниц да с четверти куницы 122 гроша; да опричь того давали за монастырского поборщика проезд и за дань полтину Ноугородцкую; а хлеба поспом ржи 26 коробей. А те денги и хлеб христьяне возили в Русу да отдавали Елке подбачему»⁹.

Как видим, старое письмо относится уже к московскому времени (после реквизиции юрьевской волости у монастыря, до отдачи ее в поместье Никифору Языкову; «после монастыря»), но объем дохода установлен таким, каким он был в прежнее время, когда в волость еще приезжал монастырский поборщик: 122 гроша и полтина новгородская. Упоминание грошей датирует время установления (корректировки) норм монастырского дохода 10-ми гг. XV в. Чтобы выяснить, изменилась ли доходность волости в момент составления нового письма около 1495 г., необходимо разобратся в существе и объеме окладной единицы «куницы», упоминаемой при характеристике старого письма.

«Куница» фигурирует в летописном рассказе 1478 г. в связи с конфискацией Иваном III волостей новгородского архиепископа: «И князь великий пожаловал, у владыки половины волостей не взял, а взял 10 волостей: Порог Ладожьской и земля Порожскаа по обе стороны Волхова, да в Нагорье Емелегежьской погост да Кольбалской погост, а сох в них 40 и пол-4; да в Дреглех погост

⁹ НПК. Т. 2. СПб., 1862. Стлб. 824.

да Креницкой погост, в дву тех 50 сох; да на Мете Белаа, пол-40 сох в ней; да Утомля 50 сох; да Кирва да Охона 50 сох и пол-3; да Перос, а в ней 80 кунец и две»¹⁰. На первый взгляд, в кунцах здесь выражен объем только волости Пирос. Но этот объем известен по другому источнику и оказывается равным 307 обжам¹¹, т. е. 102 с третьей сохи. Подсчитывая общую сумму конфискованных у владыки в 1478 г. земель, мы получаем весьма любопытный результат: $43,5 + 50 + 35 + 50 + 52,5 = 231$ сохе, иными словами, 693 обжам; добавление к ним 307 пиросских обож дает ровно 1000 обож, что само по себе характеризует принцип определения объема конфискации, приложенный к владычным землям. Надо полагать, что именно эта сумма в 1000 обож соответствует 82 кунцам, показанным в цитированном летописном отрывке в качестве общего итога.

Если это так, то кунца окажется равной 12,2 обжи ($1000 \times 82 = 12,2$), т. е. вступает в иррациональное отношение с обжой. Возможно поэтому высказать предположение, не являются ли 1000 обож выражением объема конфискованной земли, а 82 кунницы — показателем ее доходности? Ведь в общий объем владений входило и какое-то небольшое количество бездоходных обож, которые пахались на себя причтом и посельскими. В таком случае можно догадываться, что в действительности кунца приравнивалась 12 обжам ($12 \times 82 = 984$ обжи). Естественно, такое предположение нуждается в проверке.

Приложим, однако, эти наблюдения к данным по волости Буице. Если кунца равна 12,2 обжи, то указанные в них 15,25 кунец должны соответствовать 186 обжам ($12,2 \times 15,25 = 186$). Если она равна 12 обжам, то же количество кунец приравняется 183 обжам ($12 \times 15,25 = 183$). И та и другая цифра заметно отличается от 205 обож, обозначенных в старом письме как общий объем волости, и от числа живущих в момент старого письма обож. А это число было равно 176 (29 обож тогда были запустевшими). Мы видим, что доход с волости Буице был фиксированным, поскольку он не соответствует реальному числу доходных обож, на которые он, вероятно, раскладывался по мере изменения их числа при запустении де-

¹⁰ ПСРЛ. Т. XII. СПб., 1901. С. 183–184.

¹¹ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971. С. 88, 119–120 (ГИМ. Отд. рукописей, ф. 342, № 46).

ревень и дворов или же, напротив, после появления починков и расширения пашни.

Вместе с тем нельзя не обратить внимания на исключительную близость обеих выведенных цифр (186 и 183) числу дворов.

По старому письму в волости Буюц было 186 дворов, но из них три на погосте (владельческий, попа и пономаря) — бездоходные¹². Не имеем ли мы дело с реликтовым исчислением доходности владения, основанным на принципе подворного обложения? И не возникает ли обжа из первоначальной окладной единицы «двор»? Заметим, что обжу, кроме писцовых книг, знает только летопись под 1478 г. и что в это время она обладала признаками нововведения, поскольку новгородцам пришлось разъяснять Ивану III ее сущность, когда он «велел их спросити: “что их соха?” И они сказали: “три обжы соха; а обжа один человек на одной лошади орет; а кто на 3-х лошадех и сам третьей орет, ино то соха”»¹³.

Посмотрим теперь, что изменилось в волости Буице к 1495 г. «И по новому писму деревень к погосту и с пустыми 113 да починок...». В промежуток между старым и новым письмом прибавился только один пока еще бездоходный починок, так как и по старому письму деревень также было 113 (96 живущих, 10 больших пустых и 7 однодворных пустых). Практически не изменилось и число дворов: «а дворов в них: 5 дворов боярских, а людей их 4 дворы, да попов двор, да сторожов, а христианских дворов 174... да пустых дворов 10...». По старому письму считалось 186 живущих дворов, по новому — 185. Обез по старому письму было 205, однако 29 из них, как уже отмечено, пустовали (21 в больших деревнях и 8 в однодворных); следовательно, живущих было 176¹⁴. По новому письму считается 174 с третью обжи, но из них «Микифор с братьею пашет на себя 3 обжы... да поп со сторожом пашет на себя обжу... а с 15 обез дохода нет, пусты, да с трети». Общее число бездоходных обез равно, таким образом, 19 с третью, а доходных — 155, почему и «дохода с полутораста и с 5 обез денгами восемь рублев Ноугородская и 6 гри-

¹² Таковыми же они, естественно, оставались и при новом письме. См.: НПК. Т. 2. Стлб. 806.

¹³ ПСРЛ. Т. XII. С. 184.

¹⁴ В общем итоге по Буице и Молвятицкой волостке Языкова писцы ошибочно приплюсовали 29 обез к 205, а не вычли их (НПК. Т. 2. Стлб. 826).

вен», не считая натуральных доходов. Кроме того, по новому письму ключничий доход деньгами исчисляется в 9 гривен с денгою¹⁵.

Допуская сохранение фиксированной суммы дохода и в 1495 г., мы получаем возможность признать равенство 122 грошей и новгородской полтины старого дохода с 8 рублями и 6 гривнами плюс 9 гривен с денгой (т. е. с 8 рублями 15 гривнами 1 денгой) нового дохода. Последняя сумма равна 1939 денгам, а за вычетом полтины (108 денег) — 1831 новгородской денге. Простейшее деление устанавливает, что в одном гроше содержалось ровно 15 новгородских денег. Если выразить эту сумму в серебре, она окажется равной 11,77 г.

Монет такого веса никогда не существовало, поэтому очевидно, что под «грошами» писцовой книги понимается «копа грошей» — наиболее употребительная в денежном счете Литвы XV в. счетная единица, которая соответствовала 60 монетам. Если это так, то монета должна быть равна 0,196 г серебра ($11,77 \text{ г} : 60 = 0,196 \text{ г}$). Проверим это предположение.

В первой четверти XV в. в Литве и Белоруссии чеканились монеты в 0,397 г, т. е. ровно вдвое тяжелее, нежели подсчитанная величина, однако они имели пробу 0,497, т. е. ровно вдвое меньшую, чем у новгородской денги. Следовательно, реальное содержание серебра в литовской монете этого периода равнялось 0,196 г¹⁶.

Но величина 0,196 г серебра — это не только реальное выражение литовской монеты, это и четверть новгородской денги, чеканившейся после 1420 г., это и вес реальной монеты Новгорода — «четверетцы», выпускавшейся в XV в., это и величина «почки». Под 1447 г. летопись сообщает: «начаша переливати старый денги, а новый ковати в ту же меру, на 4 почки таковых же...».¹⁷

В рациональном отношении с литовской монетой оказываются и ливонские артиги, и «любекские». «В кладах с середины XIV в. и до денежной реформы 1422–1426 гг., — пишет А. Н. Молвыгин, — встречаются два вида местных двухсторонних монет: одни — весом в 1,0–1,2 гр, другие — в 0,36–0,42 гр. В результате исследования письменных источников удалось установить, что первые из

¹⁵ Там же. Стлб. 824–825.

¹⁶ Федоров Г. Б. Классификация литовских слитков и монет // КСИ-ИМК АН СССР. 1949. Вып. 29. С. 115.

¹⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 427.

этих монет были артигами, вторые назывались просто «любекскими»¹⁸. В результате ухудшения чекана вес артигов после 1390 г. упал ниже 1 г, но их практическое отсутствие вкладах первых двух десятилетий XV в. говорит о решительном преобладании в торговом обороте старых артигов, чеканенных в третьей четверти XIV в. Между тем содержание серебра в артигах этой поры равно 0,73–0,79 г¹⁹. Что касается «любекских» (которые в летописном сообщении 1410 г. названы «лопыцами»), то, составляя треть артига, «любекский» содержал 0,24–0,26 г серебра. Очевидное тождество такого артига позднейшей новгородской денге позволяет признать его нормой 0,785 г, а нормой «любекского» — 0,261 г.

Посмотрим теперь, как эти единицы выстраиваются в систему. Поскольку принятие в новгородское денежное обращение иноземных монет в 1410 г. сопровождалось сохранением рубля в 170,1 г, то рубль = 216 артигам = 648 «любекским» = 864 литовским монетам.

Коль скоро после 1420 г. рубль делился на 216 денег или на 864 «четверетцы», очевидно, что новгородская денга и «четверетца» соответственно наследуют нормы артига и литовской монеты, признававшиеся законными в 1410–1420 гг. К тому же девятилетнему промежутку следует относить формирование новгородской гривны XV в., так как принципиальных изменений в систему денежного счета начало монетной чеканки в 1420 г. внести не могло.

Денежную систему 1410–1420 гг. возможно поэтому реконструировать следующим образом:

рубль = 15 гривнам + 6 артигов = 216 артигам = 648 любек.
864 литов. = 170,1 г сер.
гривна = 14 артигам = 42 любек. = 56 литов. = 11,06 г сер.
артиг = 3 любек. = 4 литов. = 0,785 г сер.
любекский = 1,33 литов. = 0,261 г сер.
литовский = 0,196 г сер.

Особое место в этой системе занимает «любекский». Кроме рубля, он оказывается еще одним важным звеном, связующим новую

¹⁸ Малвыгин А. Н. Денежное обращение и монетное дело на территории Эстонской ССР в XIII — первой половине XVI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Таллин; Л., 1967. С. 10.

¹⁹ Там же. С. 15.

систему денежных единиц с предшествующей кунной системой, поскольку старая гривна (13,08 г серебра) равна 50 «любекским». Как уже отмечено, единицы новой системы встают в простейшую рациональную связь и с древней гривной серебра (196,2 г). Артиг укладывается в ней ровно 250 раз, а литовская монета — ровно 1000 раз.

Последнее соответствие позволяет поставить вопрос о сущности термина и величины «почки». Приведенное выше летописное свидетельство 1447 г. говорит о равенстве «почки» и «четвертцы» (последняя, как мы уже знаем, тоже равна литовской монете). Между тем «Торговая книга» конца XVI в. определяет «почку» иначе: «А золотник весит денгами 1 алтын с полуденгою. В золотнике почек 25, а почка тянет одну полушку, а полпочки пол-полушку»²⁰. Алтын с полуденгой в конце XVI в. весил 2,21 г, поэтому в первой фразе цитированного отрывка очевидна ошибка: нужно «2 алтына с полуденгою» (4,25 г). Полушка тогда же имела норму 0,17 г, что полностью соответствует делению золотника на 25 почек. Но ведь норма полушки является в то же время величиной, равной тысячной доле предшествующего реформе Елены Глинской новгородского рубля (170,1 г). Не является ли «почка» условной и подвижной величиной, составлявшей тысячную долю предшествующей основной денежной единицы? Такая величина крайне нужна для пересчетов, необходимых при проведении денежных реформ.

Причины отказа Новгорода от употребления иноземной монеты в 1420 г. и перехода к собственной чеканке достаточно ясны. В 1420 г. в Ливонии началось осуществление денежной реформы, в ходе которой были введены новые монеты с иным содержанием серебра, вставшие в иррациональное отношение с единицами новгородской денежной системы²¹. Сложнее вопрос о причине принятия иноземных монет и ликвидации кунной системы в 1410 г. Решаемся предложить следующее объяснение.

Около 1408–1410 гг. в русском денежном обращении происходит ряд существенных местных перемен. В 1409 г. в Пскове «отложиша кунами торговати, и оттоле начаша пенязями торгова-

²⁰ Сахаров И. Торговая книга // Зап. Отд. русской и славянской археологии Археолог. о-ва. Т. I. СПб., 1851. Отд. III. С. 114.

²¹ Малвыгин А. Н. Денежное обращение... С. 13.

ти»²². Примерно в 1408 г. заметно уменьшается вес монет в Рязани²³. Под 1412 г. летопись отмечает: «Того же лета меженина в Новегороде в Нижнем, купили меру ржи по сороку алтын и по четыре алтына старыми денгами»²⁴.

Таким образом, принятие новгородцами иноземной монеты в 1410 г. — только эпизод в цепи трансформаций областных денежных систем, их изменений, вызванных, надо полагать, единой достаточно мощной причиной. Такой причиной могли быть исходные изменения денежной нормы Москвы около 1408 г. Иными словами, примерно до этой даты бытовавшая в Москве монетная норма удовлетворяла потребности внутрирусского денежного обмена, а затем перестала их удовлетворять, что повлекло в одних случаях согласованное изменение монетных норм (Рязань, Нижний Новгород), а в других — переориентацию систем на иноземную монету (Псков, Новгород). Если это так, то московская денга до начала XV в. должна находиться в рациональном отношении с новгородскими денежными единицами. Из мелких единиц кунной системы Новгорода этого времени нам известна бела (1,87 г серебра) и куна (0,467 г серебра). Между тем, по подсчетам С. И. Чижова, средний вес денег Василия Дмитриевича по 285 экз. равен 20,51 доли, т. е. 0,902 г, а из них чаще всего встречаются монеты с весом от 21 до 22 долей (0,924—0,968 г)²⁵. Но ведь эта норма ровно вдвое выше куны и ровно вдвое меньше белы новгородской системы, т. е. находится с ними в простейшем рациональном отношении.

Все монеты, чеканенные в Москве после 1410 г., С. И. Чижев, основываясь на наблюдениях надкладами, считал имеющими вес менее 21 доли²⁶. Иными словами, в этот период в московской чеканке происходят существенные изменения, осложнившие то соответствие, какое наблюдалось ранее. В свете сказанного особую актуальность сегодня приобретает исследование хронологии и

²² Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 32.

²³ *Шорин П. А.* Монеты великого княжества Рязанского (2-я половина XIV — 1-я половина XV в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. С. 19.

²⁴ ПСРЛ. Т. V. СПб., 1851. С. 43.

Чижев С. И. Дроздовский клад русских денег времени вел. кн. Василия Дмитриевича Московского // Труды Нумизмат. комиссии. Вып. 3. Пг., 1922. С. 6.

²⁶ Там же. С. 7.

метрологических особенностей московского чекана времени великого княжения Василия Дмитриевича (1389–1425 гг.).

Вернемся, однако, к «кунице». Если 122 «копы грошей» равны 15,25 куниц, то с одной куницы брали оклад в 8 грошей, т. е. 480 литовских монет, или «четверетец». Рациональная окладная сумма с одной обжи при этом получается лишь при признании равенства куницы 12 обжам. Она соответствует в этом случае 40 литовским монетам, или же 40 «четверетцам», или же, наконец, 10 новгородским денгам. Между тем, как показывает обращение к материалам нового письма по волости Буице, доходность обжи в 1495 г. тяготела к новгородской гривне, т. е. к 14 новгородским денгам. Такое несоответствие прекрасно разъяснил А. Л. Шапиро: «Поскольку цены на хлеб в 1470-е годы были ниже, чем в 1490–1500-е годы, нельзя считать равными рубль старого и рубль нового письма. Когда мы исчисляем старый натуральный оброк в деньгах нового письма, мы должны, очевидно, переводить на курс нового письма и старые денежные повинности. А так как рожь по старому письму стоила 7 денег, а по новому — 10 денег, перевод денег старого письма в деньги нового осуществляется путем введения коэффициента, равного $10/7$ »²⁷. Применение указанного коэффициента в нашем случае дает вполне удовлетворительный результат: $10 \text{ денег} \times 10/7 = 14 \text{ денгам}$.

Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. С. 34.

Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в.*

Цель настоящего исследования заключается в выяснении возможностей, которые грамоты на бересте предоставляют для изучения сложных процессов развития новгородской денежной системы XIII–XV вв. Существо проблемы состоит в том, что на протяжении указанного периода система денежных единиц Новгорода проделала длительный путь превращений, механизм которых остается совершенно неясным, поскольку базой этих превращений были не красноречивые в руках нумизмата монеты, а неуловленные и — нужно честно признаться — неуловимые существующими средствами источниковедения товаро-деньги. Лишь крайние звенья этого процесса хорошо известны исследователям. В XI–XII вв. новгородцы пользовались запечатленной в Русской Правде общерусской системой денежного счета с подразделением гривны серебра на 4 гривны кун, а гривны кун — на 20 ногат или на 50 кун (резан). Монетная система Новгорода XV в. не имеет видимых точек соприкосновения с системой Русской Правды. Ее главная единица рубль разделяется на 216 денег; 14 денег образуют гривну, а этих последних в рубле содержится даже не целое число: 15 гривен равны 210 денгам, 6 денег составляют непонятный излишек. Нелогичность построения системы денежных единиц в Новгороде XV в. тем более очевидна, что параллельно существующая московская денежная система с подразделением рубля на 10 гривен

Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. III. Л.: Наука, 1970. С. 150–179.

или на 200 денег может быть относительно легко возведена к древнейшей системе Русской Правды, в которой основная единица (гривна серебра) также делилась на 200 мелких фракций (кун).

Загадка происхождения новгородской денежной системы постоянно привлекала к себе исследователей. Однако нельзя сказать, чтобы их усилия принесли сколько-нибудь заметные плоды. Слишком невелик был исходный материал построений и слишком обширны возможности для замены этого материала произвольными домыслами. Новейшая попытка объяснить происхождение новгородской системы XV в. принадлежит Н. Д. Мец, которая установила совпадение весовой нормы новгородских денег (0.79 г), отличающейся исключительным постоянством на всем протяжении самостоятельной чеканки, с весовой нормой монет Василия Дмитриевича, существовавшей в момент установления новгородского чекана в 1420 г. «Так как известно, по сведениям более поздних источников, — писала Н. Д. Мец, — что рубль новгородский содержал 216 денег, то вес его был 170 г. Нам представляется, что происхождение числа 216 следует выводить именно из числа московских денег, необходимых для составления этого новгородского рубля»¹.

Изложенная гипотеза содержит весьма ценные наблюдения, однако не решает проблемы в целом. Своеобразие новгородской системы отнюдь не исчерпывается необычным соотношением рубля и денги. Не менее своеобразным было в ней соотношение денги и гривны (1 14), не знающее аналогий в других русских системах. В конце концов число 216 достаточно удобно для расчетов. Во-первых, это 6 в кубе. Во-вторых, оно делится без остатка на такие излюбленные в метрологической практике разных народов величины, как 12 и 18. И если указанными удобствами пренебрегли при предполагаемом искусственном построении новгородской системы в 1420 г. и предпочли в высшей степени неудобное соотношение рубля и гривны, значит, за этим стояли причины, не нашедшие объяснения в рамках гипотезы Н. Д. Мец.

Между тем рассмотрение этой проблемы буквально под любым углом зрения сталкивает исследователя с массой неизученных, но сугубо важных деталей. Предположив, например, что соотношение денги и гривны (1 14) возникло заново в результате сопостав-

¹ Мец Н. Д. Монеты великого княжества Московского середины XV века. С. 9–10.

ления нормы московской денги и существовавшей к 1420 г. новгородской гривны, мы тем самым признаем, что в новгородском рубле и до введения собственной чеканки было не целое число гривен. Допустив обратное, а именно, что в основу гривны 1420 г. было положено уже бытовавшее в Новгороде соотношение 1 14, в котором неизвестная нам норма старой мелкой фракции заместилась теперь нормой московской денги (что и повлекло за собой нарушение рациональности в соотношении рубля и гривны), мы вынуждены будем согласиться с существованием в Новгороде своеобразных структурных соотношений внутри денежной системы в период, предшествовавший введению монеты.

Наконец, и сам новгородский рубль в 170 ² неповторимо своеобразен. Его возникновение в какой-то период до 1420 г. не датировано и не объяснено, тогда как это, несомненно, центральный вопрос проблемы происхождения новгородской денежной системы XV в. Гипотезу Н. Д. Мец о роли в этом процессе московской монетной нормы можно было бы вывернуть наизнанку и предположить, что московская норма в Новгороде столкнулась не с рублем в 170 ², образовав необычное соотношение 1 216, а с традиционным равенством рубля 216 единицам и, будучи умноженной на 216, породила столь своеобразную величину, какой был новгородский рубль в 170 ².

В любом случае, при любом повороте исследования мы приходим к неизбежному выводу о наличии местных традиций в создании новгородской денежной системы XV в., о существовании в основе этой системы глубоких корней, уходящих в предшествующие пласты собственно новгородского метрологического творчества. Именно традиции труднее всего поддаются изучению, так как отсутствие монет XIII–XIV вв. усугублено редкостью и разрозненностью письменных свидетельств. Поэтому открытие берестяных грамот с их постоянными и многочисленными упоминаниями денежных терминов и денежных сумм имеет для изучения рассматриваемой проблемы решающее значение.

² Точнее — в 170,1 ². Норма высчитывается следующим образом. Тождественная по весу новгородской денге позднейшая московская «новгородка» времени Василия III чеканилась из расчета 260 из гривенки (204,756 ²). Деление гривенки на 260 и умножение полученного результата (0,7875 ²) на 216 дает в итоге 170,1 ².

Вопрос о древности рубля весом 170 г

Крупнейшее нумизматическое открытие последних лет, имеющее прямое отношение к изучаемой проблеме, было сделано М. П. Сотниковой. Существо этого открытия состоит в следующем.

Исследователи привыкли отмечать исключительное весовое постоянство новгородских денежных слитков, неизменно присущее им на протяжении многовекового периода их бытования. По форме слитки делятся на две группы. К более ранней, датированной Н. П. Бауером XII—XIII вв., принадлежат длинные (14—20 см) бруски; к позднейшей, отнесенной тем же исследователем к XIV — первой половине XV в., — более короткие (10—14 см) слитки с горбатой спинкой. Однако и те и другие имеют один и тот же близкий 200 г вес, обнаруживая при этом тенденцию к наиболее частому повторению нормы в 196—197 г. Это весовое постоянство, естественно, представлялось тем незыблемым стержнем, который соединял древнейшие новгородские системы с позднейшими. Поскольку слитки новгородского типа имели хождение на территории всей тогдашней Руси, они казались исследователям и материальным воплощением идеи взаимосвязанности областных русских систем: системы денежного счета могли изменяться в зависимости от ценности употребляемых в разных областях товаро-денег, но все они опирались на единообразный слиток в 200 г, способный выполнять роль коэффициента при всевозможных пересчетах.

М. П. Сотникова обнаружила, что весовое постоянство слитков — явление чисто внешнее. Длинные слитки раннего периода весом около 200 г отлиты из высокопробного серебра, но этого нельзя сказать о более поздних, коротких слитках. Последние, сохраняя неизменным вес около 200 г, в подавляющем большинстве случаев отлиты в два приема. При этом основная часть отливки (до 2/3) выполнялась серебром пониженного качества, с добавлением лигатуры, и только при второй отливке использовалось высокопробное серебро. Слиток получался двуслойным. Таким образом, вес, оставаясь постоянным, в разных случаях отражает совершенно различную ценность слитков³.

³ Сотникова М. П. Из истории обращения русских серебряных платежей

Открытие практики двуслойного литья выдвигает на первый план задачу датирования и истолкования этого явления. Указанная проблема подробно обсуждена в работах М. П. Сотниковой, однако сделанные при этом выводы представляются нам не вполне убедительными. М. П. Сотникова, опираясь на показания совместных находок слитков двойного литья и золотоордынских монет, обнаружила, что практика двойного литья существовала уже во второй половине XIV в. Но применение этой практики истолковано ею как «несомненный прием преднамеренной фальсификации, рассчитанной на то, что она останется незамеченной». Лишь злоупотребления денежного мастера Федора Жеребца, приведшие к известному восстанию 1447 г., по мнению исследовательницы, открыли новгородцам глаза на остававшуюся безнаказанной в течение почти сотни лет фальсификацию и привели к отказу от использования в обращении всех видов денежных слитков.

Трудно представить себе, чтобы обман мог остаться неразоблаченным на протяжении столь длительного времени. Шов на месте соединения двух отливок во многих случаях достаточно хорошо виден. Напомним также, что речь идет о периоде, когда в многочисленных русских центрах начинается массовая чеканка монет, изготовленных из высокопробного серебра. Все эти центры приступают к выпуску собственных денег в последней четверти XIV в., самое позднее — в начале XV в., по крайней мере за полстолетия до событий 1447 г. Но ведь базой этой чеканки в Низовских землях был в значительной степени реэкспорт серебра из Новгорода, иными словами, тот самый слиток двойного литья, о котором идет спор и находки которого зарегистрированы в десятках пунктов за пределами Новгородской земли. В сфере монетного производства фальсификация металла была бы разоблачена в кратчайший срок, если это действительно была скрытая фальсификация.

Однако не в этом заключается главное противоречие изложенной концепции. Допустив, что вплоть до 1447 г. новгородцы были уверены в высоком качестве обращавшихся у них слитков,

ных слитков в XIV–XV вв. (дело Федора Жеребца, 1447 г.) // СА. 1957. № 3. С. 54–59; *Она же*. Серебряные платежные слитки Великого Новгорода (Вопросы техники и эпиграфики): Автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1958. С. 6–8; *Она же*. Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII–XV вв. // Труды ГЭ. Т. IV. Нумизматика. Л., 1961. С. 47.

М. П. Сотникова тем самым должна признать сосуществование в Новгороде между 1420 и 1447 гг. двух разных рублей: один из них — слиток, фальсифицированный, но еще не разоблаченный (т. е. признающийся равным 196 з); другой — счетный рубль (обобщение 216 денег по 0,79 з каждая, т. е. равный 170,1 з). Сосуществование двух видов рублей неизбежно должно было бы найти терминологическое выражение. Однако никаких противопоставлений счетного рубля рублю-слитку источники указанного периода не знают. В известном летописном сообщении 1447 г. о том, что «новгородци охулиша сребро, рубли старыя и новыя»⁴, контекст предполагает не противопоставление слитка счетному рублю, а противопоставление двух видов слитка, на чем мы еще остановимся далее.

Можно было бы предположить, что рубль в 170 з появляется в Новгороде после 1447 г., тем более что сведения о соответствии рубля 216 денгам почерпнуты из источников конца XV в., а не более раннего времени. Однако такое предположение сразу же следует отвести как невероятное. Для того чтобы величина основной денежной единицы уменьшилась, необходимо или одновременное уменьшение составляющих ее фракций, в данном случае уменьшение веса денги, или же изменение структурных соотношений в системе, в данном случае потребовалось бы доказать, что до 1447 г. новгородский рубль состоял не из 216, а из большего числа денег. Но изучение весовых данных новгородских монет показывает, что они сохраняют весовое единообразие на всем протяжении чеканки начиная с 1420 г. Это обстоятельство отмечает и летописец, рассказывая о мероприятиях в денежном деле в 1447 г.: «начата переливати старый денги, а новый ковати в ту же меру, на 4 почки таковых же»⁵. Новгородская денга сохраняет неизменным свой вес и в московское время, вплоть до реформы Елены Глинской. Что же касается структурных соотношений, то для их изменения после 1447 г. не было каких-либо условий. Ведь слитки уже не обращались, и единственный номинал системы — денгу — было просто не с чем сравнивать.

Вопрос о том, существовал или не существовал в Новгороде до 1447 г. рубль в 170 з, решается обращением к слиткам. М. П. Сотни-

⁴ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. Новгородская 4-я летопись. Л., 1925. С. 443.

⁵ НПЛ. С. 427.

кова показала, что «суммарное содержание чистого серебра в слитках двойного литья, как правило, на 20–24 г меньше нормы, т. е. двухсотграммовый слиток, если принять для него нормальную пробу в 900–950 единиц, терял до 10–13 % полагающегося ему содержания чистого серебра, которое заменялось лигатурой»⁶. Простейший расчет обнаруживает, что выраженная в чистом серебре норма слитков двойного литья максимально близка норме новгородского рубля в 170 г. Именно эти слитки, на наш взгляд, и были рублями монетной системы Новгорода XV в.

Таким образом, в Новгороде не предпринималось никаких тайных фальсификаций. Истинная ценность двуслойного слитка не была скрыта от новгородцев, которые прекрасно знали, что 216 денег практически равны слитку-рублю, несмотря на ощутимую разницу в весе. Но если не было скрытой фальсификации, значит, историю новгородского рубля в 170 г следует начинать с момента появления в обиходе двуслойных слитков.

М. П. Сотникова датировала их появление второй половиной XIV в., аргументировав эту дату ссылкой на шесть совместных находок двуслойных рублей с джучидскими монетами и клейменными в Золотой Орде слитками⁷. Принимая во внимание обилие беспаспортных слитков подобного типа, их многочисленные находки без сопровождающего и датирующего материала, а также отсутствие каких-либо специфических типов слитка, четко датируемых концом XIII – первой половиной XIV в., можно согласиться лишь с тем, что во второй половине XIV в. слитки, изготовленные в два приема, безусловно существовали. Однако у нас нет решительно никаких оснований отвергать возможность их появления в более раннее время.

Именно в этой связи и оказываются важными показания берестяных грамот. Допустив, что слитки двойного литья (т. е. рубли в 170,1 г) появились лишь в какой-то момент на протяжении XIV в., мы должны догадываться, что их совместное бытование с предполагаемыми более ранними рублями (хотя бы в течение самого минимального периода) должно привести к временному удвоению

⁶ Сотникова М. П. Из истории обращения русских серебряных платежных слитков... С. 58; Она же. Серебряные платежные слитки... С. 7.

⁷ Сотникова М. П. Из истории обращения русских серебряных платежных слитков... С. 58.

термина, к появлению при слове «рубль» пояснений, о каком рубле идет речь и т. д.

Термин «рубль» упоминается в 20 четко датированных берестяных грамотах⁸. Древнейшая из них грамота № 65, которая содержит вообще самое раннее упоминание рубля в известных к настоящему времени источниках, датируется данными дендрохронологии 1281–1299 гг.⁹ Список грамот, называющих рубль, уместно дополнить грамотами с упоминанием постоянного спутника рубля — полтины, встреченной в 5 берестяных документах¹⁰. Приводим этот список с указанием ярусов, в которых найдены грамоты, и их дендрохронологических дат.

Ярус	Дата	Номера берестяных грамот, упоминающих	
		рубль	полтину
12	1281–1299	65	
11–12	1281–1313		328
11	1299–1313	138	138
10	1313–1340	4, 45, 144	
9	1340–1369	133, 318	
8–9	1340–1382	254, 354, 366	354
8	1369–1382	30, 256, 260, 274, 278	
7	1382–1396	42	
6–7	1382–1409		364
6	1396–1409	25	
5–6	1396–1422	249	
4	1422–1429	154, 162	162

Итак, грамоты, упоминающие термины «рубль» и «полтина», более или менее равномерно насыщают все слои XIV в. Однако ни в одной из них эти термины не сопровождаются какими-либо опре-

⁸ Здесь и далее используются грамоты Неревского раскопа, получившие дендрохронологические даты.

⁹ НГБ (1951), с. 29–31 (№ 4); НГБ (1952), с. 27–28 (№ 25), 31–32 (№ 30), 42–43 (№ 42), 46–48 (№ 45), 65–66 (№ 65); НГБ (1953–1954), с. 71–72 (№ 133); НГБ (1955), с. 11–15 (№ 138), 22–24 (№ 144), 31–33 (№ 154), 46–48 (№ 162); НГБ (1956–1957), с. 73–76 (№ 249), 81–83 (№ 254, 256), 86–87 (№ 260), 100–101 (№ 274), 104 (№ 278), 151–153 (№ 318); НГБ (1958–1961), с. 43–47 (№ 354), 61–66 (№ 366).

¹⁰ НГБ (1955), с. 11–15 (№ 138), 46–48 (№ 162); НГБ (1958–1961), с. 16–17 (№ 238), 43–47 (№ 354), 59–61 (№ 364).

делениями. Во всех случаях называются суммы, выраженные просто в рублях или полтинах. Это обстоятельство кажется противоречащим той характеристике, которая может быть извлечена из наблюдений над особенностями слитков XIV в.

В самом деле, признавая, что короткие слитки с горбатой спинкой бытуют в Новгороде с начала XIV в., а принадлежащие к тому же типу слитки двойного литья появляются лишь во второй половине XIV в., М. П. Сотникова тем самым настаивает на сосуществовании двух видов рублей с момента возникновения практики двойного литья. Правда, для нее это сосуществование безразлично по отношению к терминологии, поскольку литье слитков в два приема она считает способом скрытой фальсификации. Не соглашаясь с ней в этом важном пункте и признавая открытый характер реформы, понизившей вес рубля до 170 г, мы не можем не недоумевать, почему же введение в обиход новой единицы пониженного веса не нашло терминологического выражения.

Эти раздумья заставляют вернуться к техническим особенностям слитков двойного литья и поставить вопрос о способах их распознавания в массе других обращавшихся слитков. Поскольку литье двуслойных слитков не было приемом скрытой фальсификации, рубли с содержанием серебра в 170 г должны были иметь внешние отличия от слитков, вполне высокопробных. Более того, они не могли не иметь таких отличий. К искомым признакам не может относиться шов на стыке отливок. Он выражен на разных экземплярах в разной степени, а иногда вообще неразличим.

«В двуслойных слитках, — отмечает М. П. Сотникова, — низкопробное серебро оказывается полностью скрытым за серой, шероховатой и слегка пористой поверхностью боковых стенок слитка, прилежавших к стенкам земляной формы, и под высокопробной доливкой, которая, застывая, давала ту же гладкую блестящую поверхность, что и высокопробные слитки»¹¹. Из этого наблюдения исследовательница делает вывод, что такие слитки неотличимы от высокопробных и потому фальсифицированы.

Думается, однако, что из отмеченного М. П. Сотниковой безусловного факта недостаточной выраженности или полной невыраженности литейного шва на многих коротких слитках с горба-

¹¹ Сотникова М. П. Из истории обращения русских серебряных платежных слитков... С. 57–58.

той спинкой может быть сделан совершенно иной вывод. Ведь если шов в иных случаях так плохо различим, что побудило М. П. Сотникову настаивать на скрытом характере видоизменения рубля, то у нас нет никаких гарантий правильности разделения коротких слитков на отлитые в один прием и на изготовленные техникой двойного литья. Пока не произведены сплошные анализы пробы, мы, взяв в руки короткий слиток с неразличимым швом, еще не можем отрицать его возможную двуслойность. Последовательно развивая тезис об открытом характере реформы по понижению веса рубля до 170 г и не находя при этом иных критериев для распознавания последнего по внешним признакам, кроме самой формы слитка, мы приходим к неизбежному выводу о качественной идентичности всех коротких слитков с горбатой спинкой.

Нам представляется, что все слитки этого типа изготовлены путем двуслойного литья, только в одних случаях шов на них различим, а в других он незаметен¹². Если это так, мы получаем возможность связать воедино два самых значительных факта в истории новгородской денежной системы безмонетного периода. Рубежом XIII—XIV вв. датируются самые ранние находки коротких слитков с горбатой спинкой, в дальнейшем характерных для новгородского обращения XIV — первой половины XV в.¹³ К самому концу

¹² Н. В. Рындина, к которой мы обратились за консультацией по вопросам технологии литья слитков, обратила внимание на следующие обстоятельства. Слабая выраженность шва на стыке отливок многих слитков свидетельствует о том, что вторая отливка производилась непосредственно вслед за первой, до ее затвердения. В противном случае шов всегда был бы резко выражен. При такой технологии нормой оказывается не наличие, а отсутствие шва. С другой стороны, качественная разница металла в двух слоях слитка (в 80–250 единиц на 1000) не может быть воспринята зрительно, она выявляется лишь апробированием. Иными словами, технологически правильно изготовленный двуслойный слиток совершенно не имеет внешних отличий от однослойного.

¹³ Самый ранний клад новгородских коротких слитков найден в Смоленске в 1889 г. и датируется по содержащимся в нем пражским грошам 1300–1305 гг. (*Bauer N. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters // Numismatische Zeitschrift. Bd. 64. Wien, 1931. S. 78. № 170*). Поскольку все слитки этого клада были половинными обрубками, отметим, что и термин «полтина» впервые зафиксирован письменными свидетельствами того же времени.

XIII в. относится древнейшее упоминание термина «рубль» — безраздельной основы новгородской денежной системы всего последующего периода. Исходя из этого сопоставления, можно предложить наиболее существенный вывод о том, что термин «рубль» и был впервые применен в Новгороде к введенным не позднее конца XIII в. коротким слиткам с горбатой спинкой, иными словами, с самого начала был наименованием вновь образованной денежной единицы с содержанием чистого серебра около 170 г. Такой вывод объясняет не только отмеченную выше цельность применения термина «рубль» на протяжении XIV—XV вв., но и необычный успех нового термина, сопутствовавший ему с момента возникновения. Если бы новым термином была обозначена старая единица, завоевание им популярности не могло бы стать столь легким.

Напомним, что в литературе широко распространено мнение о практическом тождестве старой «гривны серебра» и нового «рубля», основанное на представлении о тождественной ценности старых длинных и новых коротких слитков¹⁴. Отбрасывая теперь это представление, мы вместе с ним отбрасываем и все недоумения, которые неизбежно возникали по поводу такой странной трансформации денежного термина, не опиравшейся якобы на изменение достоинства обозначаемой им единицы.

Рубль и гривна серебра

Летописец XVI в. включил в свое повествование рассказ об «обретении» Иваном IV новгородской софийской казны, «сокровенной» в стене собора: «и просыпая велие сокровище, древние слитки в гривну и в полтину и в рубль, и насыпав возы и посла к Москве»¹⁵. Это сокровище, найденное в 1547 г., было тогда же или в скором времени сплавлено. Однако терминологическая точность описания дает полное представление о форме обнаруженных в Софийском соборе слитков.

В русских кладах XII—XV вв., тяготеющих к территориям севера, встречаются именно три разновидности денежных слитков:

¹⁴ Спасский И. Г. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. Л., 1962. С. 64—67.

¹⁵ ПСРЛ. Т. IV. СПб., 1848. С. 342.

целиком высокопробные длинные слитки XII–XIII вв., короткие слитки с горбатой спинкой конца XIII – первой половины XV в. и половинные обрубки последних. Только к этим трем группам и могут относиться имена, названные в рассказе 1547 г.: гривна (т. е. гривна серебра), рубль и полтина. В отличие от позднейших исследователей летописец не отождествлял рубль и гривну серебра, в чем был, по нашему мнению, абсолютно прав, так как гривна серебра в Новгороде не стала рублем.

Существуют, однако, некоторые свидетельства источников, как будто противоречащие этому мнению. В летописном рассказе 1447 г. о раскрытии новгородцами злоупотреблений в денежном деле говорится: «Того же лета новгородци охулиша сребро, рубли старыя и новыя; бе денежникам прибыток, а сребро пределаша на денги, а у денежников поимаша посулы»¹⁶. Как уже отмечено, контекст сообщения подразумевает здесь две разновидности слитков. В заемной кабальной грамоте митрополита Киприана и ростовского архиепископа Феодора 1389 г. долг исчисляется следующим образом: «рублев старых новъгородских тысячу»¹⁷. Что можно понимать под новгородскими «старыми» рублями, если, согласно изложенным наблюдениям, рубль оставался неизменным с момента своего возникновения и вплоть до реформы Елены Глинской?

Связь этого термина в рассказе 1447 г. с каким-то определенным видом слитка позволяет думать, что так в Новгороде конца XIV–XV в. называли старый длинный слиток, поскольку в «новых» рублях мог быть выражен только современный событиям 1447 г. короткий слиток двойного литья. Однако мы знаем, что длинные слитки не были рублями, они назывались гривнами серебра.

Может быть, этот рассказ подтверждает принципиальную правоту М. П. Сотниковой? Ведь, согласно ее концепции, рубль первоначально полностью соответствовал гривне серебра, затем его начали скрытно фальсифицировать и только в 1447 г. обнаружили обман. Тогда «новыми» рублями описатель событий 1447 г. мог называть двуслойные слитки, а «старыми» – все слитки нормального достоинства. Мы подвергли сомнению тайный характер этой

¹⁶ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. С. 443.

¹⁷ Акты исторические. Т. I. СПб., 1841. № 252.

фальсификации, но не нашли бесспорных материалов для окончательной датировки возникновения двойного литья рубезом XIII—XIV вв. Если рубль в 170 г действительно появился в более позднее время, например во второй половине XIV в., то короткие слитки первой половины этого столетия вполне смогут быть отождествлены со «старыми» рублями, а нам придется вернуться к мнению о первоначальном тождестве рубля и гривны серебра.

Поэтому следует особенно внимательно выяснить, как сами новгородцы относились к употреблению этих терминов в начальный период бытования коротких слитков, в конце XIII и начале XIV в., противопоставляли ли они гривну серебра рублю или эти термины были взаимоисключающими.

Гривна серебра упоминается в четырех дендрохронологически датированных берестяных грамотах¹⁸. Еще в одном случае грамота сохранила лишь обрывок фразы: «10 гривено с...», который не дает полной уверенности в том, что речь в ней идет именно о гривнах серебра¹⁹. Указанные документы имеют следующие даты — 1197—1224 гг. (№ 222), 1197—1238 гг. (№ 334), 1238—1268 гг. (№ 61, 293). Сомнительный текст (№ 143) датируется 1281—1299 гг.

Явная малочисленность таких грамот привела к тому, что продемонстрированные ими хронологические рамки бытования рассматриваемого термина оказались значительно уже, чем это следует из показаний других источников. Не выходя за пределы Новгорода, отметим, что впервые термин «гривна серебра» упомянут в акте 1130-х годов²⁰, в последний раз — на рубеже XIII—XIV вв.²¹ В новгородских летописях позднейшей датой употребления этого термина оказывается 1316 г.²² Вполне очевидно, что он тяготеет именно к длинным слиткам XII—XIII вв. и выходит из употребления с переходом к литью коротких слитков-рублей.

Сама хронологическая взаимоисключаемость говорит о многом, однако перечисленные свидетельства — хотя бы в силу этой

¹⁸ НГБ (1952), с. 62—63 (№ 61); НГБ (1956—1957), с. 44—45 (№ 222), 122—123 (№ 293); НГБ (1958—1961), с. 21—23 (№ 334).

¹⁹ НГБ (1955), с. 27 (№ 148).

²⁰ ГВНиП. С. 140. № 81. Правда, в этом документе термин может означать не денежную единицу, а вес. Достоверное обозначение денежной единицы см. впервые в грамоте конца XII в. (ГВНиП. С. 55—56. № 28).

²¹ ГВНиП. С. 317—318. № 331, 332.

²² НПЛ. С. 336.

взаимоисключаемости — не содержат прямых противопоставлений гривны серебра рублю. В них лишь названы выраженные в гривнах серебра различные суммы, для исчисления которых было вполне достаточно простого обозначения денежной единицы. Поэтому особый интерес могут представить поиски каких-либо синонимов термина «гривна серебра» и попытки обнаружить их прямое противопоставление рублю.

В различных источниках, как актовых, так и нарративных, касающихся новгородского денежного обращения, неоднократно встречается термин «серебро». В большинстве случаев его употребляют как собирательное обозначение ценностей, название денег в общем смысле, и в этом значении он постоянно присутствует в берестяных грамотах XIII–XV вв. (см. грамоты № 30, 133, 140, 197, 257, 318 и, возможно, 110, 221, 285). Иногда он используется при противопоставлении сумм, выраженных в серебре, суммам, выраженным в товаро-деньгах (№ 154, 354). Известны также случаи употребления этого термина в сопровождении числительного, т. е. в значении определенной денежной единицы. Именно так употреблен он в договорной грамоте князя Михаила Ярославича при заключении мира с Новгородом в 1316 г. («двенадцать тысячи серебра»)²³, в летописном рассказе 1321 г. («на две тысящу сребра»), 1327 г. («2000 сребра») и 1428 г. («5000 серебра»)²⁴. Будучи основой исчисления крупных сумм, термин «серебро» в этих случаях прилагался к крупным денежным единицам. Но что он означал — рубль или гривну серебра?

Хронология приведенных свидетельств как будто указывает на рубль, безраздельно господствующий с первой четверти XIV в. И тем не менее находка берестяной грамоты № 138 позволила прийти к иному выводу. Эта грамота, датированная 1299–1313 гг. и определенная А. В. Арциховским как запись новгородского ростовщика, содержит древнейшее упоминание «серебра» как определенной денежной единицы. Она относится уже к тому времени, когда появился рубль, но в том-то и состоит ее ценность, что она оперирует обоими терминами: «Се азо, рабо божий Селивстро напсах роукописание. Оу Лоунька полтина. Оу Захарьп полтина. Оу Алюевиць полтина. Оу Кузмиць оу Онисимова 2 гривне. Оу

²³ ГВНиП. С. 23. № 11.

²⁴ НПЛ. С. 96, 338 (1321 г.), 98, 341 (1327 г.), 415 (1428 г.).

Смена оу Яколя двои чеи в 2 рубля с хрестом, брони во 2 серебра. Оу Кюрика оу Тюлпина семьдесято гривен. Оу Бориска полоутора роубля. И оу Петряица бумажнико и корова пороуцная. Оу Селиле 10 гривен. Оу Слинька шапка в 13 гривне. Оу Йваниса Япкыто, оу Федореца 2 гривне. Оу Селекоуевица 3 гривне. Оу Григорьи оу Роготина 2 роубля... гривне»²⁵.

Мы видим, что Селивестр посчитал нужным в описании долга Семена Яколя употребить оба термина — «рубель» и «серебро». В их совместном употреблении уже содержится элемент противопоставления. Если бы эти термины выражали тождественные понятия, то необходимости в такой терминологической пестроте не должно было бы возникнуть²⁶.

Понимание термина «серебро» как синонима «гривны серебра» находит подтверждение в договорной грамоте тверского князя Михаила Ярославича и Новгорода 1316 г. Грамота определяет сроки выплаты новгородцами контрибуции в 12 000 «серебра», оговариваясь при этом, что суммы исчислены в «низовськый вес»²⁷. Иными словами, документ начала XIV в. уже фиксирует существование крупных единиц «низовского» веса рядом с подразумеваемыми крупными единицами «новгородского» веса. Но если последними могли быть только короткие слитки-рубли, сравнительно незадолго до того утвердившиеся в обращении, то под единицами «низовского» веса, называемыми к тому же «серебром», остается понимать лишь длинные слитки, которые бытовали под именем «гривен серебра».

Указание договора 1316 г. на весовой критерий различения денежных единиц прямо свидетельствует о том, что слитки различались не только по форме. Между «новгородскими» и «низовскими» единицами начала XIV в. имелась более существенная разница, которую можно было выразить через их вес. Однако такая разница наблюдается лишь с возникновением в Новгороде рубля

²⁵ НГБ (1955). С. 11–15 (№ 138).

²⁶ Под «гривной» в этой грамоте, несомненно, подразумеваются не «гривны серебра», а малые «гривны кун». На это указывает, в частности, цена шапки Слинька. Отметим, что, например, цепа бобра в XIII в. равнялась четверти гривны серебра, как это следует из текста берестяной грамоты № 420. См.: *Арциховский А. В.* Берестяные грамоты из раскопок 1962–1964 гг. // СА. 1965. № 3. С. 210.

²⁷ ГВНиП. С. 23. № 11.

в 170 г. И если весовая разница учитывается в документе начала XIV в., значит, рубль в 170 г уже бытовал в Новгороде к этому времени.

Вывод о тождестве единицы «низовского» веса и гривны серебра не противоречит наблюдениям над весовыми нормами ранних московских монет. Нам уже приходилось отмечать, что чеканка московских денег во второй половине XIV в. начинается с использования нормы, близкой 1 г. Опираясь на традиционное соответствие 200 московских денег московскому, т. е. низовскому, рублю, можно утверждать, что нормой такого рубля и, следовательно, метрологической основой чеканки был вес около 200 г, совпадающий с нормой новгородского слитка XII–XIII вв.²⁸ Таким образом, в Низовских землях и после появления в Новгороде рубля в 170 г сохраняется в качестве главной основы денежной системы эта норма, материальным выражением которой был старый длинный слиток — «гривна серебра».

Если это так, то легко напрашивается объяснение, почему счет на «серебро» эпизодически употреблялся в Новгороде в XIV и XV вв. вопреки упрочению рубля в 170 г. Дело в том, что все упомянутые выше свидетельства извлечены из рассказов о выплатах разного рода контрибуций, т. е. о платежах межгосударственного характера. В 1316 г. Новгород выплачивал контрибуцию Твери. В 1321 г. расчет осуществлен между Юрием Даниловичем и Дмитрием Михайловичем в Переяславле. В 1327 г. контрибуция выплачивается татарам. В 1428 г. получателем «серебра» был Витовт. Суммы выражены в тех единицах, которые удобны и привычны победителям.

Имея в виду все эти наблюдения, вернемся теперь к противоречивым сведениям летописного рассказа 1447 г. и заемной грамоты митрополита Киприана. Упоминание в них новгородских «старых» рублей представляется нам результатом бытового переосмысления роли и характера старых «гривен серебра». Истинное название длинных слитков XII–XIII вв. было к концу XIV в. прочно забыто. Напомним, что оно в последний раз употреблено в 1316 г. С другой стороны, на протяжении всего XIV в. древняя «гривна серебра» по своему весу совпадала с основной единицей

²⁸ Янин В. Л. Алтын и его место в русских денежных системах XIV–XV вв. С. 25–26.

низовской системы, а последняя в XIV в. также усвоила наименование «рубль». В XIV–XV вв. еще хорошо помнили о новгородском происхождении длинных слитков и, перенеся на них название «рубль», не делали большой ошибки, именуя их «старыми новгородскими рублями». Заметим, что употребление этого термина в московской грамоте митрополита Киприана лишний раз указывает на ведущую роль нормы таких слитков в денежном обращении Низовских земель XIV в.

Понимая под «старыми новгородскими рублями» длинные слитки раннего времени, мы можем понять и существо злоупотреблений Федора Жеребца, раскрытие которых привело к ликвидации литья слитков. Его фальсификаторские действия в одинаковой степени коснулись и старых «гривен серебра», и новых «рублей» («новгородцы охулиша сребро, рубли старыя и новыя»). Мы не находим иного объяснения, кроме того что Жеребец лил старые и новые слитки из менее качественного серебра, чем требовала их норма. Именно такое злоупотребление, не затронув формы слитков, должно было подорвать доверие к любому обращавшемуся слитку. Показательно, что злоупотребления в монетной чеканке, обнаруженные тогда же, были точно такими же. Вече постановило перелить старые деньги, а новые ковать «в ту же меру». Плоды фальсификаторской деятельности Федора Жеребца могут быть обнаружены только массовым апробированием слитков и монет, поисками экземпляров, не соответствующих уже известным нам качественным нормам.

Таким образом, мы еще раз пришли к выводу о большой древности новгородского рубля в 170 г. Эта единица утвердилась в Новгороде уже в конце XIII в., и именно с ней связано возникновение нового термина «рубль», до сегодняшнего дня обозначающего основную единицу нашей денежной системы.

Структурные особенности гривны XV в. и их древность

Одной из самых значительных особенностей новгородской монетной системы XV в. является необычное соотношение денги и гривны. Если в системе Русской Правды гривна подразделялась на 20, 25, 50 единиц, а в московской системе на 20 единиц, демонстрируя применение системы счета на 5, то новгородская монетная

гривна состояла из 14 денег. В ее основе, таким образом, лежала система счета на 7.

Эти две счетные системы настолько противоположны одна другой, что переход к употреблению счета на 7 и построение на его основе новой структуры гривны следует признать коренным видоизменением новгородской гривны. Однако до самого последнего времени исследователи не располагали какими-либо свидетельствами, позволяющими поставить вопрос о времени этой перестройки гривны. Наиболее вероятными казались предположения, что гривна в 14 денег была принята или в 1420 г., в момент денежной реформы, установившей в Новгороде монетный чекан, или же в предшествующее десятилетие, когда на короткий срок в Новгороде была официально принята в обращение прибалтийская монета.

Несколько лет назад А. Л. Хорошкевич обратила внимание на изданную еще в прошлом веке, но не замеченную нумизматами и с тех пор прочно забытую запись 1399 г. в торговых книгах Тевтонского ордена. Запись исключительно важна для понимания самых существенных особенностей в структуре новгородской денежной системы, так как она эту систему подробно излагает: «Также в Великом Новгороде 13 маркштейнов составляют 1 штюкке, и 28 мартхоупте составляют 1 маркштейн. Также вес штюкке серебра больше в Новгороде, чем в Ливонии во всех городах»²⁹.

А. Л. Хорошкевич справедливо признает искажением бессмысленное написание «маркштейн» и восстанавливает первоначальное правильное «марк шин» — так постоянно переводили на немецкий язык русский денежный термин «гривна кун». «Штюкке» тоже хорошо известный термин; им обозначали денежный слиток, в данном случае — рубль. «Мартхоупте» — дословный перевод понятия «кунья головка», «куна». Таким образом, по записи 1399 г. новгородская денежная система предстает перед нами в следующем виде:

$$\begin{aligned}\text{рубль} &= 13 \text{ гривнам кун;} \\ \text{гривна кун} &= 28 \text{ кунам.}\end{aligned}$$

²⁹ Хорошкевич А. Л. Иностранное свидетельство 1399 г. о новгородской денежной системе. С. 303.

Не останавливаясь сейчас на всесторонней оценке сообщенных в записи фактов, отметим один, наиболее важный для нас: в конце XIV в. структурные соотношения внутри новгородской гривны построены уже на основе счета на 7.

Новое и самое решительное углубление этой счетной основы в древность дают берестяные грамоты. В 1962 г. в слое с дендрохронологической датой 1281–1313 гг. была найдена еще не изданная грамота № 410 со следующим текстом: «У Митрощъ 2 гривнь намо. У Домитра 2 гривнь намо. У ...омана у Смърда полторе гривнь по 7 ногато намь. У Го...шьоси 10 было и 2 гривнь куну. У Козъла 5 бело и пологривнь намо. У Колокы 5 куну и гривна намо».

Документ фиксирует существование на рубеже XIII–XIV вв. неизвестной другим источникам «гривны по 7 ногат», т. е. также построенной на семиричной счетной основе. Других столь же прямых указаний на «гривну по 7 ногат» нет, однако грамота № 410 дает, наконец, толкование ряду загадочных прежде упоминаний так называемой «гривны из ногат» или «гривны ногами».

В берестяной грамоте № 392, датируемой 1299–1313 гг. и, таким образом, вполне синхронной изложенному выше тексту, сообщается: «Оу Тешена возяле 20 гривено... и гривна из ногато»³⁰. Существуют и более ранние упоминания этой единицы.

Одно из них в виде сообщения о *marcas pagatorum* сохранилось в хронике Генриха Латышского под 1209 г. и давно известно нумизматам³¹. Другое обнаружено в берестяной грамоте № 227 и датируется дендрохронологически 1197–1224 гг.: «А се паки шьдошы во земли десять гравьно ногатами...»³².

Известный хронологический разрыв между двумя группами свидетельств о «гривне из ногат» (первая из них относится к рубежу XII–XIII вв., вторая — к концу XIII в.) помогает заполнить, как нам кажется, серия берестяных грамот, упоминающая неизвестную ранее, но весьма характерную в рассматриваемой связи денежную единицу.

³⁰ НГБ (1958–1961). С. 95–96.

Толстой И. И. Русская допетровская нумизматика. Вып. 2. Монеты псковские. СПб., 1886. С. 4.

³² НГБ (1956–1957). С. 49–51.

В 1958 г. при раскопках М. Х. Алешковского у церкви Параскевы Пятницы была найдена грамота № 355, не получившая, к сожалению, точной стратиграфической даты, но по палеографическим признакам датированная А. В. Арциховским XIV в.: «На Симане на лисидничнике гривна. На Дорофеи на кожевнике 6 семенци. На Климате на Парфеневе 3 гривне. На Васииле на...»³³. Рядом с хорошо известными всем исследователям гривнами в этом документе фигурирует никогда прежде не встречавшийся денежный термин «семенца».

Отсутствие точной даты этой интереснейшей грамоты было компенсировано в тот же раскопчный сезон находкой грамоты № 349, хорошо датированной данными дендрохронологии 1268–1281 гг. В ней употреблен тот же термин, только в иной огласовке: «...порома 18 коуно. Во плото на соли 5 коуно и гривне. На рыбахо семница. На церевахо 5 коуно. К... 9 гривону бе 5 коуно»³⁴. Открытие нового денежного термина в 1958 г. позволило опознать его также в одной найденной двумя годами раньше грамоте (№ 218), где его денежная сущность не была достаточно выражена: «...кюпанка перешло по семцине наме кроме поцте...»³⁵. Грамота № 218 тоже датируется 1268–1281 гг.

Во всех трех случаях мы видим разные варианты написания одного термина — «семенца», «семница», «семцина», этимологической основой которого является число 7. Характер применения этого термина нам не вполне ясен. Им могла обозначаться ногата — седьмая часть гривны или же сама гривна из 7 ногат. Вероятнее второе предположение, поскольку в полном тексте грамоты № 218 наряду с «семциной» упоминаются и ногаты. Во всяком случае связь этого термина с гривной из 7 ногат кажется нам несомненной.

Таким образом, еще до появления рубля применение счета на 7 в новгородской системе уже было основой структурных соотношений. Объединяя в одну группу перечисленные упоминания «гривны из ногат» и «семницы», мы склоняемся к выводу о том, что перестройка новгородской системы осуществилась не позднее рубежа XII–XIII вв., к которому относятся древнейшие упоминания «гривны из ногат».

³³ НГБ (1958–1961). С. 47–49.

³⁴ Там же. С. 38.

³⁵ НГБ (1956–1957). С. 38–39.

Бела и мордка

К числу новгородских денежных единиц, возникновение которых связано с перестройкой системы на основе счета на 7, несомненно, принадлежит бела, хорошо известная в актах и нарративных источниках с начала XIV в.³⁶ В одних только новгородских пергаменных актах XIV–XV вв. она встречается не менее 50 раз.

Принадлежность белы к семиричной системе достаточно хорошо прослеживается двояким способом. Во-первых, эта единица активно бытует на протяжении всего XV в. В ней выражают суммы различных платежей уже в тот период, когда новгородское денежное обращение обслуживалось монетой. А соотношение последней с гривной было равно 1 14. Во-вторых, имеется прямое указание на место белы в новгородской денежной системе XV в., содержащееся в Писцовой книге Вотской пятины: «за пятнадцать бел две гривны и две денги»³⁷. 15 бел отождествляются здесь с 30 новгородскими денгами. Поскольку в новгородской гривне было 14 денег, бела оказывается равной 1/7 гривны, т. е. тождественной по своему месту в системе той единице, которая в XIII в. называлась ногатой³⁸.

Известное подтверждение этому обстоятельству дают берестяные грамоты. Бела упоминается в 12 четко датированных данными дендрохронологии документах³⁹. Приводим их список, в который включены и грамоты, упоминающие семницу и ногату.

Древнейшее в известных до находки берестяных грамот упоминание белы содержится в договорной грамоте Новгорода с князем Михаилом Ярославичем 1318–1319 гг. (ГВНиП. С. 26. № 13. См. также: ГВНиП. № 70, 88, 89, 138, 139, 141, 142, 146, 154, 160, 161, 163, 166, 168, 170, 173, 175, 178, 179, 193, 195, 197–199, 203, 207, 214, 226, 228–230, 232, 235, 238, 239, 242, 256, 257, 263, 265, 268, 271, 272, 302, 303, 321).

³⁷ Невалин К. А. О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке // Записки РГО. Т. VIII. СПб., 1853.

³⁸ Существуют многочисленные свидетельства о равенстве 100 белок рублю, относящиеся к XV–XVI вв. (Прозоровский Д. И. Монета и вес в России до конца XVIII столетия. СПб., 1865. С. 177). Однако они не имеют отношения к структурным особенностям новгородской системы. В них говорится о цене беличьих шкур.

³⁹ НГБ (1951), с. 16–25 (№ 1, 2); НГБ (1952), с. 55–56 (№ 52), 58–59 (№ 55); НГБ (1953–1954), с. 16–19 (№ 92); НГБ (1955), с. 64–65 (№ 179); НГБ (1956–1957), с. 86–87 (№ 260), 104 (№ 278); НГБ (1958–1961), с. 13 (№ 322), 39–40 (№ 351), 50–52 (№ 358); неизданная грамота № 410.

Ярус	Дата	Номера берестяных грамот, упоминающих			
		гривну ногатами	семницу	ногату	белу
16	1197–1224	227		219	
13–14	1238–1281		218	218	
13	1268–1281		349		52, 351
11–12	1281–1313	410			322, 410
11	1299–1313	392			55
10	1313–1340				358
9	1340–1369				2, 92
8	1369–1382				1, 260, 278
7	1382–1396				179

Добавим, что единственное упоминание ногаты в новгородских пергаменных актах зафиксировано в духовной Климента, составленной не позднее 1270 г.⁴⁰ Мы видим, как термин «бела», применяемый в последней трети XIII в., приходит в это время на смену «ногате», тождественность его которой отмечена выше.

Нуждаются в специальном рассмотрении случаи анахронистического употребления термина «бела» в некоторых древнерусских памятниках. Таких случаев нам известно два. Ипатьевская летопись под 859 г. сообщает: «а Козаре имахуть на Полянех и на Северех и на Вятичих имаху по бълъ и въверици так о от дыма»⁴¹. В «Слове о полку Игореве» имеется сходное место: «А погании сами, победами нарищуце на Рускую землю, емляху дань по беле от двора»⁴². Приведенными свидетельствами как бы устанавливается существование рядом с «белой» второй половины XIII–XIV в. другой, домонгольской «белы», денежной единицы, не отразившейся в других памятниках того времени. Однако вряд ли этими свидетельствами следует пользоваться безоговорочно.

Приведенное место «Повести временных лет» существует в двух вариантах. Чтение «по бълъ и въверици» имеется в Ипатьевской летописи, а в Лаврентьевской говорится: «по бълъи въве-

⁴⁰ ГВНиП. С. 163. № 105.

ПСРЛ. Т. 2. 2-е изд. СПб., 1908. Ст. 14; Повесть временных лет по Ипатскому списку. Изд. Археограф. комиссии. СПб., 1871. Л. 14.

⁴² Слово о полку Игореве. Л.: Сов. писатель, 1967. С. 49.

риц»⁴³. Какое же из двух чтений возможно признать первоначальным?

Д. С. Лихачев принимает первоначальным чтение Ипатьевской летописи и вслед за Б. Д. Грековым переводит: «по серебряной монете и по белке»⁴⁴. В этом переводе белка соответствует «веверице», а серебряная монета — «беле». Допустим на минуту, что приведенный перевод правилен. Если для IX в., о котором идет речь в «Повести временных лет», бытование на Руси серебряных монет — реальность, воплощенная, в частности, в многочисленных кладах куфических монет, то о каких же серебряных монетах XII в. может говорить «Слово о полку Игореве», где встречен тот же термин? Ведь в южной Руси с середины XI в. до XIV в. нет ни одного клада, ни одной монетной находки. К тому же, как доказал Н. П. Бауер, для обозначения серебряной монеты в домонгольское время употреблялся другой, широко распространенный термин — «куна»⁴⁵.

Термин «бела» из рассказа 859 г. пытались объяснить иначе, опираясь при этом на сообщение Лаврентьевской летописи под 1068 г. о разграблении княжеской сокровищницы, когда из нее было взято «бещисленное множество золота и сребра, кунами и белью». В Ипатьевской и Новгородской I летописи младшего извода слово «белью» заменено словом «скурою». Если в связи с таким направлением критики текста посчитать «белу» Ипатьевской летописи беличьей шкуркой, то в рассказе 859 г. станет возможным отметить ничем не оправданную тавтологию: «по беле (т. е. по беличьей шкурке) и веверице (т. е. по беличьей шкурке)».

Оба толкования, таким образом, заставляют отвергнуть первичность чтения Ипатьевской летописи и остановиться как на первоначальном тексте на чтении Лаврентьевской летописи: «по бълъ и въверицъ». Неопровержимость такого выбора ясна из сходства с чтением Лаврентьевской летописи соответствующего места из Новгородской I летописи младшего извода: «и дань даяху Варягом от мужа по белей веверици»⁴⁶. Напомним, что А. А. Шахматовым был обоснован вывод о позднейшем характере чтений Ипатьев-

⁴³ ПСРЛ. Т. I. Вып. 1. 2-е изд. Л., 1926. Ст. 19.

⁴⁴ Повесть временных лет. Ч. 2. Приложения. М.; Л., 1950. С. 233.

⁴⁵ Бауер Н. П. Денежный счет Русской Правды. Вспомогат. истор. дисциплины. М.; Л., 1937. С. 222 и сл.

⁴⁶ НПЛ. С. 106.

ской летописи, если они отличны от тех чтений, которые оказываются общими для Лаврентьевской и Новгородской I летописей¹⁷.

Если чтение Ипатьевской летописи вторично, то его возникновение в «Повести временных лет» можно датировать лишь тем временем, когда «бела» стала денежной единицей, т. е. не ранее второй половины XIII в. Соответствующее место в «Слове о полку Игореве» представляется нам результатом прямого заимствования из этой позднейшей редакции «Повести временных лет».

Итак, мы обнаружили, что структурное своеобразие новгородской гривны, построенной на основе счета на 7, возникло сравнительно рано, не позднее рубежа XII–XIII вв., причем к семиричной системе относится «гривна из ногат», а также составляющие ее ногаты, а со второй половины XIII в. — соответствующие последним белы.

Берестяные грамоты предоставили в наше распоряжение важнейшее свидетельство сосуществования этой семиричной системы с другой денежной системой, которая в качестве своей основы сохраняет старую систему счета на 5. В 1956 г. в слоях 13-го яруса, дендрохронологически датируемых 1268–1281 гг., был найден комплекс грамот, состоящий из четырех фрагментов, взаимосвязанных по содержанию и графическому оформлению (№ 215–218), в котором рядом с «ногатой» и «семциной» несколько раз названы «гривны по 10 резан»¹⁸.

Косвенным подтверждением достаточно устойчивого существования этой системы одновременно с системой семиричной гривны является, как нам кажется, и то упорство, с которым на протяжении всего XIII в. новгородцы упоминают «гривну из ногат». Если бы рядом с ней не существовала еще «гривна из резан», не было бы особой нужды разъяснять ее характер. Сосуществование одноименных, но разных по величине денежных единиц естественно ведет к оговоркам в терминологии.

При том узком круге источников, которым мы располагаем для анализа этой второй системы, мы вынуждены ограничиться лишь самыми первоначальными предположениями. Прежде всего необходимо сопоставить существование двух систем с несомненным

¹⁷ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 30.

¹⁸ НГБ (1956–1957). С. 36–39.

фактом сосуществования уже в XIII в. новгородской и низовской денежных систем. Действительно, семиричная система существует в Новгороде по крайней мере с начала XIII в. Значит, уже к этому моменту там совершилась та перестройка, которая сделала новгородскую гривну абсолютно непохожей на гривну Русской Правды. Но в Низовских землях, сохранивших пятиричную систему счета, позднейшая гривна XIV–XV вв. не теряет бросающейся в глаза генетической связи с гривной Русской Правды. Значит, и на протяжении всего XIII в. низовская гривна была пятиричной и отличающейся от новгородской.

Не отождествляется ли «гривна из 10 резан» с низовской гривной? В этой связи уместно высказать некоторые предположения об относящихся к пятиричной системе денежных единицах. Наиболее достоверной единицей такого рода мы считаем «мортку». Мортка чрезвычайно редко упоминается в источниках, причем наиболее определенные свидетельства ее существования, фигурировавшие до сих пор в литературе, относятся ко времени не ранее конца XIV в. Ее знает докончание великого князя Василия Дмитриевича с тверским князем Михаилом Александровичем 1396 г.⁴⁹ Под 1407 г. она упомянута в псковских летописях⁵⁰. В Никоновской летописи рассказ о новгородской денежной реформе 1420 г. содержит сообщение: «а преж лобков кунных торговали мортками белыми и кунными»⁵¹. Мортка фигурирует также в грамоте Великого Новгорода о предоставлении черного бора с новоторжских волостей великому князю Василию Васильевичу (1448–1461 гг.)⁵².

Предложенная нами датировка «Рукописания Всеволода» рубежом XIII–XIV вв.⁵³ вызвала решительные возражения А. А. Зимина, сославшегося на упоминание в этом памятнике мортки. А. А. Зимин относит «Рукописание» к концу XIV в. и пишет: «Факт отсутствия такого русского термина до конца XIV в. неоспорим»⁵⁴.

Между тем мортка известна в Новгороде уже на рубеже XII–

⁴⁹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 42. № 15.

⁵⁰ Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 115–116.

⁵¹ ПСРЛ. Т. XI. СПб., 1897. С. 236.

⁵² ГВНИП. С. 39. № 21.

⁵³ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 82–93.

⁵⁴ Зимин А. А. Рец.: Янин В. Л. Новгородские посадники // СА. 1963. № 3. С. 274.

XIII вв. К 1197–1224 гг. относится берестяная грамота № 108, найденная еще в 1953 г. и содержащая следующий текст: «...у суме две гривене корстоыхо мородоко»⁵⁵. Б. А. Рыбаков предположил, что грамота является обрывком духовной и упоминает деньги, оставленные завещателем на погребение («корсто» — гроб)⁵⁶. Показательно, что «гривна мордок» упоминается именно в тот период, когда в других синхронных документах впервые появляется «гривна ногатами». Эти уточнения как бы противопоставляют одну гривну другой.

Природу мортки раскрывает обращение к московским памятникам. Оказывается, что названная в договоре 1396 г. мортка в дальнейшем пунктуально заменяется денгой, которая фигурирует в соответствующих местах написанных по тому же формуляру договоров 1456, 1462, 1484–1485 гг.⁵⁷ При этом нужно отметить, что, хотя между 1396 г. и серединой XV в. московская денга проделала значительную весовую эволюцию, уменьшившись вдвое, ставки пошлин в этих договорах не возросли, в чем можно убедиться из сравнения параллельных мест dokonчаний:

Таким образом, мортка принадлежала к низовской системе, со-

1396 г.

А на старых ти мытех имати с
воза по мортке обеушнои, а костки
с человека мортка...

А с лодии пошлин с доски по
два алтына всех пошлин, а боле то-
го пошлыны нет, а с струга алтын
всех пошлин. А тамгы и осминиче-
го от рубля алтын...

1484–1485 гг.

А на старых мытех имати пош-
лина с воза денга, а косток с чело-
века денга ж...

А с лодьи пошлына с доски по
два алтына, а болши того пошлин
нет. А с струга алтын всех пошлин.
А тамгы и восми ничего от рубля
алтын...

ответствовала после введения монетного чекана денге и, следова-
тельно, составляла двадцатую часть гривны или двухсотую часть
рубля. Отмечая ее бытование в Новгороде XIII в., мы тем самым
возвращаемся к высказанному выше предположению, что вторая —

⁵⁵ НГБ (1953–1954). С. 37–38.

⁵⁶ Там же. С. 38, примеч. 14.

⁵⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей... С. 188, 191 (№ 59), 203, 206 (№ 63), 298, 300 (№ 79).

пятиричная — система Новгорода XIII в. совпадала с низовской системой.

Если эти предположения правильны, то «гривна из 10 резан» должна быть отождествлена с «гривной мордок». Отметим, кстати, что нуждается в исправлении неверно прочтенное еще при первой публикации одно место в духовной Климента, где расчет «у Еремея без 10 резан 2 гривны» оказывается бессмысленным, поскольку 2 гривны без 10 резан составляют ровно одну гривну. В подлиннике цифра, показывающая число резан, в верхней части стерта. Она с равным правом может быть прочтена и как I, и как Г. Думается, что второе более вероятно⁵⁸.

Следует отметить, что в новгородских письменных источниках термин «резана» доживает до рубежа XIII—XIV вв.⁵⁹

Таким образом, на протяжении XIII в. в Новгороде наблюдаются две линии развития денежной системы. Одна из них, использующая семиричный счет, в дальнейшем ведет к образованию своеобразной новгородской системы XV в. с гривной в 14 денег. Другая, сохранив пятиричную основу, родственна или идентична низовской системе. Обе линии опираются на единственную разновидность слитка, существовавшую в XIII в., — «гривну серебра».

Опыт реконструкции новгородских денежных систем XIII—XIV вв.

Исходный материал для реконструкции новгородской денежной системы XIV в. содержится в уже цитированной выше записи 1399 г. Напомним, что эта запись устанавливает равенство рубля 13 гривнам кун, а гривны кун — 28 кунам.

Попытка реконструкции абсолютных величин этих денежных единиц была предпринята А. Л. Хорошкевич, однако эта попытка, на наш взгляд, неудачна, так как исследовательница исходила из представлений о тождестве новгородского рубля и гривны серебра. Установив, что рублем в Новгороде XIV в. был слиток с факти-

⁵⁸ См. факсимильное воспроизведение духовной в кн.: *Тихомиров М. Н., Щеткина М. В.* Два памятника новгородской письменности. М., 1952. С. 27

⁵⁹ В последний раз в берестяной грамоте № 320 с дендрохронологической датой 1299—1313 гг. [НГБ (1958—1961). С. 9—11].

ческим содержанием высокопробного серебра в 170,1 г, мы получаем, что гривна кун этого времени равнялась 13,08 г серебра, а куна — 0,467 г серебра. Нам известно, что в гривне содержалось 7 бел, которые прежде назывались ногатами; отсюда легко рассчитать величину белы (ногаты), которая оказывается равной 1,87 г.⁶⁰

Следовательно,

рубль = 13 гривнам = 91 беле = 364 кунам = 170,1 г серебра

гривна = 7 белам = 28 кунам = 13,08 г серебра

бела = 4 кунам = 1,87 г серебра

куна = 0,467 г серебра

С позднейшей системой 216-денежного рубля реконструированную систему связывают лишь два элемента: абсолютная величина рубля и принципиальная структура гривны, построенной на семиричной основе. Поэтому нам кажется подтвержденным тезис Н. Д. Мец о синтезе в новгородской монетной системе нормы московской денги и новгородского рубля в 170,1 г. Принятая в чеканке новгородских денег московская монетная норма 0,787 г была взята за исходный пункт построения монетной гривны. Норму московской денги признали половиной белы. 14 денег образовали гривну. Последних в рубле уложилось нецелое число: 6 денег образовали излишек. Таким образом, в новгородской монетной системе XV в. унаследованными от предшествующего этапа были рубль в 170 г и семиричная структура гривны.

Предложенная реконструкция позволяет, между прочим, понять метрологический механизм временного включения в новгородскую денежную систему в 1410—1420 гг. прибалтийских сереб-

⁶⁰ Правильность расчета величины ногаты может быть подтверждена показаниями Ливонской хроники. Под 1362 г. в ней излагается жалоба рижских купцов на дерптского епископа, что в Дерпте им засчитывают ногату за 6 пфеннигов, покупая у них товар, а продавая им товар, ту же ногату считают за 7 пфеннигов. Епископ обещал устроить так, чтобы любский пфенниг и в Дерпте считался за одну шестую ногаты, «как повсюду в Ливонии». Предпринятое И. И. Толстым изучение норм любских пфеннигов обнаружило, что 7 пфеннигов в нормах 1346—1353 гг. содержали чистого серебра около 1,9 г, тогда как близкое количество серебра содержали 6 пфеннигов предшествующих десятилетий (Толстой И. И. Русская допетровская нумизматика. С. 9—10).

ряных монет. Как известно, в 1410 г. «начата новгородци торговати промежи себе лопыци и гроши литовьскими и артуги немечкыми, а куны отложиша»⁶¹, а в 1420 г. «начаша новгородци торговати денги серебряными, а артуги попродаша Немцом, а торговале имы 9 лет»⁶². По расчетам А. Н. Молвыгина, ливонский артиг, непрерывно падавший в весе и терявший качество на протяжении XIV–XV вв., в начале XV в. содержал 0,44 г чистого серебра⁶³, что при пересчете на пробу практически чистого серебра (около 950) дает абсолютное совпадение с нормой новгородской куны того же времени (0,467 г). После 1413 г. содержание серебра в артиге упало до 0,31 г⁶⁴, в силу чего он встал в иррациональное отношение к единицам новгородской системы. В этой обстановке принятие артига в систему в 1410 г., отказ от его использования в 1420 г. и предпочтение, отданное московской денге при реконструкции системы, более чем закономерны.

Если вопрос о путях окончательного формирования новгородской монетной системы XV в. более или менее прояснился, то происхождение семиричной структуры гривны остается неясным. Далее предлагается попытка подойти к решению этой проблемы. Мы уже заметили, что гривна из 7 ногат возникла задолго до появления в новгородском обиходе рубля в 170 г. Счет на эту гривну применялся в эпоху безраздельного господства гривны серебра. Поэтому прежде всего следует сравнить между собой гривну серебра и гривну из 7 ногат. Такое сравнение оказывается далеко не простым. Мы знаем теперь точно величину «гривны из 7 ногат», но располагаем лишь приблизительными представлениями о величине «гривны серебра».

Гривна серебра возникла в XI в. как обобщение определенного количества монет. В ее основе лежал западноевропейский денарий, который выполнял в русской денежной системе того времени роль резаны. Его норма чуть превышала 1 г, и, поскольку в гривне серебра содержалось 200 резан, вес последней должен был немного превышать 200 г. На основании этих наблюдений мы в свое

⁶¹ НПЛ. С. 402.

⁶² НПЛ. С. 412.

⁶³ Молвыгин А. Н. Денежное обращение и монетное дело на территории Эстонской ССР в XIII – первой половине XVI в. С. 15.

⁶⁴ Там же.

время предположили, что гривна серебра по своей норме равна половине 96-золотникового фунта, дожившего в России вплоть до введения метрической системы мер. Отсюда теоретической нормой гривны серебра был признан вес 204,756 г, а нормой денария-резаны 1,02 г.⁶⁵

В установлении этой теоретической величины имеются кое-какие слабые стороны. Безусловное существование 96-золотникового фунта указанной нормы прослеживается только с конца XV в., когда его половинная часть — скаловая гривенка — использовалась при расчетах монетной стопы Василия III⁶⁶. Между тем Торговая книга конца XVI в. пишет о 96-золотниковом фунте как о явлении новейшем: «Ансырь досюда был Бухарский, весит пол 3 гривенки малых и 8 золотников, а всего в ансыре 128 золотников; а деньгами Московскими весит ансырь 8 рублей; а нынешний ансырь весит фунт в 96 золотников, а деньгами весит 6 рублей»⁶⁷. Обращает на себя внимание уверенность составителя Торговой книги в восточном происхождении 96-золотникового фунта («ансырь»). Эту уверенность нельзя игнорировать.

Что касается гривны серебра, не вызывает сомнений ее не восточное, а западное происхождение⁶⁸. В метрологии средневековой Западной Европы весовые единицы в фунт и марку (полфунта) были широко распространены, причем марки различных городов значительно варьировали, оставаясь близкими 200–210 г. В пунктах, тесно связанных с Русью, известны стокгольмская (208,6 г), скарская (214,7 г) марки. Наиболее важная для нас готландская до сих пор с точностью не определена. В литературе назывались возможные нормы в 204, 208, 210,5, 213,6, 216,4 г. Относительно рижской марки высказывались предположения, что ее нормой был вес около 206,5–207 г. В XVIII в. ее эталон весил 209,4 г⁶⁹. Таким образом, правильнее будет признать, что теоретический вес гривны серебра, который был близок 204 г, с полной

⁶⁵ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956. С. 46, 160–162.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853. С. 296.

⁶⁷ ЗОРСА РАО. Т. I. СПб., 1851. Отд. III. С. 114.

⁶⁸ Янин В. Л. Денежно-весовые системы... С. 192.

⁶⁹ Земзарис Я. К. Метрология Латвии в период феодальной раздробленности и развитого феодализма (XIII–XVI вв.) // Проблемы источниковедения. IV. 1955. С. 210–211.

точностью нам неизвестен.

Однако стоящая перед нами проблема не сводится к установлению этой теоретической величины гривны серебра. При плавке серебра происходит неизбежный угар некоторого количества металла, поэтому вес готового слитка всегда бывает несколько ниже взятого для его изготовления количества серебра. Если поначалу для литья серебряных слитков употреблялись высокопробные монеты XI — начала XII в. и угар был сравнительно небольшим, то с исчезновением из обихода монет сырье для литья гривен становится весьма пестрым по своему составу и качеству. Как убедительно показала М. П. Сотникова, разгадавшая тайну нарезок на слитках и истолковавшая их как обозначение угара, в XII—XIII вв. для получения слитка заданного веса берется уже не 204—205 г сырья, а от 210 до 250 г в зависимости от качества перерабатываемого металла⁷⁰.

Следовательно, ливцы очень хорошо умели рассчитывать соотношение между исходным количеством сырья и нужным им результатом: новгородские гривны отличаются хорошей выверенностью веса. И тем не менее даже после исчезновения из обращения монеты не возникает тенденция к закреплению теоретической нормы слитка в 204 г или близко к этой величине. Мастера стремятся воспроизвести в слитке не указанную норму, а вес, близкий 196—197 г, подмеченный, по всей вероятности, еще в XI в., когда разница между теоретической и практической нормой слитка была сравнительно небольшой, так как сырье, из которого лились слитки, оставалось постоянным и высокопробным.

Если вес в 196—197 г был той нормой, к воспроизведению которой стремились ливцы, следовательно, он приобрел самостоятельный характер и именно с ним следует в первую очередь сопоставлять другие денежные единицы. Между тем и его мы знаем только приблизительно. Думается, что именно сравнение «гривны серебра» с «гривной ногами» способно дать нужные уточнения.

Это сравнение обнаруживает, что в слитке указанного веса укладывается ровно 15 «гривен из ногат». Умножение величины последней (13,08 г) на 15 дает 196,2 г. Этот вес мы и должны при-

⁷⁰ Сотникова М. П. Эпиграфика серебряных платежных слитков. С. 88—89.

знать законным для слитков XIII в. Можно отметить, что самый факт деления «гривны серебра» на 15 гривен в значительной мере подтверждается существованием местных вариантов такого соотношения. В известной статье «А се бещестие», дополнительной к Русской Правде, зафиксировано хронологически неприуроченное равенство гривны серебра 7,5 гривнам кун: «а за гривну серебра пол осме гривне»⁷¹. Псковская полтина в 1407 г. равнялась 15 гривнам кун⁷².

Равенство гривны серебра 15 «гривнам из ногат»⁷³ позволяет предпринять расчет количества ногат в гривне серебра. Их в ней оказывается 105. Следовательно, семиричная новгородская система XIII в. может быть представлена так:

гривна серебра = 15 гривнам = 105 ногатам (белам) = 196,1 г
гривна = 7 ногатам (белам) = 13,08 г
ногата (бела) = 1,87 г.

Установление точной величины гривны серебра дает возможность уточнить нормы фракций в параллельно существовавшей пятиричной системе, распространившейся в Низовских землях:

гривна серебра = 10 гривнам = 100 резанам = 200 морткам = 196,2 г
гривна = 10 резанам = 20 морткам = 19,62 г
резана = 2 морткам = 1,96 г
мортка = 0,98 г.

Сущность различия между этими двумя системами заключает-

⁷¹ НПЛ. С. 498.

⁷² Псковские летописи. Вып. 2. С. 34, 116.

⁷³ Любопытное подтверждение верности определения практического веса «гривны серебра» в 196,2 г может быть извлечено из записей в счетоводных книгах Тевтонского ордена 1402–1404 гг.: «четыре шиффунта воска в городе Великом Новгороде составляют в стране (т. е. на прусских землях) пять шиффунтов плюс шесть Марковых фунтов... в Великом Новгороде 24 лисфунта составляют один шиффунт, а 20 Марковых фунтов составляют там один лисфунт» (*Sattler C. Handelsrechnungen des Deutschen Ordens. Leipzig, 1887. S. 173 ff.*). Таким образом, пяти прусским шиффунтам и шести прусским фунтам в Новгороде равнялись 1920 Марковых фунтов. Между тем при равенстве прусского шиффунта 400 прусским фунтам (см.: *Земзарис Я. К. Метрология Латвии... С. 213*) 1920 новгородских «Марковых фунтов» приравниваются 2006 прусским фунтам. Пони-

ся в том, что гривна серебра в одном случае была разделена на 100, а в другом — на 105 единиц. Понять, почему это случилось, значит ответить на основной стоящий перед нами вопрос. Нам кажется наиболее логичным предположение о роли в формировании новых структурных соотношений угара, т. е. неизбежных издержек производства, потерь, определяемых самой технологией изготовления слитков. Угар металла при плавке имеет, как правило, двоякий результат. Во-первых, серебро очищается от неценных примесей (медь или свинец), сгорающих более интенсивно, чем само серебро; его качество, следовательно, улучшается. Этот результат особенно нагляден при использовании низкопробного сырья. Во-вторых, при плавке сгорает некоторое количество собственно серебра, следовательно, количество его в готовом слитке оказывается меньшим, нежели в исходном сырье. Этот результат особенно заметен при использовании высокопробного сырья.

На начальном этапе литья слитков в качестве сырья использовались высокопробные денарии, качество которых практически не уступает качеству отлитых из них слитков. Следовательно, в этот период литью слитков сопутствовали неизбежные и хорошо заметные потери серебра. Уменьшение веса денежной единицы практически не компенсировалось улучшением качества металла. Отсюда происходит бросающийся в глаза парадокс: два в действительности неравных между собой количества ценного металла признаются равными 200 монет, которые в совокупности показывают вес около 204—205 г, оказываются одноценными, со слитком весом около 196—197 г, хотя качество металла там и здесь практически одинаково. Отсюда должно возникать стремление, сравнивая вес слитка с исходным теоретическим весом, считать в последнем большее количество единиц, чем в готовом слитке.

В таком случае можно предполагать, что деление гривны сереб-

мая под новгородским «Марковым фунтом» величину, вдвое превышающую гривну серебра (марку) в 196,2 г, можно рассчитать и величину прусской марки (т. е. половины прусского фунта), которая окажется равной 187,8 г. Именно такую или чрезвычайно близкую ей величину (187,5 г) вывел для прусской марки М. П. Лесников, основываясь на ее сравнении с тройской маркой (*Лесников М. П. Торговые сношения Великого Новгорода с Тевтонским орденом в конце XIV и начале XV в. // Истор. зап. 39. 1952. С. 262—263*).

ра в одном случае на 100, а в другом — на 105 единиц отражает эту разницу в подходе к решению встававшей перед метрологической теорией средневековой проблемы угара. По всей вероятности, норма 5 единиц на 100 была первоначальной нормой угара в период использования высокопробных монет в качестве сырья. Если это так, то перед нами открывается возможность уточнить теоретическую величину гривны серебра. Она складывается из признанной нормы слитка в 196,2 г (100 единиц) и угара (5 единиц), который оказывается равным 9,81 г. В результате получаем 206,1 г.

Конечный вывод из изложенных наблюдений можно формулировать следующим образом. Возникшую в XI в. на сырьевой базе денария гривну серебра в 206 г приравнивали в одних случаях (или на одних территориях?) 100 единицам, из которых она собственно и была составлена. В других случаях (или на других территориях?) ее приравнивали 105 единицам, учитывая потери при угаре. Эта разница в подходе сохранилась в безмонетный период, когда равенство 100 или 105 единицам стало прилагаться к слитку в 196,2 г и в конечном счете легло в основу разделения денежной системы на новгородскую и низовскую.

Нам остается высказать некоторые предположения по двум существенным вопросам рассмотренной темы. Первый касается нормы рубля, избранной новгородцами в конце XIII в. Величина 170,1 г, как нам кажется, может быть решительно сближена с нормой шестиугольного слитка южнорусской системы домонгольского времени. Эти слитки составляют половину византийской литры, и, таким образом, их теоретической нормой оказывается вес в 163,7 г. В одну систему со слитками входят сребреники, весящие 3,27 г и соответствующие южнорусской куне, и обрезанные в кружок дирхемы Стародзедзинского клада с нормой 1,64 г, соответствующие южнорусской резане⁷⁴.

Однако, в отличие от северных слитков, южнорусские шестиугольные слитки не обнаруживают расхождения между указанной выше теоретической величиной и тем весом, который выявляет их взвешивание. Если учесть неизбежный и здесь угар, то окажется, что для литья таких слитков нужно использовать именно около 170–171 г серебра. Напомним, что в единой общерусской системе IX–X вв. ногата выражалась весом серебра в 3,41 г⁷⁵. Не она ли

⁷⁴ Янин В. Л. Денежно-весовые системы... С. 162–171.

стала теоретической куной южнорусской системы? В таком случае вес 170 г окажется соответствующим 100 теоретическим резанам, как вес 163,7 г оказывается весом 100 реальных резан.

Вторая проблема заключается в объяснении технологических особенностей изготовления новгородских рублей XIV–XV вв. Почему они двуслойные? Почему при литье в два приема только одна отливка выполнялась серебром пониженного качества? Очевидно, что, изменив содержание серебра в слитке, новгородцы стремились сохранить его традиционный вес, эталоном которого была гривенка. Однако эта цель могла бы быть достигнута и не столь сложным способом. Достаточно было понизить качество серебра во всем слитке, а не в одной его части. Нам представляется, что причина видимой сложности изготовления слитков заключена в технологических условиях их литья. Величина отливки определялась емкостью тигля, а тигель не мог быть особенно большим, поскольку его вместимость зависит от температуры, развиваемой в горне. Вероятно, и в XII–XIII вв. слитки отливались в два приема, из двух тиглей, но отливки, естественно, были одного качества. С переходом к изготовлению рублей лигатуру добавляли только в одних из двух тиглей, что и породило известный нам двуслойный слиток.

**«Память, как торговали доселе новгородцы»
(к вопросу об эволюции
новгородской денежной системы в XV в.)***

В 1834 г. впервые была опубликована запись в Минее 1494 г. из собрания Соловецкого монастыря: «Паметь, какъ торговали доселе новгородци. Пять лобцов четверетца; а десять лобцов две четверетци, ино то мротка; а ногата полторы мротки, три четверетци; а две векши лбец; а лбецов пять за четверетцу. Новая гривна 3 гривны, а куна две денги, а ногата 7 денег, а гривна серебра рубль»¹.

Попытки установить по этой записи систему древних новгородских денежных единиц предпринимались Д. И. Прозоровским, А. И. Черепниным, А. В. Орешниковым и И. Э. Клейненбергом², однако без опоры на источниковедческую характеристику памят-

Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XVI. Л.: Наука, 1985. С. 98–114.

¹ Северная пчела. 1834. 17 окт. № 235. С. 938–939. Повторно запись издана архимандритом Досифеем в 1836 г. с произвольным добавлением: «[А рубль или гривна, фунт]» (*Досифей*. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1836. С. 204, примеч. В).

² *Прозоровский Д. И.* Монета и вес в России до конца XVIII столетия. С. 174 и сл.; *Черепнин А. И.* О гривенной денежной системе по древнимкладам // ТМНО. М., 1900. Т. 2. Вып. 2. С. 208–210; *Орешников А. В.* Денежные знаки домонгольской Руси // Тр. ГИМ. М., 1936. Вып. 6. С. 22–23; *Клейненберг И. Э.* О денежных единицах в «Памяти, как торговали доселе новгородцы» // Вспом. ист. дисциплины. 1982. Т. XIII. С. 148–155.

ника, что сделало эти попытки неудачными. Все перечисленные исследователи, за исключением Клейненберга, не обращались к оригиналу записи, а пользовались только публикацией ее текста, исходя при этом из даты самой Минеи и не ставя вопроса о синхронности или несинхронности записи этой дате. Что касается Клейненберга, то он, зная, что запись датируется временем «не старше рубежа XVI–XVII вв.», исходит из априорного суждения о древности ее источника, не проверив других возможностей истолкования этого текста.

Фотография записи впервые была опубликована И. Г. Спасским в 1957 г. и с тех пор переиздавалась неоднократно³; наличие такого воспроизведения позволяет вернуться к проблеме осмысления этого важного для истории русского денежного обращения документа.

Первый вопрос, естественно встающий перед исследователем, — время записи, о котором до ее изучения известно лишь то, что она не может относиться к периоду ранее 1494 г., когда была написана сама Минея. Между тем, коль скоро запись дает пересчет старых новгородских единиц на «денги», от правильного определения нормы последних зависит и исчисление величины старых единиц. В зависимости от времени записи под «денгами» в ней могут подразумеваться: 1) новгородские денги весом 0,79 г, если запись составлена до реформы Елены Глинской, или московские денги весом 0,395 г того же времени; 2) московки весом 0,34 г, если она относится к периоду бытования нормы Глинской, т. е. до польско-шведской интервенции начала XVII в.; 3) московки 4-рублевой стопы, если эта запись составлена в ранний период царствования Михаила Федоровича, до 1625 г. (эти монеты весили 0,25 г); 4) московки стопы 425 копеек из гривенки, т. е. весом 0,24 г (норма 1626–1663 гг.), или московки стопы 432 копейки из гривенки, т. е. весом 0,237 г, если запись датируется временем от 1664 до 1681 г.⁴

³ Спасский И. Г. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. М., 1957. С. 40, рис. 29; 2-е изд. М., 1960. С. 40, рис. 29; 3-е изд. Л., 1962. С. 66, рис. 47; 4-е изд. Л., 1970. С. 76; *Spassky J. G. The Russian monetary system. Amsterdam, 1967. P. 77, fig. 53.*

⁴ Не учитываю здесь норму денег середины XVII в. (0,23 г), поскольку она, по-видимому, была скрытой.

Палеографические наблюдения над записью позволяют использовать для расчетов норму московской денги второй четверти — середины XVII в. — около 0,24 г. Отмеченное записью равенство куны 2 денгам и ногаты 7 денгам дает соответственно величину куны примерно 0,48 г, а ногаты — примерно 1,68–1,69 г. Имеются основания полагать, что указанные цифры обладают признаками закономерности.

Сохранилась запись 1399 г. в торговых книгах Тевтонского ордена, которая фиксирует состояние новгородской денежной системы в заключительный период существования куны: «Также в Великом Новгороде 13 маркштейнов составляют 1 штюкке, и 28 мартхоупте составляют 1 маркштейн»⁵. Первая исследовательница этой записи А. Л. Хорошкевич правильно, на мой взгляд, идентифицирует «штюкке» со слитком-рублем, «маркштейн» (этимологически вернее — «марк шин») — с гривной кун, а «мартхоупте» (кунью головку) — с куней. Таким образом:

$$\begin{aligned}\text{рубль} &= 13 \text{ гривнам кун} = 364 \text{ кунам;} \\ \text{гривна кун} &= 28 \text{ кунам.}\end{aligned}$$

Подставляя на место куны полученное выше примерное значение — 0,48 г серебра, получаем также примерные величины: гривна кун — около 13,4–13,5 г, рубль — около 175 г. Попытаемся проверить этот результат.

Обращает на себя внимание, что величина новгородского рубля конца XIV в., выведенная здесь, несколько отличается от той, которая фиксирована источниками начала XVI в., определяющими ее в 170,1 г серебра (216 денег весом 0,7875 г каждая)⁶. Но это расхождение, по-видимому, вполне закономерно. По наблюдениям М. А. Львова, норма новгородской денги периода независимости тяготела не к 0,79 г, а к 0,80–0,81 г. В поисках эталона такой новгородской денги М. А. Львов обращался к кельнскому грану, ве-

⁵ Хорошкевич А. Л. Иностранное свидетельство 1399 г. о Новгородской денежной системе. С. 303.

⁶ Равенство новгородского рубля 216 денгам многократно зафиксировано в писцовых книгах конца XV в. и разнообразных документах XVI в.; о производстве из скаловой гривенки (204,756 г) 260 новгородских денег в первой трети XVI в. сообщают летописи в рассказе о реформе Елены Глинской.

сившему 0,8125 *з*⁷, что кажется надуманным. Между тем деление рубля в 175 *з* на 216 дает искомую величину 0,81 *з*, представляющую теоретическую норму новгородской денги.

Если в момент начала чеканки в 1420 г. новгородская денга базировалась на такой норме, значит, перестройка системы на равенство рубля 216 единицам уже совершилась к указанному времени и, следовательно, в 1420 г. структурные соотношения единиц соответствовали тем, которые хорошо известны нам по письменным источникам позднейшей поры:

рубль (175 *з*) = 15 гривнам + 6 денег;
гривна (11,34 *з*) = 14 денгам;
денга (0,81 *з*).

В той же связи рассмотрим величину ногаты, приблизительно установленную по «Памяти, как торговали доселе новгородцы» (около 1,68–1,69 *з* серебра). В литературе значение ногаты для периода XIII–XV вв. никогда не выяснялось. Поэтому попытаемся взглянуть на выведенную величину с точки зрения традиционных структурных соотношений этой единицы. Хорошо известно, что в системе Русской правды ногата составляла 1/20 часть гривны. Если такое соответствие оставалось неизменным и в XV в., умножение значения ногаты (около 1,69 *з*) на 20 должно образовать закономерную величину гривны. Однако полученный результат (около 34 *з*) на первый взгляд не ассоциируется с какой-либо известной в источниках гривной.

Между тем анализируемая «Память» называет какую-то «новую гривну», равную трем гривнам. Подставляя под «новую гривну» значение около 34 *з*, мы получим, что ее треть, т. е. просто «гривна», равна примерно 11,33–11,34 *з*, а это точнее образом соответствует приведенному выше расчету гривны в системе рубля 175 *з*.

Существовала ли, однако, «новая гривна» весом около 34 *з*? Имеем основание положительно ответить на этот вопрос. «Новая гривна» упоминается в грамоте Великого Новгорода Василию

⁷ Львов М. А. К вопросу о методике метрологического исследования русских монет XV в. // Нумизматический сборник. М., 1974. Ч. 3. С. 136, 140.

Темному (1461 г.) о взятии черного бора с Новгорода: «А брати князя великого черноторцем на новоторжских волостех на всех, куды пошло по старине, с сохи по гривне по новой, а писцю княжу мортка с сохи»⁸. В XV в. в Новгородской земле, по наблюдениям над показаниями писцовых книг, доходность обжи тяготела к новгородской гривне⁹. Между тем в сохе было 3 обжи, а с сохи, как мы видели, берется «гривна новая», иначе 3 новгородские гривны.

Приведенное сопоставление позволяет по-новому решить проблему «пятигривенного серебра», упомянутого в 1468 г. в жалованной грамоте белозерского князя Михаила Андреевича Кириллову монастырю: «Дал есмь им сию грамоту оброчную, что им давати дани в мою казну от сбора до сбора, на год по десяти рублей пятигривенным серебром, а привозят то серебро сами да отдают в мою казну»¹⁰. И. И. Кауфман, привлекая более поздние документы, происходящие из московского региона, считал, что речь здесь идет о «московских денгах ходячих по пяти гривен за полтину»¹¹. Проверим, однако, возможность истолкования «пятигривенного серебра» 60-х годов XV в. как новгородской единицы. Если «пятигривенным серебром» был новгородский рубль, тогда он равен 5 «новым гривнам», т. е.

$$\begin{aligned} 15 \text{ гривен (по } 11,34 \text{ з)} &= 5 \text{ новым гривнам} \\ (\text{по } 34,02 \text{ з)} &= \text{рублю (170,1 з)}. \end{aligned}$$

Этот расчет создает возможность корректировать величину ногаты, выше выведенной лишь приблизительно. Если «новая гривна» содержит 20 ногат, то величина ногаты оказывается равной 1,7 з, т. е. составляет одну сотую рубля¹².

⁸ ГВНиП. С. 39. № 21. О дате документа см.: Янин В. Л. К хронологии новгородских актов Василия Темного // Археограф. ежегодник за 1979 г. М., 1981. С. 43–48.

⁹ Янин В. Л. К истории формирования новгородской денежной системы XV в. // Вспом. ист. дисциплины. 1979. Т. XI. С. 259.

¹⁰ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1958. Т. 2. С. 114–115. № 182.

¹¹ Кауфман И. И. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века // ЗНОРАО. СПб., 1910. Т. 2. Вып. 1–2. С. 51.

¹² Такое соотношение также отличается признаками закономерности.

Таким образом, я не исключаю того, что в эпоху новгородской независимости монетная система Новгорода имела несколько иной вид, нежели представлялось ранее, а именно:

$$\text{рубль (170,1 з)} = 15 \text{ гривнам (по 11,34 з)} = 100 \text{ ногатам (по 1,7 з)} = 210 \text{ денгам (по 0,81 з)}.$$

Откуда же взялась эта величина рубля, если документ 1399 г. фиксирует его равенство 175 з? И когда она возникла? Для ответа на этот вопрос важно, что в 1461 г. еще употреблялся термин «новая гривна», а летописное сообщение 1447 г. говорит о рублях «старых» и «новых»¹³. Не менее существенным представляются показание летописи под тем же 1447 г. о том, что в Новгороде начали новые деньги «ковати в ту же меру на четыре почки таковы же»¹⁴, и установленное М. А. Львовым возвращение к норме денги

В системе Русской правды гривна содержала 20 ногат, а поскольку гривна серебра XII в. была приравнена четырем гривнам кун (т. е. гривнам Русской правды), то в Новгороде XII в. в гривне серебра должно было содержаться 80 ногат. Однако такое же соотношение («а за гривну серебра по 4 гривны кунами или пенязи») показано и в Торговом договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г., где под «гривной серебра» может подразумеваться только шестиугольный слиток весом в 163,7 з, коль скоро область Смоленска входила в домонгольское время в ареал шестиугольного слитка. Таким образом, в системе шестиугольного слитка, содержавшего 80 смоленских ногат, ногата оказывается равной 2,04 з, а это в свою очередь составляет ровно сотую часть новгородской гривны серебра. Приведенное сопоставление позволяет предположить, что в основе развитой новгородской системы XIII–XIV вв. лежала не только традиция, но и определенная ориентация на некую межобластную универсальность, на такое преобразование норм, при котором некоторые из них простейшим образом выполняли роль коэффициентов, удобных для пересчета единиц из одних систем в другие. Эта проблема в общей форме поднималась в литературе неоднократно, но она нуждается в специальном изучении на всем материале истории русских денежных систем IX–XV вв.

¹³ «Того же лета новгородци охулиша сребро, рубли старыя и новыя; бе денежникам прибыток, а сребро пределаша на денги» (ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 443).

¹⁴ «Начата людие денги хулити сребреныя, дажде и вси Новгородци, друг на друга смотря, и бысть межи ими голка и мятежь и нелюбовь; и посадники и тысяцскийи и весь Новъгород уставиша 5 денежников, и начата переливати старыя денги, а новыя ковати в ту же меру, на 4 почки таковы же, а от дела от гривны по полуденге» (Там же. С. 442).

в 0,81 г около той же даты¹⁵. Если в 1447 г. восстанавливается эта норма, но принимается счет 210 денег на рубль, значит рубль в 170,1 г к тому времени уже существовал. Поскольку же в предшествующую пору монета чеканилась с пониженным весом — 0,79 г, следовательно, в этом рубле содержалось 216 таких монет. Это обстоятельство, по-видимому, раскрывает механизм злоупотреблений, отвечать за которые довелось Федору Жеребцу¹⁶.

Надо полагать, что чеканка новгородских монет в 1420 г. началась на основе нормы в 0,81 г, но с опорой на рубль весом в 175 г. При этом структурные взаимоотношения должны были выглядеть следующим образом:

$$\text{рубль (175 г)} = 15 \text{ гривнам (по 11,34 г)} + 6 \text{ денег (по 0,81 г)} = 216 \text{ денгам (по 0,81 г)}.$$

В дальнейшем сползание нормы денги до 0,79 г должно было неминуемо повлечь за собой и падение нормы рубля до 170,1 г. Если же такое падение вызвало и тайное литье слитков с содержанием серебра, пониженным до 170,1 г, то обнаружение этого обстоятельства в 1447 г. ставило перед Новгородом несколько проблем, требовавших практического решения. Во-первых, отличить слиток с содержанием серебра 175 г от слитка, содержащего 170,1 г серебра, невозможно; выход из положения здесь один — «охулить» и «старые», и «новые» рубли, что и было сделано. Во-вторых, вряд ли вероятным могло быть возвращение к норме рубля в 175 г, поскольку в обращении находилось какое-то количество слитков с ре-

Львов М. А. К вопросу о методике метрологического исследования русских монет XV в. С. 136, 140.

¹⁶ «Того же лета выведе Сокира посадник ливца и весца серебряного Федора Жеребца на вече; напоив его, начата сочити: “На кого еси лил рубли?” Он же оговори 18 человек, и по его речем иных с мосту сметаша, а иных дома разграбиша, и ис церквей вывозиша животы их; а преже того по церквам не искали. И еще того же Феодора начата бесправдивы бояре научати говорить на многих людей, претяще ему смертью; он же, протрезвился, рече: “На всех есмь лил и на вси земли, и весил с своею братьею ливци” Тогда бе весь град в сетовании мнози, а голодники и ябедники и посулники радовахуся, толко бы на кого выговорил; и того самого смерти предаша, а живот его в церкви раздели и разграбиша. И бысть во граде мятеж велик, и оттоле и сам Сокира разболеса и умре» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 443–444).

альным содержанием в них 170,1 г серебра; последняя норма должна была стать узаконенной. В-третьих, восстановление нормы чеканки денег в 0,81 г при сохранении «нового рубля» (в его счетной форме) не могло уже консервировать прежнее структурное соотношение рубля и денги, породив новое: рубль равен 210 денгам.

Впрочем, это соотношение оставалось весьма неустойчивым, так как после 1447 г. норма монетной чеканки снова сползает до 0,79 г, еще раз поднявшись до 0,81 г лишь вскоре после присоединения Новгорода к Москве¹⁷, но на весьма непродолжительный срок, коль скоро писцовые книги 90-х годов XV в. снова констатируют равенство новгородского рубля 216 денгам.

Откуда же возникает само отношение 1 : 216? В 1979 г. я высказал предположение, что в его основу легло использование в Новгороде в 1410–1420 гг., накануне начала собственной чеканки, в качестве средства местного денежного обращения прибалтийских монет, засвидетельствованное летописью¹⁸. Норма ливонских артигов (около 0,79 г чистого серебра) была сопоставлена с нормой новгородского рубля (170,1 г), что продемонстрировало соотношение 216 : 1¹⁹. Такого объяснения придерживаюсь я и сейчас, но с некоторыми коррективами. Во-первых, как мы уже видели, в конце XIV и начале XV в. нормой рубля было 175 г. Во-вторых, вряд ли правильным было использование данных о содержании чистого серебра в артиге: ведь все остальные расчеты опираются на серебро 960°. Соответствующий пересчет дает норму артига 0,81 г. Поэтому реконструкцию новгородской денежной системы 1410–1420 гг. нужно представить следующим образом:

рубль = 15 гривнам + 6 артигов = 216 артигам = 648 любекским = 864 литовским = 175 г серебра;

гривна = 14 артигам = 42 любекским = 56 литовским = 11,34 г серебра;

артиг = 3 любекским = 4 литовским = 0,81 г серебра;

Львов М. А. К вопросу о методике метрологического исследования русских монет XV в. С. 136.

¹⁸ 1410 г.: «Начаша новгородци торговати промежи себе лопыци и гроши литовскими и артуги немечкыми, а куны отложиша»; 1420 г.: «Начаша новгородци торговати денги серебряными, а артуги попродаша немцом, а торговале имы 9 лет» (НПЛ. С. 402, 412).

¹⁹ *Янин В. Л.* К истории формирования новгородской денежной системы XV в. С. 251–259.

любекский = 1,33 литовского = 0,27 г серебра;
литовский = 0,20 г серебра.

Нуждается в корректировке в той же связи и исчисление величины гривны серебра XIII в. В 1970 г. я высказал предположение, что рубль в Новгороде образовался путем уменьшения на 2 гривны кун нормы гривны серебра, делившейся на 15 гривен кун. В основу приведенных расчетов было положено представление о равенстве гривны серебра ее «практической» норме, определенной тогда в 196,2 г серебра²⁰. Разница между «теоретическим» (204,756 г) и «практическим» весом слитка вызывается неизбежным угаром («падежом») части серебра при литье слитка из высокопробных монет. Угар, таким образом, определялся в 8,5 г (204,756 – 196,2), т. е. примерно в 4 %. Между тем обращение к более поздним материалам русского денежного дела показывает, что закономерной нормой «падежа» при таких условиях бывает примерно 1 %²¹. Иными словами, «практической» нормой слитка следовало бы признать вес около 202 г.

Проверим это наблюдение на основании расчета структурных соотношений в новгородской денежной системе. Если, согласно свидетельству 1399 г., новгородский рубль весом 175 г делился на 13 гривен по 13,46 г, то 15 таких гривен составят 201,95 г.

Отсюда можно наметить следующую динамику видоизменений новгородской денежной системы в XIV–XV вв.

XIV в. — 1410 г.

рубль (175 г) = 13 гривнам (по 13,46 г) = 364 кунам (по 0,48 г);
1410–1420 гг.

рубль (175 г) = 15 гривнам (по 11,34 г) + 6 артигов (по 0,81 г) =
216 артигам (по 0,81 г);

1420–1447 гг.

рубль (175 г) = 15 гривнам (по 11,34 г) + 6 денег (по 0,81 г) =
216 денгам (по 0,81 г);

²⁰ Янин В. Л. Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. Т. III. С. 172–179.

²¹ Ср., напр., показание «Торговой книги»: «А говорят, что шпанское де в слитках добре бело и чисто серебро, маленько де не придет в денежное, у гривенки всего угорит ползолотника» (ЗОРСА. СПб., 1851. Т. I. Отд. III. С. 116–117).

1447 г. — ?

рубль (170,1 з) = 5 новым гривнам (по 34,02 з) =

15 гривнам (по 11,34 з) = 210 денгам (по 0,81 з);

Конец XV — первая треть XVI в.

рубль (170,1 з) = 15 гривнам (по 11,06 з) + 6 денег (по 0,79 з) =

216 денгам (по 0,79 з).

Рассмотрим теперь первую часть «Памяти». В ней фиксируется равенство:

ногата = 1,5 мортки = 3 четверетцам = 15 лбецам = 30 векшам.

Зная из того же источника, что ногата равна 1,701 з серебра, получаем: мортка — 1,134 з, четверетца — 0,567 з, лбец — 0,1134 з, векша — 0,0567 з.

Мы видим, что мортка составляет одну десятую новгородской гривны середины XV в., лбец — одну сотую той же величины, четверетца — одну двадцатую, а векша — одну двухсотую часть гривны. Совокупность этих единиц ориентирована на нормы новгородской монетной системы, в которой денга весила 0,81 з, и представляет собой, в сущности, таблицу коэффициентов для пересчета денежных сумм²². Ни одна из этих величин, вопреки мнению И. Э. Клейненберга, не имела в XV в. реального выражения, хотя некоторые из них использовались для исчисления разного рода уставных сумм (например, мортка фигурирует в цитированной выше грамоте 1461 г. о черном боре с Новгорода как плата писцу)²³.

Нуждается в особом рассмотрении в связи с изложенными выше наблюдениями проблема слитка. После открытия М. П. Сотниковой группы двухслойных слитков с пониженным содержанием серебра в нижней отливке этот загадочный способ получил двоякое истолкование. М. П. Сотникова полагает, что мы имеем

²² Ср.: Симеон П. Ф. Мортки на пороге XVIII в. К вопросу об уяснении наименьших денежных расценок в допетровской Руси. Тверь, 1907.

²³ Очевидно, что «лбецы» и «четверетцы» «Памяти» не имеют отношения к «лопьям» (любекским) летописи и «четверетцам» новгородских писцовых книг и перемирной грамоты Пскова и Новгорода с Юрьевским епископом 1474 г., в которых речь идет о реальной монете — четверти денги, как это следует, например, из прямых показаний грамоты 1474 г. (ГВНИП. С. 135. № 78).

дело с приемом преднамеренной фальсификации, рассчитанной на то, что она останется незамеченной. Такое толкование понуждает исследовательницу отрицать существование новгородского рубля в 170,1 г или в 175 г и утверждать, что на всем протяжении чеканки эпохи независимости Новгорода рублем там считалась норма в 204–205 г серебра. Вслед за М. А. Львовым М. П. Сотникова принимает тезис о равенстве рубля – гривны серебра (204,756 г) в период новгородской независимости 18 гривнам, т. е. 252 денгам (по 0,81 г)²⁴.

Не соглашаясь с такой декларацией, совершенно не подкрепленной источниками, я высказал мнение о том, что двухслойное литье является способом выравнивания традиционного веса слитка (около 200 г) и счетного рубля (в соответствии с принятым в настоящей статье коррективом – 175 г)²⁵. Иными словами, я считаю, что на рубеже XIII–XIV вв., когда в Новгороде наблюдается стремительная смена денежных терминов, и рубль, однажды появившись, становится единственным обозначением высшей денежной единицы, за этим процессом стоит возникновение и новой реальной единицы – рубля, которая, будучи приравненной к 175 г, потребовала и изменения техники литья: учитывая добавление лигатуры к нижней отливке, я предположил, что слитки двойного литья, сохраняя традиционный вес гривны серебра, содержат не около 200 г, а около 175 г серебра (разумеется, речь идет о серебре 960–980°, а не о химически чистом металле). Дополнительному обоснованию этой точки зрения посвящено настоящее исследование. Сейчас же рассмотрим аргументы М. П. Сотниковой.

²⁴ Сотникова М. П. 1) Из истории обращения русских серебряных платежных слитков в XIV–XV вв. (дело Федора Жеребца, 1447 г.) С. 54–59; *Она же*. Серебряные платежные слитки Великого Новгорода (вопросы техники и эпиграфики); *Она же*. Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII–XV вв. Т. IV. С. 44–91; *Она же*. Снова о новгородском серебряном рубле-слитке XIII–XV вв. // Там же. 1981. Т. XXI. С. 90–98; *Она же*. Серебряные платежные слитки Великого Новгорода и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. // Вспом. ист. дисциплины. 1981. Т. XII. С. 219–234; Последние две работы практически идентичны, поэтому в дальнейшем ссылки даются лишь на первую.

²⁵ Янин В. Л. Берестяные грамоты... Т. III. С. 150–159.

«Известие о соответствии новгородского рубля 216 денгам, — пишет М. П. Сотникова, — на которое опиралась Н. Д. Мец при вычислении веса новгородского счетного рубля 1420 г. и которое В. Л. Янин ретроспективно использовал для реконструкции денежной системы Новгорода XIII–XIV вв., содержится в источнике самого конца XVI в.²⁶, т. е. относится к эпохе после денежной реформы Елены Глинской. Упомянутый в этом документе 1587 г. рубль новгородский состоит уже не из новгородских денег XV в. в 0,81 г и даже не из денег Василия III в 0,79 г (чью монетную стопу Н. Д. Мец соответственно и использовала в своих расчетах, так как полагала ее тождественной стопе суверенного Новгорода), а из копеек весом 0,68 г»²⁷. Решительно отказываюсь не то что принять, но даже понять этот пассаж. Самое раннее свидетельство о равенстве новгородского рубля 216 денгам содержится в новгородских писцовых книгах 90-х годов XV в.; эти известия подробно рассмотрены разными исследователями, в том числе и И. И. Кауфманом в работе, на которую ссылается М. П. Сотникова, на с. 30–32, как раз перед тем местом, на которое исследовательницей сделана отсылка в связи с документом 1587 г. Реформа Елены Глинской, установившая копейку весом 0,68 г, произошла почти на сорок лет позднее.

Продолжу цитирование с той фразы, на которой остановился: «Таким образом (? — В. Я.), “новгородское число” (216) и сам “рубль новгородский” зафиксированы как понятия в письменных источниках лишь начиная с последней трети XV в.²⁸, т. е. в эпоху присоединения Новгорода к Москве, когда слитков-рублей уже не

²⁶ К этому М. П. Сотникова дает ссылку: «Таможенная грамота царя Федора Иоанновича новгородцу Пятому Андрееву о сборе померной и покоречной пошлыны в Великом Новгороде от 1 сентября 1587 г. (Кауфман И. И. Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историей русских денежных систем с древнейших времен. С. 33)».

²⁷ Сотникова М. П. Снова о новгородском рубле-слитке XIII–XV веков. С. 96–97.

²⁸ К этому М. П. Сотникова дает ссылку: «Перечень известных см.: Заблочкий-Десятовский М. П. Что такое выражения: рубль, рубль московский, рубль новгородский? — ЖМНП, 1857, № 7, ч. 95, отд. 2, с. 1–35; Переписная оброчная книга Вотской пятины 7008 (1500) г. Первая половина. — Новгородские писцовые книги... СПб., 1868, т. 3, заглавный лист “...кладен великого князя оброк рубли и полтинами и гривнами и денгами новгородскими в новгородское число” (стб. 32, 40–42 и др.)».

было, но теоретический вес слитка продолжал оставаться основой при расчете денежной стопы»²⁹. Еще раз искренне удивившись, оставим оборот «таким образом» на совести исследовательницы и процитируем несколько достаточно хорошо известных текстов, не имея целью демонстрировать полную подборку аналогичных материалов.

1471 г.: «а добиша челом великому князю шестьюнадесят тысяч сребра новгородских рублей»³⁰; «а князю Михаилу Андреевичю и сыну его князю Василью воеводы новгородские, кои сидели в городе в Демону, добили челом и предашася на том, что их головами выпустити, а о ином ни о чем не стояли, а з города окупа дали 100 рублей новгородскую»³¹.

1456 г.: «а за свою истому взя у них князь велики десять тысяч рублей новгородским серебром»³².

Ок. 1430 г.: «а сребра головнова пядесят рублей новгородцкая и четыре рубли»³³.

1428 г.: «а в то же время из Новагорода приде архиепископ Емилиан, нареченный от Фотиа Евфимий, а с ним посадници и тысяцкие, и добиша челом Витофту, а даша с себя окупа полдевяты тысяч рублей новгородцких, а полон весь окупил у Витофта архиепископ, дасть две тысячи рублей»³⁴.

1346 г.: «а с Порхова взя окупа триста рублей и шестьдесят новгородцких»³⁵,

1327 г.: «они же убоявшеся послаша к ним послы своя со многую честию, и со многими дары и 5000 рублей новгородцких»³⁶.

1316 г.: «а срок трем тысячам и двема стома взяти князю на сбор в низовьский вес; а како възмет князь 3000 и двесте, тако ему пустити хлеб и всякыи гость. А други 3000 взяти князю на средокре-

²⁹ Сотникова М. П. Снова о новгородском рубле-слитке XIII–XV веков. С. 97.

³⁰ ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 140; СПб., 1913. Т. 18. С. 234; Пг., 1921. Т. 24. С. 191.

³¹ ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 166; Т. 24. С. 191; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 290.

³² ПСРЛ. Т. 8. С. 147; Т. 18. С. 211; Т. 25. С. 275.

³³ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. I. С. 64. № 71.

³⁴ ПСРЛ. Т. 8. С. 94; Т. 25. С. 248.

³⁵ ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 217.

³⁶ Там же. С. 194.

стве, в низовьский же вес. А третии 3000 пояша хопыли к собе, дати им на верьбницу без 2 сту и без полутретьядчати серебра, в низовьский же вес»³⁷.

Мы видим, что понятие «новгородский рубль», как и противостоящее ему — «низовской вес», появляется отнюдь не в последней трети XV в., а проходит через XIV и XV века. Само противопоставление этих терминов свидетельствует о несомненной разнице между новгородским и московским рублями на протяжении всего этого времени. Такой вывод давно уже стал прочным достоянием науки, и желание его опровергнуть, как только что показано, может опереться только на пренебрежение прямыми показаниями источников. Что касается хронологического момента возникновения разницы между новгородским и московским рублями, то он целиком определяется временем смены термина «гривна серебра» на «рубль». Если новгородский рубль не тождествен гривне серебра, то стремительность этой смены терминов, фиксируемая источниками (в частности, берестяными грамотами) на рубеже XIII—XIV вв., говорит сама за себя.

В подкрепление этого тезиса могут быть привлечены и нумизматические материалы. На рубеж XIII—XIV вв. приходится смена длинных слитков «северного веса» на короткие того же веса слитки с горбатой спинкой. Логично связывать первые с понятием «гривна серебра», а вторые — с понятием «рубль». Разница между этими двумя видами слитков хорошо была понятна летописцу XVI в., который, рассказывая об «обретении» Иваном IV в 1547 г. новгородской софийской казны, «сокровенной» в стене собора, сообщает: «И просыпая веле сокровище, древние слитки в гривну, и в полтину, и в рубль, и насыпа возы и посла к Москве»³⁸.

Против такого мнения М. П. Сотникова выставляет два аргумента. Первый — «датировать слитки с горбатой спинкой точнее, чем XIV—XV вв. или XIV в., не удастся из-за отсутствия в большинстве кладов сопровождающего материала. Верхняя граница изготовления таких слитков определяется известием о прекращении литья слитков в 1447 г. и наличием клейм рубежа XIV—XV вв. на самых поздних из них. Как видно из табл. 3 работы Сотниковой,

³⁷ ГВНиП. С. 23. №11.

³⁸ ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 342.

в кладях эти слитки встречаются с монетами Золотой Орды XIII–XV вв. (6 кладов), с распространенными в Поволжье слитками XIV в. так называемого ладьеобразного типа (2 клада) или несут татарские клейма XIV в. (2 клада). Нижняя же граница их бытования и, главное, самый момент появления горбатых слитков в сфере денежного обращения размыты из-за невозможности датировать слитки более дифференцированно вследствие “чистоты” большей части находок. Всего известно не менее 21 случая находок слитков с горбатой спинкой»³⁹.

Действительно, составленная М. П. Сотниковой табл. 3 дает основания для именно такого суждения. Однако эта таблица содержит сведения лишь о 21 находке, слитки из которых были пробинованы. Между тем в литературе имеются данные о не менее чем 45 кладах с горбатыми слитками. В их числе в кладе из Тамбовки Астраханской губ., найденном в 1892 г., горбатый слиток обнаружен вместе с 450 джучидскими дирхемами 1310–1327 гг., а в смоленском кладе 1889 г. три полтины, отрубленные от горбатых слитков, оказались в сопровождении 411 пражских грошей 1300–1305 гг.⁴⁰ Зачем же пренебрегать этими данными и «размывать» нижнюю границу бытования слитков? Показания приведенных кладов прямо свидетельствуют, что в первой четверти, даже в начале XIV в. горбатые слитки уже существовали.

Второй аргумент М. П. Сотниковой – наличие на некоторых коротких слитках граффити в притяжательной форме (Демидова, Кононъва, Марькова), которые исследовательница трактует как подразумевающие понятие «гривна» (а не «рубль»)⁴¹. Не могу признать этот аргумент вполне корректным. Подразумеваться здесь

³⁹ Сотникова М. П. Снова о новгородском рубле-слитке XIII–XV вв. С. 93. Замечу, что прежде М. П. Сотникова решала этот вопрос несколько иначе: продольные швы «свидетельствуют о новой технике “двухслойной” отливки, появляющейся во второй половине XIV в. Таким образом, короткие слитки без шва могут относиться только к первой половине или середине XIV в.» (Сотникова М. П. Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII–XV вв. С. 47).

⁴⁰ Bauer N. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters. Bd. 64. S. 61, 78. № 127, 170.

⁴¹ Сотникова М. П. Снова о новгородском рубле-слитке XIII–XV вв. С. 96; Она же. Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII–XV вв. С. 58–59, № 33, 35, 37.

может любое подходящее по смыслу слово женского рода, в том числе «доля», «казна», «часть» и т. п.

Наиболее существенные материалы, касающиеся дискуссионного вопроса о характере горбатых слитков, представлены М. П. Сотниковой в 1981 г. Имею в виду результаты пробирования 425 слитков такого типа из собраний Государственного Эрмитажа и Государственного Исторического музея. Ввиду важности этих материалов воспроизвожу здесь таблицу М. П. Сотниковой (см. таблицу на с. 359)⁴².

Результаты пробирования позволяют сформулировать несколько-существенных выводов. Во-первых, из 425 слитков рассматриваемого типа только 73 обнаруживают разницу в качестве серебра нижней и верхней отливок. Во-вторых, 222 слитка изготовлены техникой монолитного литья. В-третьих, из 203 слитков двойного литья 125 выполнены таким образом, что верхняя и нижняя отливки не различаются по качеству использованного в них металла. В-четвертых, бросается в глаза бессистемность понижения содержания серебра в слитке, выражающаяся как в разных сочетаниях пробы обеих отливок в слитках со швом, так и в разнопробности тех слитков, которые изготовлены монолитно или же двумя отливками одного и того же качества. Все это возвращает мысль М. П. Сотниковой к предположению о преднамеренной фальсификации и о единстве весовой и счетной норм новгородского рубля.

Заранее скажу, что таблица могла бы стать более интересной, если бы автором были представлены материалы по содержанию серебра в каждом слитке, которые можно было бы получить при фиксации веса слитка и пропорционального соотношения объемов отливок в каждом случае. Делу не повредило бы и указание на

⁴² *Сотникова М. П.* Снова о новгородском рубле-слитке XIII–XV вв. С. 92. Замечу, что в дополнительном разъяснении нуждаются некоторые исходные данные этой таблицы. Так, на табл. 3 (Там же. С. 95) М. П. Сотникова числит в Новгородском кладе 1821 г. 35 пробированных слитков, непонятным образом складывая эту цифру из 3, 17, 1 и 13. Между тем здесь же разъяснено, что из указанного клада уцелело только 20 слитков (Там же. С. 97, примеч. 3), что совпадает и с другими сведениями об этой находке (ср.: *Сотникова М. П., Спаский И. Г.* Русские клады слитков и монет в Эрмитаже // *Русская нумизматика XI–XX веков. Мат-лы и исслед.* Л., 1979. С. 58. № 32).

**Результаты двойного (сверху и снизу)
пробирования серебряных слитков XIV–XV вв.**

Количество слитков			
проба	без шва	со швом	всего
960–900°	175	91	266
875–800	18	26	44
750–700°	22	1	23
600–500°	5	5	10
972/882°		1	
967/880°		1	
968/781°		1	
960/810°		4	
960/700°		2	
960/600°		11	
960/ниже 500°		31	78
960°/недрагоценный металл		2	
955/817°		1	
925/900°		1	
925/683°		1	
916/500°		2	
900/600°		1	
875/600–500°		5	
837/690°		1	
800/600–500°		5	
800°/недрагоценный металл		1	
740/577°		1	
700°/недрагоценный металл		5	
Недрагоценный металл	2	2	4
Всего	222	203	425

вид использованного при пробировании слитка (целый или полтина), а также на наличие или отсутствие на нем клейм. Но, поскольку таких данных не приведено, будем благодарны М. П. Сотниковой и за то, что она сочла нужным опубликовать.

М. П. Сотникова называет полученный результат «неожиданным», а практику изготовления двухслойных слитков из серебра одного качества «загадочной». Добавлю к этому бесспорный вывод автора о том, что «монолитье, выявленное пробированием практически на половине исследованных слитков, прослеживается по крайней мере до начала XV в., так как среди клеймённых полтин встречаются экземпляры и без шва (Студенец, Казачья слобо-

да, Средне-Ахтубинское)»; «таким образом, в XIV–XV вв. изготавливали как монолитные, так и двухслойные слитки одного и того же типа»; «следовательно, не подтверждается предположение В. Л. Янина о двойном литье всех горбатых слитков с целью их качественного изменения для создания новой денежной единицы, эквивалентной 170 г чистого серебра»⁴³.

Действительно, не подтверждается. Однако представленные М. П. Сотниковой материалы выявляют принципиальную разницу в характере пробырованных слитков, которая остается «неожиданной» и «загадочной» только в свете ее собственной концепции (или вообще отсутствия таковой). Мне представляется, что М. П. Сотникова находится во власти двух изобретенных ею самой постулатов. Вопреки прямым показаниям источников, исследовательница не видит разницы между новгородским и низовским рублем. Она считает, что все горбатые слитки имеют только новгородское происхождение и никогда не изготавливались в других центрах Руси.

Вообразим себе на минуту, что, например, Ивану Калите, Дмитрию Донскому или Владимиру Храброму потребовалось превратить в слитки какое-то количество серебряной утвари или лома для совершения крупных платежей. По М. П. Сотниковой, они отправляли это серебро в Новгород, не имея почему-то возможности осуществить такую плавку на месте, а если учесть отрицаемое М. П. Сотниковой различие низовского и новгородского рублей, то и получали из Новгорода слитки «новгородского веса». Соображение об исключительно новгородском изготовлении горбатых слитков М. П. Сотникова основывает прежде всего на мнении о том, что «все серебро, имевшееся на Руси в рассматриваемый период, получалось путями внешней торговли с Западной Европой через Новгород»⁴⁴. Однако сама исследовательница показала, что при литье слитков порой угорало до четверти, трети и даже до половины исходного металла⁴⁵, что говорит об использовании для их литья и низкопробного биллона. Не могу предста-

⁴³ Сотникова М. П. Снова о новгородском рубле-слитке XIII–XV вв. С. 93, 96.

⁴⁴ Сотникова М. П. Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII–XV вв. С. 47.

⁴⁵ Там же. С. 79–91.

вить себе импорт в Новгород западноевропейского серебра в такой форме.

Если в XIV–XV вв. существуют две разновидности рубля – низовская (тождественная старой гривне серебра весом около 200 г) и новгородская (около 175 г) и если не существует технических препятствий для литья этих разновидностей на месте их преимущественного употребления⁴⁶, логично предположить, что монолитный и двухслойный слитки выражают соответственно обе эти формы, а монолитный слиток, в частности, является низовским рублем, сохраняющим традиционное содержание серебра. Его норма в дальнейшем остается основой монетной стопы XVI–XVII вв., именуясь «скаловой гривенкой», а судя по Уставу князя Всеволода (он известен по спискам XV–XVII вв.), и «рублевой гривенкой», что, по-видимому, ввело в заблуждение автора «Памяти, как торговали доселе новгородцы», записавшего: «а гривна серебра рубль»; гривна серебра действительно равнялась рублю XIV в., но не новгородскому, а московскому.

На это возможно выставить два возражения. Во-первых, трудность различения монолитных и двухслойных слитков. Думаю, что это преувеличенная трудность: различают же их нумизматы только по внешнему виду! Во-вторых, на таблице пробирования выделяются группы монолитных слитков с пониженным качеством металла. Однако низовской рубль не оставался неизменным. Если исходная норма московских монет Дмитрия Донского составляла 200-ю часть практической величины низовского рубля в 202 г, то при Василии Дмитриевиче существовали и нормы монетного чекана около 0,9 г и около 0,76 г, что говорит об эволюции счетного рубля к 180 г и к 150 г. Между тем пересчет содержания серебра 960° в слитках 875–800° и в слитках 750–700° дает именно эти величины.

Что касается двухслойных слитков, в которых я вижу новгородские рубли, то выравнивание традиционного веса слитков со счетным рублем весом около 175 г могло достигаться тремя путя-

См., напр., в духовной князя Владимира Андреевича (около 1401–1402 гг.): «А жоне своей, княгине Олене, дал семь свою треть тамги московские, и восьмьчее, и гостиное, и весчее, пудовое, и пересуд, и серебряное литье, и вся пошчины московские» (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 46, № 17).

ми — разнокачественностью отливок, понижением веса слитка и ухудшением качества металла при однородности отливок. Возможность первого пути демонстрировалась и прежде. Третий путь очевиден для двухслойных слитков пониженной пробы: слиток традиционного веса (около 200 г), как показывает элементарный расчет, содержит 175 г серебра 960° при общей пробе 830°. Второй путь здесь не так очевиден, поскольку мы не располагаем весовыми данными о 91 слитке двойного литья с однородными отливками 960–900°. Замечу только, что при пробе около 900° такой слиток, содержа 175 г серебра, должен весить около 190 г. Именно такой вес демонстрирует большинство полтин: поскольку их средний вес, по Н. П. Бауеру, равен 95,46 г¹⁷, удвоение дает 191 г.

Думаю, что изложенные здесь соображения открывают новую возможность осмысления клейм на слитках, тайна которых до сих пор остается неразгаданной. Их назначение было бы бессмысленным, если бы у маркировщиков существовало пропагандируемое М. П. Сотниковой убеждение в официальной равноценности всех обращавшихся слитков одинакового веса. Напротив, разнообразие качественных вариантов должно было потребовать специальной маркировки, и путь к исследованию этой проблемы лежит через классификацию клейм, ориентированную на действительную ценность каждого конкретного слитка.

Коснусь еще одного упрека, предъявленного мне М. П. Сотниковой, — пренебрежения тем обстоятельством, что слитки якобы ходили «в отвес»¹⁸. Но «отвес» возможен лишь при наличии равновесного, однако однородного по качеству материала. О каком же «отвесе» может идти речь, если сама М. П. Сотникова продемонстрировала предельную разнокачественность слитков! Скрыть такую разнокачественность не смог бы ни один фальсификатор, поскольку слитки уже с 80-х годов XIV в. служили сырьем для производства высококачественной монеты в Низовской земле.

Разберемся, однако, и в источниковедческой природе термина «в отвес». Он был введен в нумизматическую литературу С. И. Чижовым, обратившим внимание на грамоту Великого

¹⁷ *Bauer N. Die Silber- und Goldbarren...* S. 85.

¹⁸ *Сотникова М. П. Снова о новгородском рубле-слитке XIII–XV вв.* С. 96.

Новгорода великому князю Ивану Васильевичу 9 августа 1471 г. о сроках выплаты коростынской контрибуции в 15 500 руб., в которой говорится, что она должна быть выплачена «денгами в отчет, а серебром в отвес»⁴⁹. Поскольку М. П. Сотникова считает, что изготовление слитков прекратилось в 1447 г., причем же здесь тогда слитки? Допустив, что обращение слитков продолжалось и в 1471 г., мы вынуждены задать другой вопрос: поскольку, как сообщает летопись, контрибуция выплачивалась в 1471 г. новгородскими рублями, кому же в Новгороде могла прийти в голову безумная идея добавить в их число и более ценные низовские рубли? Очевидно, что в данном случае речь идет о равнокачественном серебре, и требование принимать его «в отвес» закономерно.

Нуждается в дополнительном рассмотрении вопрос о «почке». Согласно показаниям «Торговой книги» конца XVI в., «почка», которая «тянет одну полушку», равнялась 0,17 г, поскольку именно таким был вес полушки, установленный реформой Елены Глинской. «Почка» середины XV в. в Новгороде была иной: в 1447 г. начали деньги «новыя ковати в ту же меру, на 4 почки таковы же», а коль скоро речь идет о денгах весом в 0,81 г, то и «почка» получает соответствие 0,202 г. В 1979 г. я высказал предположение, что «почка» была подвижной расчетной единицей, равной тысячной доле той основной денежной единицы, которая существовала до соответствующего видоизменения; например, «почка» в 0,17 г середины XVI — начала XVII в. составляет тысячную часть предшествовавшего реформе Елены Глинской новгородского рубля в 170,1 г⁵⁰. Очевидна полезность такой единицы для пересчета дореформенных денег в пореформенные. Считаю этот тезис подкрепленным новыми материалами, поскольку «почка» в 0,202 г в системе рубля 175 г составляет тысячную часть предшествовавшей рублю гривны серебра весом 202 г. В равной степени она полезна для нахождения удобных соотношений новгородских сумм с низовскими — ведь низовский рубль долгое время оставался равен гривне серебра.

⁴⁹ ГВНиП. С. 44. № 25; Чижов С. И. Неприуроченная монета удельного периода // Нумизматический сборник. М., 1911. Т. 1. С. 352.

⁵⁰ Янин В. Л. К истории формирования новгородской денежной системы XV в. С. 257.

Таким образом, я еще раз прихожу к выводу, что новгородский рубль, содержащий 175 г серебра, возник на рубеже XIII—XIV вв., что он отличался от низовского техникой двойного литья и послужил основой той специфической денежной системы, которая утвердилась в Новгороде XIV—XV вв.

Новгородский клад ливонских монет XV в.*

Летом 1979 г. в Новгороде на Нутном раскопе в слое яруса 3 (1412–1419 гг.) в квадрате 8 на глубине 2,35 м был найден небольшой клад из 28 серебряных монет общим весом 24 г. Монеты лежали в земле без каких-либо следов упаковки. Они были некогда спрятаны в рыхлом заполнении столбовой ямы какой-то неопределенной деревянной конструкции, в верхнем горизонте этой ямы, т. е. почти у самой тогдашней дневной поверхности. Усадьба, на которой обнаружен клад, в последний период новгородской независимости принадлежала известному политическому деятелю Ивану Офонасову или его сыну Олферию Ивановичу Офонасову. Такая атрибуция основывается на указании местожительства Ивана Офонасова на Нутной улице в духовной новгородца Федора Остафьевича¹ и на находке в более поздних напластованиях той же усадьбы костяной прикладной печати с именем Олферия². К периоду, соответствующему ярусу 3, относится время деятельности деда Ивана Офонасова³ — боярина Федора Тимофеевича, посадничавшего в 1385–1421 гг. и умершего в 1421 г.⁴

Молвыгин А. Н., Янин В. Л. Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 323–328.

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 171. № 111.

² Янин В. Л., Калчин Б. А., Ершовский В. Д., Мифонова В. Г., Рыбина Е. А., Хорошев А. С. Новгородская экспедиция // Археологические открытия 1979 г. М., 1980. С. 40.

³ Генеалогию Офонасовых см. в кн.: Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование. М., 1981.

⁴ Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. С. 164, 380,

В состав клада входят следующие монеты (см. вкл.):

Ливония

Тартуское епископство

Бернхард II Бюлов (1410—1413 гг.)

1—8. Артиги⁵

Л. с. Голова епископа в митре. Круговая надпись: EPSBERNARDUS

О. с. Герб епископства — скрещенные ключ и меч; над ним родовой знак епископа — повисшая ветка; под гербом — опрокинутый полумесяц. Круговая надпись: MONETADARB

Вес: 0,88; 0,82; 0,86; 0,68; 0,72; 0,63; 0,72; 1,02 г. Последний из них — подделка (медный посеребренный).

Рис. 1. Новгородский клад 1979 г. 7—8 — артиги Бернхарда II Бюлова; 9 — артиг Дитриха IV Реслера; 10—14 — анонимные артиги таллинской чеканки

Рис. 2. Новгородский клад 1979 г. 16—27 — анонимные артиги таллинской чеканки; 28 — стерлинг Эрика Померанского (Нествед)

Дитрих IV Реслер (1414—1441 гг.)

9. Артиг⁶

Л. с. Голова епископа в митре. Круговая надпись: TIDERIAUS EPS

О. с. Герб епископства — скрещенные ключ и меч; над ним родовой знак епископа — дубинка; под гербом — розетка. Круговая надпись: MONETA TARBAT

Вес: 0,78 г.

Таллин (Ливонский орден)

10—27. Анонимные артиги⁷

Л. с. Орденский крест на простом щите, над ним — полумесяц или кружок. Круговая надпись: MAGISTRI LVONIE

О. с. Крест с раздвоенными концами, в каждом углу по три крупные точки. Круговая надпись: MONETA REVALIE

Вес: 0,93; 0,88; 0,87; 0,94; 0,97; 0,99; 0,86; 0,93; 0,97; 0,81; 1,00; 1,05; 0,91; 1,20; 0,79; 0,91; 0,72; 0,53 г. Последний из них — подделка (медный посеребренный).

384, 410, 413, 472; Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 148. № 91; С. 166—168. № 110.

⁵ *Mohygin A.* Über die Münz- und Geldgeschichte Estlands vom Beginn der einheimischen Münzprägung bis zum II. Viertel des 15. Jahrhunderts // Nordisk Numismatisk. Årsskrift 1969. Stockholm, 1969. S. 43. № 20.

⁶ Ibid. S. 43. № 21.

⁷ Ibid. S. 45. № 9.

Дания

Эрик Померанский (1396—1439 гг.)

Нествед

28. Стерлинг, чеканен около 1405—1420 гг.⁸

Л. с. Корона. Круговая надпись: ERICVS:REX:D:S:N

О. с. Монограмма. Круговая надпись: MONETA:NESTWED

Вес: 0,60 г.

Младшей монетой клада является артиг тартуского епископа Реслера — того типа, который чеканился до 1422 г., т. е. до начала осуществления в Ливонии денежной реформы⁹. Артиги Ливонского ордена таллинского чекана анонимны. В новгородской находке представлен их тип, выпускавшийся примерно с 1408 по 1422 г.¹⁰ Таким образом, исходя из формальных признаков монетных типов, клад следовало бы датировать временем не позднее 1422 г. Однако более детальный анализ его состава позволяет корректировать дату сокрытия.

Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что в состав находки наряду с восемью артигами епископа Бюлова (1410—1413 гг.) входит всего лишь единственный артиг епископа Реслера (1414—1441 гг.), чеканенный к тому же до 1422 г. Таким образом, логично датировать клад самым началом его правления.

Эта датировка подтверждается и палеографическим анализом монетных легенд анонимных артигов таллинской чеканки, представляющих компактную в хронологическом отношении группу. М. Немирович, многие годы занимающийся палеографическим изучением ливонских монет, относит эту группу к 1415—1416 гг.

Как видим, эта основанная на независимых данных датировка полностью совпадает со стратиграфической характеристикой находки, основанной на материалах дендрохронологии. По-видимому, можно не сомневаться в том, что монетный комплекс Нутного раскопа, относящийся к середине второго десятилетия XV в., является результатом единичной торговой сделки новгородца с ливонским купцом. Такой вывод подтверждается и совпадением со-

⁸ Bendixen K. Denmark's Money // The National Museum of Denmark. 1967. P. 48. № 67; Galster G. Unionstidens udmøntiger. København, 1972. P. 48. № 4.

⁹ Mohrjgin A. Über die Münz- und Geldgeschichte... S. 43. № 21.

¹⁰ Ibid. S. 45. № 9.

става клада с характерным для второго десятилетия XV в. составом монетных комплексов, обнаруженных на территории Эстонской и Латвийской ССР¹¹.

В то же время новгородский клад ливонских монет 1979 г. вызывает к себе исключительный интерес и в более широком плане, являясь первым непосредственным подтверждением известных летописных сообщений о кратковременном использовании в Новгороде в 1410–1420 гг. иноземных, прибалтийских монет как средства местного денежного обращения. Новгородская I летопись по Комиссионному списку рассказывает под 1410 г.: «Того же лета начаша новгородци торговати промежи себе лопыци и гроши литовьскими и артуги немечкыми, а куны отложиша, при посадничестве Григорья Богдановича и при тысячном Васильи Есифовиче»¹². Под 1420 г. помещено следующее сообщение: «Начаша новгородци торговати денги серебряными, а артуги попродаша Немцом, а торговале имы 9 лет»¹³.

До сих пор в Новгороде не было известно кладов ливонских монет. Артиги встречались лишь в случайных находках, в том числе и при раскопках в 1951 г. на Перыни, где было собрано в общей сложности пять ливонских серебряных монет: три артига, чеканенных в Тарту при епископе Бернхарде II Бюлове (1410–1413 гг.), и два анонимных артига таллинской чеканки второго десятилетия XV в.¹⁴ Девять прибалтийских монет найдены в последние годы на отмелях Волхова А. Ф. Петровым, у которого они находятся в настоящее время. Среди них два тартуских артига Бернхарда II Бюлова; один тартуский артиг с родовыми знаками Генриха II фон Врангеля и Бернхарда II Бюлова, датируемый 1410 г.; четыре анонимных артига и один анонимный пфенниг Таллина второго десятилетия XV в.; одна монета (рижский шиллинг 1547 г.) принадлежит более позднему времени.

Несмотря на кратковременность использования ливонских монет в денежном обращении Новгорода, они, по-видимому, оказали существенное воздействие на трансформацию системы новгород-

¹¹ Ibid. S. 65.

¹² Новгородская I летопись... С. 402.

¹³ Там же. С. 412.

¹⁴ Янин В. Л. Печати из новгородских раскопок 1951 г. // СА. 1953. XVIII. С. 385.

ского денежного счета и послужили непосредственной причиной возникновения тех специфических взаимоотношений новгородских денежных единиц, которые легли в основу монетной чеканки, начавшейся в Новгороде в 1420 г.¹⁵

¹⁵ Янин В. Л. К истории формирования новгородской денежной системы XV в. // Вспомогат. истор. дисциплины. XI. Л., 1979. С. 251–259.

Новые материалы о Новгородском денежном дворе при Михаиле Федоровиче*

К настоящему времени установлено, что Новгородский денежный двор, активно работавший во время шведской оккупации Новгорода (1611–1617 гг.) и в первые годы восстановления власти Михаила Федоровича, прекратил свою деятельность на основании царского указа 1627 г.¹ Однако остается невыясненным ряд важных проблем, связанных с его работой в 1617–1627 гг., из которых в первую очередь следует назвать круг вопросов, относящихся к начальному периоду чеканки Михаила в 1617 г.

Достаточно сложным представляется установление времени выпуска первых новгородских копеек с именем Михаила Федоровича. Как теперь хорошо известно благодаря блистательным исследованиям И. Г. Спасского, шведы в период оккупации чеканили в Новгороде копейки с именем Василия Ивановича, используя для этого подлинные штампы этого царя в сочетании с подлинными же лицевыми штампами 1610 (1611–1614 гг.) и 1605 гг. (1615 — начало 1617 г.), но по пониженным весовым нормам: в 1611–1614 гг. копейки выпускались по стопе 3,6 руб. из гривенки, с 1615 г. — по стопе 3,9 руб.² Между тем среди монет с именем

Молвыгин А. Н., Янин В. Л. Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XIV. Л.: Наука, 1983. С. 81–100.

¹ *Янин В. Л.* Из истории Новгородского денежного двора XVII в. Вспомогат. истор. дисциплины. X. Л., 1978. С. 15.

² *Спасский И. Г.* Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. // МИА СССР. 1955. № 44. С. 341–345.

Михаила Федоровича имеется несколько типов (по А. С. Мельниковой — 5)³, в которых именные штампы Михаила Федоровича сочетаются с лицевыми штампами Василия Ивановича и более ранними. Это дало основание Спасскому предположить, что такие монеты «чеканили шведы между 1615 и 1617 гг., а не русское правительство после 1617 г.». «Эвакуируясь из Новгорода в 1617 г., — писал Спасский, — шведы увезли с собою все документы денежного двора за годы своего хозяйничанья на нем, которые и попали в Стокгольмский государственный архив. Едва ли они оставили бы при этом на месте такие негромоздкие и в то же время существенные доказательства своей не совсем законной финансовой деятельности в Новгороде, как монетные штампы, при помощи которых они подделывали русскую монету. Сомнительно и то, чтобы после возобновления чеканки в Новгороде в 1617 г. здесь позволили пользоваться “шведскими” штампами, да к тому же и явно анахроническими»⁴. Окончательное решение этой проблемы исследователь откладывал до анализа чеканки Михаила Федоровича в целом.

В 1960 г. попытка такого анализа была предпринята А. С. Мельниковой, которая поддержала И. Г. Спасского в главном тезисе о чеканке шведами копеек с именем Михаила Федоровича в Новгороде до 1617 г.: «Шведы опять использовали старые лицевые штампы 1610 г. (Н—РН) и 1605 г. (НРГІ). Заново были приготовлены лишь три оборотных штампа с именем Михаила Федоровича». Однако мысль о вывозе шведами штампов в этой работе не была принята: «По указу 1617 г. о порядке работы на Новгородском денежном дворе был наведен порядок в подборе штампов. Давно ставшие совершенно бессмысленными лицевые штампы были уничтожены (Н—РН, НРГІ). Для чеканки новых типов на первых порах был использован резанный еще при Шуйском лицевой штамп с монограммой без даты (НРД). Этот штамп, слегка подправленный, служил еще некоторое время после 1617 г. В качестве оборотных штампов использовали штампы с именем Михаила Федоровича, приго-

³ Мельникова А. С. Новые данные о чекане монет в Новгороде в 1611–1617 гг. // Труды ГИМ. В. 49. Нумизматический сборник. Ч. 5. Вып. 2. М., 1977. С. 186, типы 1–3, 2–4, 6–3, 7–3, 7–10.

⁴ Спасский И. Г. Денежное обращение... С. 344.

товленные шведами. Позднее были сделаны новые лицевые и оборотные штемпели, которые дали последующие типы новгородских монет»⁵.

Поначалу И. Г. Спасский согласился с тем, что исследование А. С. Мельниковой сняло «предположение об уничтожении или увозе штемпелей в 1617 г.», подтвердив вместе с тем факт чеканки шведами монет с именем Михаила. Однако обнаруженный им тогда же неизвестный ранее (а теперь представленный многочисленными экземплярами) тип новгородской копейки с датой 1617 г. и именем Михаила усилил «убежденность в том, что чеканка штемпелем 1605 г. после освобождения Новгорода была невозможна»⁶.

Между тем в конце 60-х гг. в Швеции и СССР были обнаружены архивные документы, дающие дополнительное освещение затронутой проблемы. В Государственном архиве Швеции нашлись два письма короля Густава Адольфа, написанные им 28 и 29 июля 1615 г. в лагере под Псковом. В первом, адресованном Якову Делагарди, выражено желание «получить с нарочным несколько чеканенных в последнее время московских денег, которые мы хотим послать в Швецию как образцы». Во втором, направленном руководителю Государственного казначейства и Счетной конторы, говорится, что оно препровождает «монеты двух сортов копеек — сделанных в Новгороде и на монетных дворах Московии, — для нашего пробирера и оценщика». «Нашим милостивым желанием, — пишет король, — является изготовление названных монет с самым большим старанием. И мы приказываем вам закупить в Гамбурге или в Данциге, которые имеют торговлю с Россией, 2 или 3 бочки золота в виде риксдалеров, то есть серебро в риксдалерах, в кредит и под проценты, чтобы это было доставлено в Нарву или в Ревель настолько крупной суммой, какую только возможно окажется доставить... Но мы не хотим, чтобы купцы и другие причастные лица что-нибудь знали и должно быть скрыто вышеуказанное, что это требуется для чеканки монеты».

⁵ Мельникова А. С. Систематизация монет Михаила Федоровича // Археолог. ежегодник за 1958 г. М., 1960. С. 83.

⁶ Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в XVI и XVII вв. Л., 1961. С. 20.

Если в этих письмах изложено намерение Густава Адольфа тайно чеканить копейки по образцам «монетных дворов Московии», то документ, обнаруженный в Москве, констатирует это намерение как уже осуществленное. В наставлении боярам, назначенным на встречу со шведским послом Стенбуком в 1618 г., в частности, говорится: «После того мирного договору (речь идет о договоре 20 ноября 1616 г. в Ладог. — В. Я.) швейские державцы, которые были в Великом Новогороде, вывезли из царского величества отчины из Великого Новогорода ноугороцкого государства печать, да из денежного двора чеканы, которые деланы были блаженные памяти при царе и великом князе Василье Ивановиче всея Руси, и денежных мастеров Нефедка с товарищи взяли с собою и свезли в Свею силно и ныне в Свее денги чеканят, переделав те старые чеканы на великого государя нашего его царского величества имя, и то учинено через мирной договор неведомо коими обычаи, кабы на роздор, а не соединение, чего искони не бывало, что государю вашему денги чеканить в своем государстве великого государя нашего царского величества именем, мимо своего королевского имени»⁷.

Опубликовав эти документы, И. Г. Спасский уточнил свое отношение к выводам А. С. Мельниковой. Он снова обратил внимание на оказавшийся очень обильным новгородский монетный тип Михаила с датированным лицевым штемпелем 1617 г. (РКЕ) и выразил сомнение в возможности чеканки копеек анахроничными штемпелями шведского времени после возвращения Новгорода в состав Русского государства: «Если уж для возобновляемой государственной чеканки можно было изготовить новый лицевой штемпель, то едва ли была нужда в именном “шведском”». Что касается времени начала чеканки шведских копеек с именем Михаила Федоровича, то Спасский предположил, что таковым может быть вторая половина или конец 1615 г.: во втором письме король предвидел, что «на все это нужно время»⁸.

⁷ Спасский И. Г. Новые материалы о Новгородском денежном дворе в 1611–1617 гг. // Новое в археологии: Сб. статей, посвящ. 70-летию А. В. Арциховского. М., 1972. С. 299–301; *Он же*. Чеканка копеек шведскими властями в Новгороде в 1611–1617 гг. // Вспомогат. истор. дисциплины. IV. Л., 1972.

⁸ Спасский И. Г. Чеканка копеек шведскими властями... С. 166, 171.

В 1977 г. А. С. Мельникова публикацией новой работы о новгородской чеканке шведского времени и царствования Михаила Федоровича значительно продвинула изучение проблемы, выявив группу копеек с именем Михаила, достоверно связанных с тайной чеканкой шведов⁹. В составе этой группы имеются три типа копеек (5–6, 5–7 и 5–9), образованные сочетанием общего для них лицевого штампея, помеченного монограммой Московского денежного двора (МО), и трех разных именных штампелей Михаила. Другие четыре типа (4–5, 4–6, 4–7 и 4–8) имеют общий штампель, помеченный другой монограммой Московского двора (М), но в двух случаях (4–6 и 4–7) этот лицевой штампель сочетается с теми же именными штампеями, которые были использованы с лицевым штампедем МО. Еще два типа (3–5 и 3–6) возникли из сочетания уже известных нам именных штампелей Михаила с лицевым штампедем, помеченным монограммой ПС, т. е. знаком Псковского денежного двора. Уже это соединение монограмм Москвы и Пскова в одной группе плотно перевязанных штампельными связями монет противоестественно и свидетельствует, что перечисленные типы не имеют отношения ни к Москве, ни к Пскову, а чеканены в каком-то другом месте как фальсификаты. Однако А. С. Мельниковой посчастливилось обнаружить в кладе монет с хутора Пэнтсаку Тартуского района единственную пока копейку, которая образована сочетанием упомянутого только что лицевого штампея ПС с именным штампедем Василия Ивановича, как раз тем, которым чеканились в Новгороде начиная с 1615 г. копейки шведов (3–2). Таким образом, вся эта группа монет оказывается порожденной шведской инициативой и прекрасно согласуется с теми свидетельствами, которые содержатся в письмах Густава Адольфа 1615 г. и в наставлении боярам 1618 г.

К той же группе новгородско-шведских фальсификатов А. С. Мельникова относит еще два типа копеек (1–3 и 2–4), которые образованы сочетанием именных штампелей Михаила с теми лицевыми штампеями, которыми пользовались шведы в Новгороде в 1611–1617 гг. для выпуска копеек с именем Василия Ивановича (Н–РН и НРГ).

⁹ Мельникова А. С. Новые данные о чекане монет...

Вслед за И. Г. Спасским всю эту группу копеек А. С. Мельникова датирует 1615–1617 гг.

Второе существенное наблюдение А. С. Мельниковой состоит в том, что она устанавливает использование на Новгородском денежном дворе уже после восстановления царской власти над Новгородом ряда штемпелей, оставшихся от шведов, чего, как уже отмечено, не допускает И. Г. Спасский. К числу таких штемпелей она относит именные Михаила (3 и 4). Один из них взаимодействует с лицевым штампом 1617 г. (РКЕ), изготовленным заведомо после освобождения Новгорода; другой — с лицевым штампом НРД, изготовленным еще при Василии Шуйском, но подправленным при Михаиле. Этот подправленный штамп в свою очередь взаимодействует с именным штампом Михаила, появившимся уже в 1617 г. (7–10).

Общая схема новгородского чекана 1611–1626 гг., предложенная А. С. Мельниковой, воспроизведена на рис. 1¹⁰.

Нумизматические факты, суммированные А. С. Мельниковой, выстраиваются в стройную и на первый взгляд убедительную картину. Однако до решения некоторых принципиальных вопросов не следует торопиться принимать эту схему как окончательно доказанную. Главный из спорных вопросов касается места чеканки шведских копеек с именем Михаила Федоровича. Свидетельства письменных источников таковы, что не дают основания сколько-нибудь категорически называть местом их чеканки Новгород. Напротив, прямое указание документа 1618 г. позволяет утверждать о выпуске таких монет в Швеции (под этим термином можно понимать и области, отошедшие к шведам по Столбовскому миру), поскольку в нем прямо говорится, что чеканы были вывезены из Новгорода уже после ладожского соглашения конца 1616 г., что взяты были чеканы, сделанные при Василии Ивановиче, и что «ныне в Свее денги чеканят, переделав те старые чеканы» на имя Михаила Федоровича. Вывоз русских мастеров, осуществленный насильственно, свидетельствует, что шведы не были способны са-

¹⁰ Публикуемая схема несколько отличается от изданной А. С. Мельниковой (Новые данные о чекане монет... С. 186, рис. 3). В указанной публикации ошибочно не показаны типы 4–5 и 8–11 и введен несуществующий тип 4–9. Корректировка сделана по тексту статьи А. С. Мельниковой и схеме на ее рис. 2.

мостоятельно изготовить необходимые маточники и что таких маточников не было и в Новгороде.

Добавлю к этому следующее. Чеканка шведами в Новгороде копеек на имя Василия Ивановича не была и не могла быть тайной. Между тем столь деликатное предприятие, как выпуск монет на имя царствующего в Москве Михаила «неведомо коими обычаями, кабы на роздор, а не соединение, чего искони не бывало», требовало особой секретности, на которой, в частности, настаивает в письме от 29 июля 1615 г. Густав Адольф. Не представляю, каким образом должная секретность могла бы быть соблюдена, если бы копейки с именем Михаила Федоровича чеканились на Новгородском денежном дворе русскими мастерами, да еще на протяжении целого года.

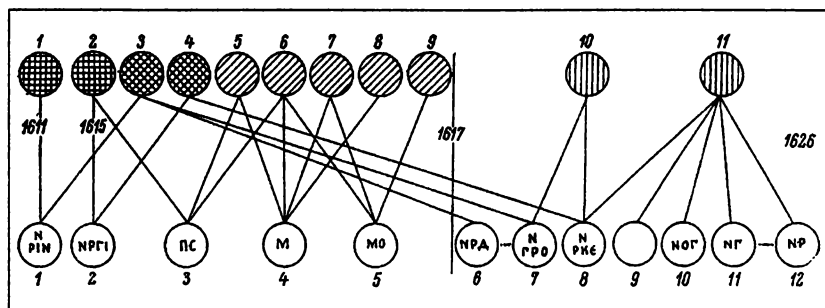
Следует назвать и нумизматический аргумент. Если уже в конце 1615 г. шведы перешли в Новгороде от чеканки монет на имя Василия к чеканке на имя Михаила, как следует объяснять бросающуюся в глаза количественную диспропорцию? Обследование девяти крупных музеев (в их числе ГИМ) позволило А. С. Мельниковой выявить только 85 «шведских» копеек Михаила¹¹, тогда как копейки Василия, чеканенные с начала 1615 г. (НРГГ) (следовательно, тоже на протяжении одного года), известны вкладах и коллекциях во многих сотнях экземпляров.

Допуская, что вся рассматриваемая группа монет чеканится не в Новгороде, а после вывоза денежных мастеров и штемпелей, мы обязаны и именным штемпелям 3 и 4 с именем Михаила изъять из этой группы и считать их изготовленными после возвращения Новгорода в состав Русского государства, коль скоро они достоверно употреблялись на Новгородском денежном дворе уже при Михаиле. В таком случае окажется, что и лицевые штемпели НРН и НРГГ, которыми при шведах чеканились копейки на имя Василия Ивановича, оставались в Новгороде и употреблялись при Михаиле Федоровиче.

Поставленную здесь проблему возможно исследовать заново благодаря новейшей архивной находке.

После заключения Столбовского мира, 14 марта 1617 г. в Новгород прибыли царские послы (окольничий, суздальский наместник

¹¹ Мельникова А. С. Новые данные о чекане монет... С. 190–191, прилож. 1. В тексте статьи (с. 190) автор почему-то говорит только о 63 экз.



-  Обратный штемпель с именем Василия. Шведский чекан.
-  Обратный штемпель с именем Михаила Федоровича. Использование в русском чекане после 1617 г. обратных штемпелей, приготовленных шведами.
-  Обратный штемпель с именем Михаила Федоровича. Шведский чекан.
-  Обратный штемпель с именем Михаила Федоровича. Русский чекан после 1617 г.

Рис. 1. Схема соотношения копеечных штемпелей Новгородского денежного двора 1611–1626 гг. (по А. С. Мельниковой)

князь Данила Иванович Мезецкий, дворянин, шацкий наместник Алексей Зузин и дьяки Николай Новокрещенов и Добрыня Семенов), которым было предписано восстановить приеходно-расходную систему царской казны в Новгороде. К 23 августа того же года (т. е. к концу 125-го года) по распоряжению послов был составлен обширный отчетный документ о состоянии Новгорода и новгородских дел после «очищения» от шведов, который в дальнейшем будем называть Описью 1617 г. О денежном дворе в этом документе сообщаются следующие сведения:

«На Денежном дворе всяких запасов. Марта с 14-го числа по приказу послов околничего князя Данила Ивановича Мезецкого с товарищи зделано наново на государево цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имя 2 маточника ноутородочных, верхней да исподней. 2 лохани медных. 4 тазы медных. Пол 7 золотника медных. 3 вески медные. 4 мехи больших и меньших. 7 клещей. 10 молотов. 2 излойницы. 7 наковалень больших и меньших. 7 волоков. 2 ремени волочильных, 188 гривенок врознь. 42 золотника железных. 15 матошников вершников, 14 матошни-

ков исподников прежних государей. 2 матошника полуденежных, верхней да исподней... А в заводе на Денежном дворе серебра... никаких денег после немец не осталось. И марта с 14-го числа государевы послы те государевы пошлыны завели изнова. На Денежном дворе велели быть прежнему голове вязмитину Ивану Микифорову, да х тому в товарищи выбрали ноугородца торгового человека Мокея Лысцова. И велели денежные матошники и чеканы сделать наново на государево цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имя. И на завод велели дать целовальником Алексею Денисьеву с товарищи взаймы из соболиныя продажи 100 рублей денег до выделки. Те у них денги целовальники Алексей Денисьев с товарищи взяли назад.

При послех при околничем при князе Даниле Ивановиче Мезетцком с товарищи в Великом Новгороде марта с 14 числа августа по 23 число всяких денежных доходов в приходе.

3 Денежного двора денежной прибыли 1040 рублей 7 алтын»¹².

Как видим, после ухода шведов из Новгорода на Новгородском денежном дворе оставались многочисленные маточники как лицевых, так и оборотных сторон копеек, а также комплект маточников для чеканки полушек. Эти штемпели сохранялись и к 23 августа 1617 г. (т. е. к концу 125-го года), когда денежный двор уже выполнил значительный объем работы по чеканке копеек с именем Михаила Федоровича. Однако все маточники нижних штемпелей (т. е. именных) были «прежних государей», ни одного предположенного А. С. Мельниковой штемпеля на имя Михаила среди них не было, и работа денежного двора при послах началась с изготовления двух маточников «ноугородочных» (т. е. для чеканки копеек, «новгородок»), верхнего и нижнего, из которых нижний нес легенду с именем Михаила Федоровича.

Весьма любопытным оказывается следующее сопоставление. За время деятельности Новгородского денежного двора на Рогатице было изготовлено 15 маточников лицевых копеечных штемпелей (9 — Бориса, 2 — Дмитрия, 3 — Василия, 1 — Сигизмунда) и 16 маточников оборотных (именных) штемпелей (10 — Бориса, 2 —

¹² ЦГАДА. Ф. 96. Сношения России со Швецией, оп. 1, 1617 г., ед. хр. 7, л. 293, 443; 35, 32, 444, 453. Опись отмечает, что «двор государев денежной» находился «в Рогатицы» (Там же. Л. 483).

Дмитрия, 3 — Василия, 1 — Сигизмунда). По-видимому, шведы вывезли 2 маточника именных штемпелей Василия, в результате чего, как это видно из Описи 1617 г., на денежном дворе в Новгороде остались 15 маточников-«вершников» и 14 маточников-«исподников» для чеканки копеек.

Поскольку до конца 125-го года никаких других маточников изготовлено не было, единственный комплект этого года опознается без каких-либо затруднений. Очевидно, речь идет о типе 8–10, лицевой штемпель которого помечен датой 1617 г. (РКЕ). Обилие копеек этого типа уже отмечалось И. Г. Спасским.

Схема А. С. Мельниковой показывает, что лицевой штемпель РКЕ в какой-то момент вступил во взаимодействие с именным штемпелем Михаила № 4, породив тип 8–4. Коль скоро указанного именного штемпеля не было среди оставшихся от шведов после «очищения» Новгорода, мы должны датировать его более поздним, например 126-м, годом. То же самое следует сказать об именной штемпеле Михаила № 3, который взаимодействует со старыми, анахроничными штемпелями Н–РН (тип 1–3), НРД (тип 6–3) и переделанным из НРД штемпелем № 7 (тип 7–3). Добавлю, что и именной штемпель Михаила № 4 взаимодействует со старым штемпелем НРГІ, породив тип 2–4. Все эти типы, что очевидно, появляются не ранее сентября 1617 г., когда потребности денежного производства привели к созданию новых именных штемпелей № 3 и 4 и к использованию во взаимодействии с ними не только штемпеля РКЕ, но и старых, анахроничных лицевых штемпелей, сохранившихся на денежном дворе после шведов.

Лицевой штемпель РКЕ был последним датированным. Начиная с 1618 (126-го) г. новгородские копейки не имеют дат, которым, следовательно, уже не придается значения, и новый именной штемпель № 11, остающийся в работе до закрытия Новгородского денежного двора, вступает во взаимодействие не только с новыми не имеющими дат лицевыми штемпелями № 9, 10, 11 и 12, но и со штемпелем РКЕ, порождая анахронический тип 8–11, который, несмотря на наличие даты, не имеет отношения к чеканке марта-августа 1617 г., а принадлежит к более позднему времени.

Поскольку именные маточники Василия Ивановича были вывезены шведами из Новгорода, что следует из наставления боярам 1618 г., а к одному из них привязана вся цепочка штемпельных свя-

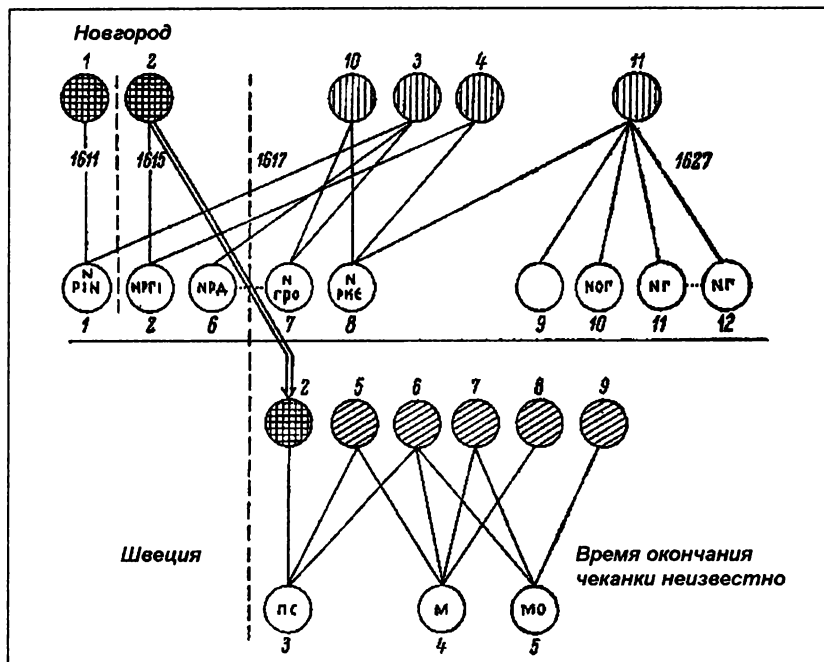


Рис. 2. Схема соотношения копеечных штампов Новгородского денежного двора 1611–1627 гг.

зей шведской чеканки на имя Михаила Федоровича, очевидно, что тайная чеканка этих монет велась вне Новгорода, после вывоза указанных маточников и изготовления новых штампов насильственно перемещенными в Швецию русскими мастерами.

Общий итог изложенных наблюдений представлен на рис. 2, в котором сохранена нумерация штампов схемы А. С. Мельниковой.

Опись 1617 г. дала возможность уточнить представления о действительном ходе новгородской чеканки в 1611–1627 гг. Однако все условия предложенного решения были заключены в нумизматических материалах, собранных до обнаружения этого нового документа, что лишний раз свидетельствует о самостоятельных возможностях нумизматической методики успешно исследовать сложные проблемы не только источниковедческого, но и историко-политического характера. Схема штамповых взаимосвя-

зей четко разграничивает две группы монетных типов, чеканенных на имя Михаила Федоровича, одна из которых имеет все признаки законного новгородского происхождения, будучи тесно связана преемственными взаимоотношениями с чеканкой шведов в Новгороде на имя Василия Ивановича, а другая объединяет типы с обозначением разных денежных дворов, что само по себе свидетельствует о ее незаконности. Вторая группа также связана с новгородской чеканкой шведов на имя Василия, но эта связь слабая, обозначенная пока единственным экземпляром фальсифицированного типа 3—2. И все же без прямых показаний письменных источников, оставаясь в русле исключительно нумизматической методики, вряд ли возможно было дать иное решение, кроме альтернативного. Обсуждению этой альтернативы и посвящен спор между И. Г. Спасским и А. С. Мельниковой. Хотя оба исследователя одинаково неверно определяют время и место чеканки шведских фальсификатов, главный вопрос, касающийся их атрибуции, оказывается неизбежным порождением этой дискуссии.

Опись 1617 г. определяет денежную прибыль от чеканки копеек с марта до 23 августа в 1040 рублей 7 алтын. Однако она в действительности была на 100 руб. больше, поскольку взятые займы для первоначального обзаведения «до выделки» 100 руб. были возвращены целовальникам. Зная механизм образования доходов от чеканки, можно попытаться установить общий объем производства и перейти тем самым к обсуждению второй важной проблемы, связанной с работой Новгородского денежного двора при Михаиле Федоровиче.

Для этого прежде всего следует познакомиться с царским указом 1617 г. о возобновлении работы Новгородского денежного двора. Эта грамота, «сообщенная в списке П. М. Строевым», была опубликована еще в 1875 г.¹³ С тех пор она время от времени цитировалась исследователями и частично анализировалась ими¹⁴, однако полного ее разбора в литературе не существует, хо-

¹³ Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 341—342. № 111.

¹⁴ Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. С. 258; Мельникова А. С. Систематизация монет Михаила Федоровича. С. 79.

тя это, несомненно, один из важнейших документов для изучения организации денежного дела XVII в. Приведу наиболее обстоятельное высказывание А. С. Мельниковой по поводу этого документа: «Существует еще указ 1617 г. о возобновлении работы денежного двора в Новгороде, который совершенно четко указывает на 4-рублевую стопу. Размеры плавильной и золотничной пошлины указываются с гривенки по 14 алтын и по полуденге, т. е. по 42 копейки с полушкой; из них нужно платить с гривенки мастерам (“чеканщиком и волочильщиком, и бойцом, и кузнецом”, т. е. четырем категориям рабочих) по 10 денег с полушкой, а всем вместе — 21 копейку. “А торговым людям велено давать за гривенку по 3 рубли с полтиной” Если принять во внимание убыль от угара за 2 % (по Спасскому) — от гривенки это будет составлять 4 грамма, т. е. вес 8 копеек 4-рублевой стопы. Следовательно, из гривенки изготовлялось 350 коп. + 42 коп. + 8 коп. = 400 коп. (отбрасываем полуденгу, так как она не играет роли при расчетах)»¹⁵.

Кое-что в этом рассуждении вызывает недоумение. Хотя плавильная пошлина бралась с заказчика, все вопросы, связанные с исчислением угара, решались, естественно, до начала чеканки. Поэтому учитывать процент угара в расчете стопы по крайней мере странно, и предложенное А. С. Мельниковой объяснение представляется весьма искусственной попыткой отыскать недостающие 8 коп., тем более что и названная ею норма угара в 2 %, как будет показано далее, документально не подтверждается. Эти недоумения заставили обратиться к архивному оригиналу публикации 1875 г. в Сборнике списков с царских грамот 1530—1696 гг. из фонда Новгородской приказной палаты, хранившемся затем в коллекции актовых книг Археографической экспедиции¹⁶. Сравнение опубликованного текста с оригиналом выявило ошибку в

Мельникова А. С. Систематизация монет Михаила Федоровича. С. 79.

¹⁶ Архив ЛОИИ СССР, кол. 2, д. 17, л. 78—78 об.; Путеводитель по Архиву Ленинградского отделения Института истории. М.; Л., 1958. С. 69, 364. — В публикации 1875 г. нет архивной ссылки, однако на полях издаваемого документа, в его начале и конце, есть карандашные пометы П. М. Строева: «Списать» и «Здесь конец», — что позволяет идентифицировать именно этот текст с оригиналом публикации 1875 г. Выражаю сердечную благодарность В. А. Варенцову, указавшему мне местонахождение этого документа.

одном из наиболее ответственных мест публикации. Поэтому считаю необходимым воспроизвести здесь полный текст документа:

«(л. 78) О денежном дворе. 125 году. Государева грамота за приписью дияка Ивана Остапова.

Велено в Новегороде учинити денежной двор по прежнему и денги делати в серебре и в старых денгах и въ ефимочном и в ветоши в серебре. А пошлины имать по государеву указу торговым людем, которые учнут серебро и ефимки и ветош приносить, и с того серебра имать на государя велено золотничные и плавильные пошлины з гривенки по 14 алтын по полу 16 де(нег). А торговым людем за гривенку велено давать по 3 рубля с полтиной. А масте-ром давать з гривенки и чеканщиком, и волочилщиком, и бойцом, и кузнецом по 10 де(нег) с полуденгой. А сто рублей велено принимать против 16 фунтов. А велено выбирать к денежному двору голов и целовалников лутчих // (л. 78 об.) людей. А свершку велено давать на 100 рублей по десяти рублей или как договор учините и какъ бы государеве казне было прибылние. А сколько у ково гривенок и серебра и старых денег возмут и сколько отдадут и сколько золотничные и плавильные пошлины из обменных денег прибыли от денег будет и сколько у плавления у серебра и у денег у сливки угару будет, велено писати в книги подлинно по статьям. А у книг велено быть диячим пометам по полям и у статей».

В публикации 1875 г. во фразе «и с того серебра имать на государя велено золотничные и плавильные пошлины з гривенки по 14 алтын по полу 16 де(нег)» ошибочно напечатано «по 14 алтын по полуденге».

Данные указа позволяют прежде всего рассчитать стопу. Основной расчета денежного двора с заказчиком является гривенка серебра (204,7 г) в виде уже отчеканенных из этого веса монет. Из гривенки заказчику выдается «по 3 рубля с полтиной», т. е. по 700 денег (350 копеек), а удерживается золотничной и плавильной пошлины 14 алтын 15,5 денги (а не 14 алтын 0,5 денги, как ошибочно указывалось в публикации 1875 г.), т. е. 99,5 денги. В общей сложности из гривенки, таким образом, готовилось 799,5 денги, или 399,75 копеек (по 0,51 г серебра копейка). Не очень понятно, почему из гривенки чеканилось не 400 копеек, а на полушку меньше. Может быть, казна учитывала неизбежное отпадение «крох» при чеканке?

В той же части указа говорится о порядке оплаты мастеров, которым положено получать по 10,5 денги с гривенки. Этот расход извлекался из золотничной пошлины, как можно судить, например, по заголовку 3-й книги Новгородского денежного двора 1611 г.: «Что отдано денежным мастером серебра и что за то серебро за дело из золотничной пошлины денежным мастером дано и что за мастерскою дачею золотничной пошлины останется, и тому книги»¹⁷.

Нуждается в обсуждении вопрос о величине общей суммы оплаты мастеров. А. С. Мельникова полагает, что каждому из четырех названных в указе мастеров (чеканщику, волочильщику, бойцу и кузнецу) следовало по 10,5 денги, т. е. размер мастерской оплаты доходил до 42 денег (21 копейка) с гривенки¹⁸. Это неверно. В 1611 г. в Новгороде при 3-рублевой стопе за изготовление из гривенки 300 копеек мастерам платили общим счетом всего лишь 3,5 денги; в начале 1613 г. в Москве при 4-рублевой стопе мастера все вместе получали около 13,5 денги¹⁹. Надо полагать, что оплата в 10,5–13,5 денги с гривенки в начале царствования Михаила Федоровича была обыкновенной. Разница в оплате на Новгородском и Московском денежных дворах в этом случае скорее всего объясняется тем, что в Москве чеканились не только копейки, но и денги, требующие вдвое большего расхода труда.

Убедительные материалы в той же связи опубликованы С. Б. Веселовским и повторены А. С. Мельниковой, не обратившей внимания на то, что они противоречат ее мнению о плате в 10,5 денги с гривенки каждому мастеру²⁰. В 1626 г. на Московском денежном дворе для Новгородской чети из 61 рубля 23 алтын старых денег было сделано новых 77 рублей 24 алтына 2 денги. В старых денгах весу было 18 гривенок 33 золотника. Из них в сливке угорело 8 зо-

¹⁷ Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 2. СПб., 1864. С. 78.

¹⁸ Мельникова А. С. Систематизация монет Михаила Федоровича. С. 79.

¹⁹ Спаский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. С. 258–259.

²⁰ Веселовский С. Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908. С. 16–17; Мельникова А. С. Систематизация монет Михаила Федоровича. С. 80.

лотников (т. е. чуть меньше 1 %), а из оставшихся 18 гривенок 25 золотников сделано всего 78 рублей 23 алтына 4 денги, по 4 рубля 8 алтын 2 денги из гривенки, что свидетельствует о существовании к этому времени новой стопы — в 425 копеек из гривенки. Из новых денег дано мастерам за работу по 10,5 денги с гривенки, всего 32 алтына 2 денги, а остальные 77 рублей 24 алтына 4 денги отосланы с денежного двора в Новгородскую четь. 32 алтына 2 денги равны 194 денгам. При делении этого количества на 10,5 денги получаем 18,5 гривенки, что равно количеству отчеканенного серебра. Отсюда следует, что 10,5 денги с гривенки платились не каждому мастеру, а всей группе мастеров, участвовавших в денежном переделе.

Таким образом, после расчета с мастерами в казне оставалось 89 денег плавильной и золотничной пошлины с гривенки, что и составляло чистый доход государства от чеканки монеты.

Указ 1617 г. определяет и нормы обмена приносимого на денежный передел серебра: «А сто рублей велено принимать против 16 фунтов». Очевидно, речь здесь идет о старых, дореформенных рублях, соответствующих 3-рублевой стопе. В самом деле, если 16 фунтов серебра (6550 г) приравниваются 100 руб., то каждый рубль должен содержать 65,5 г серебра, а копейка — 0,655 г серебра. Нормой копейки при 3-рублевой стопе было 0,68 г, однако практически из-за потертости в обращении ее вес максимально близок рассчитанному здесь. В указе в перечислении видов приносимого на передел серебряного сырья называются не только старые денги, но также ефимки и «ветошь». Норму их обмена легче всего было рассчитать в старых рублях, поскольку цена разных категорий ефимков и серебряного лома подробно регламентировалась «Торговой книгой»²¹.

Из 16 фунтов (32 гривенок) серебра по нормам 4-рублевой стопы чеканилось 128 руб. (32×4), из которых, согласно предыдущему расчету, 16 руб. ($99,5 \text{ денги} \times 32 = 15 \text{ р. } 92 \text{ к.}$) оставались на денежном дворе в виде плавильной и золотничной пошлины. Таким образом, на долю заказчиков должно было бы приходиться 112 руб. Между тем при обмене старых денег на новые «свершку

²¹ Сахаров И. Торговая книга // Зап. Отд. русской и славянской археологии Археол. о-ва. Т. I. С. 116–117.

велено давать на 100 рублей по 10 рублей», а не по 12 руб., как это следовало бы из приведенного расчета.

Надо полагать, что разница в 2 руб. образуется за счет угара серебра, равного здесь примерно 1,5–1,6 %. Этот процент несколько выше нормального при переплавке высокопробного серебра. Если угар при плавке ефимков достигал 11–13 %, то чистое серебро в плавке теряло около 1 %²². Торговая книга, в частности, замечает: «А говорят, что шпанское де в слитках добре бело и чисто серебро, маленько де не придет в денежное, у гривенки всего угорит ползолотника»²³, т. е. угар в этом случае равен 1,04 %. Выше приводилась цифра угара при переплавке старых денег в 1626 г., приближающаяся к 1 %. Указ 1617 г. и в этом расчете корректирует процент угара в пользу казны, как в пользу казны корректировался в нем вес старого рубля.

Опираясь на предписанные указом 1617 г. нормы, попытаемся выяснить объем денежного производства в Новгороде за период с марта по 23 августа 1617 г. Как уже показано, доход денежного двора составил к последней дате 1140 рублей 7 алтын (из которых 100 руб. было возвращено целовальникам). Поскольку в расходных статьях Описи 1617 г. не фигурирует оплата денежных мастеров, следовательно, она, на основании царского указа, извлекалась в их пользу до подсчета общей суммы казенного дохода. 1140 рублей 7 алтын равны 228 042 денгам. Эта сумма, как мы знаем, складывается из умножения 89 денег на то число гривенок серебра, которое было переделано на монету. Простым делением устанавливаем, что переработано было 2 562,3 гривенки. Поскольку из каждой гривенки получалось 399,75 копеек, общее число отчеканенных в указанный период копеек — 1 024 280. В рублях эта сумма равна 10 242 р. 80 к.

Есть ряд сведений о доходах денежного двора в Новгороде за последующие годы. Три записи в приходе-расходных книгах Новгородской чети были известны ранее, одна публикуется впервые.

Под 1620 г. сообщается: «С новгородцкого з денежного двора золотничную и плавильную пошлину збирают на государя на веру

²² Спаский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. С. 225.

²³ Торговая книга. С. 116–117.

выборные головы и целовальники. А на нынешней на 128-й год денежного двора пошлин против збору 127-го году помечено собрати 700 рублей 30 алтын оприч того, что денежного двора на расходы во 127-м году вышло 23 рубли 8 алтын 5 денег, а в сметном списке 127-го году те денги были в збор не приложены. И обоего денежного двора пошлин против 127-го году собрать 724 рубли 5 алтын 3 денги. И по новгородцкому сметному списку 128-го году те денги во 128-й год собраны сполна да сверх окладу прибрано 42 рубля 8 алтын 5 денег. И обоего по окладу и сверх окладу собрано 766 рублей 14 алтыи 2 денги»²⁴. Эта запись показывает, что общий доход Новгородского денежного двора с 1 сентября 1618 г. по 31 августа 1619 г. составил 724 рубля 5 алтын 3 денги, а с 1 сентября 1619 г. по 31 августа 1620 г. — 766 рублей 14 алтын 2 денги.

Сохранилась запись 1621 г.: «С ноугородцкого з денежного двора денежные прибыли на нынешние на 129-й год против збору 128-го году помечено собрати 766 рублей 14 алтын 2 денги. А в нынешнем в 129-м году на денежном дворе всяких пошлин в зборе 724 рубли 17 алтын 3 денги. И не добрано денежново двора прибыли перед прошлым 128-м годом в нынешнем во 129-м году 41 рубль 30 алтын з денгою. И про тот недобор денежново двора головы и целовальники сказали, учинился у них тот недобор потому, что на денежной двор старых денег и ветоши серебра и ефимков в приносе было мало»²⁵.

На этот раз собственные расходы денежного двора «приложены в збор». Они фигурируют в расходной части книги: «На денежном дворе по книгам голов гостя Семена Великого да Филипа Шапочника да целовалника Ондreja Шолковника на дворовую поделку и на свечи, и на бумагу, и на дрова, и на чернила, и дьячком за письмо, и сторожу найму, и на всякие мелкие расходы вышло 19 рублей 25 алтын 3 денги»²⁶. На 1622 г. в приходе-расходной книге планируется прибыль в соответствии с итогом предыдущего года: «С ноугородцкого денежново двора прибыли

²⁴ Гневушев А. М. Сметы по Новгороду четвертными денежными доходам XVII в. (с 1620 по 1660 г.) // Труды Моск. предварительного комитета по устройству XV Археол. съезда. 1911. С. 195.

²⁵ ЦГАДА. Ф. 137, Новгород, ед. хр. 136, л. 13—13 об. —14.

²⁶ Там же. Л. 58 об. —59.

ли на 130-й год против сбора 129-го году 724 рубли 17 алтын 3 денги»²⁷.

Неизвестно, каким был реальный доход 1622 г., поскольку следующая запись сохранилась только от 1626 г.: «В Великом Новгороде на государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси денежном дворе денежную прибыль збирают на государя на веру головы с целовальники. А на нынешней на 134-й год против прошлого 133-го денежные прибыли помечено собрати 833 рубли 15 алтын с полуденгою. А по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу тое денежную прибыль в Новгороде во 134-м году велено сбирати голове псковитину Ивану Савину, а с ним целовальником новгородцом посадским выборным людем. И по новгородцкому сметному списку 134-го году голова Иван Савин с товарищи денежново двора прибыли во 134-м году собрали и в Новгороде взято и с тем, что на денежном дворе вышло в расход, 600 рублей 6 алтын и 1 ¹/₂ денги. А недобрали головы и целовальники во 134-м году против збору 133-го году 233 рублей 18 алтын 5 денег. И про тот недобор в Новгороде головы и целовальники в роспросе сказали, что во 134-м году перед 133-м годом на денежной двор торговые и всякие люди старых денег и ефимков и ветоши серебра в дело приносили мало, да и неметцких городов неметцкие торговые люди ефимков привозили мало ж, потому что в неметцких городех войны»²⁸.

Наконец, последняя запись датирована 1628 г.: «Новгородцкого денежново двора денежные прибыли и верново бранья по окладу против 135-го году 1371 рубль 27 алтын 2 денги. И по государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоте за приписью дьяка Баима Болтина 135-го году в Великом Новгороде денег делать не велено»²⁹.

Приведенные материалы и принципы исчисления объема продукции денежного двора позволяют установить количество отчеканенных копеек за те годы, от которых сохранились сведения о величине дохода денежного двора. При этом следует учитывать

²⁷ Там же. Л. 84.

²⁸ Гневушев А. М. Сметы... С. 198.

²⁹ Там же. С. 200.

отмеченное выше изменение стопы, зафиксированное в приказных документах 1626 г., согласно которым чеканка тогда велась по норме 4 рубля 8 алтын 2 денги (т. е. 425 коп.) из гривенки. Поэтому для 1625–1627 гг. учтено это изменение:

Год	Доход двора	Объем производства	Изготовлено
125	1140 рублей 7 алтын	2562,3 гривны	10242 р. 80 к.
126			
127	724 рубля 5 алтын 3 денги	1627,3 »	6505 р. 13 к.
128	766 рублей 14 алтын 2 денги	1722,3 »	6884 р. 90 к.
129	724 рубля 17 алтын 3 денги	1628,1 »	6508 р. 33 к.
130			
131			
132			
133	833 рубля 15 алтын 0.5 денги	1872,9 »	7959 р. 82 к.
134	600 рублей 6 алтын 1.5 денги	1348,1 »	5729 р. 42 к.
135	1361 рубль 27 алтын 2 денги	3060,3 »	13006 р. 27 к.

Неизвестен объем производства Новгородского денежного двора за четыре года (1618, 1622–1624), однако если принять для этих лет минимальную цифру в 6 500 руб., то общее количество отчеканенных за 11 лет монет приравняется примерно 82–83 тыс. руб., иначе 8,2–8,3 млн. коп.

Это количество невелико, если учесть, что на Московском денежном дворе в первые годы царствования Михаила Федоровича в один только передел чеканилось монет на сумму свыше 1000 руб. Так, для Казенного приказа 21 ноября 1613 г. было отчеканено 1405 рублей 2 денги; 12 августа 1614 г. – 1024 рубля 25 алтын 2 денги; 21 марта 1615 г. – 1248 рублей 6 алтын 4 денги³⁰. Такой же объем имели и более поздние переделы. Привожу в этой связи одну неопубликованную запись за 1620 г.: «Да Арханьилского города корабельные пристани у таможенных голов Ивана Максимова да у Гаврила Неустроева с товарищи таможенных денег за расходы и за покупками в остатке 5308 рублей осмнадцать алтын 3 денгою. Да купленных две тысячи восьмьсот тритцать три ефимька рьялских. А по книгам таможенных голов дано за те ефимки ис таможенных денег 1303 рубли 6 алтын, по 15 алтын по 2 денги за ефи-

³⁰ Веселовский С. Б. Семь сборов... С. 16.

мок. И 129-го декабря в 10 день по отписке з Двины воеводы князя Ондreja Хилкова да диака Семейки Зеленого и по росписи таможенных голов Ивана Максимова да Гаврила Неустроева с товарищи те денги ефимки взяты сполна, платили денги ефимки двинские таможенные целовальники Сергей Еремеев с товарищи.

И декабря ж в 19 день те ефимки посланы на денежной двор к Ефиму Телепневу да к диаку к Ивану Поздееву с подначим с-Иваном Кишмулиным. А велено те ефимки переделати в денги. И декабря в 22 день по памяти з денежного двора за приписью диака Ивана Поздеева ис тех ефимков зделано денег тысяча пятьсот семнатцать рублей семнатцать алтын четыре денги опричь того, что мастером от дела дано. И перед куплею тех ефимков в переделке прибыли 215 рублей 11 алтын 4 денги. И те денги 1517 рублей 17 алтын 4 денги в государеву казну в Новгородцкую четверть взято.

А в двинском сметном списке 128-го году те ефимки в покупке и в посылке к Москве во 128-м году. А к государю к Москве те ефимки во 128-м году не присланы. А в сей приходной книге написаны они ко 129-му году в остаток, потому что они присланы в нынешнем во 129-м году»³¹.

Как видим, вся продукция Новгородского денежного двора за целый 129-й год (сентябрь 1620 — август 1621 г.) всего лишь в четыре с небольшим раза превосходит дневную продукцию Московского денежного двора. Малая продуктивность новгородского денежного производства определялась, как это явствует из приведенных записей в приходе-расходных книгах Новгородской четверти, недостаточным предложением серебряного сырья в денежный передел. Но и вне зависимости от этого обстоятельства двор в Новгороде был весьма небольшим. Согласно Описи 1617 г., на нем было только семь наковален, что свидетельствует о возможности одновременной работы не более чем семи чеканщиков. И тем не менее он приносил хотя и небольшой, но достаточно стабильный доход. Не исключая поэтому вероятного предположения, что действительной причиной ликвидации провинциальных дворов в Новгороде и Пскове в 1627 г. была необходимость макси-

³¹ ЦГАДА. Ф. 137, оп. 1, Новгород, ед. хр. 13в, л. 34— 34 об. — Сердечно благодарю М. Е. Бычкову, познакомившую меня с этим документом, а также с Описью 1617 г. и приходе-расходной книгой 1621 г.

мально централизовать денежное дело в целях проведения скрытых мероприятий по изменению стопы.

Сопоставление двух цифр — 8.3 млн отчеканенных в Новгороде в 1617–1627 гг. копеек и того, что дошло до нас от этой чеканки в музейных коллекциях, — рождает вопрос: насколько представительно столь малая часть может отразить огромное целое? К примеру, основой исследования А. С. Мельниковой по систематизации монет Михаила Федоровича в новгородской части этой систематизации послужили примерно 170 копеек из собрания ГИМ³². Думается, что, коль скоро полученная схема детально отражает взаимодействие штемпелей и практически не пополняется новыми находками, даже такое малое количество сохранившегося материала обладает свойствами должной представительности.

³² Примерно из 15 000 монет Михаила Федоровича, хранящихся в ГИМ, 170 относятся к чекану Новгорода, 327 — псковские, остальные — московские.

Из истории Новгородского денежного двора XVII в.*

История Новгородского денежного двора XVII в. в наиболее важных ее деталях только по недоразумению остается неизвестной современным исследователям: разъясняющие эти детали документы были опубликованы свыше 60 лет назад.

Изданная в 1970 г. итоговая статья А. С. Мельниковой формулирует сумму вопросов, касающихся чеканки в Новгороде при Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче, в том числе и состояния источников темы¹. В общих чертах взгляд на деятельность Новгородского двора сводится к следующему.

После активной деятельности в период шведской оккупации (1611–1617 гг.) Новгородский денежный двор продолжал работу при Михаиле Федоровиче сравнительно недолго. На это указывает относительно небольшое количество копеек с именем Михаила Федоровича новгородской чеканки вкладах и нумизматических собраниях, что уже в 1960 г. позволило А. С. Мельниковой написать: Новгородский денежный двор при Михаиле «был на пути к упразднению»². Спустя 10 лет та же исследовательница пришла к выводу, что этот двор был ликвидирован к концу 20-х годов. Основанием для такого предположения послужила грамота псков-

* Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. X. Л.: Наука, 1978. С. 13–22.

¹ Мельникова А. С. Псковский и Новгородский денежные дворы в середине XVII в. // Нумизматика и эпиграфика. 1970. Т. VIII.

² Мельникова А. С. Систематизация монет Михаила Федоровича // Археограф. ежегодник за 1958 г. 1960. С. 83.

ских таможенных голов 1632 г., в которой говорится о переделке иноземцами привозного серебра в деньги, «как был во Пскове денежный двор». В 1632 г. иноземцам в таможен взамен их серебра стали выдавать деньги «из московской присылки»³. Таким образом, предполагается, что оба провинциальных двора были ликвидированы одним царским указом незадолго перед 1632 г.⁴

Еще раз Новгородский денежный двор возобновлял свою деятельность в ходе реформы Алексея Михайловича. Он начал работу по сентябрьскому указу 1655 г. и был ликвидирован в июне 1663 г. одновременно с другими «медного денежного дела дворами»⁵. О работе его в этот период можно судить по указам 1655, 1656 и 1663 гг. и по самой продукции — монетам со знаками НО и НО/ГДР. Среди них широко известны медные копейки, но изредка встречаются и серебряные. Отмечая, что это единственные известные нам серебряные копейки времени реформы, А. С. Мельникова подчеркивает их исключительную малочисленность: в собрании ГИМ, например, есть всего 4 экз. таких монет. Однако наиболее значительным документом, характеризующим деятельность Новгородского денежного двора, признается открытая А. С. Мельниковой отписка московского служилого человека Никиты Зузина, направленного в 1659 г. в Новгород, о состоянии тамошнего денежного двора в 1660 г. Из этой отписки, в частности, следует, что с 15 сентября по 1 декабря 1660 г. в Новгороде после упорядочения работы двора было отчеканено медных монет на сумму 400 тыс. руб.⁶

³ Чистякова Е. В. Социально-экономические взгляды Ордин-Нащокина (XVII в.) // Труды ВГУ. 1950. Вып. XX. С. 14.

⁴ В другой работе А. С. Мельникова пишет о чеканке в Новгороде до 4626 г. См.: Мельникова А. С. Систематизация монет Алексея Михайловича (1645–1676) // Вспомогат. истор. дисциплины. III. Л., 1970. С. 203.

⁵ «На Москве и в Великом Новгороде и во Пскове денежного медного дела дворы отставить, и маточники, и чеканы в тех городах собрав все, прислать к Москве в приказ Больших казны» (Деммени М. Сборник указов по монетному и медальному делу в России. Вып. 1. СПб., 1887. С. 3). Указ датируется 11 июня 1663 г. Тем же указом повелено с 15 июня делать на Старом Московском денежном дворе серебряные деньги.

⁶ Мельникова А. С. Псковский и Новгородский денежные дворы в середине XVII в.; Она же. Из истории денежного дела в России. (Документ XVII века) // Сов. архивы. 1967. № 3. С. 93–99.

Странным образом вне поля зрения специалистов остались опубликованные в 1911 г. А. М. Гневушевым приходо-расходные книги Новгородской четверти XVII в., которые содержат достаточно важную информацию и по деятельности денежного двора в Новгороде времени Михаила Федоровича, и по его работе в ходе реформы Алексея Михайловича⁷. Думается, что отчасти «повинна» в этом книга К. В. Базилевича, создавшая иллюзию полной обработки всех изданных к 1936 г. материалов темы⁸.

Прежде всего эти приходо-расходные книги предельно разъясняют вопрос о времени закрытия денежного двора в Новгороде при Михаиле Федоровиче. В интересующей нас связи важны три записи в этих книгах.

Под 1620 г. сообщается: «С новгородцкого з денежного двора золотничную и плавилную пошлину збирают на государя на веру выборные головы и целовальники. А на нынешней на 128-й год денежного двора пошлин против збору 127-го году помечено собрати 700 рублей 30 алтын оприч того, что денежного двора на расходы во 127-м году вышло 23 рубли 8 алтын 5 денег, а в сметном списке 127-го году те денги были в збор не приложены. И обоего денежного двора пошлин против 127-го году собрать 724 рубли 5 алтын 3 денги. И по новгородскому сметному списку 128-го году те денги во 128-й год собраны сполна да сверх окладу прибрано 42 рубли 8 алтын 5 денег. И обоего по окладу и сверх окладу собрано 766 рублей 14 алтын 2 денги»⁹.

Вторая запись содержится под 1626 г.: «В Великом Новегороде на государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Руссии денежном дворе денежную прибыль збирают на государя на веру головы с целовальники. А на нынешней на 134-й год против прошлого 133-го денежные прибыли помечено собрати 833 рубли 15 алтын с полуденгою. А по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руссии указу тое денежную прибыль в Новегороде во 134-м году велено сбирати голове псковитину Ивану Савину, а с ним целовальником новгородцом по-

Гневушев А. М. Сметы по Новгороду четвертным денежным доходам XVII в. (с 1620 по 1660 г.).

⁸ *Базилевич К. В.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.; Л., 1936.

⁹ *Гневушев А. М.* Сметы... С. 195.

садским выборным людем. И по новгородцкому сметному списку 134-го году голова Иван Савин с товарищи денежново двора прибыли во 134-м году собрали и в Новегороде взято и с тем, что на денежном дворе вышло в расход, 600 рублей 6 алтын и 1 ¹/₂ денги. А недобрали головы и целовальники во 134-м году против збору 133-го году 233 рублей 18 алтын 5 денег. И про тот недобор в Новегороде головы и целовальники в роспросе сказали, что во 134-м году перед 133-м годом на денежной двор торговые и всякие люди старых денег и ефимков и ветоши серебра в дело приносили мало, да и неметцких городов неметцкие торговые люди ефимков привозили мало ж, потому что в неметцких городех войны»¹⁰.

Наконец, последняя запись датирована 1628 г.: «Новгородцкого денежново двора денежные прибыли и верново бранья по окладу против 135-го году 1371 рубль 27 алтын 2 денги. И по государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Руссии грамоте за приписью дьяка Баима Болтина 135-го году в Великом Новегороде денег делать не велено»¹¹.

Мы видим, что указ о закрытии Новгородского денежного двора относится к 1627 г., однако фактическая его ликвидация произошла в следующем, 1628 г., когда была взята в последний раз прибыль от его работы. Сравнительно большая сумма этой прибыли за 1628 г., по-видимому, включает подчистку всех остатков производственной деятельности. Запись 1626 г. обнаруживает причину ликвидации двора — его вынужденную малую рентабельность.

О возобновлении деятельности Новгородского денежного двора уже при Алексее Михайловиче известно из сентябрьского указа 1655 г., цитированного в письме князя Григория Куракина царю: «...в нынешнем, государь, во 164-м году, сентября в 15 день в твоей государевой царевой и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя России самодержца грамоте писано к нам, холопом твоим, велено послать твои государевы грамоты в Великий Новгород и во Псков, чтоб в Великом Новгороде и во Пскове медные денги грошовики и двуденежники и денежники делать наспех, днем и ночью с великим раденьем. А денежных мастеров

¹⁰ Там же. С. 198.

¹¹ Там же. С. 200.

в Великом Новгороде и во Пскове велети б прибрать многих людей, чтоб деньги вскоре наделать»¹².

Сентябрьский указ имеет в виду уже возобновленный денежный двор. Известно, что, например, в Пскове работы по подготовке чеканки медной монеты начались весной 1655 г., на это указывает запись в расходных книгах Псковского денежного двора: «По государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя Белья России самодержца грамоте за приписью дьяка Аникея Чистого, какова прислана во Псков во прошлом во 163-м году марта в 25 день, велено во Пскове делать медные денги алтынники и грошевики и двухденежники и денежники, а мастером от дела велено дават против государева указу по три рубли с полтиною от пуда. И октября в 2 день денежного дела работникам на корм пятьдесят рублев дано»¹³.

И. Г. Спасский, использовавший эту рукопись, проследил начальный цикл работ по устройству самого двора и показал, что до октября трудились каменщики и плотники, сооружались горны и кузница. Чеканка же монеты в Пскове началась только в октябре¹⁴. Надо полагать, что примерно теми же темпами устройство двора велось и в Новгороде, а сентябрьский указ ориентируется на практическую готовность дворов к производству монеты.

Приходо-расходные книги по Новгороду никак не отражают этой начальной стадии работ. Однако к подготовке чеканки имеет прямое отношение запись под 1654 г.: «В Сяское устья торговых людей перед прошлыми годы ездило мало, что де из Стекольна неметцких денег медных плотовых торговым руским людем на Русь возить нельзе, что на те медные плотовые денги наложена пошлина большая, а опрочи де тех их медных плотовых денег возить на Русь товаров иных нечево, потому что де в Стекольне всякие неметцкие товары дороже руского. А в прошлых де годах руских людей ездило больши для того, что с тех неметцких плотовых денег пошлин не имали, а пропущали те мед-

Мельникова А. С. Псковский и Новгородский денежные дворы в середине XVII в. С. 110.

¹³ *Спасский И. Г.* Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654–1663 гг. // Археограф. ежегодник за 1959 г. 1960. С. 139.

¹⁴ Там же. С. 139.

ные плотовые денги беспошлинно»¹⁵. Трудности с подвозом в Новгород «плотовой меди» (т. е. монет-плит шведской чеканки¹⁶) были, несомненно, осложняющим обстоятельством, задерживавшим организацию исходного сырьевого запаса медной чеканки.

Впрочем, одна из записей 1656 г., отражающая расходы предыдущего года, может иметь отношение к начальным работам и на самом дворе: «По грамоте великого государя (п. т.) за приписью дьяка Офонася Ташлыкова взято у Офонася Микляева московские присылки, которые посланы на государеву медь и мастером на дело, 600 рублей»¹⁷.

Записи приходо-расходных книг за 1656 г. содержат наиболее важные документы, разъясняющие, в частности, исключительную редкость в нумизматических собраниях медных алтынников и грошовиков Алексея Михайловича. В сентябрьском указе алтынники не названы, однако А. С. Мельникова констатирует их изготовление на Новгородском дворе, поскольку они упомянуты среди его продукции в 1656 г.¹⁸, а в музеях сохранились алтынники, чеканенные в Пскове¹⁹.

Приведем запись 1656 г. полностью: «В нынешнем во 164-м году февраля в 28 день великого государя (п. т.) грамоте ис приказу Большие казны писано в Великий Новгород к воеводе ко князю Ивану Андреевичю Голицыну да к дьяку к Василью Шпилькипу: указал великий государь (п. т.) в Великом Новгороде делать медные копейки да денги, а медных же алтынников и грошевиков делать не велено, а что ныне в Великом Новгороде до сего государева указу зделано медных алтынников и грошевиков и копеек и денег, и те денги велено прислать к великому государю к Москве в приказ Большие казны.

Да в нынешнем же во 164-м году июля в 9 день великого государя благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича

¹⁵ Гневушев А. М. Сметы... С. 226.

¹⁶ Плиты (иначе платы) чеканились с 1644 по 1776 г. достоинством от 1/2 до 10 далеров; последние имели вес 19,7 кг. Наибольшего размаха их чеканка достигает с 1649 г.

¹⁷ Гневушев А. М. Сметы... С. 235.

¹⁸ ЦГАДА. Разрядный приказ. Московский стол. Стлб. 864. Л. 173.

¹⁹ Мельникова А. С. Псковский и Новгородский денежные дворы в середине XVII в. С. 110.

всеа Великия и Малыя и Бelyя России грамоте ис приказу Болшие казны за приписью дьяка Офонася Ташлыкова писано в Великий Новѣгород к воеводе ко князю Ивану Ондреевичю Голицыну да к дьяку к Василью Шпилькину: указал великий государь благоверный царевич и великий князь Алексей Алексеевичь всеа Великия и Малыя и Бelyя России в Великом Новегороде медными денгами торговать и в расход, что у ково взято, платить медными ж денгами и впредь в Великом Новегороде медные копейки и денги делать наспех днем и ночью, а алтынников и грошевиков делать не велено.

И по той великого государя благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича всеа Великия и Малыя и Бelyя России грамоте и по приказу воеводы князя Ивана Ондреевича Голицына да дьяка Василья Шпилькина в Великом Новегороде з денежного двора мелких медных денег в государеву казну взято 16 053 рубли 30 алтын»²⁰.

Очевидно, алтынники и грошовики изготовлялись очень недолго, всего лишь около пяти месяцев, если двор начал работу в сентябре—октябре 1655 г.

Краткая запись 1657 г. отражает рост продукции двора: «З денежного двора у головы у Григорья Иванова медных денег служилым людям великого государя на жалованье и на месечные кормы взято 56 804 рубли 10 алтын з денгою»²¹.

Весьма значительна запись 1658 г., которая не только демонстрирует установление некоторой стабильности в производстве медных монет, но и подтверждает выпуск серебра на Новгородском денежном дворе по крайней мере в 1657 г.: «З денежного двора, что велено послать по государевым грамотам из розных приказов на Олонец к окольнічему и воеводе к Василью Александровичю Чоглокову с товарищи и на Лавую к стольнику и воеводе к Федору Лодыженскому государевым служилым людям на жалованье медных денег взято 18 615 рублей.

З денежного двора, что довелось дати государевым служилым людям, которые в Великом Новегороде и по острошкам, государева жалованья и на иные четвертные расходы медных денег взято 23 227 рублей 12 алтын 4 денги.

²⁰ Гневушев А. М. Сметы... С. 236.

²¹ Там же. С. 238.

3 денежного ж двора у головы у Григорья Иванова прошлого 165-го году взято денег серебряного дела 2114 рублей 20 алтын»²².

Общее количество выданных в 1658 г. с денежного двора денег равно 41 842 рублям 12 алтынам 4 денгам против 56 804 рублей 10 алтын 1 денги в предыдущем году.

Запись за 1659 г. отсутствует, а запись 1660 г. отражает резкое увеличение продукции двора: «3 денежного двора по государеве грамоте, что велено послать в полк к боярину и воеводе ко князю Ивану Ондреевичу Хованскому служилым людям на жалованье медных денег взято 120 тысяч рублей.

3 денежного ж двора, что довелось дати государевым всяким служилым людям в Великом Новгороде и на иные четвертные расходы, медных денег взято 19 884 рубли 15 алтын.

По государеве цареве (п. т.) грамоте у целовальника у Ивашка Порфирьева да у новгородца у посадского человека у Офоньки кузнеца серебряных денег, что прислано с Москвы ис приказа Большие казны на медную покупку 32 000 рублей»²³.

Поскольку взятие прибыли в сметных записях производится за предыдущий год, а новый год начинался с 1 сентября, резкое увеличение продукции двора, отмеченное А. С. Мельниковой, когда в сентябре-ноябре 1660 г. было отчеканено медной монеты на 400 тыс. руб., относится к следующему за показанным в приходо-расходных книгах периоду, однако начавшаяся реорганизация двора дала заметный результат еще до 5 сентября 1660 г. Заметим, что, по-видимому, чеканка в Новгороде серебряных монет в небольшом количестве состоялась только в 1657 г.; в более позднее время серебро «на медную покупку» снова присылается из Москвы.

Нуждается в уточнении вопрос о местонахождении Новгородского денежного двора при Михаиле Федоровиче и при Алексее Михайловиче. Отметив, что в одном из документов 1661 г. этот двор назван «Новым», А. С. Мельникова допускает два возможных истолкования этого сообщения: «Возможно, это название появилось в связи с тем, что денежный двор в Новгороде во время реформы был размещен в новом помещении, а не в старом денежном дворе. Но “Новым” Новгородский денежный двор мог быть

²² Там же. С. 241.

²³ Там же. С. 243.

назван и в связи с возобновлением его деятельности после 30-летнего перерыва»²⁴.

Документы 80-х годов XVI в. говорят о существовании в Новгороде двух денежных дворов. Один «двор царев и великого князя денежной» находился на Ярославовом дворище, между церквями Николы и Святых Отцов²⁵. Другой — только что заведенный к моменту составления писцовой книги Леонтия Аксакова по Торговой стороне (1581–1582 гг.) — описан на Рогатице: «Двор пуст Гавриловской Федосеева стрелника; длина 25 сажен, поперег 5 сажен. И тот двор взят под государской Денежной двор»²⁶. Этот участок числился «на Рогатице улице гостиные же сохи дворы от Пробойные же улице к валу». Между тем в другой писцовой книге, составленной вскоре после 1586 г., денежный двор описан на левой стороне Рогатицы, если идти от Волхова, но на участке между Волховом и Пробойной улицей как угловая усадьба, выходящая и на Пробойную: «Двор нетяглой денежной гостиные сохи Гавриловской Язычкова, а дворник в том дворе Дорох, нетяглой; длина двадцать пять сажен, поперег пятнадцать сажен»²⁷. И. Г. Спасский полагает, что речь идет об одном и том же участке, но в одном случае размер поперечника указан неверно²⁸, с чем не согласился А. И. Семенов, показавший, что речь идет о разных участках. А. И. Семенов предположил: «Дворы Язычкова и Федосеева могли быть дополнительно приданы к Денежному двору, находившемуся на Ярославовом дворище. На них не было чеканки монеты, они предназначались для хозяйственных надобностей Денежного двора»²⁹.

Если бы А. И. Семенов был прав, допуская одновременную принадлежность к денежному двору обоих участков на Рогатице, мы

²⁴ Мельникова А. С. Псковский и Новгородский денежные дворы в середине XVII в. С. 113.

²⁵ Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911. С. 235, 239.

²⁶ Там же. С. 219.

²⁷ Греков Б. Д. Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Великому XVI века. СПб., 1912. С. 30.

²⁸ Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. С. 261–262.

²⁹ Семенов А. И. Древняя топография средней части Торговой стороны Новгорода // Новгородск. истор. сб. 1961. Вып. 10. С. 154.

нашли бы подтверждение этому в подворной описи Рогатицы, содержащейся в писцовой книге конца 80-х годов XVI в. Между тем она знает только один участок денежного двора (бывшая усадьба Язычкова). Поэтому более вероятным представляется предположение о том, что в начале 80-х годов XVI в. под денежный двор был отведен бывший двор Гаврилы Федосеева, а спустя несколько лет — вместо него — бывший двор Гаврилы Язычкова, превосходящий федосеевскую усадьбу втрое. Поскольку этот двор в писцовой книге показан на удалении 102 саженей от начала Рогатицы (т. е. от берега Волхова) и 75 саженей от Хутынского подворья (оно соответствует началу современной улицы Большевиков), окончательный участок денежного двора на Рогатице локализуется в квартале между проспектом В. И. Ленина, улицей Большевиков и проездом, продолжающим улицу Герцена на территорию завода им. Ленинского комсомола, примерно под домом № 9 по ул. Большевиков и его двором.

Новгородский хронограф под 1662 г. сообщает: «О пожаре в лето 7170 июня в 19 день. В Великом Новеграде в пяток на первыя недели поста бысть пожар велик, загореся на Рogaдице (так!) улицы на денежном дворе и погоре Рogaтица и корчемный двор и в гору»³⁰. Издавший этот текст М. Н. Тихомиров отметил, что цифры года в подлиннике исправлены и неясны. Расчет по таблицам показывает, что пятница первой недели петровского поста приходилась на 19 июня не в 1662 г., а в 1663 г. Пожар денежного двора, следовательно, случился через неделю послецарского указа о прекращении медной чеканки и закрытии двора. Можно подозревать, что имел место поджог, совершенно необходимый администрации двора для простейшего покрытия многочисленных хищений, о которых писал в своей отписке Никита Зузин. В то же время мы видим, что этот двор, находясь на Рogaтице, начал свою работу в 1655 г. там же, где с 1580-х годов до 1628 г. помещался более ранний центр чеканки монет в Новгороде.

Приведенная цитата из хронографа отменяет еще одну существующую в литературе попытку локализации денежного двора на Рogaтице. Новгородский губернатор 1812–1813 гг. П. И. Сумароков считал остатком денежного двора сохраняющуюся и сейчас на

³⁰ *Тихомиров М. Н.* Новгородский хронограф XVII в. // Новгородск. ист. тор. сб. 1940. Вып. 7. С. 102.

южной стороне улицы Большевиков руину древнего здания, известного под бытовым названием «дома Марфы Посадницы»³¹. Обнаруженный недавно чертеж этой части города, составленный в начале 30-х годов XVIII в., обозначает указанное здание как «кружечный двор», что позволяет идентифицировать с ним не денежный, а корчемный двор из сообщения 1663 г.

В заключение считаем полезным воспроизвести трактовку денежной реформы Алексея Михайловича по Новгородскому хронографу, поскольку она принадлежит очевидному современнику реформы (хронограф написан между 1676 и 1682 гг.), но не использовалась в специальных исследованиях:

«В лето 7161 повелением благочестиваго и христолюбиваго государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси самодержца начаша делати денги медные, яковы же и серебряные, величиною и весом таковы ж, для служивых великого государя воинских людей, что в тое время нача быти польская служба,, чтоб в Руской земле от того серебряных ради денег великого государя гостем и гостиных сотен и суконных сотен и всяким торговым людем и крестьяном в налогах потеснения о том не было б, что серебряных денег в то время бысть умаление. И в Руской земли о торговых всяких на медные денги також якож и на серебряные всякие товары начаша покупати на медные денги: серебро и золото, и камене честное и драгое, и бисер многоценный, сии речь жемчуг, и златотканые портища и шелковые, и всякие заморские и иных государств драгие узорочья, и шелки, и кумачи, и китайки, и индейки, и кизылбашские драгие товары, и питья всякие, и воск, и соль, и масло, и мед, и смольчуг, и поташ. И последи того умножишася тае медные денги, и начаша пот тое ж делать воровские люди по многим городам и по деревням, многие воры и мастера учинилися воровские. И которого в таком воровском деле поймают, и тех по по-

³¹ Сумароков П. И. Новгородская история. М., 1890. С. 22. — В начале XIX в., следовательно, П. И. Сумароков знал о существовании денежного двора на Рогатице. Поскольку все свидетельства существования Рогатицкого двора извлекаются из источников, изданных в XX в. и сохранявшихся не в новгородских архивах, остается предположить, что П. И. Сумароков пользовался выписками Е. Болховитинова из писцовых книг Александра Чоглокова и Добрыни Семенова 1623 г., погибших при пожаре Присутственных мест в Новгороде в 1809 г., и что в этих книгах денежный двор значился на Рогатице.

велению государя казни предают: инем горла оловом заливаху, а инех казняху, а овем руки по запястие отсекаху, а многих всылки посылаху по дальним градом, а инех всячески мучаху, пытаху пытками различными, кнутѣм биюще, и огнем жгуще, и пуп на пытках влекуще, и ребра выламывающе. И многие на тех меж себя оказывахуся, а инии многие и от богатства своего на таковое незаконное и клятвенное и заповеданное дело покушахуся, и от того себе смерть приимаху. И бысть сие таковы заповеданное дело и тое медныя денги ходиша на Руси десять лет, и посем престаша и заказы учиниша, что теми медными денгами не торговати, и у многих многие тысячи в остатках учинишася. И те делаша в домовые potrzeby, всякие котлы и иные сосуды»³². Под 1663 г. в хронографе имеется еще одна заметка: «В тое ж время великаго бога изволение положи господь в сердце благочестивому и христолюбивому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержцу благое, чтоб прекратить и престать медныя денги делать и о сем великие и крепкие заказы учиниша во всей Роскiе земли всяких чинов людем, что ими не торговати, что много учинилось воровских людей и много душегубства»³³.

³² Тихомиров М. Н. Новгородский хронограф XVII в. С. 87.

³³ Там же. С. 103.

Иван Георгиевич Спасский и советская нумизматика*

Научное творчество Ивана Георгиевича Спасского (род. 8 марта 1904 г.) в развитии советской нумизматики составляет важнейший этап, с которым связаны наиболее существенные успехи изучения русского денежного дела¹. В кругу специальных дисциплин истории нумизматика занимает весьма своеобразное место. Развиваясь, как и любая другая дисциплина, совершенствованием методологии и методических приемов, опираясь на исследовательские достижения, фиксируемые в безбрежном море научной литературы, будучи наукой академической, нумизматика не может существовать вне музея, в отрыве исследователя от постоянного общения с самими монетами в местах их хранения. И не только потому, что сведения о монетах еще не обобщены в исчерпывающих сводах, а главным образом потому, что исчерпывающими эти своды стать не могут из-за постоянного расширения музейных коллекций. Иными словами, высшей степенью знания источника в нумизматике обладает хранитель самого большого собрания монет. Самое большое собрание русской нумизматики находится в Государственном Эрмитаже, а хранителем его, начиная с 1946 г., является И. Г. Спасский.

Огромную роль в развитии нумизматических знаний играет сохранение хранительского и музейно-пропагандистского опыта, который передается только живой эстафетой поколений. Нынеш-

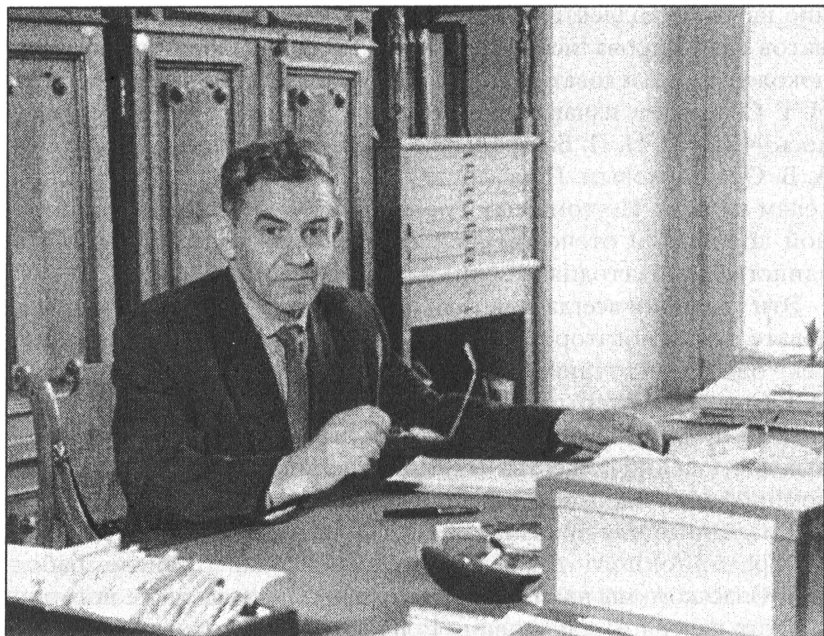
Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XVI. Л.: Наука, 1985. С. 355—362.

¹ Подробную биографическую справку о И. Г. Спасском см. в кн.: Нумизматика и эпиграфика. М., 1965. Т. V. С. 3—7.

ние научные коллективы активно работающих советских нумизматов сформировались в послевоенные годы, когда предыдущее поколение исследователей русских монет уже не существовало. И. Г. Спасскому, начавшему работать в Эрмитаже в 1932 г., довелось учиться у Н. П. Бауера и А. А. Ильина, творчески общаться с А. В. Орешниковым. Повезло не только ему, но и всем продолжателям их дела. Неутомимым пропагандистом традиции, заложенной корифеями отечественной нумизматики, стал их давний и единственный сегодня ученик.

Эти традиции всегда сочетали передачу опыта со смелым исследовательским новаторством, избирающим новый генеральный аспект оценки источника. Научное направление, сформированное И. Г. Спасским, открыло такой новый аспект в подходе к нумизматическому факту как к явлению культуры, как к синтезу разнородных достижений общества — художественных и технических, экономических и идеологических. Такой подход потребовал вторжения исследователя-нумизмата в сферы, на первый взгляд, далекие от традиционного нумизматического труда. В числе работ И. Г. Спасского мы находим исследования, посвященные истории русских счетов и становления гальванопластики, анализу архивных документов и женских украшений. Сама история отечественной нумизматики благодаря работам И. Г. Спасского заняла достойное место в истории русской культуры XVIII—XIX вв.

Однако главные его достижения — в изучении самого денежного обращения в России с X в. до нынешнего столетия. Положив в основу изучения русских монет XVI—XVII вв. технический метод штемпельного анализа, И. Г. Спасский заново открыл историю денежного дела этого периода. В море безликого, датируемого только в пределах того или иного царствования материала он установил последовательность чеканки монетных типов и вариантов, а также принадлежность их к конкретным денежным дворам. Эти источниковедческие достижения дали, наконец, основу для датировки изменений денежной стопы и открытия реформ, сделав коллекцию монет важнейшим источником экономической истории. И не только экономической. Сложнейшая проблема воздействия иноземной интервенции начала XVII в. на русское денежное хозяйство, будучи решена в деталях, обернулась исследованием политики и интервентов, и Ополчения, по-новому осветив деятельность Минина и Пожарского.



И. Г. Спасский

Изучение И. Г. Спасским другого периода экономических потрясений, проявившихся в реформе Алексея Михайловича, обнажило не только экономические пружины финансовой политики, но и связь этой реформы с историческим актом воссоединения Украины с Россией в 1654 г.

Также хрестоматийным стало после работ И. Г. Спасского понимание денежных преобразований Петра I, сомкнувшего денежную систему России с талерной системой западноевропейских государств, но в то же время не столько позаимствовавшей от Европы, сколько обогатившей ее децимарной системой, естественно сложившейся в недрах денежного обращения Древней Руси и использованной в XVIII в. французскими и американскими финансистами, воспринявшими русский опыт.

После работ И. Г. Спасского стало очевидным и неизбежным новое обращение исследователей к истории русского монетного дела XIV—XV вв., которое прежде считалось изученным наилучшим образом. И это новое исследование средневековой русской

нумизматики развивается сегодня по путям, проложенным И. Г. Спасским.

Особое место в его творчестве последних двух десятилетий занимает изучение древнейшей русской нумизматики (X–XI вв.). Со времени выхода в свет свода русских сребреников и златников И. И. Толстого в 1882 г. коллекция древнейших монет пополнялась медленно. Но на протяжении ста лет не угасали споры о времени их чеканки, что требовало и новых аргументов, и нового, более детального приведения в порядок материала свода. Архивные открытия И. Г. Спасского, установившего принадлежность златников Владимира к конкретнымкладам смешанного состава, завершили систему доказательств связи выпуска древнейших монет с деятельностью князя Владимира Святославича, раз и навсегда исчерпав проблему. Достойным завершением ее исследования стал новый свод древнейших русских монет, в котором И. Г. Спасскому принадлежат наиболее важные исследовательские разделы. Выход этого свода приурочен к 1000-летию юбилею русской чеканки.

Двадцать лет тому назад в американском нумизматическом органе «World Coin» И. Г. Спасский был назван «одним из наиболее известных нумизматов мира, западного и восточного». Таким он остается и сегодня.

Список печатных работ Ивана Георгиевича Спасского

- 1930** Маршруты по Союзу ССР. Маршрут № 3, § 12: г. Нежин // Весь СССР на 1930 год. М. С. 137–138.
- 1933** Эрмитаж // Весь Ленинград. Адресная и справочная книга. Л., 1933. С. 287.
- 1947** Классификация русских монет XVI и начала XVII в.: Тез. дис. канд. ист. наук // Гюс. Эрмитаж. 4 с.
- 1949** Петербургский Монетный двор от возникновения до начала XIX века. К двухсотдвадцатипятилетию Монетного двора. Л. 72 с., илл., 5 вкл.
Изобретатель Неведомский. К двухсотдвадцатипятилетию Монетного двора. Л. 28 с., илл.
Антонио Пизано (1395–1455). Две медали // Сокровища Эрмитажа. М.; Л. С. 177–178, илл.
- 1951** Денежная казна // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века: Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. Л.; М. С. 112–129, 3 вкл.
Счетные жетоны // Там же. С. 130–138, илл.

- Виницкий клад: (Из истории денег в России в период польско-шведской интервенции начала XVII в.) // Изв. Карело-Финского фил. АН СССР. № 2. С. 32–40.
- Анализ технических данных в нумизматике // Краткие сообщ. ИИМК АН СССР. Вып. 39. С. 69–75.
- 1952** Происхождение и история русских счетов // Историко-математические исследования. М. Вып. 5. С. 269–420, илл.
- 1954** Денежное обращение на территории Поволжья в первой половине XVI в. и так называемые мордовки // Сов. археология. Т. XXI. С. 189–238, илл.
- Изобретатель сотенных весов К. К. Принц // Изв. АН СССР. Отделение техн. Наук. № 11. С. 134–151, илл., 1 вкл.
- 1955** Очерки по истории русской нумизматики // Нумизматический сборник. М. Ч. 1. С. 34–108, табл. VII–XX. (Тр. ГИМ; Вып. 25).
- Денежное обращение в Московском государстве с 1533 г. по 1617 г. Историко-нумизматическое исследование // Мат-лы и исслед. по археологии Москвы. М. Т. III. С. 214–354, илл., 3 вкл. (Материалы и исслед. по археологии СССР; № 44).
- 1956** Государственный Эрмитаж. Отдел нумизматики. Временная выставка коллекций орденов и знаков. Л., 16 с. (совместно с Е. С. Шукиной).
- Из истории древнерусского товароведения // Краткие сообщ. ИИМК АН СССР. Вып. 62. С. 45–50.
- Алтын в русской денежной системе // Там же. Вып. 66. С. 12–20.
- 1957** Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. М., 124 с., илл.
- Первые годы гальванопластики в России // Якоби Б. С. Труды по электрохимии. М.; Л. С. 211–239, 4 вкл.
- Новый взгляд на денежную реформу 1654 г. // Государственный Эрмитаж: Тез. докл. на сессии, посвящ. итогам науч. работы музея за 1956 г. (20–23 марта 1957 г.). Л., 2 с.
- 1958** Выставка орденов // Сообщ. Гос. Эрмитажа. Вып. XIII. С. 9–11, илл. Русские государственные награды 1654 г. для войска Богдана Хмельницкого // Там же. Вып. XIV. С. 18–21, илл.
- 1959** Новые материалы для биографии И. А. Неведомского // Тр. Гос. Эрмитажа. Т. 3. С. 188–210, илл.
- Неизданная медаль Мартина Хольцхея с армянскими надписями // Сообщ. Гос. Эрмитажа. Вып. XVI. С. 59–61, илл.
- Подарок из Голландии // Там же. С. 61, илл.
- 1960** Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654–1663 гг. // Археограф. ежегодник за 1959 год. М. С. 103–156, 5 вкл.
- Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. 2-е изд. М., 124 с., илл.

- Талеры в русском денежном обращении 1654–1659 годов. Сводный каталог ефимков. Л., 72 с., 14 вкл.
- Советская нумизматика. Библиографический указатель 1917–1958 гг. // Нумизматика и эпиграфика. М. Т. II. С. 155–209 (совместно с В. Л. Яниным).
- Отдел нумизматики Эрмитажа // Сообщ. Гос. Эрмитажа. Вып. XVIII. С. 3–9, илл.
- 1961** «Золотые» – воинские награды в допетровской Руси // Тр. Гос. Эрмитажа. Т. IV. С. 92–134, илл.
- Насущные вопросы изучения русских монет X–XI веков // Сообщ. Гос. Эрмитажа. Вып. XXI. С. 51–54, илл.
- Денежное хозяйство Русского государства в XVI и XVII вв. Л., 32 с. – Обобщающий доклад, представленный в качестве дис. докт. ист. наук.
- Ордена Шамяля // Тезисы докл. научн. сессии, посвящ. итогам работы Гос. Эрмитажа за 1960 год. Л. С. 13–14.
- 1962** Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. 3-е изд., доп. Л., 224 с., илл., 1 вкл.
- Советская нумизматика. Библиографический указатель 1959–1960 гг. Дополнения к указателю за 1917–1958 гг. // Нумизматика и эпиграфика. М. Т. III. С. 288–304 (совместно с В. Л. Яниным).
- 1963** Иностранные и русские ордена до 1917 года. Л., 196 с., илл., 22 вкл. Антонио Пизанелло. Две медали // Эрмитаж. Л. С. 188–196, илл. The Jefimoks // The Numismatist. November. P. 1491–1493, ill.
- 1964** По следам одной редкой монеты. Л., 1965. 104 с., илл.
- Тайны заколдованных мест // Известия, 21 января.
- Необычный нумизматический памятник // Нумизматика и сфрагистика. Киев. Т. 2. С. 135–161, илл.
- 1966** Saga of Konstantine Ruble // World Coin. Sidney. Vol. 3. January. P. 68–77.
- Дар академика Б. Е. Быховского // Сообщ. Гос. Эрмитажа. Вып. XXVII. С. 114.
- Будьте внимательны, нумизматы! // Сов. коллекционер. М. № 4. С. 81–82, илл.
- 1967** Нумизматика // Настольный календарь 1968 г. М. С. 102.
- The Russian Monetary System. A historico-numismatic survey / Transl. from the Russian revised and enlarged edition. J. Shulman N. V. Amsterdam. 253 p., ill.
- 1968** Sulle trace di una moneta rara. Tradizione dal russe // Italia numismatica. a. XIX. N 2, 3, 4, 5 & 9.
- Несколько замечаний по поводу русской монетной чеканки 1914–1917 гг. // Нумизматика и сфрагистика. Киев. Т. 3. С. 138–150, илл.

- Дукачи (тезисы) // Советское славяноведение: Мат-лы IV конф. историков-славистов. Минск. С. 631–638.
- 1969** Нумизматические исследования: Россия, Украина, Белоруссия. 1917–1967. // Вспом. ист. дисциплины. Т. II. С. 91–115.
Польский жетон с тайнописью 1842 г. // *Łódzki numismatyk*. Łódź.
- 1970** Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. 4-е изд., доп. Л. 256 с., илл., вкл.
Дукати і дукачи України. Историко-нумизматичне дослідження. Київ. 168 с., илл., вкл.²
Черниговские школьные медали 1790-х гг. // Сообщ. Гос. Эрмитажа. Вып. XXXI. С. 66–68, илл.
Завещание Е. А. Пахомова // Там же. С. 92 (совместно с А. А. Быковым).
Б. С. Якоби и Ф. П. Толстой (Из истории гальванопластики) // Тр. Гос. Эрмитажа. Т. XI. Отдел истории русской культуры. Л. С. 77–98, илл.
Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета Отдела нумизматики // Нумизматика и эпиграфика. М. Т. VIII. С. 123–234, илл.
- 1971** Нумизматика в Эрмитаже. Обзор коллекций // Нумизматика и эпиграфика. М. Т. IX. С. 17–181, илл. (раздел «Русские монеты»).
Отдел нумизматики. Новые поступления (1962–1967) // Сообщ. Гос. Эрмитажа. Вып. XXXII. С. 88–90.
Сестрорецкие рубли 1770–1771 гг. // Тр. Гос. Эрмитажа. Т. XII. С. 158–177, илл.
Каталог ефимков 1655 г. // Нумизматика и сфрагистика. Киев. Т. 4. С. 96–166. илл.
Редкие русские монеты. Набор открыток. Л. 16 открыток. Рец. на кн.: Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. М., 1970. Т. 1–2 // Вопр. истории. № 12. С. 136–140 (совместно с М. П. Сотниковой).
- 1972** Чеканка копеек шведами в Новгороде в 1611–1617 гг. // Вспом. ист. дисциплины. Т. IV. С. 160–173.
Новые документы о Новгородском денежном дворе в 1611–1617 гг. // Тез. докл., посвящ. итогам полевых археологических исследований 1971 г. М.
[Раздел о монетах СССР] // В листовке: 50-летие СССР. Выставка из фондов Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа. Л.

² Реферат университетской дипломной работы И. Г. Спасского на данную тему был опубликован Н. П. Баером (*Bauer N. Ukrainischer Frauenschmuck und die deutsche Medaille. Besprechung der Doktordissertation von Ivan Spasskij – Leningrad // Mitteil. für Münzsammler. Franckfurt a. M. № 70. Oktober 1929. S. 358–359.*)

- Новые материалы о Новгородском денежном дворе в 1614–1617 гг. // Новое в археологии. М. С. 294–301.
- Numismatic Research in Russia, the Ukraine and Bielorrussia in the period 1917–1957 // Numismatic Chronicle. 2-th ser. Vol. XII. P. 247–273.
- 1973** Второе рождение коллекции // Сообщ. Гос. Эрмитажа. Вып. XXXVI. С. 89–91, илл. Медали и монеты Петровского времени. Набор открыток двойного формата. Л. 16 открыток (совместно с Е. С. Шукиной).
- USSR // A Survey of Numismatics research 1966–1971. III. Modern Numismatics including medals. N. Y. (with M. Severova).
- Staroruska moneta z kolekcji Kasimiera Stronzińskiego w zbiorze Ermitazu // Łódzski numizmatyk. Łódź. Numer specjalny. S. 10–12.
- 1974** Медали и монеты Петровского времени. Альбом-каталог с вступит. ст. Л., 39 с., 84 с. илл. (совместно с Е. С. Шукиной).
- Пуло смоленское // Сообщ. Гос. Эрмитажа. Вып. XXXIX. С. 59–63, илл.
- Новые данные о златниках Владимира Святославича // Вспом. ист. дисциплины. Т. VI. С. 251–260, илл.
- 1975** Накануне тысячелетия монетной чеканки древней Руси // Нумизматика и сфрагистика. Киев. Т. 5. С. 31–49, илл.
- Черниговские школьные медали XVIII века // Там же. 1976. С. 66–72, илл.
- К прижизненной иконографии Ивана Грозного // Сообщ. Гос. Эрмитажа. Вып. XLI. С. 49–53, илл.
- Три змеевика с Украины // Средневековая Русь. М. С. 358–361, илл.
- 1977** Деньги // Очерки русской культуры XVI в. М. Т. 1. С. 225–251, илл.
- Новоделы // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л. С. 105–125, илл.
- Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III // Вспом. ист. дисциплины. Т. VIII. С. 110–131, илл.
- Петербургский Монетный двор в 1724–1727 годах: (к 250-летию Ленинградского монетного двора) // Сообщ. Гос. Эрмитажа. Вып. XLII. С. 58–60.
- Новые поступления в Отдел нумизматики // Там же. С. 65–68.
- Московский «корабельник» XV века // Там же. С. 68–69, илл.
- На заре русской нумизматики // Культура и искусство Петровского времени. Л. С. 54–69.
- 1978** Золотой с парсуной Бориса Годунова // Сообщ. Гос. Эрмитажа. Вып. XLIII. С. 55–57, илл.
- Коллекция денежных знаков В. К. Антипина // Там же. Вып. XLIV. С. 73, илл.

Рукописное наследие древней Руси в нумизматике начала XVIII века и нумизматические контакты В. Н. Татищева // *Вспом. ист. дисциплины*. Т. IX. С. 22–46.

Когда и для чего чеканились впервые голландские дукаты в Петербурге? // Там же. Т. X. С. 22–38, илл.

Древнерусские монеты из Белой Вежи и ее вид на медали XVIII в. // *Пробл. археологии*. Л. Т. 2. С. 183–187, илл.

- 1979** Угольные печатки собрания Эрмитажа // *Сибирская археография и источниковедение*. Новосибирск. С. 118–145, илл.

Русские клады слитков и монет в Эрмитаже // *Русская нумизматика XI–XX веков*. Л. С. 48–94, илл. (совместно с М. П. Сотниковой).

Деньги и денежное хозяйство // *Очерки русской культуры XVII века*. М. Т. 1. С. 145–164, илл.

Gold coins and coin-like gold in the Muscovite State and the first gold pieces of Ivan III // *Numismatic Chronicle*. 7th ser. Vol. XIX. P. 165–184.

- 1980** Dział Numismatyki w Ermitażu // *Biul. Numismatyczny*. № 8. S. 142–146; № 9. S. 167–169.

- 1981** Московская математическая рукописная книга середины XVII в. и ее первый владелец // *Археограф. ежегодник за 1979 год*. М. С. 56–74, илл.

Cernigovské Skolní medaile devadesátých let 18. Století // *Sbératelské zprávy*. 36. Hradec Kralové. S. 161–163.

- 1982** Несколько пополнений русских коллекций Отдела нумизматики // *Сообщ. Гос. Эрмитажа*. Вып. XLVII. С. 88–89.

«Византийский» золотой царя Алексея Михайловича // *Византийский временник*. Т. 43. С. 191–200, илл.

When and why were Dutch ducats first struck at St. Petersburg? // *J. of the Russian Numismatic Society*. № 8. Alexandria. P. 12–24, ill.

Russian Coins of the X–XI centuries A. D. Recent research and a Corpus in commemoration of the earliest Russian coinage / Transl. from the Russian by H. Barlet Wells // *BAR*. № 136. Oxford, 297 p., 27 tb. (with M. Sotnikova).

Золото Владимира Святославича // *Экономика, политика и культура в свете нумизматики*. Л. С. 5–47, илл.

- 1983** Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI вв. Л., 240 с., илл. (совместно с М. П. Сотниковой).

The minting of kopeks by the Swedish authorities in Novgorod during the period 1611–1617 // *Journal of the Russian Numismatic Society*. № 3. Alexandria (USA). P. 3–16 (transl. by V. V. Zakharov).

- 1984** О золотых царя Василия Ивановича Шуйского // *Сообщ. Гос. Эрмитажа*. Вып. XLIX. С. 64–67, илл.

- Das russische Münzsystem. Ein historischnumismatischer Abriß // Transpress VEB Verlag für Verkehrswesen. Berlin, 248 s., ill.
- A portrait «zolotoi» of Boris Godunov // Journal of the Russian Numismatic Society. № 15. Alexandria (USA). P. 30–32, ill.
- 1986** Петербургские новоделы московских золотых XVII века // СГЭ. Вып. LI. С. 59–63.
- Первое трехлетие Петербургского монетного двора (1724–1727) // ТГЭ. Т. XXVI. Нумизматика. 6. С. 35–45, илл.
- Russian Imperial Awards to the Army of Bogdan Khmel'nitskii // Journal of the Russian Numismatic Society. № 23. Alexandria (USA). P. 19–23, 2 pl. fig. (transl. by J. B. Plumb).
- 1987** Исследование в Эрмитаже ефимков с русской надчеканкой 1655 г. // Нумизматика в Эрмитаже: Сб. науч. трудов. Л. С. 83–90.
- Финансы. Денежное обращение // Очерки русской культуры XVIII века. М. Ч. 2. С. 109–151, илл. (совместно с А. И. Юхтом).
- 1988** Русские ефимки. Исследование и каталог. Новосибирск. 209 с., 120 с., илл.
- Gregory Ivanovich Lisenko // Journal of the Russian Numismatic Society. № 32. Alexandria (USA). P. 3–7, ill.
- 1989** К истории создания Корпуса русских монет XVIII и XIX вв. // ВИД. Т. XX. С. 28–49., илл.
- Первопроходцы научной систематизации допетровских монет XIV–XVI вв. (Я. В. Брюс и П. В. Меллер) // История и культура древнерусского города. М. С. 227–234.
- 1991** Новое о рубле Константина 1825 г. и его подделках // Константиновский рубль. Новые материалы и исследования. М. С. 227–266, илл.
- The Petersburg mint's debut // Journal of the Russian Numismatic Society. № 43. Alexandria (USA). P. 18–21, ill.
- 1992** Mordovkas // Journal of the Russian Numismatic Society. № 47. Alexandria (USA). P. 24–44, ill.
- 1993** Иностранные и русские ордена до 1917 года. 2-е изд. СПб. 195 с., илл.
- 1999** Новое о рубле Константина 1825 г. и его подделках / Подг. В. Калинин, Е. В. Лепехина, М. Б. Маршак, Г. Б. Шагурина // Старая газета «Миниатюра». Вып. 1 (41). Нумизматическое приложение «Старая монета». Вып. 11. С. 2–8, илл.

Оглавление

<i>От автора</i>	5
Денежно-весовые системы домонгольской Руси	
<i>Предисловие</i>	9
Глава I. История вопроса, источники и методы исследования	13
Глава II. Денежная терминология и денежный счет домонгольской Руси	44
Глава III. Некоторые общие вопросы монетного обращения домонгольской Руси	68
Принципы датирования монетных кладов	70
Роль иноземной монеты в русском денежном обращении	83
Глава IV. Русская денежно-весовая система IX и X веков.	93
Начало проникновения дирхема в Восточную Европу	93
Монетное обращение на территории Восточной Европы в конце VIII – первой трети IX в.	100
Монетное обращение на территории Восточной Европы с 833 г. до начала X в.	116
Монетное обращение на территории Восточной Европы в 900–938 гг.	136
Обращение дирхема на территории Восточной Европы с 939 г. до конца X в.	146
Глава V. Русские денежно-весовые системы второй половины X – первой половины XIII в.	160
Северная система денежно-весовых единиц в XI – первой половине XIII в.	171

Южная система денежно-весовых единиц в конце X — первой половине XIII в.	182
Весовые гирьки Древней Руси	193
«Отказ» русского денежного обращения от монеты	204
Глава VI. Вопрос о происхождении основных русских денежно-весовых единиц	214
<i>Заключение</i>	229
<i>Список сокращений</i>	231
 Очерки истории денежной системы средневекового Новгорода	
Монетные клады Новгородского музея	235
Древнерусские гривны — экзагии.	
К вопросу о происхождении русского фунта	254
Новгородский клад западноевропейских и византийских монет конца X — первой половины XI в.	262
О метрологических закономерностях в развитии русских монетных норм XIV—XVII веков	274
Новгород и Венеция (об изображении на Новгородских монетах)	288
К истории формирования новгородской денежной системы XV в.	297
Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в.	308
«Память, как торговали доселе новгородцы» (к вопросу об эволюции новгородской денежной системы в XV в.)	343
Новгородский клад ливонских монет XV в.	365
Новые материалы о Новгородском денежном дворе при Михаиле Федоровиче	370
Из истории Новгородского денежного двора XVII в.	392
Иван Георгиевич Спасский и советская нумизматика	404

Валентин Лаврентьевич Янин

**ДЕНЕЖНО-ВЕСОВЫЕ СИСТЕМЫ
ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ
И ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ
СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА**

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева
Художник Е. Капустянский
Корректор А. Полякова
Оператор Е. Зуева
Художник-консультант Л. Панфилова

Подписано в печать 21.11.2008. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Baskerville.
Уч.-изд. л. 50. Тираж 1500 экз. Заказ № 1377

Издательство «Языки славянских культур».
№ госрегистрации 1037789030641
Тел.: 607-86-93. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО ордена «Знак Почета» «Смоленская областная
типография им. В. И. Смирнова».
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: 8 (499) 255-77-57, тел.: 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Zubovskiy проезд, 2, стр. 1
(Метро «Парк Культуры»)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru



Валентин Лаврентьевич Янин — историк и археолог, действительный член РАН, зав. кафедрой археологии истфака МГУ им. М. В. Ломоносова, почетный гражданин Великого Новгорода.

Родился 6 февраля 1929 г. в городе Кирове (Вятка). В 1951 г. с отличием окончил исторический факультет МГУ. В 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию «Денежно-весовые системы домонгольской Руси», в 1963 г. за книгу «Новгородские посадники» ему была присуждена ученая степень доктора исторических наук. В 1966 г. был избран чл.-корр. АН СССР, а в 1990 г. — действительным членом РАН.

Область научных интересов — история, археология, источниковедение средневекового Новгорода, берестяные грамоты, нумизматика, сфрагистика, генеалогия, метрология, эпиграфика, историческая топография, топонимика, монументальное и прикладное искусство, библиография, музыковедение.

В. Л. Янин — автор более 700 научных и научно-популярных книг и статей. Научно-популярная книга «Я послал тебе бересту» переведена на венгерский, японский и чешский языки. Имя В. Л. Янина и его труды пользуются большим авторитетом и признанием среди медиевистов многих стран мира.

Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, Золотой медалью им. С. М. Соловьева, Большой золотой медалью им. М. В. Ломоносова. Лауреат премий: Ломоносовской, Государственной, Ленинской, Демидовской.

ISBN 978-5-9551-0172-9



9 785955 101729 >